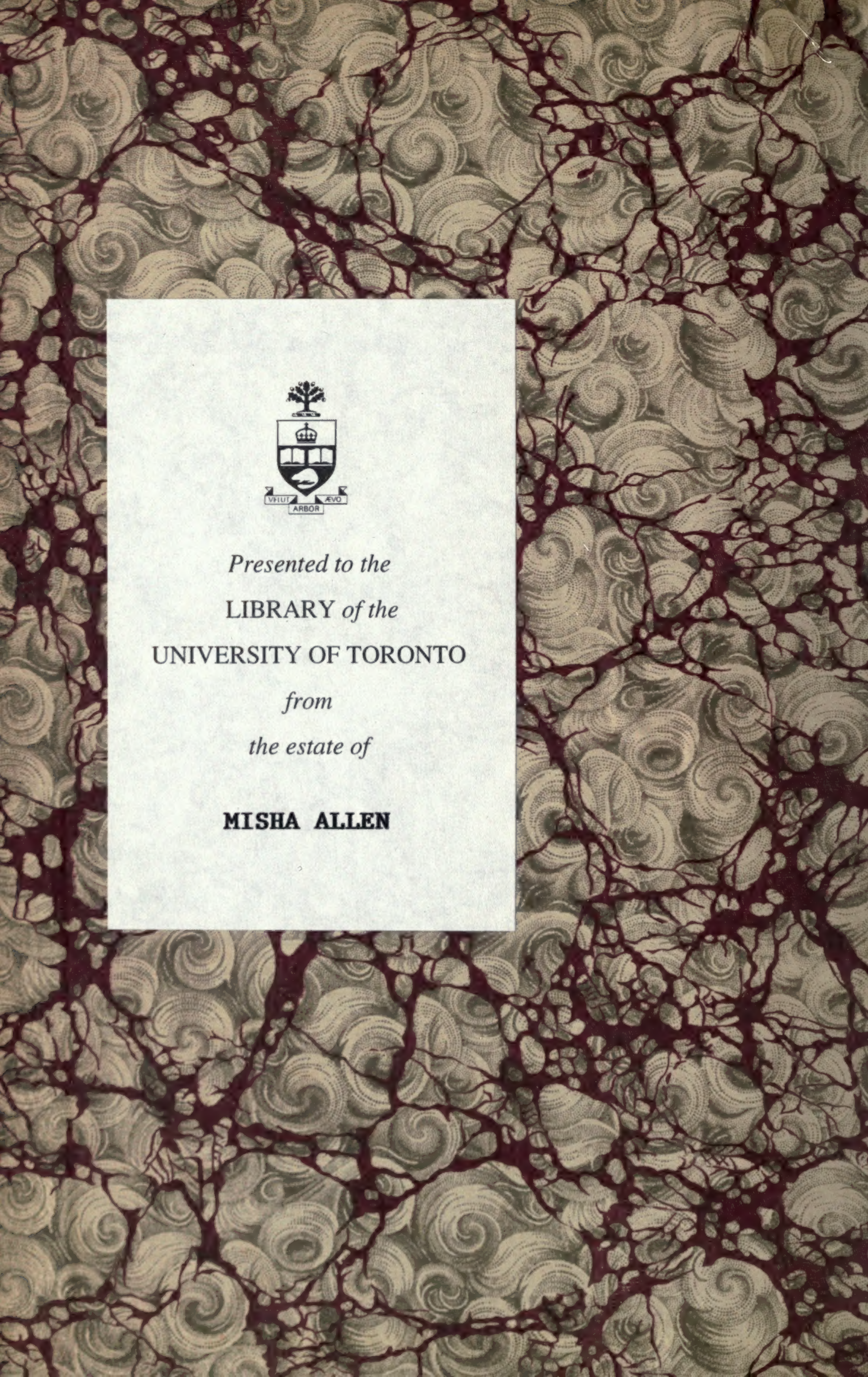

3 1761 06253123 1

VELUT
ARBOR
ÆVO
Presented to the
LIBRARY of the
UNIVERSITY OF TORONTO
from
the estate of
MISHA ALLEN

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій. 92).

Евгеній Чириковъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

РАЗСКАЗЫ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Монтвида. Конная ул., д. № 3—5.
1903.

Оглавленіе

РАННІЕ ВСХОДЫ.

Посвящаю Вамъ.

I.

Весна идетъ!..

Солнышко грѣетъ, припекаетъ... По улицамъ стремительно катятся шумные ручейки и потоки. Съ домовъ и карнизовъ валятся и разбиваются вдребезги ледяныя сосульки... Небо чистое, прозрачное, голубое, и маленькія облачка плывутъ въ немъ, какъ бѣлые лебеди, куда-то мимо... Вездѣ хорошо, привѣтливо и радостно: и на небѣ, и на землѣ... Люди добрые, веселые, радостные: всѣ чего-то ждутъ и на что-то надѣются, словно съ приходомъ этой новой весны они будутъ и жить по новому, жить не такъ, какъ жили и живутъ до сихъ поръ...

За высокимъ, утыканнымъ гвоздями заборомъ гимназическаго сада воробьи подняли такое чириканье, такой гвалтъ и содомъ, что дремлющему на припекѣ солнечныхъ лучей старому усатому будочнику, что стоитъ на углу, недалеко отъ сада, грезится какой-то скандалъ, и сердце тревожится смутно сознаваемой потребностью вмѣшаться въ это „безобразіе"...

На обсохшихъ отъ грязи проталинахъ и на крышахъ воркуютъ голуби: нахохлившись и распустивъ крылья, увиваются вокругъ и около своихъ голубокъ и, вѣрно,

напѣваютъ имъ прекрасные романсы о любви и счастіи... Галки, собравшись толпою на угрюмыхъ башняхъ тюремнаго замка, галдятъ, словно бранятся.

Всѣ рады!.. Даже и вонъ тотъ серьезный старый песъ, что лежитъ на площадкѣ параднаго крыльца, видимо, очень доволенъ: онъ сперва почесалъ задней ногой за ухомъ, потомъ лѣниво потянулся, легъ на спину и устремилъ свой взоръ въ глубокую небесную синеву, застывъ въ позѣ блаженнаго созерцателя...

Но, безъ сомнѣнія, всѣхъ больше довольны и рады классики, реалисты и гимназистки: сегодня у нихъ былъ послѣдній день занятій. Уроки прошли какъ-то вяло, безпорядочно. Мальчуганы были непосѣдливы, не могли „внимать" и не были расположены бояться... Да и сами преподаватели больше разговаривали, чѣмъ поучали, и лишь для видимости сердито покрикивали „тише!", когда школьники, чуя близкій отпускъ, входили въ такую ажитацію, что классъ напоминалъ тѣхъ самыхъ воробьевъ, которые тревожили сердце дремавшаго на солнышкѣ городового... Какъ ни какъ, а всѣ четыре урока, назначенныхъ по росписанію, прошли, и, наконецъ, распустили... Въ души школьниковъ повѣяло волей, просторомъ, свободой, и теперь, расходясь по домамъ, они радостно и весело стучали ногами по панели, двигаясь по разнымъ направленіямъ шумливыми и драчливыми стайками. Двѣ недѣли отдыха казались ребятамъ столь продолжительнымъ временемъ, что понедѣльникъ Ѳоминой недѣли рисовался въ далекомъ туманѣ... До этого понедѣльника можно успѣть передѣлать массу всякихъ дѣлъ, пережить много всякихъ радостей и горестей.

II.

Отдѣлившись отъ шумной компаніи, по панели торопливо шли два второклассника, Петровъ и Павловъ, и разговаривали между собою:

— Опоздали! Маріинокъ отпускаютъ вѣдь раньше!..

— Ничего... Онѣ какъ идутъ-то? Бабы! Мы съ тобой въ пять минутъ, а онѣ въ двадцать пять, — отвѣтилъ Петровъ и замѣтилъ товарищу: — отвороти брюки-то!.. Засучилъ, словно приготовишка.

Петрова компрометировали эти „завороченныя брюки“.

Павловъ пріостановился, наклонился и „отворотилъ“. „Не забыть бы опять завернуть, какъ къ дому приду, а то мамаша опять бранить станетъ“,—подумалъ онъ и побѣжалъ вдогонку за быстроходнымъ Петровымъ, который на всѣхъ парахъ летѣлъ по направленію къ женской гимназіи.

— Только бы узнать, гдѣ она живетъ! Кажется, на Никольской улицѣ. Я вчера слѣдилъ, да упустилъ: зашла за уголъ, а я прямо продралъ... опростоволосился... — быстро на ходу бросаетъ слова Петровъ.

— А фамилію не узналъ?

— Нѣтъ. Зовутъ слышалъ какъ: Леля. Да узнаю и фамилію, только бы того... Имя хорошее. Значитъ — Елена...

— А, можетъ быть, и не Елена? Вотъ у нашей „курносой балалайки“ сестренку тоже Лелей зовутъ, а она — не Елена, а какъ-то по другому.

Гимназисты завернули влѣво и стали подниматься по проулку въ гору. Здѣсь они убавили шагу, такъ какъ навстрѣчу уже стали попадаться гимназистки разныхъ возрастовъ, начиная отъ сформировавшихся дѣвушекъ, шедшихъ молча и величаво, до крошечныхъ дѣвчурокъ съ треплющимися локонами, звонко щебечущихъ своими серебристыми голосами.

— Гм... Она! — произнесъ Петровъ, подтолкнувъ локтемъ въ бокъ Павлова.

— Гдѣ?

— Вотъ! Слѣпой... Съ реалистомъ идетъ...

— Да, да...

— Eamus на другую сторону!

Навстрѣчу, по другой сторонѣ проулка, шла миленькая гимназисточка, подростокъ лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, съ русой золотистой косой, съ румяными щечками и веселыми, умными, бойкими глазенками. Она оживленно болтала съ кавалеромъ-реалистомъ и весело поматывала книжками въ ремняхъ въ тактъ замедленному шагу. Съ книжками лежалъ жестяной пеналъ, и онъ побрякивалъ очень бойко и звонко.

Это и была *она*.

Петровъ былъ нѣсколько озадаченъ: „значитъ, у нея уже есть“, — подумалъ онъ, и ему стало досадно и грустно.

— Ну, иди скорѣе! опять съ тобой упустишь!—недовольно замѣтилъ онъ Павлову, спущенныя брюки котораго попадали подъ пятки и замедляли передвиженіе. Товарищи пошли слѣдомъ за Лелей. Петровъ очень внимательно разглядывалъ косу, голубую ленточку въ ней и оборку коричневаго платьица. У Лели новыя калоши, и слѣдъ ясно печатается на сырой панели. Петровъ норовитъ попадать своими ногами въ этотъ слѣдъ: это ему очень пріятно. Павловъ — тюря, и недаромъ Петровъ раза три уже обругалъ его „кислымъ молокомъ“: не умѣетъ онъ поддержать разговоръ, чтобы обратить вниманіе Лели, или начнетъ говорить тогда, когда надо молчать и слушать. Реалистъ давно уже почуялъ „преслѣдованіе“. Онъ нѣсколько разъ обертывался уже назадъ и сердито сверкалъ глазами. Но Петровъ не смущался: онъ былъ достаточно храбръ, хотя и не силенъ...

— Яичница съ лукомъ!—какъ бы про себя бурчитъ Петровъ въ отвѣтъ на сердитые взгляды реалиста.

Реалистъ не отвѣчаетъ, но на лицѣ его ясно сквозитъ затаенная мысль: „Постой! дай только проводить,—я тебѣ всыплю“, въ то время, какъ языкъ его продолжалъ занимать даму разговоромъ.

— У насъ вскорѣ послѣ Пасхи—экзамены, и 15 мая конецъ всему! Распустятъ!

— Счастливчики! А у насъ только 10 мая начнутся... Да, Алевтина Николаевна, прощайте! — грустно говорилъ реалистъ.

— Слышишь? Алевтина Николаевна,—шепчетъ, подталкивая товарища, Петровъ.

Вѣроятно, Леля услыхала голосъ, назвавшій позади ея имя: она обернулась, и на ея миломъ личикѣ скользнула довольная улыбка.

Леля очень самолюбива и тщеславна... Очевидно, идущіе позади гимназисты ею заинтересованы, а это такъ льститъ самолюбію!

Леля граціозно мотнула головкой, какъ бы небрежно откидывая свою косу, и заговорила съ реалистомъ нѣсколько приподнятымъ тономъ, какъ говорятъ, когда знаютъ, что есть другіе слушатели, кромѣ собесѣдника, и когда желаютъ, чтобы и эти „другіе" тоже слышали:

— А у гимназистовъ, кажется, позже всѣхъ экзамены? Бѣдненькіе! — произноситъ Леля самымъ пѣвучимъ голоскомъ.

Петровъ счелъ необходимымъ кашлянуть и крякнуть. Реалистъ молчалъ; только лицо его сдѣлалось еще болѣе недовольнымъ.

Павловъ испачкалъ въ грязи концы своихъ новыхъ брюкъ, и это его сильно безпокоило; онъ подумывалъ уже, „не заворотить ли" ихъ опять, но почему-то не рѣшался...

Такъ они дошли до Никольской улицы, гдѣ вчера Петровъ упустилъ Лелю. Леля съ реалистомъ свернула влѣво. Гимназисты—тоже. Прошли три-четыре дома,— и не только мѣстожительство Лели обнаружилось, но была открыта,—по визитной карточкѣ на двери, куда вошла Леля,—и ея фамилія—„Троицкая".

— А можетъ быть, она на хлѣбахъ, и это не ея папаша?—усомнился, было, Павловъ.

— Дуракъ! видишь — „Николай“? А ее величаютъ Николаевной. Значитъ—отецъ...

И такимъ образомъ Петровъ добился узнать, какъ ее зовутъ, какъ ея фамилія, гдѣ она живетъ... Но этого ему было мало,—онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, познакомиться. „Ужъ я добьюсь!“—говоритъ Петровъ.— „Она, навѣрно, будетъ говѣть у Покрова“...

А реалистъ прошелъ уже шаговъ десять впередъ и нѣтъ-нѣтъ да и оглянется.

— Яичница съ лукомъ!—крикнулъ Петровъ въ одинъ изъ такихъ моментовъ.

— Молчи, синяя говядина по грошу за пудъ и собаки не жрутъ!..—отчеканивая каждое слово, отвѣтилъ реалистъ.

Петровъ предложилъ было Павлову „вздуть“ реалиста, но Павловъ струсилъ. И всѣ „провожатели“ мирно разошлись въ разныя стороны.

III.

Стояла страстная седмица. Весна шла быстро. Солнце свѣтило все ярче, и небеса дѣлались все глубже и прозрачнѣе. Снѣгъ совершенно стаялъ. Кое-гдѣ уже выставляли зимнія рамы.

Люди готовились къ встрѣчѣ великаго праздника.

По утрамъ и по вечерамъ раздавался протяжный благовѣстъ къ „часамъ“ и „вечернѣ“. По улицамъ медленно тянулись вереницы говѣльщиковъ, медленно шагающихъ по направленію къ приходскимъ церквамъ.

Петровъ и Павловъ тоже говѣли, какъ и слѣдуетъ.

Они мыкались по церквамъ, какъ угорѣлые... Полетятъ къ Покрову, протолкаются впередъ, встанутъ, торопливо перекрестятся и съ одышкой, словно сейчасъ только бѣгали взапуски, начинаютъ вопросительно обводить взорами молящихся, видимо, кого-то отыскивая... Постоятъ минутъ десять, Петровъ толкнетъ Павлова

локтемъ,—и говѣльщики лѣзутъ вонъ изъ церкви. Выбравшись на паперть, они мигомъ накрываютъ головы фуражками и стремительно летятъ къ Петру и Павлу. И тамъ повторяется та же исторія. Благоговѣйно настроенные старики и старухи сердятся:

— Вотъ, прости Господи, угомону нѣтъ! взадъ-впередъ! взадъ-впередъ!..

Но гимназисты не смущаются, — лѣзутъ себѣ, куда имъ надо.

Эти поиски продолжались очень долго. Петровъ уже отчаявался, какъ вдругъ судьба улыбнулась.

— Зайдемъ, что ли, еще въ Семинарскую!—сказалъ Петровъ уже совершенно печально, когда они тщетно путешествовали со свѣчами въ рукахъ изъ церкви въ церковь во время чтенія „Двѣнадцати Евангелій“.

Они вошли въ Семинарскую домовую церковь.

Петровъ повелъ взоромъ: сердце его вздрогнуло и застучало, — онъ увидѣлъ золотистую косу съ голубой ленточкой.

— Здѣсь! — переводя духъ, шепнулъ онъ Павлову.

Павловъ вытянулъ шею, но по близорукости не находилъ. Однако, не желая выказать себя ротозѣемъ, Павловъ шепнулъ въ отвѣтъ:

— Вижу!..

Петровъ протискался впередъ и сталъ недалеко отъ Лели, сбоку. Леля словно почувствовала устремленный на нее пристальный взглядъ и, полуобернувшись и встрѣтя знакомое лицо гимназиста, чуть-чуть улыбнулась и опять стала неподвижна, какъ статуя...

Теперь Петровъ уже никого не возмущалъ и никому не мѣшалъ. Онъ смирненько стоялъ на мѣстѣ и усердно молился, нѣсколько скашивая глаза въ правую сторону на Лелю...

Храмъ былъ биткомъ набитъ молящимися. Слышалось чтеніе евангелій, рѣдкіе удары колокола на колокольнѣ и глубокіе вздохи старушекъ вблизи! Потомъ

неслись стройные, торжественные звуки хора, замиравшіе въ вышинѣ, подъ потонувшими въ таинственномъ полумракѣ сводами храма. Блистали огоньками сотни восковыхъ свѣчъ, и, когда кончалось „евангеліе“, огоньки эти мигали, гасли, и къ запаху ладона примѣшивался запахъ дыма и копоти отъ тлѣющихъ фитилей.

У Петрова была свѣчка, но она была тонкая, стоила всего пятачокъ, и при томъ Петровъ половину ея уже успѣлъ сжевать отъ скуки и волненія во время „поисковъ“. Петровъ купилъ себѣ новую свѣчку, потолще, въ десять копеекъ, „съ золотомъ“. Когда приближалось чтеніе евангелія, онъ первый зажигалъ свою свѣчу съ золотомъ и приближался къ Лелѣ. Онъ даже нѣсколько нагибалъ свою свѣчу въ ея сторону, и, какъ только Леля выказывала своимъ движеніемъ намѣреніе зажечь свой огарокъ, Петровъ подсовывалъ ей огонекъ.

— Мерси! — чуть слышно шептали Лелины губки. Она слегка улыбалась, зажигала свою свѣчу отъ блиставшей золотомъ свѣчи Петрова и опять дѣлалась неподвижной, серьезной, какъ „большая“...

Но у товарищей было уже напередъ условлено, какъ надо „дѣйствовать“.

Павловъ, стоявшій позади Лели, съ другого бока, тихо, незамѣтно дулъ черезъ плечо на огонекъ свѣчи, и она потухала. Тогда Петровъ быстро подставлялъ свой огонекъ. Потомъ Петровъ умышленно тушилъ свою свѣчу и тянулся, чтобы позаимствоваться огонькомъ у Лели, при чемъ называлъ уже ее Алевтиной Николаевной, что̀ для той было столь же неожиданно, сколь и пріятно.

Когда настало время „прикладываться“, Петровъ пошелъ слѣдомъ за Лелей, не отставая отъ нея ни на шагъ. Немного толкались, но это было ничего, даже веселѣе. Мямля-Павловъ отсталъ, былъ оттертъ толпою

и пропалъ безслѣдно... Не таковъ былъ Петровъ: онъ-таки „приложился“ сейчасъ же за Лелей, къ тому же самому мѣсту, и пошелъ за нею обратно. Навстрѣчу проталкивался тотъ реалистъ, который смущалъ Петрова, и послѣднiй мимоходомъ ткнулъ его локтемъ какъ бы нечаянно... Но и реалистъ затерялся въ толпѣ. Леля шла къ выходу. Петровъ не отставалъ. Леля, видимо, кого-то поджидала.

— Намъ, вѣдь, Алевтина Николаевна, по пути... Я черезъ Никольскую хожу, все равно, пойдемте вмѣстѣ,—прибралъ Петровъ. Леля была рада; она потеряла свою провожатую, горничную Ѳеню, а одна идти боялась: было поздно и темно.

Петровъ пошелъ провожать. Дорогой онъ съ успѣхомъ поддерживалъ разговоръ съ дамой и, между прочимъ, вспомнивъ реалиста, не преминулъ уронить его „шансы“.

— Вѣдь реалистамъ въ университетъ нельзя... Ихъ не принимаютъ туда...

— Нѣтъ, если выдержать какой-то экзаменъ, такъ можно.

— Гдѣ имъ? Не придется: мелко плаваютъ.

— Но зато они могутъ въ офицеры!

— Въ офицеры? Эка штука! Въ офицеры и мы можемъ, если захотимъ... Не стоитъ только.

— У офицеровъ очень красивая форма...

Петровъ не подыскалъ возраженiя.

— Чего особеннаго!—вскользь замѣтилъ онъ и перевелъ разговоръ ближе къ цѣли. Онъ узналъ, что Леля во второмъ классѣ, что она ходитъ каждый день въ пять часовъ гулять съ папой, и что на Пасхѣ у нихъ на дворѣ будутъ играть въ крокетъ.

IV.

Былъ прекрасный весеннiй день,—второй день Пасхи. Надъ городомъ разносился радостный несмолкаемый

гулъ отъ сотенъ трезвонящихъ колоколовъ. По улицамъ мыкались на извозчикахъ визитеры въ цилиндрахъ, и двигались по панелямъ разряженные „плебеи“, поплевывавшіе шелухою подсолнечныхъ сѣмечекъ.

Природа ликовала вмѣстѣ съ людьми, празднуя свое обновленіе.

Петровъ и Павловъ прохаживались около четвертаго дома на Никольской улицѣ. Со двора этого дома вырывались на улицу веселые дѣтскіе голоса, смѣхъ и крики. Тамъ во что-то звонко стукали, перекликались и спорили. Конечно, тамъ играли въ крокетъ. Петровъ это сразу понялъ и сообщилъ Павлову. Обоимъ хотѣлось зайти во дворъ и присоединиться къ играющимъ, но какъ-то не было рѣшимости. Особенно колебался Павловъ.

— Навѣрно, и реалистъ тамъ! Отдуетъ палкой, вотъ тебѣ и крокетъ.

Петровъ прислушивался и узнавалъ звонкій голосокъ Лели. Ему такъ хотѣлось поиграть съ ней въ крокетъ, такъ тянуло на этотъ дворъ. Растворивъ тяжелую калитку, съ цѣпью въ воротахъ, онъ заглянулъ внутрь. Но ничего не видать: справа—стѣна, слѣва—крыльцо, и дворъ загибается за уголъ. Слышались лишь голоса и крики, да стукъ молотковъ о шары.

— Ну, идемъ, что ли?—сказалъ Петровъ, шагнувъ въ калитку и оборачиваясь къ Павлову.

— А реалистъ?

— Ахъ, ты трусъ презрѣнный, — отвѣтилъ съ сердцемъ Петровъ, вытаскивая обратно свою ногу.

Но—чу! Лелинъ голосокъ близко, близко... Слышенъ топотъ ея ножекъ и хохотъ. Шаръ выкатился со двора въ узкій проулокъ, ведущій къ воротамъ. Петровъ моментально всунулъ свою голову въ калитку, подъ цѣпь, и посмотрѣлъ.

— Ахъ! кто тамъ? — испуганно вскрикнула Леля,

увидя просунутую въ калитку голову съ улыбающейся физіономіей.

— Въ крокетъ играете, Алевтина Николаевна? — спросилъ Петровъ, еще болѣе всовываясь въ калитку.

— Ахъ, это вы, Петровъ? Что же вы не идете? Идите. Будемъ играть въ крокетъ.

— Я не одинъ. Тутъ еще есть... мой товарищъ.

— Пусть и онъ идетъ!

Но — увы! — товарища уже не было у воротъ, когда Петровъ обернулся, чтобы позвать его. Павловъ, какъ только услыхалъ выкрикъ: „кто тамъ?“ такъ сейчасъ же представилъ себѣ „реалиста съ палкой“, и далъ тягу.

„Дуракъ и трусъ!“ подумалъ Петровъ и смѣло вошелъ въ калитку.

Запустивъ руку въ карманъ мундира, онъ вытащилъ оттуда спеціально приготовленное имъ для Лели яичко, съ нацарапанной на немъ надписью:

Я на этомъ яичкѣ,
Какъ на красной на страничкѣ,
Про любовь свою пишу
И красоткѣ подношу...
Христосъ воскресе!!
А. Н. Т. отъ меня.

Вытащилъ и, подавая яичко Лелѣ и жадно смотря на нее своими черными глазенками, сказалъ:

— Христосъ воскресе, Леля!

Леля взяла яичко, смутилась, вспыхнула, какъ розанчикъ, потупилась и тихо отвѣтила:

— Но... но я не христосуюсь... съ мужчинами!

— Вотъ бѣда какая! — проговорилъ Петровъ и, моментально подскочивъ къ Лелѣ, обвилъ лѣвой рукой ея талію и сталъ цѣловать ея щечку.

Фуражка съ Петрова спала наземь и была смята ногами. Тщательная прическа „съ проборомъ“ спуталась.

Настойчивый Петровъ, вѣроятно, долго бы не выпустилъ изъ рукъ Лелину талію, если бы не раздался

вдругъ близкій окрикъ появившейся изъ-за угла дѣвочки:

— Ай да Леля! Ай да Леля! — закричала эта дѣвочка, захлопавши въ ладоши.

Петровъ опомнился и выпустилъ Лелю. А изъ-за угла выскочилъ вдругъ реалистъ и дѣйствительно съ палкой...

— Ахъ ты, синяя говядина! Да я тебя,—закричалъ реалистъ, замахалъ палкой и побѣжалъ съ явнымъ намѣреніемъ отдуть Петрова.

Петровъ подхватилъ съ земли свою запыленную фуражку и весьма проворно выскочилъ въ калитку.

„Ладно! все-таки похристосовался!“ думалъ Петровъ, спасаясь отъ преслѣдованія реалиста, и, когда понялъ, что опасность миновала, обернулся къ воротамъ, погрозилъ кулакомъ и прокричалъ:

— А тебѣ, яичница съ лукомъ, мы бока намнемъ! погоди!..

V.

Лѣто Петровъ провелъ въ деревнѣ Ольшанкѣ, у дяди Гриши.

Сильно тосковалъ Петя первое время по пріѣздѣ о Лелѣ. Круглое одиночество чувствовалъ онъ въ большомъ барскомъ домѣ и тоскливо слонялся по комнатамъ, не находя никакихъ развлеченій. Въ прошломъ году здѣсь было весело. Тогда очень веселый былъ дядя Гриша: они съ нимъ были большими друзьями, вмѣстѣ ѣздили въ лѣсъ и въ поле, пускали змѣя, удили рыбу въ пруду... Вообще, тогда дядя Гриша относился къ Петѣ внимательнѣе, чѣмъ теперь. Теперь не то. Дядя Гриша женился на тетѣ Дунѣ и все вертится около своей молодой жены... Дядя, казалось, позабылъ о существованіи на свѣтѣ Петрова... Это обидно, но Петровъ не станетъ „навязываться“: не хочетъ, и не

надо!.. Новая тетя тоже не особенно интересуется Петровымъ, да Петрову и не больно нужно... Идутъ въ лѣсъ подъ руку, а Петѣ ничего не говорятъ... Ужъ когда вышли за ворота и стали спускаться подъ горку, тетя Дуня обернулась и крикнула торчавшему у воротъ Петрову:

— Петя! не хочешь ли съ нами?

— Не хочу,—отвѣтилъ громко Петровъ и тихонько прибавилъ:—давеча не звали, а теперь лѣзутъ...

И остался у воротъ... Потомъ пошелъ въ садъ и срѣзалъ себѣ изъ вишни палочку. На корѣ онъ вырѣзалъ двѣ буквы „л“, что означало „люблю Лелю“. Въ бесѣдкѣ Петя изрѣзалъ перочиннымъ ножемъ весь столъ и всѣ подоконники вензелями „Л. Т.“.

Скучно Петѣ... Брякнется онъ на траву, закроетъ глаза и начинаетъ думать о Лелѣ... Русая головка съ вздернутымъ носикомъ встанетъ передъ его мысленнымъ взоромъ, маленькое сердечко запрыгаетъ отъ радости и тоски, и всѣмъ существомъ своимъ Петя устремится въ городъ, гдѣ... гдѣ въ сущности теперь и Лели-то нѣтъ вовсе... „Дядѣ весело, — думаетъ Петя,— потому, что у него есть жена, а у меня нѣтъ жены, и потому мнѣ одному скучно“... Хорошо бы привести сюда Лелю... Они ходили бы съ ней подъ ручку, какъ ходятъ дядя съ тетей, и тоже не брали бы ихъ съ собой гулять.

Первую недѣлю Петя тосковалъ такъ сильно, что наводилъ тоску даже на тетю Дуню.

— Что ты ничѣмъ не займешься?—спрашиваетъ съ досадой тетя.

— Нечѣмъ заниматься...

— Читалъ бы!..

— Все давно прочиталъ...

— Ну, пошелъ бы играть...

— Не съ кѣмъ...

— Пускай змѣя!

— Вѣтру нѣтъ...

— Такъ неужели же никакого дѣла такъ и не можешь себѣ придумать?

— Никакого дѣла здѣсь нѣтъ...

Но прошла недѣля, другая, и Петина тоска стала понемногу утихать. Прошла еще недѣля. Петя нашелъ себѣ столько дѣлъ, что рѣшительно не успѣвалъ уже ихъ передѣлывать. Онъ привыкъ къ новой тетѣ и опять подружился съ дядей Гришей. Впрочемъ, теперь и дядя, и тетя ушли на второй планъ, да, пожалуй, Петя не особенно опечалился бы, если бы ихъ совсѣмъ и не было... У Пети завелись друзья-пріятели изъ крестьянскихъ ребятишекъ, и масса игръ и развлеченій поглотила его съ головой. Съ утра до поздняго вечера Петя носился по деревнѣ, по огороду, по саду. Прибѣгалъ запыхавшись и раскраснѣвшись въ кухню къ Аграфенѣ и наскоро пилъ воду, тыкаясь головой прямо въ ведро.

— Ковшикъ взялъ бы! Разя хорошо прямо мордой лѣзть?.. На̀!..

И Аграфена совала Петѣ ковшъ.

— Какъ ты смѣешь!.. — произносилъ наскоро Петя, вынырнувъ изъ ведра, и быстро исчезалъ за дверью.

Какъ обѣдать, — начинаются поиски: Петрова, какъ говорится, собаками не сыщешь.

— Ба-ри-нъ!.. Петръ Васил-и-чъ!..—оретъ Аграфена съ кухоннаго крыльца. А Никита выйдетъ за ворота на косогоръ и кричитъ оттуда.

Каждый день новыя игры и забавы. Одной изъ такихъ забавъ было сраженіе съ крапивой.

Вдоль плетня по огороду росла высокая, густая крапива. Пыльная, колючая, съ кистями желтыхъ цвѣтовъ, она представлялась большимъ препятствіемъ при прямомъ сообщеніи съ рѣчкой черезъ плетень. Петя считалъ эту крапиву врагомъ и порѣшилъ ее уничтожить. Изъ Прошекъ, Тришекъ, Мишекъ Петя составилъ вои-

ственную армію, вооружилъ ее деревянными саблями и водилъ сражаться съ крапивой.

— Сабли вонъ,—командовалъ Петя.

— Насту-пай!..

И начиналась атака.

Ребята съ какой-то злобою и остервенѣніемъ накидывались на крапиву и изо всѣхъ силъ рубили ее своими саблями. Непріятельскія головы такъ и сыпались, такъ и клонились долу подъ ударами храбрыхъ воиновъ и частенько жгли руки своими колючками. Но это только еще сильнѣе воодушевляло бойцовъ:

— Колоться? Вотъ ты какъ!.. Такъ вотъ тебѣ! вотъ! вотъ!—кричалъ Петя и отчаянно махалъ на обѣ стороны саблей и ногами топталъ непріятеля.

Армія утомлялась. Потъ градомъ катился съ героевъ, мускулы рукъ начинали ныть, а между тѣмъ непріятель стоялъ еще сплошной стѣной вдоль плетня съ гордо поднятою головою,—и Петѣ вдругъ надоѣдало „сражаться“.

— Будетъ! Прошка. Не стоитъ, надоѣло... —лѣниво говорилъ онъ неутомимымъ соратникамъ и валился на траву отдыхать.

VI.

Купанье на „яру“ было такъ же пріятно, какъ и сраженіе съ крапивой.

— Петя, пойдемъ купаться!—кричалъ Прошка, ежедневно въ полдень появлявшійся у рѣшетки палисадника барскаго дома.

— Сейчасъ! Дозавтракаю!..—звонко отвѣчалъ Петя, выставляясь въ открытое окно.

— А ты,—скорѣй!..

Петя быстро кончалъ съ завтракомъ и галопомъ вылеталъ на крыльцо.

— А гдѣ Тришка и Мишка?—освѣдомлялся онъ о своихъ пріятеляхъ, наскоро прожевывая хлѣбъ съ масломъ...

— Ужъ купаются...

И Петя съ Прошкой отправлялись въ огородъ, а оттуда, черезъ плетень, за околицу, къ новому мосту. Здѣсь рѣчка Ольшанка—пошире и поглубже, и почему-то называется „Яромъ", хотя глубина этого яра не больше аршина...

Вотъ къ этому-то „Яру" и бѣгутъ Петя съ Прошкой.

Теперь здѣсь дымъ коромысломъ: крикъ, гамъ, смѣхъ, плачъ и ругань... Парнишки и дѣвчонки бултыхаются въ грязной взбаламученной водѣ и продѣлываютъ всевозможные фокусы: и „березку ставятъ", и „блины ѣдятъ", и въ чехарду играютъ, и съ моста вверхъ тормашками кидаются, плаваютъ и по-бабьи, и по-собачьи, и по-лягушечьи, стараясь перещеголять другъ друга...

Петя съ Прошкой моментально сбрасываютъ одеженку и бултыхаются въ рѣчку. Въ водѣ масса русыхъ головокъ, голыхъ рукъ и ногъ. Трудно разобраться и разсортировать ихъ по принадлежности. Вдоль берега сидятъ измазанные съ ногъ до головы жидкой грязью ребята, — отдыхаютъ. По периламъ моста возсѣдаютъ рядкомъ, какъ птицы, такія же фигурки.

— Прошка! А Прошь! Поставь березку!

Прошка кувыркается, скрывается въ грязной водѣ, и черезъ нѣсколько секундъ оттуда выставляются Прошкины ноги.

Это и есть „березка".

— Ширну-мырну, гдѣ вымырну!

— Огашка! Огашь!

— Чиво?

— Глядь, сколь блиновъ съѣмъ!—кричитъ, выходя изъ себя маленькій карапузъ, съ большой головой.

Карапузъ кидаетъ по водѣ черепокъ. Черепокъ подпрыгиваетъ и оставляетъ на водѣ круги, все шире и шире расползающіеся на поверхности.

— Одинъ, два три... четыре!.. пять!..

— Пять только!.. А вотъ гляди,—я!..

Общество съ каждой минутой разрастается. То и дѣло подходятъ новыя партіи ребятишекъ, торопливо сбрасываютъ рубашенки, бѣгутъ на мостъ и, перекрестившись, бросаются внизъ головой, поднимая при паденіи цѣлый каскадъ грязныхъ брызгъ...

Своимъ примѣромъ новички увлекаютъ выкупавшихся и успѣвшихъ уже обсохнуть ребятъ... Стараясь опередить другъ друга, они тоже сбрасываютъ рубашенки и кидаются въ рѣчку,

Петя совсѣмъ „опростился": онъ такъ сроднился съ этимъ новымъ обществомъ, что чувствовалъ себя теперь равноправнымъ членомъ его. Рябятишки успѣли къ нему привыкнуть и скоро стали называть его Петькой; никакого почтенія къ нему они теперь уже не чувствуютъ и, вообще, обращаются съ нимъ за панибрата. Впрочемъ, такое отношеніе Петѣ кажется теперь совершенно правильнымъ, такъ какъ онъ давно уже отвыкъ раздѣлять мальчишекъ, какъ собакъ, на двѣ категоріи: уличныхъ и комнатныхъ.

День проходитъ быстро, незамѣтно... А каждый новый день приноситъ новое удовольствіе, новое наслажденіе.

Леля совсѣмъ вылетѣла изъ памяти. Петя уже не только не тосковалъ о ней, но даже пересталъ думать... Некогда было: съ утра до поздняго вечера—на улицѣ съ друзьями и пріятелями; домой возвращается утомленный, ложится и спитъ, какъ убитый, безъ просыпа до слѣдующаго утра... А тамъ опять—дѣла...

Незамѣтно пролетѣлъ и вакатъ... Былъ уже августъ въ началѣ. Погода стояла прекрасная, но вечера сдѣлались уже прохладными, и въ саду начали желтѣть листья. Невольно мысль останавливалась на городѣ, на гимназіи, а, главнымъ образомъ, на „вакаціонныхъ работахъ"... Ничего не готово, и нѣтъ никакой охоты браться за книги...

Однажды, за нѣсколько дней до отъѣзда въ городъ, дядя Гриша получилъ вмѣстѣ съ газетами письмо, на конвертѣ котораго было написано старательнымъ дѣтскимъ почеркомъ: „съ передачей ученику III класса Н—ской гимназіи Петру Петрову“. Дядя долго дразнилъ Петю. Поднявъ руку съ письмомъ кверху, дядя не давалъ Петѣ письмо, а Петя прыгалъ около дяди и старался вырвать его. Петя покраснѣлъ, какъ ракъ, и уже готовъ былъ обидѣться и сказать: „не больно нужно“, но тутъ въ дѣло вмѣшалась тетя Дуня и, выхвативъ у мужа письмо, отдала взволнованному адресату.

Убѣжавъ въ садъ, въ бесѣдку, Петя дрожащей рукой разорвалъ конвертъ. Оттуда выглянула голубая почтовая бумага... „Отъ Лели“,—подумалъ Петя и жадно впился глазами въ развернутое письмо.

„Здравствуйте, Петровъ! Какъ вы поживаете, а я, слава Богу, ничего. Ваше яичко я подложила подъ насѣдку, потому что очень хотѣла, чтобы изъ него вышелъ цыпленокъ, а оно оказалось вкрутую, и его съѣлъ противный пѣтухъ. Мы уже пріѣхали въ городъ, и въ понедѣльникъ я пойду въ гимназію. Больше писать нечего, до свиданія, всего вамъ хорошаго.

Алевтина Троицкая“.

Внизу была сдѣлана приписка:

„Пріѣзжайте скорѣе, будемъ играть въ крокетъ“.

Воспоминанія хлынули въ Петину душу и разбудили тамъ прежнее, померкнувшее, было, чувство... Опять Леля встала передъ нимъ, какъ живая, и опять его потянуло въ городъ. Все ему вдругъ здѣсь надоѣло, и все стало казаться такимъ пустымъ и неинтереснымъ.

— Петенька! Пойдемъ съ крапивой сражаться,— предлагаетъ Прошка.

— Вотъ больно нужно,—разсѣянно отвѣчалъ Петя.

Теперь онъ уже не находитъ болѣе удовольствія въ этихъ „сраженіяхъ“ и лелѣетъ въ душѣ одну встрѣчу съ милой Лелей...

VII.

По пріѣздѣ въ городъ Петя прежде всего отправился къ Павлову.

Встрѣча была самая простая, безъ волненій, словно они вчера только видѣлись:

— Сдѣлалъ вакаціонную задачу?—спросилъ Петровъ.

— Сдѣлалъ, только по отвѣту не выходитъ... Вѣрно въ задачникѣ наврано?...

— Все равно... Дай, голубчикъ, содрать!

— Сдирай! Приходи завтра!..

Петѣ хотѣлось поскорѣе узнать о Лелѣ, но что-то мѣшало ему спросить о ней Павлова.

— Въ крокетъ играешь?—спросилъ онъ издалека.

— Вчера играли...

Петя хотѣлъ спросить, гдѣ игралъ Павловъ въ крокетъ и играла ли Леля, но опять спросилъ обходомъ:

— Много народу играло?

— Много... Леля ловко играетъ...

Петя вздрогнулъ и вспыхнулъ.

— Какъ-нибудь надо сразиться,—произнесъ Петровъ, какъ бы мимоходомъ.

— Пойдемъ сейчасъ! — предложилъ Павловъ.— У нихъ, навѣрно, теперь играютъ... Они переѣхали на новую квартиру, и теперь дворъ у нихъ большой... Лужокъ... Теперь только въ крокетъ играютъ рѣдко, а больше—въ ловилышки...

— Что же, въ ловилышки тоже весело...

— А реалиста помнишь?—спросилъ Павловъ.

— Ну?

— Я съ нимъ помирился... Вмѣстѣ теперь играемъ...

— Не стоитъ обращать вниманія...

— У Лели есть двоюродный братъ Кукушкинъ... Онъ къ намъ въ гимназію поступилъ, прямо въ третій... Живутъ на томъ же дворѣ...

Петя слушалъ съ нѣкоторой завистью. Онъ видѣлъ, что Павловъ успѣлъ все узнать и, видимо, хорошо познакомился съ Лелей: Павловъ говоритъ о ней, какъ о товарищѣ...

— Ты, вѣрно, влюбился въ Лелю-то? — высказалъ Петя съ умысломъ: онъ хотѣлъ узнать, какъ отнесется къ такому предположенію Павловъ.

Павловъ обидѣлся:

— Ты самъ втрескался, такъ думаешь,— и всѣ...

Павловъ надулъ губы. Товарищи замолчали. Павловъ, пожалуй, и совсѣмъ разсорился бы съ Петровымъ, да дѣло въ томъ, что Петровъ написалъ переводъ изъ латинскаго, и придется у него содрать...

— Такъ я тебѣ завтра принесу изъ латинскаго, а ты мнѣ дашь списать задачу,—желая порвать неловкое молчаніе, произнесъ Петровъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Павловъ и подобралъ губы.

— Ну, идти, такъ идти,—сказалъ Петровъ.

— Куда?

— Какъ куда? Самъ звалъ, а теперь...

Павловъ долго искалъ свою фуражку.

— Вотъ она!—сказалъ Петровъ, поднимая фуражку изъ-подъ стола и такимъ образомъ стараясь смягчить нанесенную товарищу обиду.

На козырькѣ фуражки у Павлова было написано чернилами: „Кто возьметъ ее безъ спросу, тотъ останется безъ носу...“

Петровъ и Павловъ отправились.

Сильно волновался Петя дорогой. Ему было пріятно и какъ-то страшно; то хотѣлось дойти поскорѣе, то подольше не приходить и оттянуть минуту свиданья съ Лелей...

Выдался теплый августовскій вечеръ. Пріятная прохлада носилась въ воздухѣ, и кое-гдѣ изъ оконъ вырывались аккорды піанино.

Какое-то новое невѣдомое чувство проснулось въ

душѣ Петрова. Какая-то восторженная радость овладѣла имъ всецѣло, и такъ хорошо было дышать и слушать музыку, и смотрѣть вокругъ. Такъ давно уже онъ не былъ въ городѣ, и теперь все ему кажется новымъ: и громыханіе пролетокъ, и выкрикиваніе разносчиковъ, продающихъ лимоны, и вся эта городская сутолока...

Петя нѣсколько разъ поправлялъ блинъ своей фуражки: ему хотѣлось, чтобы фуражка выглядѣла молодецки, браво, какъ у офицера, а не такъ, какъ она выглядитъ у Павлова... Нѣсколько разъ онъ вытаскивалъ пальцами бѣлые рукавчики и воротничекъ крахмальной рубашки, чтобы ихъ было виднѣе; нѣсколько разъ вынималъ платокъ и отиралъ выступившій на лбу потъ; нѣсколько разъ оправлялъ прическу на головѣ...

Но вотъ дошли!..

Домъ — большой, двухъэтажный и смотритъ какъ-то особенно важно и торжественно. Какой-то дымкой таинственности и привлекательности окутанъ этотъ домъ для Петинаго взора... „Въ этомъ самомъ домѣ, гдѣ-нибудь тамъ, внутри, живетъ Леля“, думалъ Петя, и домъ казался дорогимъ, близкимъ, роднымъ, а отчасти и святымъ даже. И все въ этомъ домѣ какъ-то иначе, чѣмъ во всѣхъ другихъ домахъ: и окна, и выглядывающіе черезъ нихъ цвѣты, и ворота, и трубы для стока дождевой воды... Вонъ, напримѣръ, одна труба кончается раскрытой пастью какого-то звѣря, не то дракона, не то крокодила.

VIII.

Съ чувствомъ благоговѣнія вошелъ Петя во дворъ этого чуднаго дома. Большой лужокъ пересѣкается крестъ-на-крестъ перебѣгающими тропинками... Два флигеля съ палисадниками смотрятъ изъ-за желтѣющей уже листвы красными желѣзными крышами. Индѣй-

скій пѣтухъ ходитъ, гордо распустивъ хвостъ, около единственной индюшки.—„Пыринъ, пыринъ нехорошъ, пырка лучше тебя!“—подразнилъ Павловъ индюка. Тотъ побагровѣлъ отъ злости и проболталъ что-то очень недовольно. На черномъ крыльцѣ лежитъ породистый песъ: онъ привѣтливо замахалъ хвостомъ, увидя Павлова (видимо, они хорошо знакомы)...

— Какъ зовутъ?—спросилъ Петровъ.

— Картушъ...

На дворѣ пусто. Только чрезъ растворенныя настежь двери каретника видна кумачевая рубаха кучера Ивана, моющаго пролетку, да на мгновеніе изъ окна кухни выставилась чья-то голая рука и выплеснула на дворъ изъ полоскательной чашки содержимое.

Павловъ направился къ каретнику.

— Гдѣ Кукушкинъ?—спросилъ онъ Ивана.

Кучеръ обернулся, но, не обративъ никакого вниманія на вопросъ Павлова, продолжалъ мыть пролетку, тихо напѣвая какую-то грустную пѣсенку.

Изъ раскрытыхъ оконъ главнаго дома доносился звонъ посуды и говоръ,—тамъ обѣдали.

Съ замираніемъ сердца Петровъ прислушивался къ этому говору, желая услыхать голосокъ Лели. Но голосокъ не звучалъ.

— Гдѣ живутъ Троицкіе-то? — рѣшился спросить Петровъ товарища.

— Наверху... Вонъ окно, четвертое съ краю...

— Павловъ! Я сейчасъ! — вырвался вдругъ голосъ изъ окна флигеля.

Петровъ вздрогнулъ и спросилъ:

— Кто?

— Кукушкинъ, двоюродный братъ Лелинъ.

Кукушкинъ „выручилъ“. Наскоро допивши чай, онъ выскочилъ на дворъ и предложилъ играть „въ ямки“.

— Народу мало,—замѣтилъ Петровъ.

— Я позову... Лелька придетъ...

Петрову только это и надо было.

Кукушкинъ проворно взбѣжалъ на крыльцо и скрылся, топая каблуками по лѣстницѣ, а Петровъ и Павловъ остались ждать.

Томительное ожиданіе! Петровъ прихорашивался незамѣтно для товарища и едва переводилъ духъ. Какъ только гдѣ-нибудь хлопала дверь, Петровъ вздрагивалъ, краснѣлъ и начиналъ играть съ Картушемъ, какъ бы совершенно не интересуясь выходомъ Лели. Между тѣмъ его сердце билось громко и порывисто... Вотъ опять стукнула дверь. Кукушкинъ стукаетъ каблуками по лѣстницѣ: онъ бѣжитъ... А вотъ еще слышны шаги, мягкіе, торопливые... Это она! Леля!...

У Петрова захватило духъ и замерло сердце...

— Ахъ, Петровъ! Какъ это вы?..—воскликнула пораженная Леля, остановившись на послѣдней ступени крыльца.

— Мое почтеніе!—отвѣтилъ вспыхнувшій Петровъ, снявъ фуражку, такъ сильно прищелкнулъ ножкой, что даже взбилъ подъ ногами пыль.

Леля радостно побѣжала ему навстрѣчу. Они пожали другъ другу руки и нѣсколько мгновеній не знали, что сказать теперь.

— Весело было на вакатѣ?—спросила, наконецъ, Леля.

— Страшная тоска! — меланхолично отвѣтилъ Петровъ, которому теперь казалось, что дѣйствительно въ деревнѣ онъ все скучалъ по Лелѣ.

— А яйцо-то, которое вы подарили, пѣтухъ съѣлъ... Такая досада.

— Будетъ вамъ—про яйца... Давайте же играть,—перебилъ ихъ Кукушкинъ.

— Въ ямки!—громко крикнулъ Павловъ.

Они стали играть въ „ямки“.

Петровъ съ любопытствомъ осматривалъ Лелю. Леля стала выше; загорѣла, голосъ какъ-то по другому зву-

читъ, а, можетъ быть, это только такъ кажется, потому что давно Петровъ не слыхалъ этого милаго голоса... Леля еще лучше стала. Смѣется она все попрежнему, звонко... Леля въ бѣломъ ситцевомъ платьицѣ. Она такъ жива и подвижна. Когда бѣжитъ,—трясетъ головкой и звонко, звонко визжитъ... Онъ не сводитъ съ нея глазъ и играетъ разсѣянно, не отдаваясь игрѣ всецѣло, какъ другіе.

Долго играли въ „ямки". Когда Лелю позвали домой, Петровъ захотѣлъ пить, и Кукушкинъ повелъ его къ себѣ.

— Ты вѣдь тоже въ нашей гимназіи?—спросилъ Кукушкинъ.

— Да...

Кукушкинъ подскочилъ отъ восторга и ударилъ Петрова по спинѣ такъ больно, что, не будь онъ двоюродный братъ Лелѣ, Петровъ „сдалъ бы сдачи". Больше уже не играли. Игра безъ Лели для Петрова была совершенно неинтересна, и они съ Павловымъ ушли.

Петровъ уходилъ довольный, удовлетворенный: впереди смутно рисовалась дружба съ Кукушкинымъ и возможность, такимъ образомъ, часто видѣться съ Лелей.

IX.

Разсчеты Петрова оказались вѣрными: осенью онъ то и дѣло бѣгалъ къ Кукушкину, а вскорѣ „затесался" въ гости и къ самой Лелѣ.

Теперь Петровъ былъ въ третьемъ классѣ гимназіи, а Леля въ пятомъ. Но это ровно ничего не значило, такъ какъ у гимназистокъ классы считались, какъ говорили гимназисты, шиворотъ на выворотъ; такъ что въ сущности Петровъ и Леля были по классу ровнями.

Петровъ по буднямъ то и дѣло бѣгалъ къ Кукушкину справляться, что задано то изъ русскаго, то изъ

нѣмецкаго, а передъ праздниками ходилъ къ нему въ гости.

Послѣ двухъ игръ „въ короли“ и въ особенности одной игры въ „жмурки“, Петровъ понялъ, что онъ любитъ Лелю безповоротно и просто не можетъ жить безъ нея... Петровъ рѣшилъ жениться на Лелѣ... Классы вѣдь считаются шиворотъ на выворотъ, поэтому Лелѣ не долго придется ждать, пока онъ кончитъ свое ученіе и сдѣлается, какъ папа, мировымъ судьей.

Но любитъ ли его Леля,—вотъ что главное...

Да, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія!.. И вотъ почему:

Однажды, когда они играли „въ короли“,—Леля замѣтно старалась сдѣлаться „королемъ“, а Петрова пристроить въ „принцы“, даже сплутовала въ этихъ видахъ, что̀ Петровъ замѣтилъ, но никому не сказалъ. Леля толкнула тогда его подъ столомъ ножкой. Въ другой разъ Леля спросила Петрова: „Придете вы въ слѣдующую субботу?“ и при этомъ добавила: „Если вы придете, и я—тоже“... Наконецъ, однажды Леля сказала: „Петя!.. голубчикъ!.. Садитесь сюда!..“—Дѣло было за чаемъ, и Петровъ сѣлъ противъ Лели, а она хотѣла сидѣть непремѣнно рядомъ...

Такъ что, конечно, Леля согласится выйти замужъ за Петрова.

Сперва Петрова безпокоило то обстоятельство, что Леля, приходя къ Кукушкинымъ и уходя отъ нихъ, цѣлуется съ Василіемъ, но потомъ онъ успокоился и сообразилъ, что двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ цѣловаться можно, но выходить другъ за друга замужъ нельзя. Впрочемъ, послѣ одного памятнаго вечера у Петрова не осталось никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ: они были у Кукушкиныхъ и играли въ „жмурки“: Леля нарочно сдѣлала такъ, что съ ея платья свалился маленькій голубой бантикъ; Петровъ поднялъ его съ пола и спряталъ...

Онъ хранилъ этотъ бантикъ въ хорошенькой разукрашенной разноцвѣтными ракушками коробочкѣ и никому не показывалъ его. Зато самъ каждый день передъ тѣмъ, какъ идти въ гимназію, вынималъ бантикъ изъ коробочки и, прикладывая его къ своимъ губамъ, мысленно говорилъ: „Милый бантикъ, спаси меня сегодня изъ латинскаго!..“ Петровъ убѣдился, что бантикъ „дѣйствуетъ“: какъ-то разъ онъ не приготовилъ хорошенько урока изъ латинской грамматики, а когда спросили,—получилъ четверку. Да, это было просто чудо!.. Совсѣмъ не зналъ съ вечера исключеній, а какъ вызвали, вспомнилъ бантикъ и началъ валять:

Много есть именъ на is
Masculini generis:
Panis, piscis, crinis, finis...

— Довольно! отлично!—останавливаетъ учитель, а Петровъ жаритъ себѣ, безъ запинки.—Получилъ бы пять, если бы не сбился въ склоненіи...

X.

Наступила и зима. Приближались рождественскія каникулы, и наши герои начинали мечтать объ елкахъ... Если елка вообще вещь очень занимательная, то елка у Троицкихъ въ глазахъ Петрова являлась, безспорно, грандіознымъ событіемъ, поглотившимъ все его вниманіе и всѣ помыслы.

Леля пригласила Петрова еще когда ихъ распустили, и Петровъ началъ тщательно приготовляться къ этому знаменательному событію. Никогда еще на Петрова не находило такого наплыва опрятности, какъ случилось теперь. Стеревши въ порошокъ кусокъ унесеннаго изъ гимназіи мѣла, Петровъ, напѣвая веселые мотивы, чистилъ на своемъ мундирѣ пуговицы и галуны; затѣмъ купилъ на 20 коп. бензину и принялся мыть лайковыя

перчатки, купленныя еще къ Пасхѣ и потому немного грязныя. Своей матери онъ надоѣлъ съ просьбою купить новые сапоги.

— Да вѣдь у тебя еще крѣпкіе?

— А это что?—горячо возражалъ Петровъ, поднималъ ногу и показывалъ каблукъ.

— Ну, что же!.. Немного каблукъ скривился.

— А ты думаешь, мнѣ не третъ ногу?..—убѣждалъ Петровъ.

Сапоги купили, такъ какъ Петровъ началъ хромать и рѣшительно отказывался надѣвать сапогъ на лѣвую ногу.

Когда Петровъ окончательно привелъ себя въ порядокъ, ему пришла въ голову мысль подарить что-нибудь Лелѣ на память. Онъ остановился на альбомѣ и потратилъ на него весь рубль, скопленный по три копейки, которыя давала ему мать въ гимназію на завтракъ ежедневно. Альбомъ былъ изящный, въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ и съ букетомъ цвѣтовъ на первой страницѣ. До глубокой полночи мучился Петровъ, придумывая, что̀ бы написать ему собственноручно на память Лелѣ въ этомъ альбомѣ. Наконецъ, придумалъ. Подъ букетомъ цвѣтовъ онъ очень красиво вывелъ:

Ты прекрасна, словно роза;
Только разница одна:
Роза вянетъ отъ мороза,
Твоя прелесть—никогда...
Ученикъ III класса основного отдѣленія
N-ской гимназіи Петръ Петровъ.

Все было готово, дѣлать уже было нечего, и ожиданіе становилось прямо мучительнымъ. До елки оставалось еще два дня, и Петровъ слонялся по комнатамъ изъ угла въ уголъ, всѣмъ надоѣдалъ и ссорился съ маленькимъ братишкой.

— Займись чѣмъ-нибудь!—кричитъ мать, выведен-

ная изъ терпѣнія. Но въ томъ-то и дѣло, что Петровъ могъ теперь только думать объ елкѣ и о Лелѣ... Присядетъ за книжку, пробѣжитъ нѣсколько строкъ и броситъ. „Не сходить ли къ Кукушкинымъ?“—размышлялъ онъ.—„Неловко... всѣ убираются къ праздникамъ, а Леля такъ и сказала, что до Рождества ей некогда, и гулять даже она не будетъ ходить“.

„Все-таки пройдусь“. Надѣвъ пальто, Петровъ отправляется бродить по улицамъ, и какъ-то невольно его клонитъ все въ одну и ту же сторону, а именно—къ Лелину дому. Пройдетъ мимо этого дома, заглянетъ во дворъ и пойдетъ дальше. Пройдетъ до угла и снова вернется, и снова пройдетъ мимо этого дома и заглянетъ во дворъ.

Скучно! ахъ, какъ скучно!..

Но вотъ, наконецъ, настала и желанный день... Ровно въ семь часовъ вечера Петровъ съ тщательно завернутымъ въ бумагѣ альбомомъ заявился въ квартиру Троицкихъ.

Роскошно убранная елка торжественно возвышалась посреди зала. Масса яркихъ огней придавала ей видъ красивой пирамиды изъ звѣздъ. Разноцвѣтные фонарики прятались въ вѣтвяхъ елки, какъ въ густыхъ таинственныхъ аллеяхъ какого-то волшебнаго сказочнаго парка. Позолоченные и посеребренные орѣхи и картонные ордена, металлическія игрушки и зеркальные стеклянные шарики, покачиваясь на ниточкахъ, сверкали искрами, какъ снѣжинки въ лунную морозную ночь...

Сколько заманчивыхъ вещицъ, сколько красивыхъ бомбоньерокъ и вкусныхъ сластей скрывалось въ этой волшебной пирамидѣ изъ звѣздъ! Кругомъ красиво ниспадаютъ гирляндами разноцвѣтныя бумажныя цѣпи. Огни отражаются и на поверхности гладкаго, налощеннаго паркета. А на самой верхушкѣ горитъ розовый глазокъ-фонарикъ и словно подмигиваетъ окружающему елку обществу.

XI.

Общество состояло исключительно изъ маленькихъ людей, большіе предоставили имъ полнѣйшую самостоятельность,—имъ некогда. Мамочка засѣла съ гостями за зеленый столъ и „винтитъ“, папочка завелъ нескончаемый разговоръ съ отставнымъ усатымъ полковникомъ на тему о значеніи и великихъ заслугахъ русскаго дворянства передъ престоломъ и отечествомъ (оба собесѣдника—дворяне, имѣющіе заложенныя имѣнія). Бабушка сидитъ въ столовой за самоваромъ и съ ворчаніемъ подсыпаетъ въ чайникъ все новыя и новыя „заварки“. Горничная сбилась съ ногъ, едва успѣвая выполнять различныя приказанія.

Леля и ея братишка Володя прекрасно выдерживали роли радушныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ. Завитой барашкомъ, въ изящномъ костюмчикѣ моряка, Володя съ ловкостью гостинаго кавалера скользилъ своими тоненькими ножками по паркету и занималъ дамъ разговорами. Леля тоже не уступала въ этомъ отношеніи брату: она старалась со всѣми подругами походить подъ руку и каждаго кавалера подарить своимъ вниманіемъ. Живая, востроглазая хохотунья, шалунья и проказница, Леля была „душою“ общества. Она знала массу всевозможныхъ игръ и всюду являлась иниціаторомъ и организаторомъ. Громкій, звонкій голосокъ ея серебрянымъ колокольчикомъ звенѣлъ безостановочно. Крики, возгласы и хохотъ Лели покрывали общій гамъ непринужденнаго общества... Съ завитыми, ниспадавшими на плечи локонами, съ открытымъ задорнымъ личикомъ и бойкими синими глазенками, эта двѣнадцатилѣтняя красавица всецѣло овладѣла вниманіемъ и симпатіями не только кавалеровъ, но даже и всѣхъ дамъ, которыя наперерывъ другъ передъ другомъ стремились поймать Лелю подъ руку,

погулять съ ней вокругъ елки и написать ей въ подаренный Петровымъ альбомъ стихи на память. Альбомъ быстро заполнился автографами. Нина Блохина, другъ Лели, вписала ей на память:

„Все на свѣтѣ пустяки,
И любовь игрушка,
Всѣ мужчины дураки,
Моя Леля—душка"!...

Изъ мужского персонала больше всѣхъ выдѣлялся реалистъ Гриша, знакомый уже намъ соперникъ Петрова. Онъ былъ старше всѣхъ классомъ и только одинъ— реалистъ. Сознавая себя въ нѣкоторомъ смыслѣ единственнымъ, реалистъ держался съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Онъ критически относился къ играмъ, явно отдавая предпочтеніе танцамъ, раскланивался съ дамами, какъ настоящій кавалеръ: покорно склонялъ свою остриженную подъ гребенку голову и пристукивалъ по военному ножкой; къ мальчикамъ въ курточкахъ относился, какъ большой, серьезный песъ относится къ маленькимъ шавкамъ,—отчасти снисходительно, отчасти покровительственно. На гимназистовъ смотрѣлъ свысока.

Дирижерство въ танцахъ, бантъ распорядителя на груди и часы съ цѣпочкой, бѣлыя перчатки и особенно свободное куреніе папиросъ невольно содѣйствовали поднятію престижа реалиста въ глазахъ общества и особенно дамъ.

Исключеніе представляли только двое — Петровъ и Павлюкъ. Петровъ смотрѣлъ на реалиста пренебрежительно и самъ закурилъ, а Павлюкъ былъ роднымъ братомъ реалиста и потому не чувствовалъ къ нему рѣшительно никакой почтительности: въ глазахъ Павлюка, хотя онъ и ходилъ въ курточкѣ, реалистъ былъ самымъ обыкновеннымъ смертнымъ. Павлюкъ — человѣкъ рѣзкій, радикальный, мужественный; онъ никогда не плачетъ, не хнычетъ, не ябедничаетъ, а чуть что,

сейчасъ запуститъ „дурака“ или обратится къ содѣйствію собственнаго кулака; авторитетовъ для него не существуетъ. Игрушекъ Павлюкъ терпѣть не можетъ, потому всѣ куклы его сестеръ представляютъ всегда калѣкъ и уродовъ: у одной нѣтъ носа, у другой ноги, третья—безъ волосъ... Всѣхъ, кто плачетъ, Павлюкъ называетъ „бабами“; однажды назвалъ бабой даже маму. Голосъ у Павлюка грубый, басистый и манеры угловатыя.

Итакъ, общество чувствовало себя превосходно, и все шло прекрасно. Павлюкъ вертѣлъ ручку герофона, остальные танцовали. Играли „въ почту“, въ „гуси-лебеди домой“ (Павлюкъ оборвалъ у Лели оборку); потомъ стали играть „въ фанты“. Когда раскраснѣвшаяся Леля подошла къ серьезно и молчаливо сидѣвшему въ углу реалисту и скороговоркой произнесла:

Барыня прислала сто рублей,
Что хотите, то купите,
Черное съ бѣлымъ не берите,
Что желаете купить?

реалистъ подпустилъ скептицизму:

— Глупая игра,—сказалъ онъ. — Ужъ лучше — „въ свои сосѣди“!

Леля обернулась къ обществу и неожиданно объявила:

— Эта игра надоѣла! Глупая! Давайте, господа, въ свои сосѣди!

Общество поддержало. Гости разсѣлись по стульямъ. Петровъ, все время увивавшійся около Лели, конечно, поспѣшилъ воспользоваться моментомъ и сѣлъ рядомъ съ Лелей.

И здѣсь-то крылась причина крупнаго столкновенія на вечерѣ, о которомъ вы узнаете изъ слѣдующей главы.

XII.

Послѣ того, какъ Леля заявила, что она недовольна своимъ сосѣдомъ Петровымъ, и тому пришлось убраться на другой стулъ къ несимпатичной совсѣмъ дамѣ,— Петровъ сдѣлался вдругъ злымъ. „И не больно нужно", шопотомъ пробурчалъ онъ, идя на другое мѣсто, хотя ему страшно хотѣлось имѣть своей сосѣдкой Лелю... Впрочемъ, кому этого не хотѣлось! Реалистъ тоже объ этомъ старался... Павловъ—тоже. Даже грубый Павлюкъ норовилъ быть поближе къ Лелѣ!

Съ этого момента Петровъ пересталъ быть любезнымъ кавалеромъ, неделикатно огрызался на дамъ и, сидя въ глубокомъ молчаніи, исподлобья поглядывалъ въ сторону отвергнувшей его дамы... Петровъ замѣтилъ, что когда на его мѣсто, по требованію Лели, сѣлъ реалистъ, она стала говорить: „Довольна! очень!.." а реалистъ, перебивая ее, восклицалъ: „и я—тоже!" Петровъ два раза пытался разъединить ихъ: онъ сердито кричалъ:

— Всѣми недоволенъ!

Но толку не выходило никакого. Когда крики и визги стихали, а общій переполохъ и сумятица прекращались, Петровъ видѣлъ, что реалистъ только помѣнялся съ Лелей стульями...

„Измѣнница!.." думалъ Петровъ. До сихъ поръ Леля всюду, гдѣ имъ приходилось бывать вмѣстѣ, всегда отдавала явное предпочтеніе передъ другими Петрову, напримѣръ, дамы „приглашали" кавалеровъ. Леля стремглавъ бѣжала прежде всего къ нему; когда играли „въ рекруты", Петровъ шелъ прямо къ Лелѣ и всегда угадывалъ свою избирательницу...

И вотъ, сегодня, вдругъ—„недовольна!"

Въ душѣ Петрова вспыхнула страшная злоба на реалиста.

Сѣли играть въ „на кого принцъ похожъ?" Спрашивать пришлось Лелѣ, а принцемъ быть реалисту.—

— На кого?—шопотомъ спросила она, подставляя свое ушко Петрову.

— На безхвостаго осла...—не задумываясь, отвѣтилъ Петровъ (онъ давно уже придумалъ для реалиста это обидное сравненіе).

Леля сконфузилась и покраснѣла: ей казалось совершенно невозможнымъ сказать такое „названіе“ вслухъ и при томъ въ лицо распорядителю танцевъ...

— Нѣтъ, другое что-нибудь придумайте!.. Скорѣе!..—попросила Леля.

— Нечего мнѣ придумывать... Сказалъ,—на безхвостаго осла!—настойчиво и дерзко отвѣтилъ Петровъ.

— Ну, смотрите! Я скажу, только...

— На безхвостаго осла!—еще разъ и съ еще большей твердостью повторилъ Петровъ.

Леля, пригибая къ ладони пальчики, шопотомъ стала припоминать всѣ названія, которыя надавали реалисту, но названія Петрова не проговорила, а только произнесла „м-м“ и прижала мизинчикъ. Потомъ она еще разъ обошла всѣхъ играющихъ и съ каждымъ пошепталась, только къ Петрову не подошла, а прошла мимо...

— На безхвостаго осла!—тихо напомнилъ ей еще разъ Петровъ, подбѣжавъ сзади; Леля не обратила вниманія.

Реалистъ волновался: онъ словно предчувствовалъ что-то недоброе и сидѣлъ на стулѣ, подъ елкой, какъ преступникъ, ожидающій судебнаго приговора, съ низко опущенной головой и съ устремленными въ полъ взорами.

Подошла Леля и начала:

— На розу!.. На... офицерика!.. На... на... рыцаря!.. На... кого еще? ахъ, да... На самоваръ! (это сказалъ Павлюкъ)... На кикимору! (реалистъ обидно ухмыльнулся)... На милаго молодого человѣка!.. На...

Тутъ Леля замялась...

— На осла!—рѣшительно проговорила она вдругъ, набравшись храбрости.

— На безхвостаго! — во все горло присовокупилъ Петровъ, внимательно слѣдившій за тѣмъ, чтобы его обидное названіе было передано въ точности...

Реалистъ покраснѣлъ до ушей и окончательно смутился. Все общество закричало, завизжало, захохотало и захлопало въ ладоши. Особенно доволенъ былъ Павлюкъ.

— Ура!.. Ура!.. На безхвостаго осла!—кричалъ онъ басомъ, хлопалъ въ ладоши и судорожно болталъ ногами.—Ура!

— Совсѣмъ ничего не смѣшно, а даже очень глупо,—проговорилъ, наконецъ, дрожащимъ голосомъ глубоко оскорбленный реалистъ:—ословъ безхвостыхъ на свѣтѣ не бываетъ. Вотъ и видно, что естественную исторію не знаетъ. Невѣжество!..

— Мало ли что! — закричалъ, вскочивъ со стула, Павлюкъ: — кикиморъ вѣдь тоже не бываетъ?.. Ослу можно хвостъ отрубить... У нашего бульдога нѣтъ же хвоста! А раньше былъ: его отрубили... Нечего, безхвостый оселъ! Ура!..

— Я вотъ ужо скажу отцу, онъ тебѣ задастъ,—пригрозилъ реалистъ брату.

— А ты—ябеда! дуракъ!..—отвѣтилъ Павлюкъ.

Наступило глубокое, неловкое молчаніе.

— Выбирайте!—тихо, какъ-то виновато сказала Леля.

— На рыцаря,—выбралъ реалистъ.

— Это я сказала! — радостно воскликнула Леля и прогнала прочь вспотѣвшаго отъ волненія и обиды реалиста.

— А я не играю...—объявилъ неожиданно Петровъ.

— Нельзя! Ты еще не былъ принцемъ... — запротестовалъ Кукушкинъ.

— Онъ труситъ... Ба-ба! Ба-ба!—закричалъ Павлюкъ.

— Трусъ,—презрительно замѣтилъ реалистъ.

— Трусъ! Трусъ!—повторила, хлопая въ ладоши, Леля.

— А ты, безхвостый оселъ, не лѣзь! Съ тобой не разговариваютъ,—злобно крикулъ Петровъ.

— Молокососъ!—отвѣтилъ реалистъ, закуривая папиросу...

И тутъ съ Петровымъ случилось что-то странное... Онъ вдругъ заплакалъ самымъ отчаяннымъ образомъ и пошелъ вонъ изъ залы.

— Ба-ба! Ба-ба! Ре-ветъ! — кричалъ вдогонку Петрову Павлюкъ.

— Что тутъ у васъ вышло? Изъ-за чего поссорились? — недовольно спросила мадамъ Троицкая, появляясь среди смущеннаго общества.

— Петровъ Гришу безхвостымъ осломъ обругалъ и самъ же реветъ, — выступая впередъ, объяснилъ Павлюкъ.

— Гриша!—обратилась хозяйка къ реалисту, не разобравъ въ чемъ дѣло, — что же это такое? Вы вѣдь постарше... Стыдно!..

— Я... его не тро...галъ... Онъ самъ же полѣзъ, а я ви...но..ватъ!..

И реалистъ, возмущенный и обиженный несправедливостью, расплакался вдругъ, позабывши всякую солидность.

Ревъ раздался теперь въ двухъ различныхъ комнатахъ, и хозяйка рѣшительно не могла понять, кто тутъ правъ и кто виноватъ...

— Надежда Васильевна! Ваша сдача!—сказалъ появившійся въ дверяхъ господинъ въ пенснэ и быстро исчезъ, словно провалился.

— Ахъ, Господи, какое наказаніе! Поиграть не дадутъ... Извольте сію же минуту прекратить ссоры и слезы, иначе я велю погасить елку!—раздраженно проговорила мадамъ Троицкая и торопливо отправилась „сдавать“...

XIII.

По воскресеньямъ Леля обыкновенно приходила съ папой и мамой на катокъ.

Разумѣется, Петровъ тоже ходилъ туда. За три пятерки подъ рядъ изъ ариѳметики мама купила Петрову американскіе коньки, и онъ не пропускалъ ни одного праздничнаго дня. Кое-какъ пообѣдавъ, не отвѣдавши часто даже второго блюда, Петровъ хваталъ коньки и направлялся на катокъ... Ноги его рѣшительно не слушались, — бѣжали скорѣй, чѣмъ заставлялъ ихъ Петровъ; его сердце ёкало, щеки горѣли... Хотя катокъ находился и близко отъ дома, гдѣ жилъ Петровъ, но ему казалось, что путь безконечно дологъ... Петровъ тогда только могъ перевести духъ, вздохнуть свободно, когда вступалъ на лѣстницу, которая вела въ теплушку катка. Наскоро пристроивъ коньки, онъ выходилъ на ледъ, дѣлалъ нѣсколько оборотовъ на мѣстѣ, поправлялъ фуражку, справлялся рукой, чисто ли у него подъ носомъ, и начиналъ вглядываться въ окружающихъ... Глаза Петрова искали енотовый воротникъ и шапку съ зеленымъ околышемъ; по этимъ признакамъ онъ узнавалъ Лелинаго папу. А ужъ если енотовый воротникъ и при немъ шапка съ зеленымъ околышемъ отыскивались, – значитъ, Леля тоже здѣсь... А это только и требуется...

Отыскавъ взоромъ Лелю, Петровъ закладывалъ руки въ карманы пальто и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, катился солидно, гигантскими шагами къ Лелѣ... Передъ самымъ ея носомъ онъ дѣлалъ крутой поворотъ, и Леля его замѣчала:

— Петровъ! Давайте вмѣстѣ!

— Ахъ, Алевтина Николаевна!..

Петровъ лѣнивымъ движеніемъ ноги подворачивалъ къ Алевтинѣ Николаевнѣ, они брались за руки и катились быстро, такъ, что замиралъ духъ...

Павловъ тоже ходилъ на катокъ, но катался онъ очень плохо: низко наклонялся всѣмъ корпусомъ внизъ, махалъ руками и то и дѣло брякался. Полы его пальто, сшитаго съ большимъ запасомъ на ростъ, возились по

льду и всегда были въ снѣгу, какъ и фуражка... По правдѣ говоря, Петрову было совѣстно кататься вмѣстѣ съ Павловымъ, и онъ сторонился его на каткѣ...

Что касается реалиста, то онъ вовсе не умѣлъ кататься на конькахъ и приходилъ только смотрѣть и гулять по льду вмѣстѣ съ Лелей... Леля катится, а реалистъ идетъ рядомъ и разговариваетъ. Петрова это обстоятельство возмущало: на льду нечего гулять, а надо кататься; гуляющіе только мѣшаютъ...

Если Петровъ падалъ, онъ обвинялъ именно гуляющихъ и всегда очень досадовалъ... Хорошо, если Леля не видала, а если она видѣла, какъ некрасиво онъ упалъ, дрыгнувъ въ воздухѣ ногами?..

Происшедшая на елкѣ размолвка надолго нарушила эти пріятныя свиданія на каткѣ. Петрову было совѣстно передъ Лелей, которая, какъ онъ слышалъ отъ Павлова, называетъ его „плаксой". Вмѣстѣ съ чувствомъ горячаго стыда на душѣ Петрова накипала какая-то горечь обиды, оскорбленія, и его терзали ужасныя муки ревности... „Яичница съ лукомъ!"—называлъ онъ мысленно счастливаго соперника и создавалъ десятки плановъ ужасной мести. „Я ему всю морду своротчу", хвастался онъ передъ Павловымъ; но, въ сущности, Петровъ сознавалъ, что этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ реалистъ сильнѣе его... „Нашла себѣ безхвостаго осла, ну, и ладно! Пусть! Имъ въ университетъ нельзя... У него и такъ все колы да двойки... Выгонятъ изъ реалки и отдадутъ въ сапожники... И Лелька будетъ „сапожницей", злорадствовалъ Петровъ, но увы!—въ его воображеніи вставала эта сапожница, съ золотистой косой и съ синими, какъ незабудки, глазами, въ его ушахъ звучалъ ея мелодичный голосокъ, и сердце Петрова замирало отъ сладкаго чувства благоговѣнія передъ той сапожницей, а руки тянулись къ коробочкѣ и открывали ее: тамъ лежалъ завѣтный бантикъ... Воспоминанія лучшихъ дней моментально воскресали передъ

Петровымъ, и онъ впадалъ въ какое-то отчаяніе... „Возьму у папы револьверъ и застрѣлюсь... вотъ и будетъ тогда знать“, шепталъ онъ.

И воображеніе рисовало Петрову такую картину:

Онъ застрѣлился... Прямо—въ сердце... Папа съ мамой плачутъ и говорятъ: „Ахъ, бѣдный Петя, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“. Петровъ оставитъ записку, и они узнаютъ, зачѣмъ... „Прощайте, папа и мама! передайте Алевтинѣ Николаевнѣ, что я не желаю мѣшать ея счастью“,—такъ будетъ написано въ запискѣ... Леля узнала... Она испугалась, не вѣритъ... Но какъ же не вѣрить, когда у ихъ дома выставлена крышка гроба?.. Леля идетъ мимо и тревожно спрашиваетъ, кто здѣсь умеръ?.. „Гимназистъ Петровъ застрѣлился“,—говоритъ дворникъ... „Неужели?“—„Да, вчера выстрѣлилъ прямо въ сердце...“ Да, все кончено!.. не воротишь! Петрова хоронятъ... Онъ лежитъ въ бѣломъ парчевомъ гробу, въ цвѣтахъ, въ церкви у Николы... Рыжій дьячекъ читаетъ... толстыя свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ пылаютъ огнями у гроба... Леля входитъ тихо въ церковь и, подходя къ гробу, опускается на колѣни... „Петя, милый, голубчикъ... Я виновата предъ тобою“. Леля рыдаетъ и горько раскаивается, что измѣнила Петрову... Какъ бы рада была она, если бы Петровъ ожилъ!.. Но этого не можетъ быть... Вотъ уже поютъ: „со святыми упокой“... Скоро будутъ прощаться...

Такъ фантазируетъ Петровъ, лежа въ постели въ сумеркахъ зимняго вечера, и ему такъ жалко дѣлается себя, что на глазахъ его показываются слезы.

Однажды, въ скучный зимній день, Петровъ сидѣлъ одинъ у окна въ гостиной и предавался грустнымъ думамъ о своей преждевременной смерти... Когда онъ развилъ тему о своей смерти до момента появленія въ мѣстномъ „Листкѣ“ описанія его похоронъ, въ окно кто-то постучалъ. То былъ Кукушкинъ. Онъ близко подошелъ къ окну и прижался носомъ къ стеклу...

Сперва Петровъ испугался, такъ какъ расплюснутый носъ и губы Кукушкина совершенно обезобразили его физіономію, но потомъ, когда Кукушкинъ отдернулъ свое лицо отъ стекла и улыбнулся во весь ротъ. Петровъ узналъ его и вздрогнулъ отъ предчувствія какой-то радости...

Петровъ усиленно замахалъ руками, прося жестами Кукушкина зайти. Кукушкинъ зашелъ,

— Ты что къ намъ не ходишь?—спросилъ Кукушкинъ.

— Такъ... Читаю теперь все.

— Тебѣ Лелька кланяется...

Петровъ вспыхнулъ. Чувство радости смѣнялось въ немъ чувствомъ недовѣрія, и потому онъ сказалъ:

— Враки!..

— Она вчера у насъ сидѣла и думала, что ты придешь, ждала. Играли въ короли. Приходи въ воскресенье на катокъ; Лелька тебѣ велѣла приходить... Непремѣнно!.. Мы разссорились съ реалистомъ...

— Враки! — повторилъ Петровъ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Ей-Богу!.. Клянусь Богомъ!—поклялся Кукушкинъ.

— Изъ-за чего?

— Лельку кокеткой обругалъ...

— Болванъ! — замѣтилъ Петровъ. — Его выгонятъ скоро изъ реалки-то; у него все колы да двойки...

— А на елкѣ-то, помнишь, хвалился, что пятый ученикъ?

— Пятый съ конца,—злорадно сострилъ Петровъ.

Петровъ живо вспомнилъ елку и вспомнилъ, что онъ постыдно ревѣлъ тамъ... Но воспоминаніе же подняло и духъ его: „И онъ вѣдь ревѣлъ... Ужь если плаксы, такъ оба“,—утѣшилъ себя Петровъ.

— Смотри, приходи въ воскресенье на катокъ-то! Лелька велѣла... Она тебѣ скажетъ тамъ что-то очень важное...

— Не врешь?

— Ей - Богу!.. Клянусь Богомъ! Такъ и сказала: „Пусть непремѣнно придетъ,—я ему скажу очень, очень важное“.

Кукушкинъ ушелъ, оставивъ Петрова въ мучительномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ радостномъ настроеніи...

XIV.

Настало воскресенье,—день, назначенный Лелей для свиданія...

Петровъ цѣлый день наканунѣ думалъ, что̀ бы такое могло быть это „очень, очень важное“, и потому не успѣлъ выучить къ понедѣльнику ни одного урока... Хотя онъ и смотрѣлъ цѣлый часъ въ латинскую „Книгу упражненій“ да два часа въ греческую грамматику, но ровно ничего не видѣлъ и не понималъ... Въ его рукахъ, которыя онъ пряталъ подъ столомъ, была коробка съ голубымъ бантикомъ, и Петя то и дѣло отрывался отъ книги, чтобы смотрѣть и цѣловать его... „Очень, очень важное“,—мысленно повторилъ онъ, въ то время, какъ губы его говорили: „Леонидъ и 300 спартанцевъ погибли при Ѳермопилахъ“...

Петровъ плохо спалъ ночью. Онъ долго ворочался въ постели и вздыхалъ. Подушка казалась ему невыносимо горячей, и онъ поминутно переворачивалъ ее съ одной стороны на другую... Петровъ сердился на старую няньку: она очень громко и страшно храпѣла, безпрестанно кряхтѣла, что-то шептала, кашляла и мѣшала Петрову спать... Только когда большіе стѣнные часы въ столовой пробили „два“, Петровъ закрылъ глаза и въ полномъ изнеможеніи заснулъ, наконецъ, какъ убитый...

Какъ долго тянулось сегодня время до обѣда! Петрову казалось, что часы совсѣмъ перестали двигать

стрѣлками, а что они отстаютъ, — въ этомъ онъ былъ глубоко убѣжденъ... Петровъ взобрался на стулъ съ намѣреніемъ помочь часамъ двигать стрѣлками, но вошла мать и запретила:

— Это еще что за новости? — удивленно спросила мать...

— Отстаютъ, мамочка!.. На полчаса отстаютъ...

— Не ври, пожалуйста! Часы идутъ вѣрно...—отвѣтила мать, посмотрѣвъ на свои золотые часики.

— Опоздаю вотъ завтра въ гимназію...

— Оставьте, пожалуйста! Слѣзьте!..

Наконецъ-то горничная загремѣла тарелками,—стала накрывать на столъ.

— Поворачивайся, поскорѣй!.. Я ѣсть до смерти хочу,—торопилъ Петровъ горничную...

Сегодня Петровъ пренебрегъ даже своимъ любимымъ клюквеннымъ киселемъ. И все это изъ-за Лели, изъ-за „очень, очень важнаго“, что̀ пообѣщала она сказать ему на каткѣ...

Выскочивъ изъ-за стола раньше всѣхъ и не прожевавъ даже взятаго въ ротъ куска мяса, Петя на лету чмокнулъ маму, папу и намѣревался было уже отправиться на катокъ, но отецъ остановилъ его:

— Развѣ ты не знаешь, что послѣ обѣда слѣдуетъ перекрестить лобъ?..

Петя машинально перекрестилъ лобъ и намѣревался бѣжать за коньками, но отецъ опять остановилъ его:

— А уроки готовы?

Петя нѣсколько замялся, но, оправившись, бойко, хотя и глядя въ сторону, отвѣтилъ:

— Да учить-то нечего... Изъ латинскаго—старое, изъ русскаго—не задано, а изъ ариѳметики—я давно это знаю...

Но отецъ, бывшій съ самаго утра почему-то не въ духѣ, потребовалъ у Пети журналъ. Петя съ огорченіемъ вытащилъ его изъ ранца и принесъ отцу.

— Переводъ написалъ? Покажи!—хмуро спросилъ отецъ, посмотрѣвши въ Петинъ журналъ.

— Переводъ?.. успѣю... вечеромъ...—смущенно отвѣтилъ Петя.

— Гм... А задача № 1784 сдѣлана? Объясненіе написано? Покажи!

— Нѣтъ, папочка... Я успѣю...

— Изволь сѣсть за уроки. На катокъ не пойдешь,— небрежно бросилъ отецъ, швырнувъ Петинъ журналъ, и уткнулся бородою въ тарелку съ клюквеннымъ киселемъ.

О, если бы отецъ зналъ, какое горе причиняетъ онъ своему Петѣ!.. Онъ никогда, никогда не сказалъ бы этого...

Петя не просилъ „пустить“, онъ зналъ, что когда отецъ скажетъ что-нибудь такимъ спокойнымъ тономъ, то никогда не измѣнитъ своего рѣшенія. Петя разсердился только на папу... Когда Петя выростетъ большой и сдѣлается мировымъ судьей, и когда у нихъ съ Лелей будутъ свои дѣти, онъ никогда не поступитъ съ ними такъ жестоко, какъ папа...

Петя ушелъ къ себѣ наверхъ, со злостью раскрылъ ранецъ и, вытаскивая изъ него книгу за книгой, сердито бросалъ ихъ на кровать. Задача № 1784, какъ нарочно, не рѣшалась. Петя бранилъ ее „проклятою“, ругалъ учителя ариѳметики, ёрзалъ на стулѣ, три раза ломалъ карандашъ, перемаралъ половину „общей тетради“,—и все-таки не „рѣшилъ“. Переводъ изъ латинскаго выдался, какъ на зло, тоже какой-то безтолковый. Всѣ „слова“ вылетѣли изъ памяти, и приходилось ихъ отыскивать въ словарѣ и записывать. А перо топырилось и только царапало тетрадку...

— Господи! Да что это за мученіе такое!—со слезами на глазахъ вскрикивалъ время отъ времени Петя, привскакивая на стулѣ.

А день погасалъ и меркъ. Часы пробили четыре,

полпятаго... Стало темнѣть. Няня принесла лампу съ зеленымъ абажуромъ. Изъ окна было видно, какъ въ противоположномъ домѣ мигнулъ огонекъ. А спустя еще нѣсколько минутъ зажгли и фонари на улицѣ.

Значитъ, сегодня нельзя уже идти на катокъ, поздно. Значитъ, сегодня Петя не увидитъ Лелю и не узнаетъ такъ сильно мучившее его *„очень-очень важное“*...

XV.

Что же, что теперь дѣлать? Еще одна послѣдняя надежда: идти къ Василію Кукушкину. Можетъ быть, Леля у нихъ теперь...

Обстоятельства благопріятствовали: папа съ мамой поссорились изъ-за театра, и отецъ, хлопнувъ дверью кабинета и сердито откашлянувшись, прошелъ въ переднюю, одѣлся и куда-то ушелъ.

Петя побѣжалъ къ матери.

— Мама, мнѣ надо къ Василію Кукушкину; я не записалъ, что задано изъ русскаго...

— Ахъ, Петя, какой ты разсѣянный!—пѣвуче протянула мать.—Ты вѣчно что-нибудь не запишешь, не отмѣтишь...

— Что же, мамочка?.. — довольно неопредѣленно сказалъ Петя въ свое оправданіе.

— Ну, хорошо, иди! Только не надолго...

Петя подскочилъ на мѣстѣ, перевернулся на каблукѣ, и не прошло десяти минутъ, какъ онъ уже звонилъ у парадныхъ дверей, гдѣ желтѣла мѣдная дощечка съ надписью: „Николай Николаевичъ Кукушкинъ“.

Когда Петя вошелъ въ переднюю, онъ сразу догадался, что Лели нѣтъ: когда она бываетъ у Кукушкиныхъ, на всѣ комнаты звенитъ ея серебристый голосокъ... А теперь — тихо-тихо. Слышно только, какъ со звономъ тикаютъ стѣнные часы, да гдѣ-то вдали сердитый, хриплый басъ кричитъ: „Болванъ!.. Оболтусъ!..

На третій годъ, что ли, хочешь остаться?“ (Это отецъ ругаетъ Василія Кукушкина).

— Кто тамъ?—грозно окрикнулъ вдругъ басъ, переставши браниться.

— Это—я...—пискнулъ Петя и, робко войдя въ залъ, спросилъ:

— А гдѣ Вася?

— Въ углу стоитъ!—сердито буркнулъ басъ, и въ дверяхъ показалась тучная фигура Николая Николаевича, въ туфляхъ и въ халатѣ. Петя еще болѣе смутился: чрезъ раскрытую половину двери онъ увидѣлъ, какъ изъ проулочка между письменнымъ столомъ и стѣною торчатъ толстыя ноги Василія Кукушкина...

— А вамъ что угодно, молодой человѣкъ?

— Я такъ...—пискнулъ Петя.

— „Такъ“... „такъ“... учиться слѣдуетъ, почаще въ книгу заглядывать, а не баклуши бить, молодой человѣкъ,—вотъ что!..

— Я не бью...

Петя стоялъ передъ сердитымъ господиномъ и смотрѣлъ на кисти низко спустившагося на его животѣ пояса.

— Гм!—кашлянулъ Николай Николаевичъ, потомъ зашлепалъ туфлями, подошелъ къ тазику съ пескомъ и плюнулъ.

— П-шелъ!—крикнулъ онъ вдругъ на всѣ комнаты.

Василій Кукушкинъ, красный, потный съ взъерошенною головою, вынырнулъ изъ проулка и, подойдя къ окну, сталъ молча и задумчиво водить по стеклу пальцемъ. Петя подошелъ къ товарищу. „Пойдемъ въ дѣтскую“, — тихо шепнулъ тотъ, не отрывая глазъ и пальца отъ стекла.

Лишь только они очутились въ столовой, Василій преобразился: онъ какъ-то прыснулъ, скорчивъ отвратительную гримасу, дрыгнулъ ногой и понесся вверхъ по лѣстницѣ, сломя голову.

— Что не приходилъ на катокъ? Дуракъ!.. Сдѣлалъ задачу? Дашь содрать, голубчикъ?

— Папа не пустилъ меня на катокъ.

— Не пустилъ! Эхъ, ты! Лелька на тебя разсердилась... Она тебѣ прислала письмо... На̀ вотъ!..

Кукушкинъ подалъ Петрову записку.

Петровъ торопливо поймалъ бумажку и быстро запряталъ ее въ карманъ.

Проболтавшись минутъ десять у Кукушкиныхъ, Петровъ распрощался и ушелъ домой.

Тамъ, у себя наверху, онъ трясущимися отъ волненія руками вытащилъ изъ кармана записочку, поднесъ ее къ лампѣ и прочиталъ:

„Вы меня обманули и не пришли сегодня на катокъ. Я этого никакъ отъ васъ не ожидала, поэтому между нами все кончено, и вы отдайте назадъ мой бантикъ отъ платья. Алевтина Троицкая“.

Петровъ перечиталъ письмо еще разъ.

На рѣсницахъ его блеснули двѣ слезинки и, скатившись, стукнули о корочку латинской грамматики. Его сердце сжалось отъ боли. Откуда-то со дна души поползло вверхъ что-то тяжелое, непріятное, гнетущее и клещами сдавило Петрову горло.

Голова Петрова упала на латинскую грамматику.

— Леля! милая! Ангелъ мой! Святая моя!.. — тихо шептали его губы.— Если бы ты только знала, почему я не пришелъ! Если бы ты знала! Ахъ, папка, папка, что ты надѣлалъ?..

Петровъ вскочилъ со стула, бросился на постель и, спрятавъ лицо въ подушку, горько-горько разрыдался...

„БРОДЯЧІЙ МАЛЬЧИКЪ“.

Такъ мало прожито, такъ много пережито!..
Надсонъ.

I.

Февраль былъ на исходѣ. Привѣтливѣе и веселѣе смотрѣло уже солнышко, сильнѣе грѣло и ярче свѣтило, напоминая, что не за горами и желанная гостья-весна... Однако красные деньки были еще пріятною новостью. Внезапно эти вѣстники обновленія смѣнялись опять хмурыми, сѣрыми и холодными днями. Чудная синева небесъ неожиданно исчезала, смѣняясь мрачнымъ, грязно-сѣрымъ покровомъ тучъ; солнышко пряталось на цѣлый день, въ сухомъ морозномъ воздухѣ кружились хлопья снѣга, и холодный вѣтеръ побѣдно носился по улицамъ...

Стоялъ одинъ изъ такихъ именно дней. Обтаявшій было наканунѣ снѣгъ снова затвердѣлъ; панели покрылись ледяной корою; съ самаго утра небеса заволокло тучами, и подулъ рѣзкій пронизывающій вѣтеръ, злобно носившійся по улицамъ, яростно бросавшійся на прохожихъ. Обыватели, пощеголявшіе нѣсколько дней въ весеннихъ костюмахъ и повеселѣвшіе было подъ вліяніемъ оттепели и яркаго пригрѣвающаго сол-

нышка, снова спрятались въ шубы, подняли воротники, обвязались шарфами и башлыками, нахлобучили на лобъ шапки, и опять физіономіи ихъ приняли непривѣтливый, серьезно озабоченный и дѣловой видъ.

Несмотря на скверную погоду, на улицѣ было людно.

Особенное оживленіе было замѣтно на Покровской улицѣ. Высокія каменныя зданія были здѣсь сверху до низу завѣшаны разнообразными по содержанію и внѣшности вывѣсками; позолота, гербы, разноцвѣтныя гигантскія буквы перемѣшивались съ печатными афишами о „дешевыхъ распродажахъ только на три дня“ и о вновь полученныхъ транспортахъ товара... Надъ массивными дверями болтались золотые кренделі необъятныхъ размѣровъ, свиныя ноги, пенснэ, часы и другіе символы. А по бокамъ дверей красовались картины, изображающія подстригаемыхъ цырюльниками и выглядывающихъ непорочными агнцами субъектовъ, румяныхъ, полныхъ и статныхъ дамъ въ платьяхъ и шляпахъ, претендующихъ на моду. Тамъ и сямъ назойливо лѣзли въ глаза умѣреннаго размѣра дощечки съ лаконическими надписями: „нотаріусъ“, „зубной врачъ“. „докторъ, лѣченіе массажемъ и электричествомъ“...

Особенной суетливостью отличались мастеровые въ опоркахъ на босую ногу, стремительно бѣжавшіе къ кабакамъ, да хозяйственныя барыни, дѣлавшія закупки. Однѣ изъ этихъ барынь уже успѣли выполнить задачу, т.-е. досыта наторговались и, выгадавъ какой-нибудь пятакъ, съ кульками и свертками направлялись домой, другія — „блуждающимъ взоромъ“ искали нужныя имъ двери и вывѣски...

А вѣтеръ, словно на зло, носился взадъ и впередъ, то гонялся за гордыми рысаками, то сбрасывалъ съ крышъ мелкій, какъ порошокъ, и колючій снѣгъ, кружилъ имъ въ воздухѣ, билъ въ лица прохожихъ, отворачивалъ имъ полы пальто и салоповъ, заигрывалъ съ дамскими боа, вертѣлся, кружился на мѣстѣ и вихремъ

летѣлъ къ небесамъ, словно ему тѣсно дѣлалось въ узкомъ пространствѣ Покровской улицы.

Около одного изъ богатыхъ магазиновъ случилось что-то неладное. Здѣсь столпилась такая масса публики, что не было возможности пройти по панели. Толпа ежеминутно увеличивалась все новыми зѣваками. Любители уличныхъ происшествій плотнымъ кольцомъ оцѣпили кого-то или что-то, и заднимъ было рѣшительно не видно, что происходитъ тамъ, въ центрѣ кольца. По обыкновенію, приходилось удовлетворять свою любознательность догадками и развивать послѣднія съ помощью услужливой въ такихъ случаяхъ фантазіи. Одни говорили, что пойманъ воръ, ухитрившійся стащить три головы сахару, другіе — что найдено мертвое тѣло, третьи — что здѣсь образовался бездонный провалъ, куда упалъ какой-то мальчикъ. Варіаціямъ не было конца. Иные, потоптавшись на мѣстѣ, проходили дальше. Но большинство съ изумительнымъ терпѣніемъ ожидало, чѣмъ все это кончится и кого поведутъ въ участокъ...

И терпѣливые дождались-таки и все узнали. Оказалось, что на панели, прижавшись къ холодной стѣнѣ каменнаго дома, лежалъ оборвышъ-мальчикъ, лѣтъ восьми-девяти.

Мальчикъ былъ едва прикрытъ лохмотьями. Изодранная и до невозможности грязная рубашонка обнажала своими дырами тѣло; не по росту короткіе штаны, тоже худые и много разъ штопанные „на скорую руку", не покрывали до низу тонкихъ, какъ лутошки, ногъ ребенка, разношенныя „щиблеты" съ отстающими подошвами не скрывали красныхъ закорузлыхъ пальцевъ. Поверхъ подпоясанной веревочкой рубахи на мальчуганѣ былъ только одинъ жилетъ, видимо шитый когда-то на плотнаго субъекта. Картузишка свалился съ головы наземь... Ребенокъ трясся всѣмъ тѣломъ и по временамъ судорожно вздрагивалъ, словно его кто-ни-

будь подбрасывалъ снизу... Дико, испуганно блуждали лихорадочно горящіе глаза ребенка. Онъ смотрѣлъ, какъ подстрѣленный и пойманный волченокъ, когда ему некуда убѣжать и негдѣ спрятаться отъ любопытныхъ глазъ счастливыхъ охотниковъ и отъ жадно пожирающихъ его взглядовъ „борзыхъ“.. Онъ часто и тяжело дышалъ, по временамъ смыкая вѣки... Рядомъ, въ безпомощномъ раздумьи, стоялъ одѣтый въ лохмотья слѣпой старикъ. Голова его тряслась, оловянно-мутные глаза смотрѣли тупо и безсмысленно. Казалось, онъ никакъ не могъ понять, что происходитъ около него. Тонкою суковатою палкой ощупывалъ онъ землю и стѣну дома, кашлялъ и шамкалъ беззубымъ ртомъ.

Ближайшіе участливо нагибались надъ мальчуганомъ, пытаясь заговорить съ нимъ. Но тотъ упорно молчалъ и только пугливо и жалобно смотрѣлъ на нихъ. Старикъ былъ глухъ, и отъ него тоже невозможно было добиться толку... Какой-то чисто и тепло одѣтый господинъ потыкалъ мальчика своей массивною галошей, что вызвало протестъ со стороны „сѣренькихъ“

— Чай,—не собака! Не кутенокъ!

— Тебя бы вотъ ткнуть хорошенько.

Баринъ бросилъ сердитый взглядъ въ сторону протестантовъ, крякнулъ и гордо сталъ проталкиваться изъ толпы.

Кто-то попытался поднять ребенка. Но тотъ застоналъ и испуганно замахалъ руками.

— Потри ему уши снѣгомъ!—посовѣтовалъ голосъ изъ толпы.

— Что вы!.. дураки что ли?!—возразилъ другой голосъ.

— Въ больницу надо отвезти,—видите, кончается...

— Кабы время было, — увезъ бы! — сказалъ сердобольный мѣщанинъ въ поддевкѣ и посмотрѣлъ на окружающихъ.

Нѣкоторые приняли этотъ взглядъ за предложеніе, вызовъ, а потому, вздохнувши, отвернулись и стали протискиваться назадъ... Многіе жалѣли ребенка, но у всѣхъ оказывалось какое-нибудь неотложное дѣло, всѣмъ было некогда...

Случайно будочникъ усмотрѣлъ „безобразіе“. Наученный долгимъ опытомъ, онъ былъ убѣжденъ, что всюду, гдѣ толпится народъ, непремѣнно происходитъ какой-нибудь скандалъ. Поэтому, находясь еще очень далеко отъ мѣста происшествія, онъ моментально принялъ таинственный видъ и, приготовляясь къ водворенію порядка, сжалъ инстинктивно кулакъ правой руки.

— Что за безобразіе?..—закричалъ онъ, приближаясь къ толпѣ.—Что за народъ?! Прекратите, господа!!

Толпа зашевелилась. Тѣ изъ трусливыхъ, забитыхъ и ободранныхъ русскихъ гражданъ, на которыхъ мимоходомъ упалъ недовольный взглядъ начальства, спѣшили отойти подальше отъ грѣха; менѣе трусливые только разступились, давая дорогу власти.

— Что такое? — грубо расталкивая публику, повторилъ будочникъ.

— Мальчикъ кончается...

Начались разспросы, но они не повели ровно ни къ чему. Тщетно будочникъ добивался узнать отъ старика и мальчика, кто они такіе, откуда, чѣмъ занимаются и гдѣ имѣютъ мѣстожительство,—оба упорно молчали.

— Въ участокъ надо,—замѣтилъ городовой.

Кто-то попытался убѣдить его, что мальчика надо везти не въ участокъ, а въ больницу.

— У васъ всѣхъ — въ участокъ... Человѣкъ умираетъ, а они...

— А вы, господинъ, не суйтесь, если порядку не знаете? Рази можно прямо въ больницу? Кто онъ такой? Чѣмъ занимается? А тамъ все разберутъ...

Будочникъ посадилъ старика на извозчичьи санки,

положилъ мальчика поперекъ санокъ, въ ноги. Потомъ самъ важно возсѣлъ рядомъ со старикомъ, обнялъ его лѣвой рукою за талію и повелительно крикнулъ:

— Во вторую часть!.. Слышалъ?..

— Слышу...—отвѣтилъ „ванька“ и подхлеснулъ свою заморенную клячу...

Публика начала тихо расползаться въ разныя стороны. Тамъ и сямъ по окнамъ уже загорѣлись вечерніе огни.

II.

Была глухая полночь. Пустынные корридоры больницы „Приказа общественнаго призрѣнія“ слабо освѣщались полуопущенными огнями лампъ и казались безконечно длинными и узкими... По обѣ стороны корридоровъ бѣлесоватыми квадратами обозначались двери больничныхъ палатъ.

Внизу, въ пріемной комнатѣ, происходила одна изъ обычныхъ сценъ: полицейскій привезъ на извозчикѣ больного и сдалъ его дежурному фельдшеру.

На небольшой клеенчатой койкѣ лежалъ мальчикъ въ лохмотьяхъ. Онъ былъ въ безпамятствѣ: его глаза безсмысленно смотрѣли изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ; ручонки безпомощно покоились на груди. Частое дыханіе и крупныя капли пота на лбу свидѣтельствовали о томъ, что бѣдняжкѣ очень жарко, несмотря на то, что онъ еле прикрытъ своимъ грязнымъ рубищемъ... По временамъ губы ребенка безсвязно шептали что-то, и онъ пытался приподняться. Но стоявшая около койки сестра милосердія и служитель сдерживали его порывы.

За столомъ сидѣлъ дежурный фельдшеръ, заспанный и растрепанный; недовольный тѣмъ, что его разбудили, онъ лѣниво писалъ что-то въ большой раскрытой книгѣ.

— Лѣзете ночью... Словно нельзя было до утра по-

дождать...—бормоталъ онъ между дѣломъ и сердито макалъ перомъ въ чернильницу.

Будочникъ и самъ былъ недоволенъ:

— Да вѣдь рази съ ними сговоришь... Пролежалъ бы до утра, все равно... Такъ нѣтъ: вези сейчасъ... Взбалмошный онъ у насъ... Загорится что,—ничего не подѣлаешь,—вслухъ сѣтовалъ онъ на пристава.

— Всѣ вы черти сумасшедшіе, — буркнулъ сердито фельдшеръ.

— Умираетъ, говоритъ... Вези сейчасъ же... Ничего не сдѣлаешь...

— Не все равно! Умираетъ, такъ и у насъ умретъ... Какъ имя, фамилія и званіе?

— Унтеръ-офицеръ Иванъ Петровъ Черновъ.

— Я тебя про мальчишку спрашиваю, а ты—„унтеръ-офицеръ!..“

— А я полагалъ, насчетъ меня... Мальчонка не знай, — чей... Богъ его знаетъ?.. Бились-бились. На улицѣ подняли.

— Ну такъ какъ же я его запишу? Крестьянинъ или мѣщанинъ?

— Не могу знать...

Мальчикъ слабо стоналъ... Прошло еще минутъ десять, и процедура пріема окончилась.

— Расписочки никакой не будетъ? — спросилъ неувѣренно будочникъ.

— Какой еще расписочки? Вѣдь я въ разносной книгѣ расписался, что пакетъ принятъ... Черти!..

— Нѣтъ... я все-таки полагалъ, что расписочку надо насчетъ того, какъ, значитъ, я сдалъ еще мальчонку...

— Не мѣшайте!!—прикрикнулъ фельдшеръ.

— Полагалъ все-таки... для порядку... — уже шопотомъ сказалъ будочникъ.

— Больше ничего... Ступай!..

Будочникъ ушелъ. Фельдшеръ приблизился къ койкѣ, потыкалъ пальцемъ больного въ щеку, подержалъ

за руку и бросилъ ее. Ручонка безжизненно повисла съ койки.

— Точно изъ помойной ямы вылѣзъ... Переодѣть надо, да сперва въ ванну!—сказалъ онъ, отходя прочь.

— Въ какую палату?

— Наверхъ, во вторую, заразную... Тифъ или скарлатина. Да температуру смѣрить надо...

Служитель взялъ въ охапку мальчугана и понесъ его въ ванну. А сестра милосердія пошла въ цейхгаузъ за больничной одеждою.

Съ больного смыли грязь, надѣли на него чистое бѣлье и понесли въ палату заразныхъ, гдѣ только что освободилась одна изъ коекъ.

Палата № 2 состояла изъ большой и высокой комнаты въ пять оконъ по одной стѣнѣ. Вдоль двухъ стѣнъ ея тянулись ряды симметрично разставленныхъ кроватей съ больными. Возвышавшіеся надъ изголовьями шесты съ черными дощечками и „скорбными листами“ придавали всей палатѣ видъ какого-то кладбища: казалось, стоишь среди памятниковъ, гробницъ и крестовъ въ одной изъ бѣдныхъ улицъ „города мертвыхъ“... Освѣщалась палата слабо: высоко подъ потолкомъ висѣла лампа, затянутая наглухо абажуромъ изъ цвѣтной матеріи. Абажуръ пропускалъ голубовато-матовый свѣтъ, мягкій, нѣжный, какъ небесная синева, и палата утопала въ прозрачной голубоватой дымкѣ...

Лампа слабо и медленно покачивалась,—и эта дымка дрожала и колыхалась, какъ легкій туманъ надъ озеромъ въ тихій лѣтній вечеръ...

Въ огромныя окна палаты смотрѣла темная ночь. Огоньки отдаленнаго города мигали тамъ, какъ звѣздочки, и не было видно, гдѣ горизонтъ темныхъ небесъ отдѣляется отъ поверхности земли... Тамъ открывалось безпредѣльное пространство мрака, въ которомъ плавали огоньки-звѣздочки...

Когда Митька очнулся и раскрылъ глаза, онъ испу-

гался. Его сердце застукало сильно и часто, и крикъ ужаса замеръ на раскрытыхъ губахъ. Незнакомая странная обстановка и фантастическое освѣщенiе палаты подсказали Митькѣ о чемъ-то невѣроятномъ, необъяснимомъ, сверхъестественномъ. Митька лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ впередъ... Потолокъ, стѣны, окна,—все это, задернутое голубоватымъ туманомъ, сливалось въ одно безграничное море эѳира, и Митька не могъ отличить, гдѣ—верхъ, гдѣ—низъ,—гдѣ конецъ и гдѣ — начало... Онъ только рѣзко обособлялъ себя, свое „я“ отъ всего окружающаго: онъ чувствовалъ, что есть только *онъ* и что-то другое, непонятное, неразрѣшимое...

Митька почувствовалъ вдругъ потребность себя потрогать, „попробовать“; коснулся головы, провелъ ручонкой по груди, въ которой колотилось напуганное сердечко. Потомъ онъ осмотрѣлъ ближайшую окрестность... Все странно и непонятно... Въ головахъ мягко и холодно. Голова на подушкѣ, а вмѣстѣ съ головой лежитъ еще что-то сырое, холодное, хрустящее... Это „что-то“ такъ прiятно холодитъ горячую голову, словно дуетъ на нее вѣтеркомъ...

Зачѣмъ это „что-то“ лежитъ и кто его положилъ сюда? Да и откуда взялась подушка? И рубаха бѣлая, чистая... У Митьки нѣтъ такой рубахи... Когда онъ надѣлъ ее и кто ему ее далъ?.. И лежать такъ удобно, мягко, покойно... Хорошо! Все лежалъ бы такъ, всегда, всегда... И никогда не всталъ бы... Не хочется шевелить ногами и перевертываться... Какiя длинныя ноги-то!.. тянутся, тянутся... А были маленькiя... Но что же это тяжелое? давитъ и мѣшаетъ... Это одѣяло синее-синее... и шершавое... Кто же накрылъ его одѣяломъ?.. Хорошо!.. И глухому дѣдушкѣ, вѣрно, тоже хорошо: и у него подушка и рубаха чистая, и одѣяло, и это холодное, что лежитъ на подушкѣ и дуетъ свѣжимъ, прохладнымъ вѣтеркомъ... Но гдѣ же онъ, глухой дѣдушка?

Митька повернулъ личико на сторону и неподвижно вперилъ свои глазенки въ пространство.

Сине, сине, все сине... Въ глазахъ то темнѣетъ, то свѣтлѣетъ... Все кружится, все трясется, колышется. Облака... бѣгутъ одно за другимъ... Что-то рябитъ въ глазахъ, что-то вырисовывается... Длинные шесты бѣгутъ мимо быстро-быстро... А подъ шестами лежатъ... мертвецы... Лица у нихъ синія, руки тонкія... въ саванахъ бѣлыхъ... Нѣтъ, это не шесты... Это — кресты... Кресты и покойники... И рядомъ такой же покойникъ, синій, сухой... Онъ стонетъ, шевелится... Онъ хочетъ приподняться и схватить Митьку...

Отчаянный крикъ смертельнаго ужаса огласилъ спящую палату заразныхъ. Митька впалъ въ безсознательное состояніе...

III.

Скверно сложилась жизнь Митьки. Отца у него не было, а былъ только „родитель"; его Митька никогда не видалъ и не увидитъ, ибо кто былъ этотъ „родитель", — не могла даже съ точностью сказать и сама Авдотья, мать ребенка...

Солдатка Авдотья, мужъ которой пропалъ безъ вѣсти гдѣ-то въ Ташкентѣ или Самаркандѣ, сплыла изъ деревни въ низовья на заработки и поступила на рыбный промыселъ одного изъ селедочно-вобельныхъ королей понизовья въ качествѣ „рѣзалки" [1]). Баба она была видная, краснощекая и чернобровая, а „родителей" на промыслѣ было очень много. Управляющій, его недоучки-сынки, парни лѣтъ по двадцати, приказчики, баринъ—рыбный смотритель, рыбные стражники, „командеры" пароходовъ и крейсеровъ, наѣзжіе изъ города гости, — все это были очень веселые господа,

[1]) *Рѣзалки* — работницы, занятыя потрошеніемъ и промывкою рыбы для соленья.

любившіе пожить въ свое удовольствіе. Не мудрено поэтому, что солдатка Авдотья не могла опредѣлить съ достовѣрностью, кто былъ виновникомъ Митькинаго бытія...

Митька былъ „промысловый"...

„Промысловые ребята" — самые несчастные изъ несчастныхъ. Являясь на свѣтъ Божій незванно-непрошенно, они обыкновенно очень скоро и покидаютъ его, дѣлаясь жертвою скарлатины, дифтерита или какой-нибудь другой эпидеміи, во множествѣ похищающей ребятишекъ въ этой приморской мѣстности...

Рѣдко „промысловый" остается на свѣтѣ мыкать горе... Митька былъ такимъ исключеніемъ.

Многіе „родители" зарились на черноброву Авдотью, и одинъ изъ нихъ, по окончаніи „путины", взялъ ее къ себѣ, какъ бы въ кухарки... А Авдотья и разуважила... „Родитель" далъ ей четвертную и велѣлъ поскорѣе уходить отъ грѣха на всѣ четыре стороны...

Стояла зима; уходить, кромѣ ближайшаго города, было некуда,—и Авдотья, собравъ свои пожитки, съѣхала съ попутчикомъ въ городъ. Здѣсь у нея родился „промысловый"...

Авдотья пошла въ кормилицы, а Митьку сдала на чужія руки за два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, на воспитаніе. Поступила она въ богатый „приличный домъ" и получала приличное жалованье. Но скоро и здѣсь съ чернобровой Авдотьей случилось несчастье: барыня стала замѣчать, что Авдотья вводитъ въ искушеніе барина и прогнала ее вонъ, съ вычетомъ за разбитую посуду и за подаренный кокошникъ...

Скоро чернобровая баба окончательно сбилась съ пути. Бывало, въ „рѣзалкахъ" ни днемъ, ни ночью покою не знаешь; весь день сиди въ мужичьихъ штанахъ верхомъ на лавкѣ, да рыбу потроши... Проворно скользитъ острый широкій ножъ по рыбѣ, еще проворнѣе лѣзетъ пятерня въ рыбу и выволакиваетъ оттуда „тре-

буху на уху“, но работы не убавляется... По доскамъ, проложеннымъ отъ берега „прорана“ вплоть до навѣса, подъ которымъ сидятъ „рѣзалки“, безпрерывною вереницею катятся полныя рыбою тачки; подкатившись почти къ скамьѣ, онѣ опрокидываются на полъ, гдѣ серебрится уже цѣлая гора рыбы, и бѣгутъ обратно къ берегу, чтобы вернуться опять полными... „Путь“ устланъ въ двѣ доски, и по одной катятся тачки къ навѣсу, а по другой — обратно.

А подростки подкладываютъ рыбу на лавки рѣзалкамъ... Рѣжешь, рѣжешь,—все не убавляется. Согнутая въ дугу спина уже застыла, такъ что трудно разогнуться; поясница болитъ и ноетъ; въ головѣ какой-то туманъ. Всѣ руки въ порѣзахъ, а рыбья слизь да чешуя еще больше растравляютъ раны...

Пріостановится Авдотья, чтобы спинушку расправить да вздохнуть поглубже, а приказчикъ-назола тутъ какъ тутъ!..

— Эй!.. Что ротъ разинула?..

— Я, Василь Петровичъ, отдохнуть маленько... Спинушку разломило...

— Ночью отдохнешь... Барыня!.. Приходи ужо ко мнѣ.

Приказчикъ подмигнетъ глазомъ, перекоситъ рыло, а кругомъ всѣ заржатъ...

И досадно, и обидно, и стыдно Авдотьѣ... Такъ бы, кажется, и огрѣла этого стрикулиста-приказчика... Да руки коротки, молчать приходится.

А назначатъ „солельщицей“, — еще хуже того. Въ „выходахъ“ — холодно, а въ ямахъ и еще холоднѣе... Стоишь на днѣ, а сверху рыбу кидаютъ... Каждую рыбину надо уложить къ мѣсту, одна къ другой, чтобы „звѣзда“ выходила... Тысячу разъ нагнись да разогнись. Какъ одинъ порядокъ уложишь, — „засола“ сыпанетъ солью, какъ градомъ. Подъ ногами соленый разсолъ; онъ черезъ поршни и чулки проходитъ; ноги чешутся, — такъ бы, кажется, всю кожу ободралъ... А

какъ штаны еще старые попадутъ, съ распоротыми швами или заплатами, — совсѣмъ смерть! Силъ никакихъ нѣтъ; зудитъ, такъ зудитъ, что и жизни не рада!.. Сверху лицо и шею колетъ соль крупная, а снизу зудитъ. Спинушка совсѣмъ онѣмѣетъ, а пальцы коченѣютъ да болятъ... И такъ со „свѣту" до ночи: въ горячее время только чуть-чуть пообѣдать дадутъ да спину расправить...

Работай какъ одеръ какой, а во всю „путину", съ вычетами да расходами, больше трешницы, — много-много пятерки,—никогда не останется... Да еще потрафляй всѣмъ: и управляющему, и приказчику, и рыбному смотрителю, и всякому стрикулисту, если тебя Господь, „баской" уродилъ...

Не мудрено къ такой работѣ и всякую охоту потерять.

„Хуже не будетъ", — думала Авдотья, промѣнявши рыбный промыселъ на другой:—„вся разница въ томъ, что тамъ ни днемъ ни ночью спокою не знаешь, силушку всю потеряешь и заработку грошъ получишь, а здѣсь слободно, легко, да и копеечка всегда есть... А что касается „грѣха", такъ тамъ вѣдь еще хуже: теперь хоть по своей волѣ, а тамъ..."

Скоро Авдотья хорошій дипломатъ себѣ купила, башмаки и зонтикъ, стала бѣлымъ шелковымъ платочкомъ накрываться...

Митьку своего она совсѣмъ забросила, хотя деньги аккуратно каждый мѣсяцъ отдавала приходившей за ними старушонкѣ и даже сама вызвалась еще рубликъ накинуть. Конечно, теперь Митька совсѣмъ лишній,— только помѣха одна. Но однажды на Авдотью тоска напала. Она взяла извозчика и поѣхала Митьку повидать... Такой стихъ, видно, нашелъ: ревѣла, ревѣла... Взяла мальчонку къ себѣ на квартиру, только не надолго. Скоро тоска у нея прошла, Авдотья опять повеселѣла, и опять Митька ненадобенъ сталъ... Больно хло-

потъ съ нимъ много. Только двѣ недѣли безо дня и прожилъ тогда Митька у матери.

Отвезла его она опять къ той же старушонкѣ, которая его раньше воспитывала...

— Что, матушка, нешто надоѣлъ онъ?

— Да ужъ такъ... Пущай у тебя живетъ.

— Знамо, такъ!.. Только онъ вѣдь ужъ большинькій... ему три годочка, четвертый... Маловато будто трешницу-то, барыня...

Авдотьѣ польстила эта „барыня".

— Я тебѣ пять рублей буду платить... Чай, будетъ?

— Будетъ, будетъ... Пять довольно, барыня... Очень довольно, голубушка...

Прошло со времени ухода Авдотьи съ промысловъ шесть лѣтъ, и она совсѣмъ „барыней" стала, превратилась въ Авдотью Никитичну... „Манерамъ" научилась, и „выговоръ" совсѣмъ другой сталъ у нея... У бывшей кухарки теперь была своя кухарка. Но несчастный случай перевернулъ вверхъ дномъ всю жизнь Авдотьи Никитичны: она захворала... На лицо ея болѣзнь клеймо свое положила, и все благополучіе Авдотьи Никитичны рухнуло, какъ карточный домикъ отъ неосторожнаго дуновенія.

Прошелъ еще годъ, и Авдотья Никитична совсѣмъ сгибла, стала бѣгать по маленькимъ кабачкамъ въ трущобахъ города, пить водку и курить „цигарки", начала ходить не въ дипломатѣ, а въ рваной кофтѣ на ватѣ, и не въ башмакахъ, а въ глубокихъ резиновыхъ галошахъ на босу ногу... Изъ Авдотьи Никитичны она превратилась въ Авдошку...

А тутъ, какъ на грѣхъ, Митьку ей на руки всучили,—перестала деньги платить за него.

Старуха долго не могла отыскать Авдотью и „задаромъ" содержала „крапивника" почти полгода. Наконецъ, выслѣдивши безпутную мать, старуха привела

Митьку въ кабакъ и съ ругательствами передала матери.

— Пя-ть цалко-о-овыхъ! Да ты хоть бы двугривенный-то была способна уплатить!.. Вотъ тебѣ твое добро! Получи!

Съ этими словами „воспитательница" дала тычокъ Митькѣ, и тотъ полетѣлъ прямо къ Авдошкинымъ колѣнямъ. Пьяная Авдотья злобно отшвырнула Митьку и визгливо стала отругиваться. Послѣдовала отвратительная сцена ругани озлобленной и пьяной бабъ.

Митька стоялъ у стѣнки и волченкомъ смотрѣлъ на обѣихъ. Развѣ это мать его? Это—пьяная баба... Она такая страшная, прибьетъ...

Митька забился въ самый уголъ. Клубы „махорки" висѣли надъ потолкомъ... Кругомъ чужія пьяныя лица... полъ мокрый и ослизлый. Говоръ, гамъ, ругань и хохотъ.

— Паренекъ! Ты чей?—спрашиваетъ Митьку, садясь на корточки, какой-то широкорожій и бородатый мужикъ.

— Мамки-и-инъ,—гнуситъ Митька.

— Мой это! — съ неестественнымъ хохотомъ кричитъ, поднимая голову, Авдотья и хриплымъ, противнымъ голосомъ затягиваетъ пѣсню:

Никто меня ни понима-етъ,
И никому меня не жа-а-а-ль,
Никто тоски моей ни знаи-и-и-тъ
И не съ кимъ раздѣлить пича-а-аль...

А Митька прячетъ свое личико въ рукавъ рубашонки и начинаетъ тихо, подавленно плакать...

IV.

Поблизости отъ набережной Волги былъ расположенъ кварталъ, называемый „Косою". Эта часть города, состоявшая изъ скученныхъ грязныхъ деревянныхъ

строеній, изобиловала кабаками, портерными, вертепами, пріютами воровъ и всѣхъ „отбросовъ" общества... Узенькія улицы и таинственные проулки и закоулки этого квартала кишмя кишѣли „званными, но не избранными".

Въ этихъ трущобахъ и терлись Авдотья съ Митькой. Никакого опредѣленнаго мѣстожительства они, впрочемъ, не имѣли, а шатались по всей „Косѣ", гдѣ въ различныхъ ночлежкахъ и проводили ночи...

Чаще Авдотьѣ съ Митькой случалось проживать въ „Теребиловкѣ". „Теребиловка"—наиболѣе популярный пріютъ отверженныхъ. Это большой двухъэтажный деревянный домъ, старый, покосившійся впередъ съ обросшею зеленымъ мхомъ крышею, съ подгнившими столбами воротъ и съ битыми и отливавшими радугою стеклами въ окнахъ... Весь верхъ дома отдавался ночлежникамъ на ночь за 2 к., на недѣлю за гривенникъ, а по-мѣсячно за три гривенника... Безпорядочно расположенныя на два этажа нары уподобляли это помѣщеніе какому-то переѣзжающему звѣринцу... Здѣсь на голыхъ доскахъ наръ и даже подъ нарами валялись пьяные, больные и голодные люди, вмѣстѣ - мужчины, женщины и дѣти... Спертый душный воздухъ, нестерпимый смрадъ, пьяный гамъ, хохотъ, дѣтскій плачъ, ругань, драки и пѣсни сливались здѣсь въ какой-то хаотическій гулъ и стихали только тогда, когда хозяинъ „Теребиловки" приходилъ изъ своего, помѣщавшагося въ нижнемъ этажѣ, кабака и тушилъ огонь сильно коптившей лампы. Дѣти еще плакали, многіе продолжали еще перебраниваться изъ-за стѣнки теплой печи, многіе еще допивали водку, — но все же гулъ разомъ спадалъ... Въ воцарившейся ночной мглѣ слышались стоны, сопѣніе, почесываніе, отрывочныя слова...

Нерѣдко среди полуночи въ „Теребиловкѣ" молніей разносилось извѣстіе, что „отверженныхъ" окружила полиція, и сейчасъ начнется осмотръ и обыскъ. Тогда

здѣсь начиналось какое-то „столпотвореніе вавилонское“. Поднималась тревожная возня, одни прятали головы, какъ страусы, другіе судорожно лѣзли къ тайному ходу на подволоку. Дѣти начинали плакать, бабенки визжать... Такія „облавы“ дѣлались разъ въ три мѣсяца и всегда кончались уловленіемъ какого-нибудь интереснаго „звѣря“...

Въ этомъ-то звѣринцѣ и приходилось большею частью ютиться Авдотьѣ съ Митькой...

Подъ нарой, въ углу, спалъ Митька, а на нарѣ валялась Авдотья въ сосѣдствѣ съ какимъ-то пропоицей „изъ благородныхъ“, который страшно пугалъ на первыхъ порахъ Митьку всякій разъ, когда, сурово сдвинувъ брови и поднявши къ небу указательный палецъ руки, трагически произносилъ:

— Sic transit gloria mundi

Этотъ страшный господинъ всегда говорилъ съ Митькой грубымъ и сердитымъ голосомъ, хотя бы даже пытался и пошутить съ мальчуганомъ.

— Митька!—ревѣлъ онъ своимъ сиплымъ съ перепоя басомъ,—печально я гляжу на ваше поколѣнье... Подбери, дуракъ, слюни-то!!..

И Митька боялся и начиналъ канючить, когда этотъ господинъ обращалъ на него вниманіе:

— Мамань-ка-а-а!—гнусаво пищалъ Митька:—чаво онъ не спи-и-тъ, смот-ри-и-итъ.

Авдотья приподнимала съ руки пьяную, заспанную и растрепанную голову, а баринъ начиналъ декламировать:

Безпокойная ласковость взгляда
И поддѣльная краска ланитъ,
И убогая роскошь наряда,--
Все не въ пользу твою говоритъ:

— Несчастная!! Засни и успокойся!!

— Отвяжись! Заткни глотку-то! — злобно шипѣла сонная Авдотья, и опять, какъ снопъ, брякалась на нару.

А Митька пугливо пряталъ свою голову подъ грязный холщевый мѣшокъ, служившій ему днемъ — для сбора подаяній, ночью—подушкой.

Недолго, впрочемъ, боялся этого сосѣда Митька. Скоро онъ освоился и привыкъ къ окружающему его обществу, а къ „барину“ этому сталъ даже лазить иногда на нару, и тотъ кормилъ его пряникомъ, воблой, сахаромъ... Нашлись и товарищи-сверстники, такъ что Митька скоро совсѣмъ не нуждался въ матери и нисколько не смущался тѣмъ обстоятельствомъ, что Авдотья по два, по три дня пропадала неизвѣстно гдѣ и по какимъ причинамъ. Митька привыкъ жить впроголодь и вполнѣ довольствоваться кусочками, которые изъ жалости бросали ему теребиловскіе обитатели.

Скоро у Митьки и матери не стало... Однажды, осенью, когда Митька вернулся изъ своихъ путешествій по „Косѣ“ ночевать въ „Теребиловку“ и спросилъ „барина“, не приходила ли „маманька“,—тотъ сообщилъ ему, что „маманька“ не приходила, да и не придетъ никогда болѣе, потому что она наѣлась спичекъ, померла и ее увезли „потрошить“...

— Самъ ты померъ... Самого тебя потрошить надо...—сказалъ Митька, посмотрѣвши съ недоумѣніемъ на „барина“.

Но прошелъ день, другой, третій... „Маманька“ не являлась. Митька бѣгалъ по Косѣ и искалъ мать, не вѣря сообщенному ему въ Теребиловкѣ извѣстію. Но мать не находилась, пропала...

— Увезли ее, дурень, въ черномъ ящикѣ... Не найдешь теперь вовѣки... померла, — увѣрялъ Митьку хозяинъ Теребиловки въ кабакѣ, куда зашелъ Митька, чтобы еще разъ поглядѣть, не здѣсь ли сидитъ „маманька“.

Пришлось повѣрить. Митька убѣжалъ куда-то и возвратился въ Теребиловку только ночевать.

— Дитя печали и несчастья! — привѣтствовалъ Митьку „баринъ“: — ложись на материно мѣсто... На полу валяться возбраняетъ гигіена: кокки, микрококки, бациллы, запятыя и точки... Ложись, дуракъ!..

Митька помѣстился на маменькиной нарѣ.

Долго онъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что „маманька“ больше не придетъ... Часто онъ лежалъ на нарѣ съ раскрытыми глазами и думалъ. И странно, Митька никакъ не могъ представить себѣ мать въ томъ періодѣ ея жизни, когда она жила вмѣстѣ съ нимъ въ Теребиловкѣ. Въ дѣтскомъ мозгу рѣзко запечатлѣлось воспоминаніе о томъ недолгомъ времени, когда онъ, трехлѣтній ребенокъ, временно гостилъ у тосковавшей Авдотьи Никитичны.

Особенно памятенъ Митькѣ одинъ моментъ, къ которому, въ сущности, и сводятся всѣ его воспоминанія о томъ времени...

Вечеръ. На дворѣ завываетъ злобный вѣтеръ. Слышно, какъ отовсюду съ шумомъ катятся грязные ручьи, жалобно поскрипываетъ что-то въ сѣняхъ, и сильно дуетъ съ полу... Мать о чемъ-то груститъ. Она стоитъ у стола въ раздумьи. Слабый свѣтъ догорающаго дня, пробиваясь полосою черезъ окно, падаетъ на ея лицо, и Митька видитъ на этомъ лицѣ не то улыбку, не то что-то другое... Губы у нея какъ-то поджаты; глаза опущены въ землю... На „маманькѣ“—синее платье, а волосы связаны въ какой-то комъ, изъ котораго выбилась прядь на щеку...

И лежитъ, бывало, Митька на нарѣ, вперивъ въ темноту ночи свои глаза, и ему хочется плакать и воротить ту „маманьку“...

— Ты, баринъ, спишь?—тихо спроситъ Митька сосѣда.

— А?.. Что?..—испуганно вскрикнетъ баринъ и, приподнявшись на локтѣ, станетъ протирать заспанные глаза...

— Кто спичками объѣлся, въ рай не попадетъ?..

— А?..

— Хозяинъ сказывалъ, что кто спичками обожрется, въ рай не попадетъ...

— Попадетъ, попадетъ... Всѣ тамъ будемъ... Спи покуда, до раю...

Но Митькѣ не спится... Онъ думаетъ о томъ, допустятъ ли его „маманьку" въ рай, и встрѣтится ли онъ съ ней на томъ свѣтѣ...

Прошелъ мѣсяцъ-другой... Митька не отставалъ отъ Теребиловки и отъ той нары, гдѣ спала его покойная „маманька". „Баринъ" куда-то скрылся, и на его мѣстѣ поселился совершенно слѣпой и глухой старикъ-нищій. Старичокъ полюбилъ Митьку, разсказывалъ ему сказки и приголубливалъ сиротинку. Онъ взялъ Митьку къ себѣ въ поводильщики, и они стали ходить съ нимъ по улицамъ, сбирать Христа-ради. По возвращеніи въ Теребиловку, дѣдъ позволялъ Митькѣ вынимать изъ мѣшка набранное и все, что было послаще, брать себѣ. По праздникамъ Митька ходилъ съ дѣдушкой въ церковь и здѣсь всегда молился за мамку.

— Упокой, Господи, рабу Божью, мою „маманьку"!..

Однажды они съ дѣдушкой ходили за богатымъ покойничкомъ на кладбище, и Митька разыскивалъ маменькину могилу. Но найти ее онъ не могъ, и никто не могъ показать ему, гдѣ лежитъ „раба Божія маманька".

Сильно затосковало тогда Митькино сердце. Онъ вспомнилъ, какъ ему разсказывали про смерть „маманьки": „сковыряла со спичекъ головки, размѣшала ихъ въ чаю, выпила и померла". Ничего надъ ней не пѣли, никто съ ней не прощался, никто по ней не поплакалъ... Вырыли въ глинѣ яму и зарыли въ нее бѣдную „маманьку"...

За что такъ поступили съ его „маманькой", Митька не зналъ...

V.

Весна была въ полномъ разгарѣ...

На большомъ дворѣ больницы росли высокіе серебристые тополи и ветла, а прямо подъ окнами ползли густые кусты бѣлой акаціи и бузины... Все цвѣло, благоухало и радовалось...

Этотъ дворъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и садомъ. Усыпанныя желтымъ песочкомъ дорожки бѣжали змѣйками, извиваясь между густой зеленой травою, и прятались въ крытыхъ клумбахъ, гдѣ пока торчали лишь прямыя палки да вѣточки...

Изъ оконъ палаты заразныхъ № 2-й открывалась чудесная панорама: вдали, въ голубоватой дымкѣ прозрачнаго весенняго воздуха, вырисовывались сверкавшіе на солнцѣ купола и кресты церквей отдаленнаго города. Черной длинною лентою тянулся по голубымъ небесамъ дымъ изъ высокой фабричной трубы... А внизу—садъ, съ цвѣтущей акаціей, съ желтыми дорожками, съ шелковой муравою, съ щебетавшими безъ умолку птичками...

Митька выздоравливалъ и начиналъ уже бродить въ длинномъ парусинномъ больничномъ халатѣ отъ постели къ окну и обратно. Онъ могъ видѣть, какъ хорошо теперь подъ небомъ, какъ ярко зеленѣетъ листва деревъ и травка лужаекъ, какъ весело прыгаютъ по вѣткамъ акаціи чирикающіе воробушки.

Однако Митька быстро утомлялся и потомъ большую часть времени принужденъ былъ проводить въ постели. Лежа, онъ часто ловилъ глазами солнечныхъ зайчиковъ, которые дрожали и прыгали по стѣнѣ и потолку: эти зайчики всегда приводили Митьку въ какой-то восторгъ... Худыми ручонками онъ пытался дотронуться до нихъ, когда эти зайчики мимоходомъ скакали черезъ него на стѣну. Но зайчики убѣгали и Митька улыбался слабою улыбкою выздоравливающаго ребенка.

Жизнь торжествовала свою побѣду въ этомъ истощенномъ тѣльцѣ, и какая-то непонятная всеобъемлющая радость, какой-то сладкій трепетъ охватывали Митьку, и онъ тихо начиналъ двигать подъ одѣяломъ ножонками... Такъ легко и пріятно! Митька смыкаетъ вѣки глазъ и отдается во власть чего-то сильнаго, великаго, непонятнаго... Нѣтъ никакой заботы, нѣтъ никакого дѣла ни до кого и ни до чего.

Одно сердило Митьку и часто портило его блаженное состояніе: аппетитъ его возрасталъ съ ужасающей быстротою, а ѣсть давали очень-очень мало: по кружкѣ молока утромъ и вечеромъ—и больше ничего

— Дай хоть маленько хлѣбца!—жалобно просилъ онъ сестру милосердія.

— Нельзя. Вредно.

— А я умру вотъ съ голоду...

— Не умрешь.

— Хоть бы когда огурчикъ соленый принесла!..

— Нельзя. Вредно!..

— Тебѣ—все вредно!..

VI.

Къ концу мая Митька совсѣмъ оправился, и его стали выпускать въ корридоръ на прогулку и сажать за „общій столъ", — гдѣ обѣдали и ужинали всѣ значительно поправившіеся больные.

За „общимъ столомъ" подавали тарелку супу и тарелку каши съ молокомъ, а по праздничнымъ днямъ, вмѣсто каши,—даже и рубленыя котлеты съ изюмомъ.

За ужиномъ доѣдали остатки супа, разбавленнаго, въ интересахъ объема, кипяченой водою. Бѣлый хлѣбъ въ ломтяхъ помѣщался на блюдѣ, и количество его на каждаго не опредѣлялось, а только сторожъ Иванъ, наблюдавшій за порядкомъ во время обѣда и ужина, регулировалъ это количество своимъ глазомъ:

— Эй, ты!.. съ краю! Четвертый ломоть убираешь!

И больной, сидѣвшій съ краю, конфузливо убиралъ протянутую руку, бормоча въ замѣшательствѣ:

— Неужто четвертый!.. Экъ меня!..

Митька уписывалъ за обѣ щеки и, какъ ребенокъ, не встрѣчалъ отпора ни со стороны дяди Ивана, ни со стороны взрослыхъ больныхъ; нѣкоторые изъ послѣднихъ даже дѣлились съ Митькой своимъ супомъ, подливая въ его опустѣвшую тарелку, кто ложку, кто двѣ.

— Питайся, паренекъ! Вишь, какой ты тощой! Въ чемъ душа!..

И Митька, довольный прекращеніемъ ненавистной діэты, „питался" всласть.

Для него наступилъ періодъ настоящаго блаженства... Разъ въ недѣлю, по субботамъ, Митьку посылали, вмѣсто бани, въ ванну, помѣщавшуюся въ небольшой комнатѣ, въ концѣ главнаго корридора. Митька любилъ побултыхаться въ теплой водѣ и просилъ всегда дядю Ивана пускать его послѣднимъ,—когда уже всѣ вымоются,—чтобы подольше посидѣть въ ваннѣ.

Дядя Иванъ—мужикъ добрый, сердечный.

— Ну, Митька! Ходи въ ванную! Всѣ перемылись... Держи чистое бѣлье!.. — говорилъ онъ, появляясь въ субботу вечеромъ въ палатѣ.

Митька радостно соскакивалъ съ подоконника, на которомъ онъ любилъ сидѣть, какъ птица—на вѣткѣ, и, подхвативъ чистое бѣлье, стремительно несся къ ваннѣ.

— Тише, пострѣленокъ!.. Башку раскроишь!..—останавливалъ Митьку дядя Иванъ, слѣдуя за нимъ по корридору.

Дядя Иванъ пускалъ воду въ оба крана сразу—въ холодный и горячій,—бросалъ въ ванну пловучій термометръ и присаживался на стулъ, къ окну. Митька проворно сбрасывалъ халатъ, бѣлье и голенькій ждалъ, когда ванна будетъ готова.

Въ это время дядя Иванъ и начиналъ обыкновенно разсуждать съ Митькой.

— Тощой ты больно, Митька!.. Смотри: ноги-то у тебя, словно у козла!..

— Ничаво...

— Какъ—ничаво? Здоровье допрежъ всего... Тебѣ много ль годковъ-то?

— Не знай... Никакъ девятый...

— Вотъ видишь: девятый годокъ, а ты весь-отъ со сморчокъ! Какъ же ты теперь, безъ отца, безъ матери?..

— Одинъ...

— Не помнишь, говоришь, родителя-то?

— Какого?

— Да отца-то своего?

— Не знай... У меня отца не было...

Дядя Иванъ добродушно-жалостливо ухмылялся:

— Отца не было... Эка сказалъ!.. Глупый!.. Рази безъ отца можно?... Отецъ-отъ былъ, только выходитъ, — не отецъ, а, будемъ такъ говорить,—подлецъ!.. Мать-то гдѣ жила? Въ услуженіи что ли?

— Въ Теребиловкѣ мы съ ней жили.

„Видно, шатущая была"...—вслухъ думаетъ дядя Иванъ и глубоко вздыхаетъ.

— Тинтиратуры достаточно! Лазай скорѣй! — говорилъ онъ, запирая воду, и опять садился къ окну. А Митька залѣзалъ въ ванну и начиналъ бултыхаться... То сядетъ, то ляжетъ, то вытянетъ ноги во всю длину ванны и начнетъ хлопать себя ладонью.

— А ты не брызжи! Экъ тебя!.. — добродушно ворчитъ дядя Иванъ.

Но Митька пропускаетъ мимо ушей ворчливыя замѣчанія добраго дяди Ивана.

— Давно померла мать-то?—спрашивалъ дядя Иванъ послѣ небольшой паузы.

— Давно ужъ...по осени,— безпечно отвѣчалъ Митька, поднимая кверху обѣ ноги.

— Захворала, что ли?

— Отъ спичекъ... Наѣлась спичекъ... Ее потрошили...

— Вотъ, вѣдь, грѣхъ какой! Господи Боже мой...—шепталъ дядя Иванъ и началъ припоминать... Осенью, дѣйствительно, привозили къ нимъ въ „мертвецкую“ какую-то бабу, и дѣйствительно ее рѣзали и открыли, что она отравилась спичками... Должно быть, это и была Митькина мать. „А между прочимъ, кто ихъ знаетъ!.. Много ихъ нонѣ спички ѣдятъ и многихъ рѣжутъ“,—заключалъ онъ свои размышленія.

Утопая въ блаженствѣ, Митька уже нисколько не интересовался своей родословной и давно пересталъ думать и о „маманькѣ“, и о Теребиловкѣ, а добрый дядя Иванъ вполнѣ замѣнилъ ему глухого и слѣпого дѣдушку...

Не одинъ, впрочемъ, дядя Иванъ баловалъ теперь Митьку. По четвергамъ въ больницу приходили навѣщать больныхъ родные и знакомые. Одна изъ посѣтительницъ обратила вниманіе на смѣшную фигуру Митьки, который прогуливался въ своемъ длинномъ халатѣ по корридору, и начала съ нимъ разговоръ:

— Что у тебя халатъ-то больно великъ? Возится по полу вѣдь какъ юбка...

— Нѣтъ маленькихъ-то... Всѣ они здѣсь такіе...

— А ты чей?

— Ни-чей!..

— Какъ такъ?

— Такъ...

— Сирота?

— А то разя не сирота?...—буркнулъ Митька, исподлобья посматривая на барыню.

— Кто же къ тебѣ сюда ходитъ? Никого? Бѣдняжка!.. На̀ вотъ тебѣ гостинца!.. Ну! Иди!

Нельзя сказать, чтобы Митьку пришлось упрашивать и ободрять: онъ довольно проворно приблизился къ барынѣ и очень просто вырвалъ у нея изъ рукъ протя-

нутый пирожокъ и апельсинъ. А потомъ безъ всякихъ чувствъ видимой признательности пошелъ прочь, пряча апельсинъ за пазуху, а пирожокъ въ ротъ.

— Постой! Куда же ты?..

Но Митька, словно боясь, чтобы барыня не передумала и не потребовала апельсинъ обратно, прибавилъ шагу и даже не обернулся...

Митька смекнулъ, что барыня — добрая, и каждый четвергъ, во время „пріемовъ" посѣтителей, выходилъ нарочно въ корридоръ и гулялъ, болтая длинными рукавами больничнаго халата... Онъ поджидалъ барыню... И не напрасно: та всегда приносила ему какихъ-нибудь лакомствъ, булочекъ...

Такъ проходили въ полномъ довольствѣ дни за днями. Митька привыкъ къ больницѣ, полюбилъ ее и чувствовалъ себя, какъ въ раю... Комнаты большія, свѣтлыя и теплыя; одѣтъ хорошо и чисто; всегда сытъ; постель мягкая, поятъ чаемъ по праздникамъ, а по четвергамъ приносятъ „гостинцевъ", по субботамъ веселая ванна... Это ли еще не рай, послѣ жизни въ грязномъ омутѣ, въ обществѣ грязныхъ и пьяныхъ людей, жизни впроголодь, жизни безъ радости, безъ привѣта,— жизни, сплошь состоявшей изъ нужды, горя и лишеній?..

Да, для Митьки здѣсь былъ настоящій рай!

Однажды въ субботу, когда Митька бултыхался въ ваннѣ, а дядя Иванъ сидѣлъ у окна и, по обыкновенію, философствовалъ на тему „вотъ она, жисть-то наша!" въ комнату зашелъ сторожъ сыпной палаты № 3, Петруха, „бывалый человѣкъ" изъ отставныхъ бомбардировъ...

— Что, Митька, скоро поди выпишутъ тебя, пострѣла?—спросилъ онъ.

— Я не пойду,—отвѣтилъ Митька и пересталъ бултыхаться.

— Опять, значитъ, облачатъ тебя въ твои отрепья, дадутъ колѣнкой и—съ Богомъ! откуда пришелъ...

Митька сразу опечалился. До сихъ поръ онъ ни

разу не подумалъ еще, что рано или поздно должно будетъ случиться это „колѣнкой и съ Богомъ!“

— Я не пойду,—буркнулъ Митька.—Я губернатору скажу...

— Не пойдешь, такъ всѣ ступеньки на лѣстницѣ пересчитаешь носомъ... Вотъ вѣдь какъ у насъ!.. Строго... Знашь главную парадную лѣстницу? На ней, чай, больше сотни ступеней... Губерн-а-а-тору!.. Онъ тебя вздеретъ, маминъ сынъ...

— Что ты его мутишь? Мѣшаетъ, что ли, онъ тебѣ,— заговорилъ вдругъ до сихъ поръ упорно молчавшій дядя Иванъ.—А еще бымбандиръ!..

— Не мѣшаетъ, а все-таки зря держать здѣсь тоже не приходится. Посмотри въ правелы-то... Что она, инструкція-то, приказываетъ?

Дядя Иванъ вздохнулъ и сталъ поглаживать бороду. Митька вылѣзъ изъ ванны.

— Что это у тебя, молодецъ, на грудяхъ-то? — не отставалъ придирчивый Петруха...

— Заболѣло...

— Ну-ка, постой!.. Да постой, что ли!..

Петруха повернулъ Митьку къ окну и, сдвинувъ брови, сталъ пристально всматриваться.

— Смотри, не сифилитуда ли...—сказалъ онъ.

— А ты нечего зря-то...—серьезно огрызнулся дядя Иванъ.—Чай, выздоравливаетъ, кровь играетъ теперь въ емъ...

— А вотъ тебѣ и „играетъ“!.. Вижу ужъ эту штуку...

— Заживетъ... У меня раньше ужъ была такая штука, да пропала...—безпечно произнесъ Митька.

— Ну, вотъ!.. Она самая и есть!..

VII.

На другой день утромъ фельдшеръ пришелъ въ палату и направился прямо къ Митькиной постели...

Фельдшеръ давно уже „подкапывался“ подъ мило-

видную сестру милосердія палаты № 2 и старательно выискивалъ случая подгадить ей, чтобы не „фардыбачила“ и не зазнавалась...

— Разстегни рубаху! — сказалъ строго фельдшеръ, садясь на кровать къ Митькѣ.

Митька повиновался.

Осмотрѣвъ и ощупавъ, гдѣ слѣдуетъ, Митьку, фельдшеръ скорчилъ гримасу и побѣжалъ вонъ изъ палаты...

— Ходитъ за больнымъ, ставитъ термометры и ни чорта дикаго не видитъ! Тоже „сестрой“ называется,— злобно прошепталъ онъ, скрываясь за дверьми.

Въ тотъ же день вечеромъ пришелъ ординаторъ, осмотрѣлъ Митьку и приказалъ перевести его въ сифилитическое отдѣленіе; фельдшеръ получилъ нагоняй, а миловидная сестра милосердія получила отставку...

Только самому Митькѣ было ни тепло, ни холодно. Ему даже стало еще вольготнѣе; къ имѣвшимся уже „благамъ“ теперь прибавились новыя: кормить стали еще вкуснѣе и сытнѣе и въ садъ на прогулку стали пускать,—въ садъ, куда такъ манило Митьку еще въ то время, когда онъ посиживалъ на подоконникѣ палаты № 2 и посматривалъ въ окно на цвѣтущую акацію, на желтыя песчаныя дорожки, на зеленую мураву и на скакавшихъ по вѣточкамъ и азартно чирикавшихъ воробушковъ, на сверкавшіе вдали купола и кресты церквей города, на бѣлыя облака, плывшія по синему морю небесъ...

Позади больницы былъ разсаженъ огородъ, гдѣ копались—работали „для здоровья“ и для старшаго доктора — тихіе сумасшедшіе и меланхолики. Садъ одной своей стороной соприкасался съ этимъ огородомъ и былъ отдѣленъ отъ послѣдняго только высокой зеленой рѣшеткою.

Митька очень любилъ смотрѣть на этихъ больныхъ и всегда на прогулкѣ торчалъ около загороди, если

сумасшедшіе работали на огородѣ. Эти несчастные возбуждали въ Митькѣ какое-то особенное любопытство.

— Эй, сумасшедшій!—тихо, съ замираніемъ сердца кричалъ Митька черезъ рѣшетку, желая посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Стоявшій поблизости сумасшедшій отрывался отъ дѣла и пристально устремлялъ взоры на рѣшетку.

Митькѣ становилось какъ-то жутко, онъ отодвигался подальше отъ изгороди, потомъ неожиданно показывалъ сумасшедшему языкъ или дулю и стремглавъ, безъ оглядки, бѣжалъ на другой конецъ сада... Проходило нѣсколько минутъ, Митька успокаивался и опять осторожно прокрадывался къ страшному огороду. Возьметъ камешекъ, присядетъ за кустикъ и лукнетъ въ сумасшедшаго... Однако ничего интереснаго не выходило...

„Чего бы еще испробовать?“ думаетъ Митька и скоро изобрѣтаетъ: на длинную палку онъ привязываетъ кустъ крапивы, просовываетъ конецъ палки съ крапивой чрезъ рѣшетку въ огородъ и сдержанно,—такъ, чтобы не разбудить дремлющаго надзирателя,—кричитъ:

— Эй! Сумасшедшій!.. На-ка, поѣшь!.. Сумасшедшій!!.

— Ты самъ дуракъ набитый!—неожиданно отвѣчаетъ ближайшій больной, не поворачиваясь къ Митькѣ.

Но Митька думаетъ, что „этотъ не сумасшедшій, а какой-нибудь другой болѣстью хвораетъ“, и сконфуженно оправдывается, вытаскивая обратно свою палку съ крапивой:

— Чего ругаешься-то?.. Я вѣдь не тебѣ это кричалъ, а вонъ тому... сумасшедшему... Вонъ съ лейкой-то стоитъ...

— А что, дядя Иванъ, на огородѣ-то не все, чай, одни полуумные? — провѣряетъ потомъ свои сомнѣнія Митька:—другіе, чай, здоровые гуляютъ?..

— Которые есть поумнѣе тебя!.. — шутитъ дядя Иванъ.—А что?

— Обругалъ меня одинъ дуракомъ набитымъ...

— За что?

— Кто его знаетъ!.. Я иду мимо, его не трогаю... А онъ и кричитъ: „дуракъ набитый! дуракъ набитый!..“

— А ты все-таки больно близко-то не подходи... Которые злые есть,—предупредилъ дядя Иванъ.

— Ну? А чего онъ сдѣлаетъ, сумасшедшій-то?..

— Убьетъ! Чего съ него взять-то? Сумасшедшій, такъ онъ и есть сумасшедшій... Бывали случаи, другъ дружку убивали до смерти...

— Ну? А они, чай, черезъ рѣшетку-то не перелѣзутъ?.. высокая она...

— Которые есть на пять саженевъ махаютъ! Вотъ что!—вралъ дядя Иванъ для устрашенія озорного Митьки.

Когда Митька узналъ, что сумасшедшіе могутъ на „пять саженевъ махать“, онъ пересталъ производить надъ ними свои научно-любительскіе эксперименты... Теперь онъ сталъ обращать больше вниманія на музыку, которая иногда вырывалась изъ раскрытыхъ оконъ стоявшаго на дворѣ флигеля, занимаемаго старшимъ докторомъ.

Митька подходилъ поближе къ музыкѣ, присѣдалъ за кустъ акаціи и слушалъ. Когда тамъ заиграютъ какой-нибудь маршъ, Митька начинаетъ помахивать рукой и притопывать ногою въ тактъ марша... Въ его воображеніи сейчасъ же встаютъ „солдаты съ музыкой“, — за которыми онъ иногда бѣгалъ по городу, — и самъ онъ на время превращается въ офицера.

Впрочемъ, и въ комнатахъ Митька имѣлъ не мало развлеченій. Надо сказать, что въ новой палатѣ Митька встрѣтилъ своего стараго знакомаго,— того самаго господина „изъ благородныхъ“, съ которымъ онъ жилъ когда-то въ Теребиловкѣ. „Баринъ“ встрѣтилъ Митьку очень привѣтливо и все восклицалъ:

— И ты, Брутъ!

— Я тебѣ не братъ,—отвѣчалъ Митька...

„Баринъ“ обезножилъ, ходить не могъ и все валялся

на постели. Отъ скуки онъ приглашалъ то одного, то другого больного-однопалатника къ своей койкѣ сразиться „въ дурачки“.

— Дитя позора и несчастья! Митька! Иди въ карты сыграемъ!—звалъ онъ Митьку, когда не отыскивалось охотниковъ.

— Я не умѣю...

— Иди, несчастный!.. Мать съ проклятіемъ сына носила и съ проклятьемъ его родила... Иди! Научу! „Въ пьяницы“, хочешь, научу?

Митька подходилъ къ постели „барина“, и тотъ начиналъ ему объяснять теорію игры „въ пьяницы“. Ученикъ оказался понятливымъ и послѣ двухъ-трехъ уроковъ уже съ азартомъ гнулъ въ рукахъ грязныя засаленныя карты и вступалъ въ споръ съ учителемъ:

— Чай, король важнѣе туза?..

— Нѣтъ, братецъ... Сперва это было, давно ужъ... А теперь, братецъ мой, тузъ важнѣе... Давай-ка взятку-то мнѣ! нечего...

— Нѣтъ, врешь! Не жиль! — горячился Митька и сгребалъ лапами „взятку“.

„Баринъ“ помиралъ со смѣху и отнималъ у партнера взятку.

— Ну, такъ я—наплевать!..—сердился Митька и бросалъ на постель къ „барину“ карты.

— Ну, возьми, возьми! Шутъ съ тобой! Пусть король будетъ старше! Ходи дальше!

— Вотъ то-то и есть!.. — говорилъ успокоенный партнеръ.

„Барину“ очень хотѣлось водки, но достать ее здѣсь было очень трудно. Баринъ ругалъ „порядки“ и грозилъ, что сейчасъ же выпишется и прямо въ кабакъ!.. Однако, вспомнивъ, что ходить онъ не можетъ, — „баринъ“ смирялся и топилъ свою грусть въ „дурачкахъ“ да въ храпѣніи на всю палату.

— Митька! или достань водки, или иди играть въ

пьяницы!..—хрипло кричалъ онъ, возставъ отъ сна, но въ дверяхъ появлялся Петруха и останавливалъ:

— А вы, господинъ Калинскій, не орите больно-то! Здѣсь больница, а не трахтеръ...

— Какъ часто прахъ гордится передъ прахомъ, хоть оба—только прахъ!..—патетически восклицалъ Калинскій, а Петруха ворчалъ:

— По пашпорту быдто ваше благородье, а по обращенію—кабацкая затычка...

И всѣ больные выносили о своемъ сотоварищѣ по болѣзни именно такое впечатлѣніе — между вашимъ благородіемъ и кабацкой затычкой.

VIII.

Проходило и лѣто... Въ клумбахъ больничнаго сада уже расцвѣли всѣ цвѣты. Горѣли ярко-красные піоны скромно красовались блѣдныя лиліи, и гордые георгины снисходительно улыбались бархаткамъ... А тамъ выглядывали кокетливые „Анютины глазки“ и насмѣшливо посматривали въ сторону „Ивана-да-Марьи“... Курица хохлатка, съ цѣлымъ семействомъ цыплятъ, разговаривала на больничномъ дворѣ съ безпомощно попискивающими дѣтками... Старая свинья, собственность старшаго доктора, похрюкивая отъ удовольствія, изо всѣхъ силъ чесалась объ уголъ крыльца своего хозяина...

Митька все еще „блаженствовалъ“... Калинскій тоже поправился, -онъ могъ уже ходить, хотя еще очень медленно и съ тростью...

Старые знакомые вмѣстѣ гуляли по саду и по коридорамъ, продолжали играть въ „пьяницы“, разсуждать на разныя темы. Калинскій разсказывалъ Митькѣ о бабочкахъ, о мухахъ, объ обезьянахъ, о деревьяхъ и едва успѣвалъ удовлетворять Митькиной любознательности.

Однажды, когда пріятели бродили по саду и, по обыкновенію, разсуждали на одну изъ подобныхъ темъ,

изъ оконъ докторскаго флигеля полились мелодичные аккорды піанино.

— Давай слушать! Пойдемъ поближе!—предложилъ Митька. Они подошли къ изгороди и опустились на травку, подъ кустомъ акаціи прямо противъ оконъ флигеля.

Былъ чудный августовскій вечеръ. Солнце уже покинуло небосклонъ; послѣдніе лучи его играли еще на церковныхъ крестахъ отдаленнаго города, утопавшаго въ розоватой дымкѣ вечерней зари. Въ воздухѣ повѣяло прохладой, сыростью...

Во флигелѣ были гости, тамъ кто-то игралъ одну изъ Бетховенскихъ сонатъ... Минорные ноющіе аккорды то стихали, замирали, то вдругъ переходили въ мажорные и гремѣли сильными и энергичными басовыми нотами... Тихо-тихо пробивалась среди стихающаго грома звуковъ одна тоскующая нотка; какъ струйка журчащаго ручейка, дребезжала она колокольчикомъ, потомъ откуда-то къ ней присоединилась другая тоскующая нотка... Громъ становился тише, слабѣе. . Вотъ онъ уже казался только эхомъ пролетѣвшей грозы, — и вдругъ лилась нѣжная, ласкающая мелодія...

Долго Калинскій и Митька молчали. Калинскій полулежалъ, положивъ голову на руку, и смотрѣлъ въ землю. Митька сидѣлъ, сложивъ ноги калачикомъ, и, разиня ротъ, смотрѣлъ куда-то въ пространство...

— А у тебя мать есть? - тихо спросилъ вдругъ Митька, продолжая сосредоточенно смотрѣть въ пространство.

— А? Что?.. — вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, спросилъ Калинскій.

— Мать у тебя померла?

— Да, да... Есть... Померла... — разсѣянно отвѣтилъ Калинскій, не измѣняя своей позы.

Наступило опять молчаніе. Музыка попрежнему неслась изъ оконъ, то гремя, то стихая...

— А ты любишь ее, мать-то?.. — снова спросилъ вдругъ Митька.

Калинскій не отвѣчалъ. Его лицо подергивалось судорожной улыбкой, и въ глазахъ блестѣли слезы... Митька, не дождавшись отвѣта, дернулъ Калинскаго за рукавъ халата и снова спросилъ:

— Ты любишь мать-то?..

Но вмѣсто отвѣта Митька услыхалъ вдругъ какое-то сопѣніе и всхлипываніе...

— Ты что?—удивленно спросилъ Митька.

— Люблю! Люблю!.. Всѣхъ я люблю!.. И тебя... И тебя... — беззвучно зашепталъ сквозь прорывающіяся рыданія Калинскій и сталъ цѣловать Митьку, обливать его слезами и крѣпко прижимать къ своей груди.

Митька вывернулся и бросился бѣжать. А Калинскій остался на мѣстѣ. Опустившись на траву, онъ сталъ рыдать, пряча свое лицо въ рукавъ халата.

— Дядя Иванъ!.. Съ ума онъ сошелъ!—запыхавшись сообщалъ Митька въ больничномъ корридорѣ сторожу.

— Кто, парень?..

— Да баринъ!.. Надо его загнать въ огородъ.

— Чаво болтаешь-то, озорной!..

— Вотъ тебѣ крестъ! Лопни мои глазыньки... Сцапалъ меня вдругъ, да и давай душить... Укусить норовилъ, только я вырвался...

Спустя десять минутъ Калинскаго принесли на носилкахъ въ палату... Лицо его посинѣло; на щекѣ краснѣла алая струйка крови, прячась гдѣ-то подъ усами. Изъ груди вырывалось хрипѣніе... А спустя еще десять минутъ, когда изъ оконъ флигеля лились попрежнему минорные тоскующіе аккорды піанино,—вынесли изъ палаты въ „мертвецкую" трупъ горемычнаго неудачника...

Калинскій померъ отъ аневризма...

Смерть пріятеля произвела сильное впечатлѣніе на Митьку, особенно когда онъ узналъ, что „барина" будутъ „потрошить"... Ночью онъ не могъ заснуть и

боялся посмотрѣть на пустую койку, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ игралъ съ „бариномъ“ „въ пьяницы“... Ночь была свѣтлая, бѣлая... Серебряный мѣсяцъ, выглянувъ изъ-за крыши докторскаго флигеля, смотрѣлъ чрезъ окно палаты такъ внимательно, пристально; казалось, онъ хотѣлъ услышать, какъ бьется трусливое Митькино сердце... Съ другой стороны, въ окна можно было видѣть глухую каменную стѣну мертвецкой... Митька туда не смотрѣлъ, но одно уже то обстоятельство, что въ окна можно видѣть это страшное мѣсто, заставляло Митьку прятать свою голову подъ одѣяло...

Митька не хочетъ думать о „баринѣ“, а онъ неотступно стоитъ въ его воображеніи... Вотъ онъ высокій, худой, съ отекшимъ лицомъ и мутными глазами, съ колючимъ подбородкомъ... „Адамово яблоко“ у него на горлѣ большое выставилось... А на щекѣ пластырь налѣпленъ... Митькѣ лѣзутъ въ голову воспоминанія послѣднихъ дней: какъ они играли давеча утромъ въ карты, а вчера разговаривали о раѣ; какъ гуляли по саду, и „баринъ“ сказалъ, что у свиньи душа... Митька слышитъ знакомый голосъ, грубый, хриплый... А потомъ вспомнится, какъ давеча вечеромъ въ саду „баринъ“ сцапалъ его, и какъ „барина“ притащили на носилкахъ въ палату; какъ онъ хрипѣлъ...

„Хоть бы ночь скорѣй прошла!“ думаетъ Митька и ёжится подъ одѣяломъ. Ему душно, но голову онъ боится выставить... А ночь тянется, тянется... Серебряный мѣсяцъ уже глядитъ въ другое окно. Вотъ кто-то изъ больныхъ закашлялся и завозился... Слава Богу!.. Митька такъ радъ, что вблизи есть хоть одинъ неспящій человѣкъ... Теперь не такъ страшно. Сразу отлегло отъ сердца... Можно выставить и голову...

Митька расправляетъ ноги и высовываетъ изъ-подъ одѣяла свою бритую голову...

— Уфъ!.. какъ жарко и душно!.. Тебѣ не спится?—

шопотомъ спрашиваетъ Митька проснувшагося больного...

— Да, паренекъ...

„И ничего страшнаго нѣтъ!“ думаетъ Митька „Нечего бояться барина: онъ мертвый... Онъ не шевелится и не можетъ сюда придти“...

Только когда серебряный мѣсяцъ пересталъ смотрѣть въ окна и вмѣсто него глянулъ слабый проблескъ наступающаго утра, Митька пересталъ совершенно бояться и заснулъ, какъ мертвый.

IX.

Жизнь пошла своимъ чередомъ...

Митька очень скоро примирился съ отсутствіемъ „барина“. Карты „баринъ“ забылъ взять у Митьки, и онъ отыскалъ себѣ новаго партнера, который выучилъ его играть еще въ „дурачки“ и „въ свои козыри“...

Прошелъ августъ. Ведреные дни смѣнились продолжительнымъ и настойчивымъ ненастьемъ... Пошли безконечные маленькіе дождички, посѣрѣли небеса и, печально кружась въ воздухѣ, стали падать съ тополей пожелтѣвшіе листочки...

Большія окна больницы стали казаться меньше, стекла ихъ постоянно потѣли, отчего внутри больницы сдѣлалось какъ-то темнѣе, угрюмѣе и непривѣтливѣе...

Дядя Иванъ уже приходилъ со двора въ коротенькомъ полушубкѣ и морщился, стряхивая воду съ картуза и приговаривая:

— Эка мокрота, сырость!..

Митька не ходилъ больше въ садъ, гдѣ теперь бѣгали только собаки да безпрепятственно рылась въ клумбахъ докторская свинья, поѣдая заброшенные георгины...

Въ одно пасмурное утро пришелъ въ палату фельдшеръ, осмотрѣлъ нѣкоторыхъ больныхъ—въ томъ чи-

слѣ и Митьку—и, сказавъ Пѣтрухѣ: „этихъ къ выпискѣ!“ ушелъ.

Къ выпискѣ!.. Это значитъ „колѣнкой — и съ Богомъ!“...

Митька долго сидѣлъ на своей койкѣ и сосредоточенно теребилъ завязки наволочки на подушкѣ. Пришелъ Петруха и сталъ ходить между койками и стирать на нѣкоторыхъ черныхъ дощечкахъ надписи, а „скорбные листы“—вытаскивать и перекладывать въ одну руку...

— Что, Митька, правду я тебѣ говорилъ? — грубо бросилъ Петруха, стирая доску у Митьки.—Не охота небось!.. Избаловался!

Митька промолчалъ. Когда Петруха вышелъ изъ палаты, онъ тоже выбѣжалъ оттуда и торопливо направился по корридору въ комнату дяди Ивана.

— Дядя Иванъ!..

— Ну?..

— Разя мнѣ отсель уходить?—тихо спросилъ Митька.

— А что? кто сказалъ?

— Фельдшеръ къ намъ приходилъ... Сказалъ—выписать...

Дядя Иванъ вздохнулъ и почесалъ за ухомъ:

— Видно такъ... Ничего не подѣлаешь!..

— Я еще маленько пожилъ бы...—произнесъ почти шопотомъ Митька.

— Эхъ!.. Вѣдь не я, милый, тутъ хозяинъ-то... чаво я?.. Я бы само собой.

— Попроси-и-и!..

— Разя меня послушаютъ?! Да вѣдь нельзя... Это ужъ положенье такое...

— Я сталъ бы тебѣ помогать... Полъ подметать шваброй... Я умѣю...

Дядя Иванъ только причмокнулъ губами и вздохнулъ...

— Митька!.. Что ты убѣгъ? иди за мной!—раздался

вдругъ голосъ Петрухи, просунувшаго въ дверь свою голову.

Митька оборотился къ стѣнѣ и, замолкнувъ, застылъ на мѣстѣ.

— Иди, молъ!..—прикрикнулъ Петруха.

Митька молчалъ и не двигался.

— Тебѣ говорятъ, али нѣтъ?

Дядя Иванъ опять вздохнулъ, почесалъ за ухомъ и сталъ возиться около ванны, хотя въ этомъ не было никакой надобности.

Петруха вошелъ въ комнату. Онъ взялъ за руку Митьку и потащилъ вонъ.

Митька заревѣлъ и началъ упираться...

— На̀ вотъ!.. Уперся, — не своротишь... Н-ну! иди, что ли!—уже со злостью крикнулъ Петруха и поддалъ Митькѣ колѣнкой сзади.

Митька вылетѣлъ изъ комнаты. Петруха поволокъ его по корридору.

Изъ дверей попутныхъ палатъ выходили больные и печально провожали глазами плакавшаго Митьку...

— Куда ты его?—спросилъ одинъ изъ нихъ Петруху.

— Въ чахаусъ! Къ выпискѣ назначенъ...

Прошли главнымъ корридоромъ и свернули влѣво; потомъ спустились по каменной лѣстницѣ въ нижній этажъ и опять зашагали какимъ-то полутемнымъ холоднымъ проулочкомъ... Митька едва поспѣвалъ за Петрухой и какъ-то подпрыгивалъ на ходу, продолжая тихо всхлипывать и потягивать носомъ.

Вотъ дошли, наконецъ, и до „чахауса“...

Въ концѣ проулочка—окно съ желѣзной рѣшеткой, а направо черная дверь... Пахнетъ сыростью, затхлостью, кругомъ тоскливо и сумрачно... Точно къ склепу подошли...

— Подожди здѣсь! — сказалъ Петруха, а самъ вошелъ въ дверь, которая жалобно визгнула ржавыми петлями.

— Одежду, вашескобродіе, отъ номера шестнадцатаго! къ выпискѣ...

— Мужская или женская?

— Мальчонка...

Такой діалогъ глухо донесся откуда-то, словно изъ-подъ земли, чрезъ непритворенную дверь: послышались шаги, потомъ со звономъ отомкнулся гдѣ-то замокъ, потомъ—другой, третій...

Кругомъ было тихо, мертвенно тихо.

Смотритель „чахауса", одна изъ разновидностей „архивныхъ крысъ", старикъ съ трясущимися руками и беззубыми челюстями, ворчалъ, отыскивая одежду № 16-го, кашлялъ, ругался, сморкался, чихалъ и хлопалъ дверками шкафовъ...

— № 16-й — баба! Ты что-нибудь спуталъ... — прошамкалъ онъ наконецъ.

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе Шестнадцатый... Вѣрно...

— Изъ какого отдѣленія?

— Изъ третьяго... Сперва онъ былъ во второмъ заразномъ, а потомъ перевели его...

— Ну, вотъ... дуракъ!.. Подъ какимъ № онъ былъ въ томъ отдѣленіи?

— Сичасъ, вашескобродіе, сбѣгаю,—виновато проговорилъ Петруха, подобострастно улыбаясь, и побѣжалъ справляться.

— Смирно сиди! Никуда не ходи, а то... — на ходу бросилъ Петруха, торопливо шагая мимо Митьки.

Звонко раздавались шаги Петрухи въ пустынныхъ каменныхъ корридорахъ... Эхо сдваивало эти шаги, отъ чего казалось, что Петруха бѣжитъ... Но вотъ шаги затихли, и опять кругомъ воцарилась мертвая тишина.

Жутко вдругъ стало Митькѣ. Опять вспомнился Калинскій, — и дрожь мурашками пробѣжала по его спинѣ. Гдѣ-то что-то стукнуло, и Митька, спрыгнувъ съ подоконника, опрометью влетѣлъ въ „чахаусъ".

Изъ глубины дальней комнаты выглянула „архивная крыса“ и, сощурившись, пристально посмотрѣла на Митьку.

Постоявъ нѣсколько мгновеній на мѣстѣ, эта „крыса“ подошла къ двери и спросила шамкающимъ ртомъ:

— Тебѣ что?

— Ничего!..

— Ты... у тебя который номеръ?

— Я безъ номера...

„Крыса“ безжизненно посмотрѣла еще нѣсколько мгновеній, повела какъ-то носомъ, сморщилась и ушла...

„На колдуна похожъ“, подумалъ Митька.

Вбѣжалъ Петруха.

— Куда залѣзъ? Я тебѣ приказывалъ тамъ, — прошепталъ онъ, ткнувъ Митьку въ загривокъ, и чинно, на цыпочкахъ, вошелъ въ слѣдующую комнату.

— Во второмъ отдѣленіи онъ былъ, вашескобродіе, подъ № 9-мъ.

— То-то вотъ и есть... остолопъ... — прошамкала „крыса“ и опять стала щелкать замками.

— Поди, возьми! Отрепья одни... Вонъ — узелокъ!.. башмаки...—показала „крыса“ ногою Митькину одежду.

— Больше ничего?—спросилъ Петруха, сгребая съ нижней полки шкафа узелокъ съ башмаками.

Въ отвѣтъ щелкнулъ со звономъ замокъ.

— Ну, иди, молодецъ, за ширму! нà твое добро!.. Скидавай казенное!—приказалъ Петруха Митькѣ.

Митька уже послушно исполнялъ все, что ему приказывали. Спустя минутъ пять, Митька вышелъ изъ-за ширмы неузнаваемымъ: опять на немъ были коротенькіе съ заплатами штанишки, опять неуклюже висѣлъ на немъ засаленный жилетъ, опять на ногахъ были стоптанныя „щиблеты“, съ отстающими подошвами и съ торчащими изъ дыръ пальцами.

— Вотъ мѣшокъ-отъ свой еще прихвати! пригодится... Хоша его крысы и объѣли маленько, ну, да и имъ

вѣдь тоже жрать надо... — сказалъ вышедшій изъ-за ширмъ вслѣдъ за Митькою Петруха и бросилъ на полъ грязный, связанный веревочкой мѣшокъ...

Митька наклонился и поднялъ мѣшокъ...

— Теперь при всемъ парадѣ! Пойдемъ въ пріемную!

Опять пошли корридоромъ, опять спускались по какой-то маленькой лѣстницѣ.

— Къ выпискѣ! № 9-й! — вскрикнулъ Петруха, втолкнувъ Митьку въ пріемную.

Фельдшеръ сидѣлъ у стола и писалъ что-то. У двери стоялъ разсыльный Семенъ и позѣвывалъ, прикрывая ротъ ладонью...

Митька апатично повелъ глазами по стѣнамъ, по потолку, по полу и, остановившись на фельдшерѣ, подумалъ:

„Хохолъ какой изъ башки торчитъ у него... Ровно пѣтухъ...“

Фельдшеръ докончилъ „отношеніе“ и, отбросивъ ручку, схватилъ прессъ-бюваръ и сильно стукнулъ два раза по бумагѣ. Потомъ онъ запечаталъ бумагу въ пакетъ, на которомъ, помимо адреса, написалъ крупными буквами: „съ приложеніемъ бродячаго мальчика“.

— Въ полицію, — произнесъ онъ, подавая разсыльному Семену вложенный въ разносную книгу пакетъ.

— Съ эфтимъ мальцомъ?

— Да. Сдай пакетъ и мальчишку приставу или кто тамъ будетъ...

— Шагай, паренекъ, за мной, — сказалъ разсыльный, ткнувъ пальцемъ задумавшагося Митьку.

Когда Митька съ разсыльнымъ вышли за ограду больницы, пахнулъ въ лицо непріятный вѣтеръ и подулъ во всѣ дыры и прорѣхи Митькинаго рубища... Подъ ногами зашлепала жидкая грязь и забулькала дождевая вода.

— Вотъ по тропочкѣ-то шагай, малецъ! Не лѣзь зря-то... — сказалъ разсыльный Семенъ, мимоходомъ

взглянувъ Митькѣ на ноги. Но Митька не разбиралъ теперь тропочекъ. Онъ шагалъ медленно, съ понурой головой, и только потягивалъ носомъ.

Прошли первый пожелтѣвшій лужокъ, прошли длинный заборъ огорода сумасшедшихъ... Митька оглянулся назадъ и съ любовью посмотрѣлъ на вырисовавшійся въ туманѣ фасадъ высокаго каменнаго дома, гдѣ онъ провелъ столько радостныхъ счастливыхъ дней. Слезка скатилась съ рѣсницы Митькинаго глаза и упала на мокрый лужокъ...

GAUDEAMUS IGITUR.

Ежегодно, въ день годовщины N-го университета, въ нашемъ уѣздномъ городкѣ Сердянскѣ собиралась мѣстная интеллигенція, чтобы въ задушевной бесѣдѣ вспомнить дни своего студенчества.

Питомцевъ N-аго университета у насъ было трое: толстякъ мировой судья, Илья Ильичъ Невзоровъ, потерявшій на должности судебнаго слѣдователя зубы— старичокъ Иванъ Петровичъ Стебельковъ, и худой и тонкій земскій врачъ, Стеблицкій. Но къ этимъ тремъ господамъ всегда какимъ-то непонятнымъ образомъ присоединялись еще двое: становой Тычкинъ и почтмейстеръ Мямлинъ...

Оба послѣдніе никакихъ университетовъ не нюхали, но почему-то считали своей непремѣнной обязанностью ежегодно участвовать въ празднествѣ.

Бывало, дня за три-четыре Тычкинъ шлетъ десятскаго къ слѣдователю съ запиской: „Увѣдомьте меня, предполагается ли нынче и какимъ образомъ праздновать нашу годовщину? Не дурно бы на чистомъ воздухѣ и совмѣстно съ женскимъ поломъ“. Почтмейстеръ тоже освѣдомляется у мирового: „Добрѣйшій Илья

Ильичъ! По примѣру прошлыхъ лѣтъ, надлежитъ и нынѣ вспомнить нашъ храмъ науки. Слѣдовало бы устроить хоть маленькую пулечку. Не откажите увѣдомить о намѣреніяхъ и предположеніяхъ компаніи".

Земскій врачъ, молодой еще сравнительно человѣкъ, желчный, нервный и раздражительный, неохотно присоединялся къ этому веселому пиршеству: онъ угрюмо замѣчалъ, что не время теперь праздновать эти „годовщины", и начиналъ задумчиво грызть ногти... Однако, послѣ долгихъ и настоятельныхъ увѣщаній со стороны Ильи Ильича, сдавался.

— Хорошо... только, во всякомъ случаѣ, я не желаю праздновать вмѣстѣ съ Тычкинымъ.

— Ахъ, Петръ Петровичъ! Ну что вамъ дался этотъ Тычкинъ? Безобидный человѣкъ, такой же, какъ и мы съ вами... Пусть его!.. Не мѣшаетъ вѣдь?

— Да скажите, пожалуйста, какого чорта онъ будетъ съ нами праздновать? Вѣдь онъ... онъ...

— Ну, что же „онъ"? Подпоручикъ въ отставкѣ-съ! Вѣдь дѣло не въ томъ...

— А въ чемъ же-съ?

— Вѣдь онъ собственно для компаніи...

— Ну, ужъ извините! Если вы для компаніи урядниковъ еще пригласите, такъ я лучше дома, одинъ, напьюсь!.. Да и какія тутъ празднества?.. Чепуха!..

— Какъ хотите!.. А если вздумаете, такъ приходите... Мы собираемся въ клубѣ,—говорилъ Илья Ильичъ обиженнымъ тономъ и покидалъ „тяжелаго человѣка".

— „Съ урядниками!?.." Никто никакихъ урядниковъ не приглашаетъ...—ворчалъ Илья Ильичъ по дорогѣ.— Всегда крайности... Невыносимый человѣкъ!..

Томимый одиночествомъ и скукою, докторъ обыкновенно, послѣ долгихъ посвистываній и похаживанія изъ угла въ уголъ, бралъ фуражку и шелъ въ клубъ „посмотрѣть, что тамъ дѣлается", и всегда какъ-то случалось, что онъ, противъ собственной воли и жела-

нія, оставался тамъ, присоединяясь къ торжествующимъ.

Почти то же случилось и на этотъ разъ.

Никто изъ питомцевъ N-аго университета еще не помышлялъ о приближавшейся годовщинѣ своей „almae matris“, какъ Тычкинъ уже напомнилъ о ней письмомъ къ старичку-слѣдователю:

„Милѣйшій Иванъ Петровичъ! приближается день нашего празднества въ честь вашей науки, и я предлагаю отпраздновать нынче, какъ слѣдуетъ. Проектирую устроить поѣздку въ Студеный Ключъ—это всего въ двѣнадцати верстахъ отъ города: могу достать двѣ тройки земскихъ лошадей, но ставлю непремѣннымъ условіемъ—участіе въ поѣздкѣ женскаго пола“ и т. д.

Надо замѣтить, что Тычкинъ, каждогодно настаивавшій на участіи въ празднествѣ женскаго элемента, на сей разъ стоялъ за это съ особенной рьяностью:

„Что за удовольствіе,—писалъ онъ,—быть безъ женскаго пола? Рѣшительно никакого. Безъ женщины мужчина, какъ безъ паровъ машина,—говорится. Поэтому я предложилъ бы пригласить съ собой дѣвицъ Недоносковыхъ и Марью Гавриловну. Можетъ быть, и ваша супруга приметъ участіе. Что же касается супруги Ильи Ильича, то я, между нами будь сказано, на нихъ не надѣюсь: заболятъ у нихъ зубы, и тогда все дѣло приметъ мрачный колоритъ“.

Старикъ-слѣдователь теоретически вполнѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ, но какъ только вопросъ вставалъ въ его головѣ вмѣстѣ съ мыслью о супругѣ,—онъ рѣшительно былъ противъ.

— Я думаю, душечка, ѣхать въ четвергъ на вскрытіе... Мертвое тѣло давно валяется.

— А какъ же? Развѣ годовщину не будешь справлять?

— Гм... не знаю... Только тебѣ не совѣтовалъ бы ѣхать... Если бы не было это неудобно, я и самъ отказался бы...

Такъ подготовлялъ почву Иванъ Петровичъ.

Почтмейстеръ былъ рѣшительно противъ участія женскаго элемента. Онъ понималъ, что разъ будутъ дѣвицы Недоносковы, его жена ни за что не отстанетъ,—привяжется. Взять же ее съ собою равносильно обреченію себя на монашескую воздержанность во всемъ, начиная съ картишекъ.

Жена почтмейстера Мямлина была однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ существъ, которыя вѣчно ревнуютъ своихъ супруговъ къ каждой женщинѣ. Несмотря на то, что почтмейстеръ не имѣлъ ровно никакихъ шансовъ на успѣхъ въ этомъ отношеніи, несчастная женщина не спускала мужа съ глазъ: она была такого убѣжденія, что „мужчинѣ“ достаточно быть немного лучше чорта, чтобы всѣ женщины падали въ его объятія.

— Митя! машеръ! мнѣ тебя нужно!—многозначительно, съ повышеніемъ тона въ голосѣ, отзываетъ она всякій разъ мужа, когда онъ заговорится съ какой-нибудь дамою.

И почтмейстеръ покорно покидаетъ собесѣдницу, прошептавъ:

— Виноватъ-съ... я васъ на минуточку оставлю.

Однако болѣе онъ уже не возобновляетъ прерваннаго разговора съ дамой изъ боязни „скандала“...

Докторъ, по обыкновенію, сперва уперся, а потомъ съ кислою миною отвѣтилъ:

— Ладно... прокачусь... Все равно надо въ Сосновку заѣхать,—больные есть тамъ...

Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы познакомить читателя поближе съ нѣкоторыми героями нашего разсказа.

Тычкинъ, какъ человѣкъ военный, былъ душою нашего дамскаго общества. Онъ первенствовалъ въ клубѣ на вечерахъ и такъ отлично дирижировалъ танцами, что всѣ танцующіе, бывало, приходили въ какое-то неистовство: молодой секретарь полиціи, съ взъерошенною головою,

подпрыгивалъ козломъ и пожиралъ свою даму какими-то страшными дикими взорами, а нашъ фельдшеръ такъ сильно притоптывалъ въ тактъ музыки каблуками, что, казалось, намѣревался проломить полъ своими ногами.

— Кавалье! А гошь!! — оглушительнымъ теноромъ выкрикнетъ, бывало, дирижеръ, махнетъ рукой и пристукнетъ шпорами ..

Взоръ его полонъ божественнаго вдохновенія, мечетъ искры и зажигаетъ сердца танцующихъ какой-то безшабашной самоотверженностью. „Кавалье“, какъ угорѣлые, бросятся въ противоположную сторону и, кажется, готовы разорвать своихъ дамъ на двѣ половины... А что, бывало, дѣлалось, когда дирижеръ захлопаетъ въ ладоши и, торжественно объявивши „Polka“—подастъ примѣръ искусства и ловкости!

Тутъ ужъ рѣшительно страшно становилось смотрѣть!

Столоначальникъ вертѣлъ свою даму до потери сознанія, а фельдшеръ такъ отчаянно стукалъ въ полъ ногами, что снизу, изъ билліардной, приходилъ испуганный „человѣкъ“ и виновато просилъ:

— Нельзя ли послабже?.. а то лампа того и гляди на билліардъ свалится... А на билліардѣ буфетчикъ отдохнуть легли...

Земскій врачъ, Петръ Петровичъ Стеблицкій, принадлежалъ къ типу людей, вѣчно и всѣмъ недовольныхъ. Постоянно не „въ духѣ“, вѣчно кислый, съ кислыми минами и разговорами, раздражительный до послѣдней возможности человѣкъ, болѣзненно самолюбивый—онъ былъ однако безукоризненно честнымъ и отзывчивымъ на всякія общественныя „злобы“. Въ то время, какъ другіе члены мѣстной „интеллигенціи“ наслаждались пикниками, картишками, сплетнями и, въ лучшемъ случаѣ,—узко спеціальными дѣлами по службѣ, Петръ Петровичъ усердно перечитывалъ „Русскія Вѣдомости“, волновался и начиналъ, ходя по комнатѣ, разговаривать самъ съ собою.

— Петръ Петровичъ! Съ кѣмъ это вы, батюшка мой, разсуждаете?—крикнетъ, бывало, подошедшій къ окну слѣдователь.

— Помилуйте! Да это что же такое? Войдите... прочитайте!.. Это удивительно... это чортъ знаетъ...

— Нѣтъ, читать, батенька мой, не хочется... А я зашелъ къ вамъ вотъ зачѣмъ: былъ въ уѣздѣ, заѣзжалъ къ вашему принципалу, т. е. къ предсѣдателю-съ. У него супруга капризничаетъ: какія-то галлюцинаціи, что ли... Онъ просилъ васъ побывать.

— У меня больные и посерьезнѣе есть!—рѣзко перебивалъ Петръ Петровичъ и „началъ“:

— Что же это такое? Кому, наконецъ, я призванъ служить? нервнымъ барынямъ или голоднымъ мужикамъ... Нѣтъ, „чумазый“ дѣлаетъ земскую службу окончательно невозможной... Извольте видѣть: какія-то галлюцинаціи у этой бабы въ семь пудовъ вѣсу!.. Съ жиру бѣсится, каналья, а врачъ изволь тутъ бросать дѣло, больныхъ... это... это...

— Ну-у! Завели!.. Полноте, пожалуйста!.. Смотрите на жизнь проще!.. Начальство есть у всѣхъ, не у васъ одного и.. и... значитъ, необходимо ѣхать... а то опять непріятности выйдутъ. Барыня у него кляузная.

— Брошу! брошу! брошу!.. Это невыносимо... это комедія какая-то...

Почти каждый день Петръ Петровичъ чѣмъ-нибудь возмущался и рѣшалъ бросить службу, но до сей поры не приводилъ этого рѣшенія въ исполненіе. Раза три онъ писалъ заявленія о своемъ нежеланіи продолжать службу: „Считая при настоящей постановкѣ дѣла медицинской помощи народу свой трудъ безполезнымъ“, такъ всегда начинались эти заявленія, а кончались: „считаю себя нравственно обязаннымъ заявить, что служить болѣе въ N-омъ уѣздномъ земствѣ не желаю и прошу немедленно же назначить мнѣ преемника“.

Потомъ эти заявленія клались въ боковой карманъ, и тамъ ихъ можно найти, вѣроятно, и теперь еще.

Это былъ одинъ изъ многихъ „рыцарей на часъ", любящихъ помучить себя и другихъ, потерзаться своимъ несовершенствомъ.

Такіе типы честныхъ и хорошихъ людей, обыкновенно, рано или поздно поглощаются окружающей средою, закисаютъ, такъ сказать, и ассимилируются...

Илья Ильичъ тоже стоитъ того, чтобы сказать о немъ два-три „теплыхъ" слова. Начать съ того, что онъ часто разбиралъ дѣла въ халатѣ, а переговаривался во время разбора дѣлъ со своей супругою постоянно:

— На основаніи такой-то статьи устава наказаній, налагаемыхъ мировыми судьями,—начиналъ онъ скороговоркой и вдругъ отрывалъ глаза отъ бумаги и обращалъ ихъ на дверь: Маничка! Закрой, пожалуйста, дверь: сквознякъ!..—Послѣ того уже доканчивалъ...

Да, это былъ дѣйствительно „мировой"! Когда ему удавалось примирить враждующія стороны, онъ испытывалъ большое наслажденіе.

— Помиритесь, господа!—убѣждалъ онъ.—Ну, что тутъ кляузничать? Ну, обругали другъ друга, подрались... Мало ли что бываетъ между своими... Къ чему же свои кляузы ко мнѣ-то переносить? Вы думаете,—мнѣ нечего дѣлать? Эхъ, господа... Мало ли кто съ кѣмъ поругается да подерется... Если бы всѣ къ мировымъ лѣзли, то сколько бы мировыхъ-то надо было? Пошли, выпили и помирились... вотъ и все... А тутъ еще не знай, чѣмъ кончится... Плюньте, господа! Ей-Богу, не стоитъ!..

Говорилъ онъ это такъ убѣдительно, что противники, взглянувъ другъ на друга, улыбались и... мирились.

Двѣ сестрицы Недоносковы блистали звѣздами первой величины на нашемъ уѣздномъ горизонтѣ.

Это были типы наивныхъ провинціальныхъ бары-

шень, красивыхъ, кокетливыхъ, увлекающихся свѣтлыми пуговицами и черными нафабренными усами. У обѣихъ было по таинственной шкатулочкѣ и по альбому, куда поклонники вписывали собственноручно стишки „въ знакъ памяти“, въ родѣ:

Рука моя писала,
Не знаю,—для кого...
Но сердце подсказало:
Для друга своего...

или:

Пройдутъ вѣка,—и ты меня забудешь,
Но не забуду я до гробовой доски...
Ахъ, ты не знала, знать не будешь
Любовной страсти и тоски!!!

Нечего и говорить, что Тычкинъ былъ предметомъ страданій для обѣихъ дѣвицъ и служилъ поводомъ для частыхъ ссоръ ихъ между собою. Когда, бывало, Тычкинъ вздумаетъ спѣть въ клубѣ, на вечерѣ, романсъ: „Милая, ты услышь меня!“—обѣ сестры стремглавъ летятъ къ роялю, чтобы аккомпанировать, ссорятся, и дѣло кончается обыкновенно тѣмъ, что съ Наденькой Тычкинъ пропоетъ „Милую“, а съ Варенькой—„Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ небесамъ“.

Марья Гавриловна была замѣчательна въ томъ отношеніи, что замѣняла для горожанъ мѣстный органъ гласности, какой-нибудь „Сердянскій Листокъ“. Марья Гавриловна знала рѣшительно все выдающееся въ городской жизни: отъ нея можно было узнать, что вчера въ садикѣ произошло объясненіе въ любви между секретаремъ полиціи и дочерью полицейскаго надзирателя, что почтмейстеръ Мямлинъ получилъ отъ супруги своей туфлей по физіономіи, что у лавочника Пудикова родились двойни, а мировиха сшила себѣ „бордо“, что Тычкинъ влѣпилъ Наденькѣ Недоносковой „безешку“, а женѣ землемѣра сказалъ что-то двусмысленное и т. д., и т. д.

Понятно, что при такомъ „всевѣдѣніи и вездѣсущіи“ Марья Гавриловна была общимъ другомъ нашего женскаго общества, и что безъ нея не обходился ни одинъ скандалъ въ городѣ. Марья Гавриловна успѣвала каждодневно обѣгать всѣ „культурные дома“, у всѣхъ напиться чаю, всѣмъ посплетничать и собрать матеріалъ для слѣдующаго „номера“.

Марья Гавриловна была полная старая дѣва, но чѣмъ болѣе полнѣла и старѣла, чѣмъ болѣе, такъ сказать, „матерѣла“,—тѣмъ сильнѣе жаждала замужества и надѣялась, что вотъ-вотъ... Каждыя „святки“ она гадала, и каждый разъ ей выходило, что нынче она выйдетъ замужъ. Она увѣряла, что видѣла въ зеркалѣ и своего „суженаго-ряженаго“: судя по всѣмъ описаніямъ его, жертвою Марьи Гавриловны долженъ былъ сдѣлаться нашъ бѣдный докторъ Петръ Петровичъ, который, кстати сказать, не переносилъ даже ея голоса и всегда впадалъ въ какой-то столбнякъ въ присутствіи этой невѣсты неневѣстной.

— Петръ Петровичъ! Что это вы сегодня такой грустный, томный? — скажетъ, бывало, Марья Гавриловна, вскинувши на доктора полные „безумной страсти и тоски“ взоры.

— Тошнитъ-съ, Марья Гавриловна...—буркнетъ тотъ, покусывая свою бородку.

— Ахъ, бѣдненькій! На-те вотъ... у меня есть мятныя лепешечки... Я люблю ихъ сосать...

— Не сосу, Марья Гавриловна.

— Ахъ, какой гадкій! Да вы попробуйте!.. Сейчасъ же во рту холодокъ будетъ, кисленько такъ...

— И такъ кисло, Марья Гавриловна.

— Ахъ, да вы, вѣрно, влюблены?—вотъ и тоскуете!.. Ну, скажите,—въ кого?.. А?..

И Марья Гавриловна смотритъ, бывало, на бѣднаго доктора такимъ сжигающимъ взоромъ, словно ждетъ, что вотъ-вотъ сейчасъ докторъ вскрикнетъ: „въ тебя!..

люблю тебя!.. тебя! тебя!..“ и заключить ея полную фигуру въ свои тощія объятія...

Но увы!—напрасныя ожиданія!..

Докторъ корчитъ пренедовольнѣйшую гримасу и отвѣчаетъ:

— Хуже, Марья Гавриловна... Катарръ-съ!..

— Ахъ, шутники вы этакіе!!.

Насталъ день годовщины.

Погода благопріятствовала. Выдался чудный денекъ. Прохладный вѣтерокъ ослаблялъ дѣйствіе палящихъ солнечныхъ лучей, принося съ луговъ, изъ-за Волги, ароматъ свѣже-скошеннаго сѣна. Городокъ словно дремалъ, убаюкиваемый тихимъ ласковымъ плескомъ застывшей Волги, лѣниво раскинувшись и грѣясь на солнышкѣ. Обыватели спустили на окнахъ занавѣсочки и сидѣли „по домашнему“, т.-е. въ достаточно откровенныхъ костюмахъ. Многіе прятались въ небольшихъ тѣнистыхъ садикахъ, посиживая за самоварчиками. День былъ праздничный, поэтому чиновенство наслаждалось отдыхомъ отъ утомительно-однообразной работы, какъ наслаждаются школьники вакаціоннымъ временемъ.

Изъ раскрытыхъ, завѣшанныхъ кисейными занавѣсками оконъ Недоносковыхъ неслись нестройные аккорды разбитаго древняго фортепіано. То Наденька Недоноскова рубила пальцами свои любимыя „Дунайскія волны“.

Передъ окномъ прохаживался индѣйскій пѣтухъ, который вытягивалъ шею и однимъ глазомъ заглядывалъ въ окно, словно ему хотѣлось узнать, какъ это удается Наденькѣ испускать такіе чудные звуки.

Въ это время къ дому приближалась тонкая военно-выправленная фигура Тычкина.

Индѣйскій пѣтухъ счелъ своей обязанностью громко пробормотать: „Здравія желаю, ваше брр-е!“

Звуки фортепіано вдругъ смолкли, и изъ окна высунулась русая головка дѣвушки.

— Ахъ!—испуганно вскрикнулъ тонкій пискливый голосокъ, и головка спряталась.—Нельзя! . Мы сейчасъ! Погодите! —донесся голосокъ черезъ занавѣсочку.

— Пардонъ-съ! Я, кажется, не во-время...—съ улыбкою на устахъ проговорилъ Тычкинъ, прикладывая къ козырьку фуражки свои тонкіе, украшенные кольцами пальцы.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Ничего. Мы сейчасъ... — пискнула Наденька.

— Погодите!.. Не уходите!—перебила ее Варенька.

Тычкинъ присѣлъ на лавочку, подъ окнами, и сталъ стряхивать надушеннымъ носовымъ платкомъ пыль со своихъ востроносыхъ ботинокъ... Потомъ закурилъ тончайшую папиросочку и вполголоса замурлыкалъ: „Ми-илая, ты услы-ы-ышь меня-я-я...“

Недоносковы не заставили себя ждать: не успѣлъ Тычкинъ начать „подъ окн-о-мъ тво-и-мъ“, какъ головка Наденьки, съ алою розою въ русыхъ волосахъ, выпорхнула изъ-за занавѣсокъ, а губки жеманно произнесли:

— Можно!

Тычкинъ вскочилъ съ лавочки, сдѣлалъ полный оборотъ на мѣстѣ, дотронулся до козырька фуражки и молодцоватою походкой направился въ комнаты. Индѣйскій пѣтухъ вытянулъ шею и подозрительно посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Потомъ распустилъ вѣеромъ хвостъ, побагровѣлъ отъ злости и неестественно громко расхохотался.

— Я къ вамъ, m-lles, по порученію!--началъ гость, покручивая нафабренный усъ:—Мы празднуемъ сегодня годовщину нашего университета... Компанія пожелала, чтобы въ этомъ празднествѣ принималъ участіе и прекрасный... да, прекрасный полъ... Такъ вотъ-съ, извольте видѣть, я счелъ своей нравственной обязанностью, свя-

щеннымъ, такъ сказать, долгомъ предложить вамъ прокатиться съ нами на Студеный Ключъ. А-а... это, такъ сказать...

— Какая годовщина? — удивленно и мило расширивъ свои голубые, какъ васильки, глазки, спросила Наденька.

Тычкинъ взглянулъ на эти „васильки“, на этотъ вздернутый задорный носикъ и мысленно произнесъ: „поэтичная, чортъ возьми, дѣвица!“ а потомъ произнесъ уже вслухъ:

— Гм... м... Это... какъ бы вамъ сказать?! Знаменательный день, въ который... обыкновенно... надлежитъ... какъ бы это вамъ сказать?.. Вообще — повеселиться и отпраздновать... Мы ежегодно устраиваемъ это... Вспоминаемъ собственно дни нашей юности...

— Что же это за годовщина, не пойму я все-таки!— перебила нетерпѣливая Наденька.

— Гм... м... Напримѣръ... Вы бываете именинница...

— Семнадцатаго сентября я!..

— Нѣтъ-съ, позвольте! Я только, напримѣръ... Тамъ тоже подобно именинамъ... Каждогодно, въ опредѣленный срокъ... Ну, да это все равно! Такъ вотъ мы и просимъ васъ присоединиться...

— М-г Тычкинъ! — произнесла выпорхнувшая въ залъ Варенька.

Тычкинъ расшаркался. — Ваше драгоцѣнное здравіе?—спросилъ онъ съ поклономъ.

— Ахъ, мерси!.. Слава Богу.

Тычкинъ повторилъ все сначала Варенькѣ. Та не поинтересовалась, впрочемъ, узнать, что это за годовщина и почему и что празднуется. Ей было все равно, главное—прогулку она понимала, а до остального ей не было никакого дѣла.

— Ахъ, какъ я рада! какъ рада! Но если поѣдетъ Какоркова, мы не желаемъ,—закончила она неожиданнымъ переходомъ изъ мажорнаго въ минорный тонъ.

— Какоркова не поѣдетъ... Будьте спокойны...—авторитетно успокоилъ Тычкинъ.

— Ну, такъ мы согласны! Устраивайте эту штуку!.. Мы согласны, на все согласны!..

И Варенька захлопала въ ладоши и завертѣлась на каблучкахъ.

Почтмейстеръ всталъ сегодня раньше обыкновеннаго. За ночь онъ придумалъ весьма остроумный планъ спровадить свою жену на станцію „Безводное", къ тамошнему смотрителю.

— Какая чудная погода!—закинулъ онъ, еще лежа въ постели и потягиваясь.—Хорошо бы сегодня прокатиться въ „Безводное".

— Что же, машеръ, прокатимся...

— Нельзя мнѣ... Некогда.. А какъ звали! И Настасья Семеновна, и Лука Лукичъ... Отчего бы тебѣ одной хотя не прокатиться? Они у насъ два раза были, а мы ни одного... Обижаются...

— А какъ же годовщину справлять развѣ не будутъ нынче?

— А ну ихъ тутъ! У меня по горло работы...

— А лошадей, машеръ, дашь?

— Это пустяки... Тройку можно.

Въ то время, какъ Тычкинъ приглашалъ дѣвицъ Недоносковыхъ, почтмейстеръ усаживалъ въ плетушку свою супругу.

Вмѣсто обѣщанной тройки, стояла одна кляча, печально повѣсившая голову и похлестывавшая свои бока облѣзлымъ хвостомъ. На облучкѣ сидѣлъ чумазый мальчуганъ безъ шапки.

Почтмейстерша сердилась, влѣзая, съ помощью мужа, въ плетушку.

— Говорилъ,—тройку, а далъ какого-то одра?!

— Ничего, голубчикъ, не подѣлаешь... Всѣхъ лоша-

дей взяли... Скажи „слава Богу“, что и этого-то одра отыскали.

— Онъ одеръ-отъ одеръ, а ты постой, вотъ увидишь, какъ махать зачнетъ... Ровно конекъ-горбунокъ! — сказалъ сидѣвшій на козлахъ мальчуганъ. Онъ огрѣлъ кнутовищемъ свою клячу, и почтмейстерша выѣхала со двора...

Какъ только сѣрый зонтикъ почтмейстерши пропалъ въ облакѣ поднятой плетушкою пыли, Мямлинъ побросалъ всѣ свои бумаги и пакеты, торопливо натянулъ бѣлую парусиновую пару и полетѣлъ къ Ивану Петровичу.

— Съ годовщиной васъ, милѣйшій! Ну, что? Какъ сегодня? Ѣдемъ, что ли?

— То-то, любезнѣйшій, не могу; экстренная бумага, поджогъ... скакать приходится...

— Поджогъ подождетъ, пустяки!

— Нельзя-съ... И чортъ сунулъ мерзавца поджечь именно вчера!

— Дѣло не убѣжитъ... Прокатимся, выпьемъ, пулечку составимъ... Нельзя же такъ, не ознаменовавши торжественнаго дня.

— Не могу... Радъ бы самъ, да невозможно... Послалъ за лошадьми, черезъ часъ ѣду...

Почтмейстеръ замолкъ и вздохнулъ.

— Охъ, времена, времена! Бывало, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, насильно насъ приходилось отъ зеленаго поля отгонять. Цѣлыя ночи просиживали! А теперь насилу партію-то составишь, да и то... Эхъ!

Почтмейстеръ опять вздохнулъ.

— Ну, а какъ же, справлять годовщину-то совсѣмъ не будете? Такъ-таки ничѣмъ и не ознаменуете? И этой телеграммы, какъ въ прошломъ году, посылать и спрыскивать не будете?

— Телеграмму пошлемъ... Докторъ, поди, ужъ отправилъ.

— Ну, счастливаго пути! Я забѣгу къ Петру Петровичу-то; тутъ вѣдь по пути.

Почтмейстеръ вяло пожалъ руку слѣдователю и побрелъ къ больницѣ.

— Эй! господинъ врачъ! — крикнулъ онъ, подойдя къ окну больницы,—небойсь, людей морите, а про свою альму-матерь забыли?!

— Кто тамъ? Что вамъ угодно?

Изъ окна выглянула недовольная физіономія доктора.

— Здравствуйте!

— Мое почтенье!

— Годовщину-то будемъ справлять?

— Какую еще годовщину?

— Ай-ай, молодой человѣкъ! Стыдно! Забыли свой храмъ науки? Публика на Ключъ собирается... А по мнѣ, чего лучше,—въ клубѣ?.. Чаю-то и въ клубѣ прекрасно выпьемъ... Охота за семь верстъ киселя хлебать!.. Пулечку бы составили...

— Извините, мнѣ не до пулечки. Операцію сейчасъ начну дѣлать.

— Плюньте, дѣло не уйдетъ.

— До свиданья-съ.

И физіономія доктора скрылась.

Почтмейстеръ поникъ головой и побрелъ прочь отъ больницы.

— Ну, и молодежь нынче! — прошепталъ онъ, покачивая головою, и направился провѣдать Илью Ильича.

Не прошло и четверти часа, какъ по мосту, черезъ рѣчку Сердянку, проскакала, громко стуча коваными копытами, тройка земскихъ лошадокъ и, вихремъ взлетѣвъ на горку, съ шикомъ понеслась по направленію къ больницѣ.

Въ тарантасѣ сидѣлъ Тычкинъ и ухмылялся отъ удовольствія, которое онъ ощущалъ отъ быстрой скачки.

— Тпру! — теноромъ выпустилъ молодцоватый кудрявый парень на козлахъ и разомъ осадилъ борзыхъ коней.

Изъ тарантаса ловко выскочилъ Тычкинъ и очень граціозно вбѣжалъ по лѣстницѣ на крыльцо больницы.

— Докторъ! я отъ дѣвицъ... Прибылъ съ порученіемъ тащить васъ во что бы то ни стало. Сегодня именины вашего... какъ его?.. Беремъ гитару, закусочку... Изобиліе женскаго пола... Безъ женщины мужчина, какъ безъ паровъ машина...—заговорилъ Тычкинъ.

Докторъ сдѣлалъ омерзительно-кислую физіономію. Оторвавшись отъ какой-то склянки, онъ такъ сердито посмотрѣлъ на Тычкина, что тотъ сразу потерялъ игривость, смутился и спутался.

— Вы нездоровы? — серьезно спросилъ докторъ, устремивъ испытующій взглядъ на гостя.

— Мерси. Я совершенно... Я...

— Благодарить нечего... Я спрашиваю: чѣмъ вы нездоровы?

— Да что вы?.. Я вполнѣ здравствую-съ... Я отъ дѣвицъ...

— Здѣсь, господинъ Тычкинъ, больница и сюда приходятъ лѣчиться. Только лѣчиться... Отъ дѣвицъ вы или отъ пожилыхъ дамъ—это до меня не касается.

— При исполненіи служебныхъ обязаннестей?— перебилъ Тычкинъ неувѣреннымъ тономъ, который явно говорилъ о томъ, что онъ не знаетъ, что дѣлать: обижаться или принять все за простую шутку.

— Совершенно вѣрно... Ну-съ? Что же вамъ угодно?

— Что вы, докторъ! Сегодня вѣдь годовщина,—забыли?

— Какая-съ... Вы-то о чемъ хлопочете? Вы-то тутъ при чемъ?

— То-есть какъ это „при чемъ"? При томъ же, при чемъ и вся компанія.

— Прошу васъ оставить меня въ покоѣ... Не мѣшать мнѣ... До свиданья!

И докторъ отвернулся и опять сталъ болтать что-то въ склянкѣ.

Тычкинъ нѣсколько мгновеній стоялъ, пораженный, на мѣстѣ, потомъ откашлянулся и быстро вышелъ.

— Нигилизмъ... — прошепталъ онъ, скрываясь за дверью.

Вскочивъ въ тарантасъ, Тычкинъ крикнулъ:

— Пошелъ!..

А докторъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ и теребилъ свою, и безъ того уже рѣденькую, бороденку такъ немилосердно, что, казалось, имѣлъ намѣреніе выдрать ее окончательно.

— Чортъ знаетъ, что такое!.. Никакого покою не даютъ... Годовщина, дѣвицы, почтмейстеръ, Тычкинъ... Нѣтъ, это невозможно!.. Брошу, брошу, брошу!! Все брошу и...

— Что, батенька, не надумали?.. — раздался подъ окномъ голосъ запыхавшагося почтмейстера. — Мы ѣдемъ... сейчасъ...

— Ахъ, подите вы всѣ... къ чорту!

И почтмейстеръ услыхалъ, какъ что-то стеклянное упало и разбилось вдребезги...

„Тяжелый человѣкъ... съ ума сходитъ совсѣмъ", подумалъ онъ и больше не заговаривалъ. Отирая платкомъ потъ съ лица, онъ зашагалъ дальше, и, когда докторъ посмотрѣлъ въ окно, то увидѣлъ лишь его спину, широкую соломенную шляпу и широкія же, раздувающіяся и треплющіяся парусиновыя панталоны.

— Фальстафъ проклятый! — сквозь зубы произнесъ докторъ и съ сердцемъ захлопнулъ окно и заперъ его на задвижку.

„Студеный Ключъ“—чудесное мѣстечко!

Въ котловинѣ, между капризныхъ, поросшихъ дубнякомъ и калиною, горокъ и буераковъ, открывается пестрѣющій цвѣтами лужокъ. По срединѣ его, скользя по камешкамъ и песочку, бѣжитъ журчащій колокольчикомъ ручеекъ студеной и прозрачной, какъ горный хрусталь, воды. Вдали, на пригоркѣ, подъ тѣнью небольшой группы кудрявыхъ березокъ, стоитъ старая полуразвалившаяся часовенька, а рядомъ съ нею—колодецъ. Вода въ немъ до такой степени прозрачна, что вы видите, какъ со дна, будоража желтый песочекъ, выпрыгиваютъ вверхъ тонкія струйки-ключики. Мѣстечко дикое, безлюдное. Развѣ изрѣдка только сюда заходятъ собирающія малину дѣвчата, да подпасокъ забѣжитъ, чтобы, перегнувшись черезъ срубъ колодца, утолить свою жажду холодной и вкусной водою.

Здѣсь-то и собрались наши знакомцы съ цѣлью отпраздновать годовщину.

На двухъ разостланныхъ по лужку коврахъ, въ разныхъ позахъ и положеніяхъ, возсѣдали торжествующіе. Тычкинъ, въ безукоризненно-бѣломъ кителѣ, съ молодцовато откинутой на затылокъ фуражкою, что-то шепталъ Наденькѣ Недоносковой. Наденька сидѣла, подобравъ подъ себя ноги, и то и дѣло вспыхивала яркимъ стыдливымъ румянцемъ. Почтмейстеръ Мямлинъ косился на сторону молодой парочки и чесалъ за ухомъ. Ему хотѣлось присоединиться къ остроумному занимателю женскаго пола, но онъ никакъ не могъ придумать, съ чего бы это начать разговоръ.

Марья Гавриловна гуляла подъ руку съ женой мирового и разсказывала ей, видимо, что-то очень интересное, такъ какъ та поминутно восклицала:

— Да что вы?.. Да не можетъ быть?..

Мировой сидѣлъ съ Варенькой Недоносковой и жаловался ей, какъ трудно быть мировымъ, въ доказательство чего приводилъ какую-то замысловатую кляузу,

которую даже и сто мировыхъ не могли бы разрѣшить безъ того, чтобы не посадить подъ арестъ обѣ тяжущіяся стороны. Варенька показывала видъ, что слушаетъ и сочувствуетъ, но, въ сущности, ничего не понимала: она искоса посматривала въ сторону сестры и Тычкина, и сердце ея ныло отъ ревности.

Молодой секретарь полиціи Травкинъ очутился какимъ-то образомъ здѣсь же, въ числѣ празднующихъ годовщину. Онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко и поминутно говорилъ:

— Мерси-съ... я ничего... не безпокойтесь...

Хотя о немъ рѣшительно никто не безпокоился.

Зато не было ни слѣдователя, ни доктора.

— Жарковато! — уже нѣсколько разъ повторилъ почтмейстеръ, желая присоединиться къ разговору съ Наденькой. Но всѣ его заряды пропадали даромъ: Наденька и Тычкинъ были заняты исключительно другъ другомъ.

Неуклюжій и неповоротливый сотскій возился около самовара, раздувая его своими крѣпкими легкими.

— Дурракъ! Сними сапогъ да и валяй! — небрежно крикнулъ Тычкинъ въ одну изъ паузъ разговора съ Наденькой, когда особенно сильно донеслось это раздуваніе за кустикомъ.

— Да сапоговъ-то вашеско-благородье, нѣтъ... въ лаптяхъ мы!—отвѣтилъ сотскій.

Всѣ расхохотались.

Секретарь полиціи не замедлилъ доказать свою деликатность и „готовность“: скорчившись, онъ моментально стащилъ съ ноги сапогъ и, пустивъ имъ въ мужика, крикнулъ:

— Держи!

— Ахъ, не пымалъ!.. Ахъ, ты...—испуганно шепталъ мужикъ, не успѣвши схватить сапогъ Травкина, и виновато улыбался.

Мировиха и Марья Гавриловна, переговоривши о

всѣхъ выдающихся „злобахъ“, занялись приготовленіемъ къ чаю.

Изъ близъ стоявшихъ тарантасовъ онѣ вынимали узелки и свертки, бутылки, кедровые орѣхи, мятные пряники и т. п.

Варенька, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, бросила своего скучнаго собесѣдника и тоже занялась хозяйствомъ.

Скоро разостланная по ковру бѣлая скатерть была заставлена всевозможными яствами и питіями. Мужикъ вскипятилъ съ помощью сапога самоваръ и, по примѣру секретаря, бросилъ сапогъ обратно, крикнувши тоже:

— Держи!

Но сапогъ полетѣлъ по кривой и чуть не сшибъ шляпу Наденьки.

— Ахъ!

— Ай!!! - завизжали дамы.

Подавая готовый самоваръ, импровизированный слуга сдѣлалъ новую неловкость: онъ залѣзъ съ лаптями на скатерть и очень изумился, когда сдѣлали ему выговоръ.

— Какъ же, барыня? Приказали на середку поставить, а идти не велите?

— Не разсуждать!..—крикнулъ Тычкинъ.

— Хитры больно,—бормоталъ сотскій:—поставь имъ на середку, а самъ стой на краешкѣ!

Нѣсколько стакановъ чаю съ коньякомъ развязали языки кавалеровъ и устранили то неловкое положеніе, въ которомъ чувствовали себя всѣ торжествующіе, за исключеніемъ, впрочемъ, Тычкина, всегда веселаго, развязнаго и находчиваго. Теперь даже и секретарь полиціи почувствовалъ себя, какъ дома. Онъ игралъ съ Варенькою въ „четъ или нечетъ?“ и беззаботно каламбурилъ.

Звонъ стакановъ, щелканье пробокъ, веселый звон-

кій смѣхъ Наденьки и остроуміе Тычкина сплотили все общество воедино. Никто ни о чемъ не жалѣлъ, только одна Марья Гавриловна вспомнила доктора:

— Не поѣхалъ, чтобъ ему!.. Упрямый козелъ.

— Выпьемъ-ка лучше!

Мировой выпилъ своей „хинной", дамы какого-то „кисленькаго", секретарь хлопнулъ рюмку коньяку,—и торжество началось...

Секретарь затянулъ было:

Пче-елка зла-та-аая... что...

Но Тычкинъ, вскочивъ съ мѣста, крикнулъ:

— Силенція, господа!! По примѣру прошлыхъ лѣтъ намъ слѣдуетъ сперва спѣть эту... gaudeamus!.. Ну-ка, Илья Ильичъ! Затягивайте!

— Валяйте, Илья Ильичъ!

— Напѣвъ-то знаемъ... докторъ его часто бунчитъ...

Мировой долго отказывался, но когда къ упрашивающимъ присоединилась и его собственная супруга и стала говорить: „Илюша, не кобенься!"—Илья Ильичъ откашлянулся и сиплымъ старческимъ голосомъ началъ:

Gau...

Хоръ подхватилъ недружно:

...deamus igitur...

Произошло нѣкоторое замѣшательство: никто не зналъ словъ и только мычалъ „тра-та-та".

— Ну васъ, съ этой иностранной пѣсней!—крикнула Наденька:—споемъ-ка лучше русскую!

— Нельзя-съ! Въ годовщину, да не спѣть эту пѣсню!—возразилъ Тычкинъ.

Запѣли снова. Но дѣло не ладилось. Бросили.

— Выпьемъ лучше за здоровье нашего храма науки!—предложилъ Тычкинъ.

— Выпьемъ, господа!

— Слѣдуетъ!—отозвались съ разныхъ сторонъ мужскіе голоса.

— Рады случаю! — укоризненно произнесла жена мирового.

— Какъ не выпить за альму-матерь, — сказалъ ей почтмейстеръ:—у меня въ ней двоюродный братъ кончилъ курсъ... Теперь три тысячи получаетъ... Съ имениннпцей васъ, Илья Ильичъ! Ура!

— Урррааа!

Всѣ, не исключая дѣвицъ, прокричали „ура“.

— За того, кто любитъ кого!—выступилъ съ тостомъ секретарь полиціи.

— А вы погодите! — остановилъ его Тычкинъ: – теперь не время... Пообождите...

Секретарь убралъ руку съ рюмкой и выпилъ, ни съ кѣмъ не чокаясь, безъ всякихъ тостовъ.

А тосты слѣдовали за тостами, дошли и до „того, кто любитъ кого“, и скоро компанія „начокалась“.

Въ то время, какъ Марья Гавриловна и дѣвицы играли съ Тычкинымъ и секретаремъ въ „горѣлки“, почтмейстеръ сидѣлъ съ мировымъ поодаль и велъ разговоръ объ „alma mater“.

Илья Ильичъ, вспомнивъ далекіе дни своего студенчества, размякъ душою и со слезами на глазахъ разсказывалъ, какъ онъ срѣзался на экзаменѣ по римскому праву.

— А что это за штука такая? — вставилъ вопросъ почтмейстеръ.

— Какая?

— А Римская-то?

— Гм... Римское право... — пояснилъ захмелѣвшій Илья Ильичъ.

— Ага!..—выпустилъ почтмейстеръ.

— Марья Гавриловна! Вамъ горѣть!

— Ахъ!..

— И-ихъ!..—визжали дѣвицы...

Марья Гавриловна вцѣпилась въ Тычкина, а Наденька не давала:

— Мой!

— Нѣтъ мой!—спорили дамы.

— О, я, медамъ, съ наслажденіемъ разорвался бы для васъ на части, но, ей-Богу, не могу!—острилъ кавалеръ.

— Прросвѣщеніе! — говорилъ почтмейстеръ мировому,—конечно, нѣтъ словъ, вещь это занятная... Только все-таки скажу: опасный народъ студенты, безпокойный! хоть взять прошлогодній случай... Ну, какого чорта дикаго имъ надо? Кончатъ курсъ, поступятъ на мѣста, жалованье приличное... Я вотъ, вѣрите ли, Илья Ильичъ, десять лѣтъ служилъ на 33 рубляхъ! Да и теперь чуть хватаетъ (почтмейстеръ безнадежно махнулъ рукой)... Говорятъ—правда, нѣтъ ли?—окладъ нашему брату хотятъ увеличить? Давно бы слѣдовало...

— ...Бывало,—бунчитъ погруженный въ воспоминанія мировой, не слушая собесѣдника,—бывало, гдѣ-нибудь на чердачкѣ, подъ крышей...

— Однимъ словомъ, дѣтишкамъ на молочишко не хватаетъ,—продолжаетъ себѣ почтмейстеръ, не слушая мирового.

Скоро Илья Ильичъ окончательно ослабъ. Свалившись подъ березками, онъ началъ было пѣть „gaudeamus“, но языкъ ему не повиновался.

— Выпей вотъ!.. Натрескался!—злобно и вмѣстѣ съ тѣмъ преданно шипѣла его жена, тыкая въ ротъ супругу стаканъ съ холодной ключевой водой.

— М-м-м...—мычалъ мировой.

А солнце уже давно закатилось, спряталось за лѣсомъ, и вечерняя мгла душистой прохладой напоила лѣтній воздухъ. „Задергали“ коростели, застрекотали кузнечики, перепела закричали тамъ и сямъ свое „пить-полоть! пить-полоть!“ Въ чистомъ эмалевомъ небѣ мигнула звѣздочка. Ночной хищникъ просвистѣлъ въ воз-

духѣ своими крыльями. И комаръ запищалъ надоѣдливо надъ ухомъ.

— Вп...п...рягай!.. Ж...иво —кричалъ Тычкинъ, покачиваясь на мѣстѣ.

Дамы, съ Марьей Гавриловной во главѣ, стояли, сбившись въ кучку и разрѣшали вопросъ: идти ли имъ домой пѣшкомъ, или согласиться доѣхать съ мужчинами?..

Ночью по улицамъ Сердянска бѣшено мчались двѣ тройки. Ямщикъ свистѣлъ „Соловьемъ-разбойникомъ“, колокольчики пѣли и играли, собаки, сбѣжавшіяся со всего города и гнавшіяся за тройками, страшно лаяли, а въ тарантасѣ смѣялись, визжали и пѣли пѣсни...

Обыватели, успѣвшіе уже „залечь“, пробуждались, открывали окна и, выглядывая на улицу заспанными физіономіями, недоумѣвали: что бы могло это значить?

— Если свадьба—некому жениться... а если господа... не станутъ такъ скандалить...—размышляли со сна многія обывательскія головы.

Увлеченный газетами, докторъ сидѣлъ въ это время въ раздумьѣ.

— Gaudeamus igitur!—донеслось до его ушей. Онъ узналъ въ этомъ голосѣ Тычкина и вдругъ неистово расхохотался.

— Мавра! Мавра!—закричалъ онъ свою кухарку.

Мавра спала въ сѣняхъ „для прохлады“ и, проснувшись, сердито спросила:

— Чаво тебѣ еще?

— Сходи за водкой!

— Что ты? Окстись!.. Кочета скоро запоютъ.

— Ничего, ступай! вотъ деньги!..

Ворча и охая, Мавра накинула сарафанишко и побѣжала.

— На̀ вотъ, охальникъ!—сказала она, ставя на столъ передъ докторомъ бутылку водки и кидая мѣдную сдачу.

Докторъ молча налилъ и выпилъ. Потомъ походилъ

и еще выпилъ. Ему было грустно. Тоска сжимала сердце. Ему чего-то было жаль. Душа куда-то рвалась, куда-то просилась... Чувствовалось полное одиночество и утрата чего-то дорогого, близкаго, родного...

Выпьемъ мы-ы... за того...

бунчалъ тоскливо докторъ, ходя крупными шагами по комнатѣ.

— „Выпьемъ!“ — ворчала Мавра, ворочаясь въ сѣняхъ на подстилкѣ.—Вздумалъ, когда выпить! Нашелъ время, нечего сказать...

Наша-а юность друзья-я-я,
Пронесе-тся стрѣ-л-о-ою...

совсѣмъ плаксиво тянулъ докторъ.

Проведемте-жъ, друзья,
Эту ночь веселѣ-е-ей...

„Весело!“ — ворчала Мавра: — эко веселье напало, прости Господи!.. Не спится человѣку...

И Мавра сладко зѣвнула.

Вдругъ докторъ во все горло запѣлъ:

Gaudeamus igitur
Juvenes dum su-mus!!..

Но сейчасъ же оборвался. Судороги сжали ему горло, и онъ захлебнулся въ слезахъ. Опустивши на столъ голову, онъ замолкъ, притихъ и лежалъ долго-долго...

А пѣтухи уже пропѣли, на горизонтѣ сверкнула узкая золотая ленточка утренней зари...

Въ лѣсу.

(Въ лѣтопись голоднаго года).

I.

Поднимался буранъ...

Усталыя лошадки едва выволакивали неуклюжія „розвальни“ изъ сугробовъ рыхлаго снѣга, поминутно вязли и останавливались. Цѣлыя горы снѣга со скрипомъ вылѣзали изъ-подъ передковъ саней и, какъ волны, разсѣкаемыя носомъ парохода, ложились по обѣимъ сторонамъ, убѣгая назадъ... Полозья саней жалобно повизгивали, кузовъ потрескивалъ, а Ѳома спрыгивалъ съ облучка и, помогая своимъ усталымъ клячамъ, припрягался самолично сбоку, въ качествѣ второй пристяжки, и задушевно-уныло покрикивалъ своимъ слабымъ и сиплымъ теноркомъ:

— Ого-го, Боговы!..

И свистѣлъ продолжительной трелью...

Впрочемъ, и крикъ, и свистъ Ѳомы теперь совершенно терялись, уносимые вѣтромъ, и казались такими же жалкими, ничтожными, какимъ выглядывалъ и самъ Ѳома... Хотя Ѳома и сидѣлъ на облучкѣ, но онъ вовсе не былъ „въ тулупѣ и красномъ кушачкѣ“: на Ѳомѣ былъ обыкновенный мужицкій кафтанъ кофейнаго цвѣта и съ дырами, чрезъ которыя синѣла пестрядина мужицкой „тужурки“ на облѣзшемъ овечьемъ мѣху; на

рукахъ Ѳомы были закорузлыя великаны-рукавицы съ однимъ неподвижнымъ пальцемъ, на ногахъ—трепавшіеся отъ вѣтра синіе штаны, онучи и облѣпленные снѣгомъ лапти, а на шеѣ—грязный, красный платокъ; голова Ѳомы казалась огромной отъ нахлобученной шапки, изъ-подъ которой былъ виденъ только одинъ носъ да заиндивѣвшіе усы съ бороденкой... Эта бороденка „клинышкомъ" трепалась отъ вѣтра изъ стороны въ сторону вмѣстѣ съ концами шейнаго платка... Вообще, въ этомъ безбрежномъ океанѣ снѣга, въ этомъ безлюдномъ царствѣ бурана, фигура Ѳомы казалась миніатюрной и ничтожной былинкой, которую ежеминутно можетъ сдуть могучій и злобный порывъ метели и безпощадно, безслѣдно уничтожить разгулявшійся въ полѣ буранъ.

— Нно, Боговы!.. И-эхъ, погодка же, въ ротъ ей каши немазаной!.. Нно, милыя!..

Слабо брякнулъ колокольчикъ; казалось, онъ прозвучалъ гдѣ-то далеко-далеко—и лошадки стали.

— Нà вотъ! Не-йдутъ... Нно!.. Гдѣ у васъ совѣсть-то?—возмущенно произнесъ Ѳома и огрѣлъ кнутомъ пристяжную.

Пристяжка рванулась впередъ, дернула сани, но и только... Она стала поперекъ дороги и съ упрекомъ обернулась на Ѳому; потомъ мотнула хвостомъ и начала что-то шептать на ухо угрюмому кореннику.

— Кобыла, такъ кобыла она и есть,—печально произнесъ Ѳома и спрыгнулъ съ облучка.

— Эхъ, голова!.. Надо быть, безъ пути ѣдемъ, — грустно, но покорно добавилъ онъ и, сдвинувъ со лба свое „воронье гнѣздо", сталъ обозрѣвать окрестности.

— Ничаво не видать, т. е. ни зги!.. чисто! Эка оказія... а!..

Уже начало смеркаться, и разглядѣть что-нибудь не было никакой возможности: въ воздухѣ кружились миріады снѣжныхъ хлопьевъ и носились облака „по-

роши", которая слѣпила глаза не только намъ съ Ѳомой, но и лошаденкамъ...

— Безъ пути, — это вѣрно... Надо бы лѣсу быть, а его непримѣтно... Все бы, чай, чернѣлся, маячилъ онъ, лѣсъ-отъ...—проговорилъ Ѳома, похлопывая рукавицами, поправилъ шапку и добавилъ:

— Покурить надо... Закуривай-ка покуда что... А тамъ разсудимъ, какъ намъ съ тобой быть.

Ѳома снялъ рукавицы, вытащилъ изъ-за пазухи кисетъ, набилъ трубочку „крошкой" и, присѣвъ возлѣ саней, началъ раскуривать и ругать вѣтеръ, задувавшій спичку.

— На̀ вотъ! Опять! Не дуй, сдѣлай милость, повремени малость... Ахъ ты, въ ротъ тебѣ каши немазаной!..

Наконецъ, Ѳомѣ удалось перехитрить вѣтеръ.

— Да-а, безъ пути... А ты что не раскуришь паперосочку?..

Видимо, Ѳома былъ весьма спокойнаго темперамента человѣкъ: онъ не особенно тревожился тѣмъ обстоятельствомъ, что мы сбились съ дороги, и совершенно равнодушно резонерствовалъ о лѣшемъ и прочей „погани", съ которой ему доводилось-таки на своемъ вѣку имѣть дѣло, о какомъ-то казенномъ лѣсѣ и о хворостѣ о какомъ-то „мошенствѣ", о притворствѣ своей пристяжки, которая „быдта везетъ, а сама только глаза отводитъ, постромки натягатъ", и т. д.

Совершенно другое настроеніе было у меня на душѣ. Ноги уже мерзли, лицо саднило, разбирала досада и на буранъ, и на Ѳому, и на его кобылу-притворщицу: говорить не было совсѣмъ охоты, хотѣлось поскорѣй въ тепло, къ огоньку, къ шипящему самоварчику...

Поэтому, я не безъ сердца отвѣтилъ:

— Нечего закуривать... Ѣхать надо... Замерзъ я.

— Какъ не замерзнуть! Смотри, какъ разбушевала! Вѣдьмы въ чихарду играютъ... Ты вылѣзъ бы да пѣшечкомъ пошелъ,—духомъ нагрѣлся бы...

— Ѣхать надо, а не вылѣзать...

— Знамо, ѣхать... только вотъ куда ѣхать-то, милый?—спокойно проговорилъ Ѳома, поправляя шлею на коренникѣ.

— Нно! Стой, что ли! Баловать!—прикрикнулъ онъ на „притворщицу“.

Постоявъ еще нѣсколько минутъ въ раздумьи, Ѳома вдругъ рѣшительно прыгнулъ на облучокъ, подсѣлъ какъ-то бочкомъ, крикнулъ на лошадокъ, круто повернувъ ихъ влѣво,—и мы двинулись.

— Чай, куда-нибудь да пріѣдемъ же, — произнесъ онъ мнѣ въ утѣшеніе.

— „Куда-нибудь“!—проворчалъ я.—А еще говоришь, что тебѣ эта дорога „съ измальства“ знакома!

— Знамо, съ измальства... Слава Богу, ѣзжали достаточно... Не въ этакую непогодь доводилось.

Лошадки шли шажкомъ, понуривъ головы. Буранъ крутилъ въ воздухѣ снѣгомъ и хлесталъ по лицу иглами, свистѣлъ гдѣ-то вверху и бѣшено мчался дальше. Съ каждымъ новымъ порывомъ вьюги становилось какъ-то тревожнѣе на душѣ и настойчивѣе рисовалась въ мозгу картинка уютнаго семейнаго очага.

Не знаю, о чемъ думалъ Ѳома... Быть можетъ, въ его воображеніи тоже вставалъ семейный очагъ, хотя и далеко неуютный: старая избенка, нетопленая печь, вѣчно скорбная больная жена Ѳекла, съ безмолвнымъ укоромъ судьбѣ во взорѣ и съ слабою надеждою на кого-то и на что-то въ глубинѣ сердца, бѣлоголовый малецъ Микитка, съ большимъ отвислымъ животомъ и грязнымъ носомъ... А можетъ быть... впрочемъ, трудно сказать о томъ, что̀ таилось теперь на душѣ непризнаннаго „ѣздока“ Ѳомы... Только „розвальни“ неожиданно ткнулись во что-то мягкое, Ѳому сбросило съ облучка, а лошади стали.

— Что случилось? — спросилъ я, очнувшись отъ чуткой дорожной дремы и выглядывая однимъ гла-

зомъ въ оставленную въ башлыкѣ для вентиляціи дырочку.

— На вотъ! — сердито буркнулъ Ѳома, поднимаясь на ноги и отряхая рукавицей снѣгъ съ кафтана.

— Что такое?

— Увязли, братецъ... Ахъ, драть тебя съ хвоста, мягко, совсѣмъ мягко... Плохи, братецъ, дѣла наши... Сугробы, нѣтъ ни пути, ни дороги... Держи возжи!..

— Ты куда же?

— Пойду — дорогу поищу... Тпру! — напутственно произнесъ Ѳома лошадкамъ и пошелъ прочь.

Лошадки проводили его взглядами и стали пофыркивать и „прясть“ ушами... Донеслось нѣсколько отрывочныхъ ворчаній удалявшагося Ѳомы, а потомъ остались только: буранъ, лошади и я...

Уже совсѣмъ стемнѣло. Вьюга не унималась. Вѣтеръ злобно налеталъ на лошадокъ, трепалъ имъ гривы и сыпалъ мнѣ за воротъ холодную „крупу“. Розвальни стояли на боку, и мнѣ было неудобно сидѣть, однако я не рѣшался измѣнить положеніе, изъ боязни открыть вѣтру еще новые пути къ тѣлу, и застылъ въ позѣ падающаго куля съ мякиной.. Пристяжка изрѣдка оглядывалась на сани, какъ бы спрашивая меня, „что будетъ дальше и зачѣмъ ушелъ Ѳома“, а я чувствовалъ къ ней нѣжность, какъ къ другу, съ которымъ связанъ общимъ несчастьемъ, одной бѣдою...

— Тпру, миленькая... Озябла? — спрашивалъ я лошадку, а она въ отвѣтъ фыркала и мотала хвостомъ.

Прошло минутъ десять, но мнѣ показалось, что я уже цѣлый часъ сижу въ одиночествѣ... Становилось немного жутко въ этой снѣговой пустынѣ, и я подумывалъ уже подать голосъ Ѳомѣ, ушедшему на поиски „жесткаго мѣста“. Однако кричать было лѣнь, и я отложилъ...

Прошло еще минутъ пять... Я сталъ уже бояться, что Ѳома ушелъ слишкомъ далеко и можетъ совсѣмъ

не возвратиться. Лошадки жались другъ къ другу, и мнѣ казалось, что и лошадкамъ страшно и жутко... Я тревожно направлялъ взоры вправо и напрягалъ зрѣніе, томимый желаніемъ поскорѣе разглядѣть темный силуэтъ возвращающагося Ѳомы... Съ Ѳомой какъ-то спокойнѣе... Хилый невзрачный мужиченко, а когда онъ тутъ, рядомъ, дѣлаешься совсѣмъ храбрымъ.

Но вотъ лошади вздрогнули и брякнули колокольчиками. Вздрогнулъ и я.

— Лѣшій подшутилъ — раздался вдругъ голосъ Ѳомы близко-близко. — Только вретъ, бабій сынъ, меня, братъ, не обойдешь!..

Я обернулся. Ѳома стоялъ у лошадей. Страхъ исчезъ, тревога смѣнилась молчаливой благодарностью къ Ѳомѣ.

— Что, Ѳома Иванычъ?

— Я, братецъ, Иванычемъ съ рожденія не былъ... Я — Гарасимычъ, Ѳома Гарасимычъ, а Ивановъ — это прозваніе мое, хвамелія, — отвѣтилъ Ѳома, похлопывая рукавицами.

— Нашелъ?

— Я да не найду!.. Ѣзжали, слава тѣ, Господи!.. Только настоящей дороги все-таки нѣтъ...

— Какъ же мы?

— Поѣдемъ... Тутъ къ людямъ попадемъ: на Воротниковскую дачу... Тамъ и заночуемъ... Тамъ двѣ избы новыхъ поставлены, приказчикъ живетъ, — лѣсомъ торгуетъ. У него, братецъ, и самоварчикъ найдемъ, и водченки.

— Далеко?

— Верстовъ шесть... Надо вотъ лошадей-то вывести. Ты ужъ, сдѣлай милость, вылѣзай: тяжело — сугробы.

Пришлось оставить теплое насиженное мѣстечко. Ѳома оправилъ лошадокъ, выволокъ сани изъ сугроба, и мы двинулись.

Ноги вязли въ снѣгу, вѣтеръ хлесталъ прямо по лицу, руки коченѣли отъ холода... Но впереди откры-

валась пріятная перспектива погрѣться, закусить, выпить чайку и расправить одеревенѣвшіе члены... Ѳома велъ лошадокъ подъ уздцы. Онъ шелъ крупнымъ тяжелымъ шагомъ впереди, я плелся за санями. Черезъ четверть часа мы выѣхали на „жесткое мѣсто",—глухую малоторную дорогу въ лѣсъ.

Поскрипываніе саней, визжаніе подрѣзей, колокольчики, задушевныя покрикиванія Ѳомы, покачиваніе изъ стороны въ сторону,—все это дѣйствовало такъ успокоительно, такъ пріятно убаюкивало. Успокоенный, я снова потонулъ въ теплой енотовой шубѣ, надвинулъ башлыкъ и, закрывъ глаза, отдался сладкой дремотѣ.

Я очнулся, когда мохнатая лапа сосны зацѣпила меня за голову и осыпала снѣгомъ... Мы ѣхали уже лѣсомъ. Дорога была такъ узка, что пушистыя вѣтви сосенъ висѣли шатромъ надъ нашими головами и поминутно стряхивали на насъ снѣжные хлопья. Казалось, лѣсъ высился до самыхъ небесъ и стоялъ плотными стѣнами по обѣимъ сторонамъ дороги. Ночная тѣнь затушевала вершины и прятала контуры и перспективу. Порой казалось, что ѣхать некуда,—впереди сплошная снѣговая преграда...

Здѣсь не было простора взбалмошному вѣтру, и онъ только изрѣдка врывался откуда-то сердитымъ порывомъ, крутилъ на мѣстѣ снѣгомъ и уносился къ небесамъ. Здѣсь было теплѣе и не ощущалось того жуткаго одиночества и безсилія, какъ то было въ чистомъ полѣ, среди безбрежнаго океана снѣговъ. Колокольчики звучали рѣзче и веселѣе, свистъ Ѳомы казался удалымъ, да и самъ Ѳома пріободрился и опять возобновилъ прерванные было разговоры со своими лошадками.

— Куда прешь?.. На-ко, на дерево лѣзетъ... Ослѣпла, что ли? Ну, прибавь, прибавь! О чемъ думаешь, непутная? выкинь изъ башки `дурь-то... У-у!.. Чего испугалась? Пень это, дура... возьми зенки-то въ зубы!..

Я вслушивался въ эти разговоры и причитанія, въ тоны и переливы колокольчиковъ и бубенцовъ, въ поскрипываніе саней,—и забылся, улетѣлъ изъ міра дѣйствительности въ міръ грезъ... Въ сознаніи смутно ощущалось движеніе саней; порой казалось, что они катятся назадъ, и надо было употребить усиліе, чтобы разрушить эту иллюзію; порой чудилось, что мы поднимаемся въ гору, а гора такая крутая, что вдругъ все тѣло вздрагивало отъ испуга и инстинктивно порывалось впередъ, чтобы не упасть черезъ спинку саней. Голосъ Ѳомы звучалъ все тише и дальше... И казалось, что мы ѣдемъ безконечно долго и никогда никуда не пріѣдемъ... Да и не хотѣлось пріѣзжать, а хотѣлось такъ вотъ сидѣть безъ движенія, безъ воли и покачиваться...

— Тпру!

Сани обо что-то стукнулись, а я стукнулся головой о спинку саней и раскрылъ отяжелѣвшія вѣки...

— Вылазь! Прибыли...

— Что?

— Прибыли, говорю...

Ночь... Передъ глазами темнымъ расплывчатымъ контуромъ рисуется фасадъ избы съ двумя привѣтливо мигающими чрезъ окна огоньками. Свѣтъ падаетъ изъ оконъ двумя полосами на землю и по пути освѣщаетъ лошадиный крупъ съ мотающимся хвостомъ, нагруженныя хворостомъ дровни, еще лошадь... Далѣе — часть сложенныхъ въ полѣнницы дровъ и штабелей лѣса... На свѣтломъ фонѣ оконъ вертятся и прыгаютъ бѣлые снѣжные хлопья, а порой мелькаютъ силуэты человѣческихъ головъ и рукъ... Лошадокъ тутъ много: слышно, какъ онѣ позваниваютъ бубенчиками и пофыркиваютъ... Однако темень и пурга не позволяютъ видѣть дальше нѣсколькихъ шаговъ рѣшительно ничего, кромѣ какой-то бѣлесоватости туманныхъ пятенъ,—и приходится догадываться... Вотъ хлопнула дверь;—кто-то вышелъ

изъ избы. Слышно, какъ прошлепали мужицкіе лапти по лѣстницѣ и какъ они захрустѣли по снѣжку.

— Кто такіе будете?—спросилъ голосъ неизвѣстнаго.

— Дальніе!—небрежно бросилъ Ѳома, помогая мнѣ вылѣзть изъ саней.

— По какимъ дѣламъ?—спросилъ голосъ.

— По собственнымъ, по своимъ...—уже съ досадою буркнулъ Ѳома.

— Такъ...—неопредѣленно произнесъ голосъ, и лапти снова захрустѣли по снѣгу, а входная дверь крѣпко хлопнула...

— Ну, пойдемъ къ Павлу Петровичу въ избу... Шагай за мной!—предложилъ Ѳома.

Мы направились къ крыльцу.

II.

Съ большимъ трудомъ отыскали мы дверь въ темныхъ сѣняхъ и вошли вмѣстѣ съ облаками ворвавшагося въ избу бѣлаго пара.

Изба была биткомъ набита: на лавкахъ вдоль стѣнъ, у стола въ переднемъ углу, на полу, на палатяхъ— всюду копошились люди. Головы, бороды, руки мелькали передъ глазами, а въ ушахъ стоялъ гамъ отъ нѣсколькихъ одновременно, разговаривающихъ, грубыхъ голосовъ... Какъ обухомъ, ударило по носу...

— Канпанія!—произнесъ не безъ юмора Ѳома, предварительно перекрестившись въ передній уголъ.—Миръ вамъ!—добавилъ онъ, стряхивая со своей бороденки снѣжныя сосульки.

— Подите-ка къ намъ!—отвѣтило нѣсколько голосовъ разомъ на это привѣтствіе.

„Канпанія“ нѣсколько притихла, оживленіе сразу спало...

Насъ встрѣтилъ низенькій худощавый господинъ лѣтъ подъ сорокъ, въ сильно затасканомъ длиннопо-

ломъ сюртукѣ и валеныхъ сапогахъ. Слегка прихрамывая на одну ногу, онъ засуетился около меня и, какъ-то виновато улыбаясь, заговорилъ съ запинками:

— Милости прошу къ нашему шалашу... Раздѣвайтесь!.. Тѣсновато будетъ, да, слава Богу, мѣста всѣмъ хватитъ... Пропустите-ка, ребята!..

— Мы къ тебѣ, Палъ Петровичъ!.. Лѣшій насъ обошелъ, въ ротъ ему каши немазаной!..—сказалъ Ѳома.— Барина совсѣмъ заморозилъ... Чай, отогрѣешь насъ съ нимъ?

— Пожалуйте, пожалуйте... ко мнѣ въ кабинетъ-съ... Здѣсь негдѣ, а тамъ все-таки поприличнѣе... — торопливо заговорилъ Павелъ Петровичъ и не безъ нѣкоторой строгости замѣтилъ столпившимся мужикамъ:

— Дайте дорогу-то!

Кабинетъ Павла Петровича отдѣлялся отъ остальной избы легонькой переборкой и представлялъ собою обыкновенный „чуланъ“ крестьянской хаты съ тою разницею, что здѣсь были двери. Однако сюда уже вторглась нѣкоторая культура: кроватъ съ тюфякомъ и подушкою, столъ, покрытый скатертью, лампа съ бѣлымъ стекляннымъ абажуромъ, на стѣнѣ—зеркало, ружье и олеографія картины Рѣпина „Бурлаки“.

— Выдь на Волгу-съ, чей стонъ раздается,—съ виноватою улыбкой замѣтилъ Павелъ Петровичъ, когда я остановилъ свой взоръ на этой картинѣ...

Я промолчалъ и лишь вопросительно взглянулъ на Павла Петровича...

— Бурлаки-съ бичевой идутъ... Въ прежніе годы-съ...— счелъ необходимымъ пояснить, растерявшійся отъ моего вопросительнаго взгляда, Павелъ Петровичъ.

— Ты, Палъ Петровичъ, вотъ что: нечего тутъ картинки-то смотрѣть, водченкой угости,—промерзли, милый!—сказалъ стоявшій въ дверяхъ Ѳома.

— Ахъ, извините!.. Это можно... А... а... затрудняюсь назвать?

Я сказалъ свое имя...

— Садитесь къ столу... вотъ сюда!..

Павелъ Петровичъ взялъ съ подоконника графинъ и поставилъ его передъ нами.

— И рюмочка вотъ!.. Одна только, ужъ не взыщите, въ лѣсу живемъ...

— Была бы водка-то, а выпить сумѣемъ,—замѣтилъ Ѳома, и, предвкушая грядущее удовольствіе, расправилъ двумя пальцами свои усы.

Выпили по рюмкѣ водки. Ѳома крякнулъ и вытеръ усы...

— Гдѣ бралъ?..—спросилъ онъ зачѣмъ-то, но, не дождавшись отвѣта, пошелъ ставить самоваръ.

— У васъ и чтеніе имѣется? — замѣтилъ я, увидя на полкѣ нѣсколько книжекъ.

— Есть-есть... Обрывки-съ... Двѣ книги „Отечественныхъ Записочекъ“, нашъ поэтъ Некрасовъ есть, Левъ Толстой—томикъ...

Признаться, я былъ пораженъ: въ этомъ глухомъ медвѣжьемъ углу, среди лѣсовъ, въ какой-то несчастной избенкѣ, при такой обстановкѣ и у такого, повидимому, очень незамысловатаго человѣчка, нахожу „Записочки“ и „нашего поэта Некрасова“.

Знакъ вопроса застылъ на моемъ лицѣ, и, когда Павелъ Петровичъ вышелъ изъ кабинета, а Ѳома вернулся, я спросилъ:

— Кто онъ такой, хозяинъ-то?..

— Да онъ не хозяинъ, всего только приказчикъ...

— Нѣтъ, гдѣ учился?..

— Онъ—ученый... Поди, въ училищѣ учился... Гдѣ—окромя училища?—Человѣкъ хорошій...

Пока Павелъ Петровичъ объяснялся съ „канпаніей“, а Ѳома хлопоталъ около самовара, я прилегъ на постель, съ удовольствіемъ задымилъ папироской и предался пріятному ощущенію теплоты, свѣта, уютности... Стоило закрыть глаза, и казалось, что снова ѣдешь куда-

то, только ѣдешь спокойно, безъ тряски, какъ на мягкой койкѣ въ вагонѣ поѣзда. За перегородкой понемногу возобновилось оживленіе, опять заговорили разомъ и безъ всякаго стѣсненія... Одинъ осипшій тенорокъ рѣзко выдѣлялся въ общемъ гамѣ голосовъ, горячился и порой переходилъ въ какой-то жалобный визгъ.

— Нѣтъ такого закону... Не имѣетъ никакого полнаго права...

— О?

— Вотъ-те и „о"!.. Жалобу надо написать... Нешто это можно?.. Царская милость...

Прислушиваясь къ осипшему тенорку, я понялъ только, что волновавшимъ „канпанію" вопросомъ былъ какой-то хворостъ.

— Лѣсъ подъ бокомъ, а поѣзжай за двѣнадцать верстъ... Рази это правильно?—горячился тенорокъ, и въ моемъ воображеніи невольно рисовался захудалый плюгавенькій мужиченко съ козлиной бородкой, юркій, горячій, съ сверкающими глазками и размахивающими руками.

Павелъ Петровичъ пояснилъ мнѣ, въ чемъ заключалось дѣло.

Высочайше дарованную крестьянамъ по случаю голодовки милость, заключавшуюся въ разрѣшеніи безвозмездно собирать для топлива хворостъ въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, мѣстное начальство [1]) свело, какъ говорится, на нѣтъ... Дѣло въ томъ, что „Высочайшая милость" вела за собою новыя хлопоты для лѣсной охраны... Пусти мужика въ лѣсъ, да не присмотри за нимъ, онъ и лыкъ надеретъ, и дровецъ нарубитъ, а то и цѣлое дерево свалитъ; между тѣмъ дарованное разрѣшеніе должно было только помочь дѣлу очистки лѣсныхъ дачъ отъ валежника, падали и мусора... Чѣмъ принимать на себя лишнюю обузу и хло-

---

[1]) Происходитъ въ Симбирской губ., Алатырскомъ уѣздѣ.

поты по надзору за мужикомъ, лучше сдѣлать такъ, чтобы онъ, мужикъ, самъ отказался отъ дарованныхъ милостей. Такъ и сдѣлали: тѣмъ крестьянамъ, у которыхъ имѣется казенный лѣсъ подъ бокомъ, отвели для сбора хвороста и валежника участокъ верстъ за 15—20, а крестьянамъ, живущимъ въ окрестностяхъ этого послѣдняго участка, „дозволили“ брать хворостъ въ первомъ участкѣ... Такимъ образомъ „милость“ обратилась въ фикцію по существу, хотя на бумагѣ оставалась неприкосновенною... Никто изъ мужиковъ ѣхать на своей голодной заморенной клячѣ за возомъ дарового хвороста не пожелалъ, ибо слишкомъ дорого обошелся бы ему этотъ подарокъ; мужикъ предпочиталъ топить избу остатками плетней и тѣмъ валежникомъ, который продавался въ ближайшихъ частныхъ лѣсныхъ дачахъ весьма недорого... во всякомъ случаѣ, дешевле „дарового-казеннаго“... Чтобы съѣздить мужику за даровымъ топливомъ, надо было употребить почти двое сутокъ, въ теченіе которыхъ приходилось кормить себя и свою скотинку... Между тѣмъ оборотливые совладѣльцы открыли дешевую распродажу негоднаго лѣсного матеріала (сушь, обгорѣлый лѣсъ, щепа), возъ котораго стоилъ всего какой-нибудь гривенникъ-пятиалтынный...

— Вотъ тебѣ и самоварчикъ,—отогрѣвай душу-то!— сказалъ Ѳома, торжественно опуская на столъ небольшой пыхтѣвшій самоварчикъ...

Принялись „отогрѣвать душу“, при чемъ Павелъ Петровичъ предпочиталъ отогрѣвать свою душу посредствомъ графинчика. То и дѣло „канпанія“ требовала Павла Петровича къ себѣ, и онъ возвращался къ намъ взволнованный.

— Тошно-съ, тошно-съ...—говорилъ онъ, дрожащей рукою наполняя рюмку.

— А позвольте спросить, гдѣ служите?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Гм... Нигдѣ не служу...

— Чѣмъ же изволите заниматься?

— Чѣмъ придется...

Павелъ Петровичъ какъ-то сконфуженно улыбнулся.

— Вотъ такъ же, какъ я... Постояннаго занятія въ жизни не имѣлъ, а всю жизнь чѣмъ-нибудь занимался. Кѣмъ только я не былъ-съ?! И въ „мальчикахъ“, и по коммерческой части, и по водочному дѣлу, въ трактирѣ сидѣлъ, и управляющимъ въ номерахъ былъ, и библіотекаремъ въ клубѣ нашемъ былъ (въ уѣздномъ городѣ-съ)... А теперь вотъ, какъ изволите видѣть, лѣсъ продаю голодающимъ... Тошно, тяжело, а вотъ приходится: подневольный человѣкъ-съ!..

Я вглядывался въ лицо Павла Петровича, въ худое, блѣдное лицо, съ рѣзко очерченными морщинами на лбу и въ углахъ рта, съ рѣденькой, подернутой сѣдиною, бородкой и съ дѣтски ясными добрыми глазами, совсѣмъ юными глазами, -- и чѣмъ больше вглядывался, тѣмъ больше оно мнѣ нравилось...

— Своихъ средствъ никогда не имѣлъ, учиться было не на что, образованія — никакого... Ну, и живи вотъ, какъ прикажутъ... Всю-то жизнь свою прожилъ не для себя, да и не для хорошаго дѣла, а такъ... зря прожилъ... Все словно изъ милости выходило... Самостоятельности въ жизни никогда не имѣлъ и настоящимъ человѣкомъ никогда не былъ...

— Какъ это „настоящимъ человѣкомъ“?..

— А такъ, чтобы дѣло-то съ душой въ ладу было, чтобы все дѣлать по совѣсти и по разуму...

— Почему же?

— Подневольный человѣкъ-съ!.. Богатый сродственникъ воспиталъ, т. е. выкормилъ, а за это вотъ и помыкаетъ мной... Сунетъ туда, — не гожусь, сунетъ сюда,—то же... Не могъ всю жизнь къ чему-нибудь одному приспособиться; негоденъ ни къ какому дѣлу оказываюсь!.. Вотъ и теперь, послали деньгу зашибать, а мнѣ, вѣрите ли, тошно, изъ души претъ-съ!.. Это съ го-

лоднаго-то, ободраннаго, чуть-живого человѣка, брата своего во Христѣ, послѣдній пятиалтынный за возишко негодной рухляди тянуть?! Кровь въ немъ, въ этомъ пятиалтынномъ-то, вижу-съ... Серебренники это тѣ самые, за которые Іуда своего Учителя продалъ!..

— Палъ Петровичъ! Подь-ка сюда на часъ! — таинственнымъ шопотомъ произнесла заглянувшая въ кабинетъ физіономія „брата во Христѣ“.

Павелъ Петровичъ какъ-то сорвался съ мѣста и вышелъ изъ „кабинета“.

— Добрый человѣкъ! — произнесъ Ѳома, сосредоточившій все свое вниманіе на блюдцѣ съ чаемъ.

— А ты его хорошо знаешь?

— Я-то? — спросилъ Ѳома, не измѣняя своего напряженнаго вниманія къ блюдечку, и, оторвавшись вдругъ отъ него, тихо добавилъ:

— Многіе его считаютъ за поврежденнаго, придурковатъ, молъ, а оно выходитъ наоборотъ! мудрости въ немъ сколь хочешь!.. И отъ доброты сердца да отъ большого ума на свѣтѣ, братецъ, бываетъ сиротка сума,— такъ старики сказываютъ... Вотъ оно что! А ему, по настоящему-то, надо бы не хуже сродственниковъ жить...

Проговоривъ это, Ѳома опять обмакнулъ усы въ блюдечко съ чаемъ и уставился взоромъ на кончикъ своего обмороженнаго и обшелушившагося носа...

— А ему развѣ плохо живется?..

— Какое житье?.. Вѣкъ свой прожилъ, а своего угла нѣтъ... У собаки, братецъ, и у той свое мѣстечко есть... Все изъ-за чужой спины гляди, такъ и помирай, съ чѣмъ родился... Зашибать сталъ сильно: восейка я пріѣхалъ за дровишками, а онъ пластомъ лежитъ... Плачетъ... скулитъ, милый, ровно баба... Инда за сердце беретъ!..

— О чемъ же?

— Экій ты, братецъ мой!.. А затѣмъ, что на недоброе

дѣло поставили... Никита-то Захарычъ, сродственникъ-то его, норовитъ нынѣшнимъ годкомъ попользоваться, ну?.. А Палъ Петровичъ долженъ его интересъ соблюдать. Вотъ ему и обидно; хошь, не хошь—а грѣхъ на душу примай...

Въ кабинетъ вошелъ большой, серьезный песъ, кудрявый черный пудель, посмотрѣлъ на насъ, сладко зѣвнулъ и, понуривъ голову, какъ скучающій, не знающій, куда дѣть себя человѣкъ, лѣниво побрелъ куда-то, видимо, совершенно безцѣльно.

— Другъ! Дружокъ!—позвалъ Ѳома собаку.

Пудель полуобернулся, вскинулъ взоры на Ѳому, но сейчасъ же отвернулся и, не обративъ вниманія, вышелъ вонъ.

— Умнѣющая собака! — рекомендовалъ мнѣ Ѳома пуделя.

— А что?

— Очень просто: человѣка спасъ!..

— Какъ такъ?

— Очень просто!.. Замерзъ было восейка человѣкъ-мужичекъ... Въ овражекъ попалъ да увязъ. Отъ дороги-то всего сажень двадцать... А Палъ Петровичъ изъ городу ѣхалъ. Кобель, обыкновенно, позадь бѣжалъ... Ночью... Только что вдругъ Дружокъ лаять зачалъ. Побѣжитъ, полаетъ, и назадъ! Что за оказія? А тоже пурга была... Вѣтеръ... Свѣту Божьяго не видно... Палъ Петровичъ сперва думалъ,—волкъ. Нѣтъ: не такъ брехатъ, проклятущій... Волка учуетъ,—инда стонетъ, визжитъ, а это—разовъ пять брехнетъ, да побѣжитъ,—воротится и опять на Павла Петровича брехать зачнетъ... Взялъ онъ ружье на всякій случай, пошелъ... Подошелъ къ овражку,—что за штука? Чернѣется что-то... Никакъ лошадь? Лошадь и есть... Увязла... Догадался Палъ Петровичъ, скричалъ Микитку, парня своего,—вытащили человѣка. Совсѣмъ застывать кровь въ немъ стала. Отогрѣли. Онъ, знаешь, сперва-то все лошадь

хотѣлъ вытащить, бился-бился, усталъ... Видно, и самъ-отъ ужъ вылѣзть не можетъ...

Пудель опять заглянулъ въ кабинетъ. Я невольно проникся къ этому псу уваженіемъ и какъ-то заискивающе обратился со своими ласками къ „герою“. Пришелъ Павелъ Петровичъ. Его лицо и движенія отражали только-что пережитое „сильное ощущеніе“: глаза какъ-то безпокойно перескакивали съ предмета на предметъ, кисти рукъ потрясывались, а сами руки тыкались какъ-то машинально, невпопадъ...

— Что, бишь, я хотѣлъ? — произнесъ онъ, потирая лобъ, потомъ вспомнилъ, полѣзъ въ карманъ, вытащилъ оттуда какой-то темно-бурый комокъ и, сердито стукнувъ имъ о доску стола, сказалъ:

— Намъ на закуску! Извольте откушать!

Я съ любопытствомъ взялъ въ руки этотъ твердый, какъ камень, комъ.

— Хлѣбецъ это-съ... Братья наши во Христѣ кушаютъ,—съ горькой ироніей замѣтилъ Павелъ Петровичъ.—Не видали? Полюбопытствуйте! Собаки не жрутъ.. Ей-Богу!..

Съ этими словами онъ вырвалъ изъ моихъ рукъ „хлѣбецъ“ и свистнулъ:—Дружокъ!

Лохматый пудель охотно подошелъ къ хозяину и, любезно помахивая хвостомъ, ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій.

— Пиль!—скомандовалъ Павелъ Петровичъ и бросилъ хлѣбецъ на полъ.

Другъ понюхалъ кусокъ хлѣба, которымъ питаются наши братья во Христѣ, разочарованно отвернулся, потянулся и зѣвнулъ...

— Извольте видѣть: не жретъ!..

— Да...

— Ну, пиль!.. Жри!..

Пудель окончательно обидѣлся и тихо отошелъ въ уголъ.

— Не жретъ?..

— Да...

— Зайцовъ все, поди, лопаетъ, — вставилъ Ѳома и вздохнулъ.

До сихъ поръ мнѣ приходилось только слышать и читать о „голодномъ хлѣбѣ“; теперь я видѣлъ его собственными глазами...

Да, я не повѣрилъ бы, что это—хлѣбъ, и что имъ питаются люди, такіе же люди, какъ и мы съ вами, если бы можно было не вѣрить!.. Но не вѣрить было нельзя, ибо этотъ хлѣбъ употребляла въ пищу вся голодавшая за перегородкой „кампанія“...

— Вы позвольте мнѣ этотъ кусочекъ... Я пошлю его, Павелъ Петровичъ, одному ученому человѣку, профессору, для изслѣдованія...

Павелъ Петровичъ скептически улыбнулся.

— Конечно-съ, любопытно... Пусть полюбопытствуютъ... Можно и еще достать... Чего другого, а этой дряни—сколько вамъ угодно...

Павелъ Петровичъ засмѣялся и опять потянулся къ графинчику, а Ѳома тихонько всталъ съ мѣста и вышелъ къ „кампаніи“. Я слышалъ, какъ онъ сдержаннымъ, но радостнымъ шопотомъ оповѣстилъ братьевъ во Христѣ:

— Хлѣбъ вашъ, робята, покупатъ баринъ!.. У кого что ни на есть пакостный—тащите, больше уплотитъ... Баринъ добрый... Ему любопытно... Самый пакостный!..

„Робята“ быстро сообразили, въ чемъ дѣло. Они дружно зашевелились, зашептали и стали покашливать.

А Ѳома, желая замаскировать свое „подстрекательство“, вышелъ изъ избы и долго не возвращался.

Между тѣмъ „робята“ уже приступили: въ дверь просунулась рыжая рябая физіономія и съ подобострастною, глуповатою улыбкою произнесла:

— Это еще ничаво, баринъ... А ты вонъ погляди энтотъ! На-ко!..

Рыжая физіономія просунула въ дверь мозолистую грязную руку и подала большой комокъ „голоднаго хлѣба“.

Дѣйствительно, этотъ образецъ былъ еще интереснѣе.

— Я у тебя маленько отломлю, а тебѣ вотъ гривенничекъ...

— Нашто „маленько“? Ты весь бери! — Задешево отдамъ... Давай пятнадцать за весь!..

— Куда мнѣ!.. Мнѣ кусочекъ только...

Мужиченко подошелъ ближе. Съ его физіономіи не сходила улыбка, которая казалась совершенно неумѣстной на этомъ худомъ, изможденномъ лицѣ землистаго цвѣта, изрытомъ оспою.

— Что, баринъ, хлѣбецъ покупашь?—произнесъ появившійся Ѳома и, вздохнувъ, добавилъ:

— Лошадокъ провѣдать ходилъ... Пуржитъ...

Получивъ, сверхъ ожиданія, двугривенный за кусочекъ своего хлѣба, рыжій мужиченко выпустилъ какое-то междометіе и чмокнулъ губами.

— Благодаримъ!—сказалъ онъ и, почесывая въ затылкѣ, нехотя вышелъ.

А въ дверь заглянула уже новая физіономія.

— Нѣтъ, ты, братецъ, вотъ энтотъ посмотри: пакостнѣй энтого нѣтъ ужъ!.. Не найдешь ужъ! Самый тебѣ подходящій, ежели для любопытства...

Я вскинулъ глаза на вошедшаго и замѣтилъ, что за спиной его трется еще одинъ продавецъ „голоднаго хлѣба“, который, вѣроятно, представитъ мнѣ еще болѣе „пакостный и подходящій для меня“ образецъ.

— Вотъ что, мужички: вотъ вамъ еще полтинникъ и пусть всякій дастъ мнѣ по кусочку, а деньги раздѣлите, какъ знаете...

— Это обидно будетъ, ваше степенство! — выкрикнулъ тотъ самый осипшій тенорокъ, который давеча горячился изъ-за хвороста.

— Вотъ тебѣ и разъ! — отвѣтилъ я, пораженный оборотомъ дѣла.

— Да какъ же?.. Насъ теперича всѣхъ еще девять человѣкъ... Ты одному двугривенный далъ, а намъ всѣмъ-то полтину... Не подойдетъ...

— А ты—будетъ!... Не болтай зря!..—послышались голоса, вразумлявшіе горячаго мужиченку.

— Не подходитъ... Надо по-божески!—не унимался мужиченко.

Началось галдѣніе. Ѳома вступился въ дѣло.

— Что вы?.. Даетъ полтину, — и бери!.. Нешто на базарѣ?!

Положеніе мое было поистинѣ комичное... Я попросилъ Ѳому отдать „канпаніи" рублевку и дать мнѣ, считая по двугривенному за образецъ, еще пять кусковъ голоднаго хлѣба. Тогда весь вопросъ уже перешелъ на разрѣшеніе исключительно „канпаніи", а я остался въ сторонѣ. Долго продолжалось въ избѣ галдѣніе, шумъ и ругань; наконецъ, вопросъ разрѣшили: я получилъ еще девять образцовъ, а цѣлковый былъ раздѣленъ поровну, при чемъ, чтобы никому не было обидно, продавцы возвратили мнѣ копѣйку серебромъ.

— Тебѣ... сдачи!—сказалъ Ѳома.

Такимъ образомъ, у меня составилась цѣлая коллекція „голоднаго хлѣба". Однако большого разнообразія въ этой коллекціи не было и, хотя каждый убѣдительно говорилъ, что „энтотъ еще пакостнѣй", но, въ сущности, всѣ образцы были одинаково пакостны, и рѣшить, который изъ нихъ былъ пакостнѣе, можно было только путемъ химическаго анализа.

Ѳома бралъ въ руки то одинъ, то другой кусокъ хлѣба, разсматривалъ, нюхалъ и глубокомысленно резюмировалъ:

— Камень!

— Кизякъ, больше ничаво!.. Ахъ, братецъ мой, грѣхъ какой...

— Ты мало взялъ, — закончилъ Ѳома, обратившись ко мнѣ.

— Зачѣмъ мнѣ? Куда?

— Куда!.. Для знакомыхъ, для пріятелевъ купилъ бы... Въ подарокъ... Раздѣлили бы промежду господами, которымъ любопытно... За двугривенный въ городу не купишь его...

А Павелъ Петровичъ незамѣтно наливалъ изъ графинчика рюмку за рюмкой, опрокидывалъ ихъ въ ротъ и тихонько, осторожно отставлялъ въ сторонку.

— Несправедливо-съ... Грѣшно-съ...—говорилъ онъ и начиналъ очень плохо декламировать: „Назови мнѣ такую обитель“...

Ѳома, при всемъ желаніи, не могъ больше пить чай (не лѣзло больше) и, вспотѣвшій и красный, сидѣлъ за столомъ съ тупымъ посоловѣлымъ взоромъ, устремленнымъ на поверхность самовара... Долго онъ сидѣлъ такъ, безъ движенія, въ глубокомъ молчаніи; наконецъ, неожиданно разсмѣялся и сказалъ:

— Рожа-то какая показыватъ въ самоварѣ!.. а? Оказія, братецъ мой!..

III.

Было далеко за полночь.

Въ передней избѣ уже висѣлъ дружный храпъ „братьевъ во Христѣ“, а мы съ Павломъ Петровичемъ все еще не окончили разговоровъ. Мой собесѣдникъ сильно захмелѣлъ, и это сдѣлало его чрезвычайно общительнымъ и словоохотливымъ. Наболѣвшая въ долгомъ нравственномъ одиночествѣ душа его, видимо, чувствовала страстную потребность передъ кѣмъ-нибудь „излиться“, — и Павелъ Петровичъ не смолкалъ, утоляя эту духовную жажду... Легко было замѣтить, что вся „горечь души“ сосредоточивалась у него на одномъ пунктѣ, вертѣлась вокругъ одной главной точки: „нельзя человѣку жить по совѣсти“...

— Батюшка вы мой!—говорилъ Павелъ Петровичъ, понуривъ голову:—да развѣ я сталъ бы такимъ дѣломъ заниматься, какимъ теперь приходится?.. Эхъ, если бы вотъ сейчасъ вы могли въ душу мою заглянуть!.. Ушелъ бы... бросилъ бы... да куда? Куда уйти... Некуда бѣдному человѣку уйти: куда не ткнись, все попадешь въ услуженіе, все придется отъ зла жить и отъ неправды кормиться... Еще съ образованіемъ кое-какъ можно бы... И то спрошу васъ: много ли образованныхъ людей настоящей-то правдѣ служатъ?.. Мало, батюшка мой!.. Больше и они—въ услуженіи... Рабы-съ!..

Павелъ Петровичъ выкрикнулъ послѣднее слово и сильно стукнулъ кулакомъ по доскѣ стола.

Проснулся лохматый песъ, посмотрѣлъ соннымъ взоромъ на Павла Петровича и, успокоившись, снова спряталъ морду... Кто-то изъ „братьевъ во Христѣ“ глубоко вздохнулъ и зашепталъ въ просоньи слова молитвы. Маленькіе стѣнные часы застукали маятникомъ какъ-то рѣзче, тревожнѣе въ наступившей тишинѣ... Прошло нѣсколько минутъ въ обоюдномъ молчаніи.

— Глухо, батюшка мой, по нашимъ мѣстамъ,—началъ Павелъ Петровичъ нѣсколько упавшимъ голосомъ:—никакихъ заработковъ нѣтъ, народъ очень темный, мордвы много... А тутъ неурожаи да неурожаи,—полное разореніе... Надѣялись на желѣзную дорогу, вотъ, молъ, строить будутъ,—всѣмъ работа достанется, всѣ сыты будутъ... Сколько разговоровъ было, сколько въ газетахъ писали,—обнадеживали... А оно вышло вонъ какъ: работай, почитай, даромъ... И тутъ голоднымъ годомъ пользовались... Стало быть, ужъ нельзя было работать, если нашъ мордвинъ, глупый, терпѣливый, запуганный-съ, съ работы бѣгалъ-съ?! На хлѣбъ не хватало... двугривенный за цѣлыя сутки платили,—вотъ, какъ бывало! А хлѣбецъ-то, сами знаете, сколько стоилъ въ глухихъ мѣстахъ!.. Два двугривенныхъ человѣку съ лошадью платили!.. А кормъ-то для скотины

чего стоилъ?.. Голодную дорогу строили поистинѣ-съ... Цѣлыми артелями народъ бѣжалъ!.. Вотъ они, заработки-то!.. Да-съ, „милый папаша-съ, зачѣмъ въ обаяніи вашего Ваню держать-съ“. По́томъ и кровью эта дорожка полита... Зато господа инженеры пировали, по двѣнадцати да по двадцати тысячъ преміи получили! А откуда, позвольте спросить, эта премія-съ?.. Изъ барышей? А откуда-съ эти барыши да экономіи?.. а? Вотъ то-то и есть... А вѣдь народъ образованный дѣлами завѣдывалъ... Тутъ и инженеры, и техники, и доктора... Сколько народу на постройкѣ изуродовало: кого на смерть, кому руку, кому ногу... И все выходило, что по собственной неосторожности!.. Ни одного случая не было по ихъ неосторожности!.. Изуродуютъ человѣка,— сейчасъ въ свою больницу, къ своему фельдшеру или доктору... Актъ тамъ или протоколъ какой-то составятъ... Все свои люди, другъ дружку уважаютъ, въ картишки вмѣстѣ хлыщатся, партнеры... И все выходитъ, что самъ виноватъ: не суйся! Скажи спасибо, что на свой счетъ руку тебѣ отпилятъ или похоронятъ, а ужъ если красненькую на поминъ души родителямъ дадутъ — чистое благодѣяніе!.. А почему?.. Некому заступиться: всѣ въ услуженіи...

Павелъ Петровичъ замолкъ. За окномъ попрежнему бушевала непогода. Вѣтеръ билъ въ стекла снѣгомъ и жалобно плакалъ о чемъ-то. Ставень методично постукивалъ, словно путникъ, просившійся въ избу заночевать и укрыться отъ бурана...

Кто-то завозился въ сѣняхъ, пристукнулъ снѣжными лаптями и отворилъ дверь.

— Кого-то еще Богъ послалъ,—сказалъ Павелъ Петровичъ.

Вошедшій покряхтѣлъ и началъ что-то шептать...

Павелъ Петровичъ вышелъ изъ „кабинета“.

За перегородкой начался малопонятный для меня разговоръ по-русски и по-мордовски вперемежку. По

слезливому тону и вздохамъ мордвина пока можно было заключить только о томъ, что его постигло какое-то страшное несчастіе...

— Пуланка помрилъ, тенька фесь пошелъ...

— Хм... да... хм...

— Ай, бачька, польно тфой просимъ: тафай минѣ тенька... Ай, бачька, пожалуста, тафай!..

Когда я вышелъ въ переднюю избу, моимъ глазамъ предстала слѣдующая картина:

Маленькій тщедушный человѣчекъ валялся во прахѣ, у ногъ Павла Петровича, и стукался головой о полъ... Павелъ Петровичъ, наклонившись, старался поднять этого жалкаго человѣка на ноги, а стоявшій позади „Дружокъ“ старательно обнюхивалъ его съ разныхъ сторонъ.

— Ну, вставай!..—убѣждалъ Павелъ Петровичъ.

— Ай, бачька, не пуду фстафать... Пожалуста, тенька тафай...

— Отдамъ, говорю!—закричалъ Павелъ Петровичъ, совершенно выведенный изъ терпѣнія.

Окрикъ Павла Петровича разбудилъ кое-кого изъ спавшихъ на полу въ повалку „братьевъ во Христѣ“. Двое-трое тревожно приподняли головы, но сейчасъ же опять опустили ихъ на руки; одинъ даже привскочилъ и, усѣвшись на мѣстѣ, началъ обѣими руками чесать свою голову...

— Али померъ кто? — спросилъ онъ послѣ продолжительнаго чесанія.

— Лошадь пала, слышишь? — пояснилъ лежавшій на брюхѣ сосѣдъ.

— Перцу бы всыпать ей!.. Живо встала бы...

— Ты дуракъ али умный?.. Лошадь съ голоду околѣваетъ, а ты—„пер-цу“! .

— Софсѣмъ помрилъ, бачька... Карачунъ пришелъ...

— Видишь: издохла, а ты — перцу!.. Жрать нечего, такъ сколь ни сыпь тебѣ перцу, плясать не будешь... Перцу!.. выдумалъ!..

Павелъ Петровичъ сунулъ въ руку мордвина пятиалтынный, и несчастный человѣкъ часто-часто застукался лбомъ о доски пола и началъ ловить руками валеный сапогъ Павла Петровича съ явнымъ намѣреніемъ поцѣловать этотъ грязный сапогъ.

Что-то невыразимо-тяжелое, удручающе-оскорбительное скользнуло мнѣ въ душу при видѣ этой сцены и какъ-то стыдно стало передъ этимъ жалкимъ мордвиномъ...

Онъ пріѣзжалъ на хуторъ за хворостомъ, купилъ возъ его за пятиалтынный и поѣхалъ, разсчитывая вернуться къ ночи домой. Но до дому онъ не доѣхалъ, такъ какъ заморенная лошаденка упала на дорогѣ и рѣшительно отказалась вставать... Мордвинъ возился около нея до вечера—и билъ, и гладилъ, ругалъ и усовѣщевалъ; но кляча только тяжело отдувалась и грустно смотрѣла на своего „Василь Ифаныча".

Когда „Василь Ифанычъ" понялъ, что кляча околѣваетъ, онъ сталъ просить Кереметь прогнать смерть отъ лошади, но, когда увидѣлъ, что кляча издохла, сталъ съ плачемъ бѣгать вокругъ нея и причитать... До сумерекъ онъ плакалъ, а потомъ вспомнилъ, что теперь и пятиалтыннаго нѣтъ... Вспомнилъ и воротился къ Павлу Петровичу, умоляя его отдать „тенька"...

Такова эта драма, маленькая обыденная драма ничтожнаго человѣка...

Дома—голодная семья... У „Василь Ифаныча" полна изба мордвинятъ; печь не топлена, въ избѣ холодно... Всѣ ждутъ „Василь Ифаныча": онъ привезетъ дровъ, затопятъ печь и сварятъ горячую похлебку изъ отрубей...

Но теперь все рушилось: пала послѣдняя животинка, и напрасно пропалъ послѣдній пятиалтынный... Нѣтъ „Буланки", нѣтъ дровишекъ и нѣтъ „тенька"...

Герой этой незамысловатой драмы стоитъ посреди избы, смиренный и пришибленный несчастіемъ... Тупо смотритъ онъ своими слезящимися глазами въ землю,

безсвязно шепчетъ что-то губами и, падая на колѣни, молитъ о возвращеніи ему пятиалтыннаго... Теперь несчастному мордвину кажется, что все спасеніе его—въ этомъ пятиалтынномъ, и онъ ползаетъ по полу и ловитъ валеный сапогъ своего „брата во Христѣ“ для лобызанія...

Плохо спалось мнѣ въ эту ночь, долго я возился съ боку на бокъ на скрипучей постели... Метель выводила заунывныя нотки какой-то тоскливой пѣсни; ставень какъ-то судорожно постукивалъ въ стѣнку, а „братья во Христѣ“ что-то шептали въ просоньи и дышали тяжело, со стономъ...

И въ этой похоронной мелодіи завывавшаго вѣтра, и въ этихъ, словно отъ души отрывавшихся, вздохахъ и стонахъ голодающихъ братьевъ моя совѣсть слышала какой-то упрекъ, какую-то жалобу... Тутъ близко, рядомъ со мной, таилась какая-то безграничная неправда несправедливость; какое-то громадное зло скрывалось здѣсь, подъ покровомъ ночи, въ глухомъ лѣсу, и мою душу не покидало странное смутное сознаніе, скорѣй даже—ощущеніе, что я повиненъ въ какомъ-то страшномъ безчеловѣчномъ преступленіи...

Лишь только я немного забывался и смыкалъ вѣки, лишь только мой слухъ отвлекался отъ тоскливой мелодіи вѣтра,—какъ проклятый ставень своимъ тревожнымъ „тукъ-тукъ-тукъ!“ опять возвращалъ мнѣ прежнее душевное настроеніе и опять насильственно направлялъ слухъ къ похороннымъ напѣвамъ метели и къ стонамъ спавшихъ братьевъ... Въ утомленномъ мозгу вставали уродливыя физіономіи, рисовались только что видѣнныя сцены и создавались новыя... То маленькій человѣчекъ съ слезящимися глазами подползалъ къ моей кровати, просилъ „тенька“ и стукался головой о полъ, то въ дверь протягивались руки и совали мнѣ ломти „голоднаго хлѣба“, то вдругъ страдальческій обликъ изуродованнаго, окровавленнаго рабочаго на-

клонялся надъ моимъ изголовьемъ и глухо спрашивалъ:

— Какъ же насчетъ способія, преміи?

— По собственной неосторожности!—произносилъ я уже въ полусознаніи и сердито переворачивался на другой бокъ, лицомъ къ стѣнѣ...

Наконецъ, измученный, я заснулъ крѣпко-крѣпко...

— Эй, баринъ!.. Будетъ спать-то!..

Я раскрылъ глаза. Передъ кроватью стоялъ Ѳома.

— Вставай, пора ѣхать...

— Еще бы часикъ уснуть... Успѣемъ...

— Не охота?... А ты вскинься, сразу вскинься!.. Самоварчикъ давно попыхиваетъ, тебя дожидается...

Самоварчикъ дѣйствительно „попыхивалъ“ Павелъ Петровичъ съ перекинутымъ черезъ плечо полотенцемъ стоялъ у стола и мылъ чайную посуду.

— Проснулись?...—спросилъ онъ, не отрываясь отъ дѣла.

— Не совсѣмъ еще,—отвѣтилъ я, сладко потягиваясь.

— Я думаю, душно было вамъ почивать?... Невѣжды-съ...

— Нѣтъ, ничего...

— А другіе не выносятъ...

Наскоро освѣживъ лицо водою, я подсѣлъ къ самовару. Ѳома послѣдовалъ моему примѣру...

„Братьевъ во Христѣ“ уже не было; всѣ они давно разъѣхались, и только грязные слѣды по полу, окурки „цыгарокъ“ и солома изъ лаптей—напоминали мнѣ исчезнувшую „канпанію“...

Павелъ Петровичъ былъ неузнаваемъ. Лицо серьезное, даже нѣсколько суровое: молчаливъ, ограничивается односложными фразами и словами; ковыляетъ какъ-то по-старчески на своей хромой ногѣ и покашливаетъ въ кулакъ... Даже старается не смотрѣть на меня, словно стыдится за свои недавнія изліянія... Предупре-

дительно вѣжливъ, но холоденъ... Даже Ѳома замѣтилъ эту перемѣну въ Павлѣ Петровичѣ...

— Ты выпилъ бы рюмочку съ похмелья-то!.. Поди, тоска въ брюхѣ-то?..—сочувственно посовѣтовалъ онъ Павлу Петровичу.

Павелъ Петровичъ промолчалъ...

— И я съ тобой проглотилъ бы стаканчикъ...—продолжалъ свои совѣты Ѳома.

— Вся...—буркнулъ Павелъ Петровичъ, не оглядываясь.

Напились чаю.

— Гусемъ запрягу... Поди, нанесло за ночь снѣгу-то, не продерешь,--разсуждалъ Ѳома, опоясывая кафтанъ пояской.—Надо будетъ только хворостинку подлиннѣе прихватить... Не забыть бы!.. Кнутомъ ничаво не сдѣлаешь, если гусемъ... Лѣсомъ теперь не проѣдешь—сугробы...

Спустя четверть часа мы съ Ѳомой были уже далеко отъ хутора.

Буранъ стихъ... Природа была величаво-спокойна и торжественна... Легкій морозецъ подбадривалъ отдохнувшихъ за ночь лошадокъ, и онѣ весело и бойко бѣжали впередъ... Снѣжокъ похрустывалъ подъ полозьями и отливалъ алмазными кристаллами на гладкой поверхности сугробовъ... Ѳома выпускалъ свои „трели“ и время отъ времени подхлестывалъ хворостинкой подпрыгивающую и брыкающуюся при каждомъ ударѣ „гусевую“...

Навстрѣчу попадались убогія клячонки и дровнишки, тянувшіяся на хуторъ къ Павлу Петровичу за хворостомъ.

Вотъ и лѣсъ остался позади, опушенный сверху донизу серебристымъ инеемъ.

Впереди безбрежная поляна... Кругомъ снѣгъ и снѣгъ...

— Смотри: никакъ мордвинъ это?...—замѣтилъ Ѳома, показывая хворостиной на чернѣвшій впереди предметъ...

— Все около своей кобыленки похаживаетъ...

Черная точка—все ближе и ближе... Вотъ уже ясно обрисовывается контуръ человѣческой фигурки...

— Онъ и есть!..—говоритъ Ѳома...

Еще пять-шесть минутъ—и мы поровнялись съ человѣкомъ... Это былъ дѣйствительно мордвинъ... Онъ стоялъ около воза хвороста, почти совершенно засыпаннаго снѣгомъ, и своей павшей лошаденки... Заслыша колокольчики, мордвинъ выпрямился, разставилъ широко ноги, снялъ шапку и ждалъ, когда мы проѣдемъ...

Ѳома круто свернулъ съ дороги, и мордвинъ съ павшей лошаденкой остались позади...

— Что онъ тутъ дѣлаетъ?

— А кто его знатъ!.. Поди, шкуру хочетъ ободрать...

Больше мы съ Ѳомой не разговаривали...

Я плотно вдвинулся всѣмъ корпусомъ тѣла въ уголъ саней и закрылъ глаза.

Колокольчики пѣли такъ монотонно и грустно, а снѣжокъ такъ хорошо поскрипывалъ подъ полозьями саней, что пріятная дрема начинала одолѣвать мною...

— Эй-эхъ! Милыя!—задушевно выкрикивалъ Ѳома.

„Динь-динь, донъ-динь, ди-ди-динь", — пѣли колокольчики...

А я покачивался изъ стороны въ сторону, впередъ, назадъ, и о чемъ-то думалъ... Думалъ о чемъ-то неясномъ и совершенно безсвязномъ... То были обрывки воспоминаній далекаго дѣтства, расплывчатые портреты знакомыхъ и чужихъ лицъ, слова, фразы, предметы... И эти безсвязныя думы куда-то убѣгали, оставались назади, вмѣстѣ съ убѣгавшей изъ-подъ саней дорогой...

КАЛИГУЛА.

Сѣренькій февральскій день съ низко нависшимъ надъ землею облачнымъ небомъ, съ вѣтромъ и пронизывающимъ туманомъ, съ холодными каплями прыгающей съ крышъ и карнизовъ воды, тускнѣлъ и кое-гдѣ по окнамъ магазиновъ уже засвѣтились желтоватые огни керосиновыхъ лампъ.

Невзрачные дома, мокрые заборы, грязные извозчичьи санки, поджарыя лошади, хмурыя лица встрѣчныхъ прохожихъ, слякоть на панеляхъ,—вся эта мозглая, пропитанная сыростью, слезящаяся мокрыми окнами домовъ улица, съ печальнымъ освѣщеніемъ надвигающихся сумерекъ, дѣйствовала на душу Якова Ивановича самымъ удручающимъ образомъ. Въ сознаніи Якова Ивановича вставало смутное воспоминаніе о томъ, что когда-то уже было именно такъ, какъ теперь: онъ бѣгалъ по городу и искалъ мѣста, а на душѣ его было такъ пасмурно и скверно, что на единственный, имѣющійся у него въ карманѣ, четвертакъ Яковъ Ивановичъ рѣшилъ не покупать чаю и хлѣба, а лучше выпить водки и погрѣться въ пропитанномъ табачнымъ дымомъ и алкоголемъ трактирчикѣ, въ обществѣ плохо одѣтыхъ и недовольныхъ лицъ, обойденныхъ, какъ и онъ, несправедливой фортуною...

Теперь такъ же, какъ тогда, промокли ноги, такъ же хлюпаютъ худыя резиновыя галоши, и такъ же въ

сердцѣ вспыхиваетъ искорка молчаливаго протеста, и такъ же тухнетъ въ безсильной злобѣ маленькаго безсильнаго человѣка.

Старенькая выцвѣтшая фуражка съ кокардою какъ-то грустно и безсильно нависла своимъ блиномъ надъ глазами Якова Ивановича и прятала отъ посторонних взоръ его, въ которомъ попеременно отражались злоба, отчаяніе, жалобная мольба, упрекъ и угроза. Одинъ носъ, широкій и мясистый, предательски краснѣлъ изъ-подъ козырька Якова Ивановича и многихъ встрѣчныхъ дамъ въ бѣдныхъ салопахъ и старомодныхъ шляпкахъ наводилъ на грустныя размышленія о пагубномъ пристрастіи мужей къ спиртнымъ напиткамъ и о томъ, что̀ отъ такого пристрастія случается...

— Эй, носъ! берегись!..—весело крикнулъ по адресу переходившаго черезъ дорогу Якова Ивановича извозчикъ и, подхлестнувъ свою лошадку, добавилъ:

— Ну, братъ, и носъ же у тебя!..

Это замѣчаніе обезкуражило Якова Ивановича, обидѣло его до глубины души. Поднявъ кверху голову и сдѣлавъ строгую мину на физіономіи, Яковъ Ивановичъ намѣревался обругать извозчика мерзавцемъ и другими, еще болѣе обидными словами, но не сдѣлалъ этого: въ санкахъ сидѣла миловидная, хорошо одѣтая дама. Онъ только показалъ извозчику указательнымъ пальцемъ правой руки на свою кокарду и затѣмъ угрожающе погрозилъ этимъ же пальцемъ нахалу... Но нахалъ ухмыльнулся, презрительно бросилъ: „Эхъ, горе—чиновникъ!“ и скрылся за угломъ...

Яковъ Ивановичъ поправилъ фуражку, нѣсколько пріободрился и тоже скрылся за стеклянной съ рѣшеткою дверью трактира „Плевна“. Здѣсь, потребовавъ себѣ полбутылки водки, Яковъ Ивановичъ усѣлся въ дальнемъ углу за столикомъ, накрытымъ грязною пятнистою скатертью, разстегнулъ свое пальто на ватѣ и, похлопавъ фуражкой по колѣнкѣ, чтобы стряхнуть

воду, бросилъ фуражку на подоконникъ и сталъ дожидаться... Изрѣдка Яковъ Ивановичъ бралъ двумя пальцами свой носъ, словно безпокоился, не правъ ли былъ извозчикъ, высказавшій свое удивленіе по поводу носа Якова Ивановича, и думалъ: „Да, онъ пьетъ, пилъ и будетъ пить, какъ пьютъ всѣ такіе чиновники; однако кому какое дѣло, что онъ пьетъ? По службѣ ущерба отъ этого не бываетъ; раза два Яковъ Ивановичъ умиралъ и все-таки ходилъ на занятія и работалъ наравнѣ со здоровыми; очень часто Яковъ Ивановичъ работаетъ по праздникамъ, отказывая себѣ въ удовольствіи сходить въ храмъ и помолиться Господу; нерѣдко сидитъ въ неурочное время въ палатѣ... Какое же дѣло до того, что онъ пьетъ?..“

— Да-съ! —произнесъ вслухъ Яковъ Ивановичъ, приготовляясь выпить первую рюмку водки:—если бы у Якова Ивановича былъ носъ не сизый, даже зеленый,— то и тогда это никого не касается.

Выпивъ водки, Яковъ Ивановичъ началъ размышлять надъ людской несправедливостью и резюмировалъ ее такими словами:

— Если бы Яковъ Ивановичъ умеръ надъ бумагами, его не пожалѣли бы... Право! Его стали бы ругать, почему умеръ не дома, потому—хлопоты...

Сегодня Яковъ Ивановичъ потерпѣлъ полное пораженіе въ генеральной битвѣ, которую онъ далъ обществу въ борьбѣ за свое чиновничье существованіе: Яковъ Ивановичъ держалъ при мѣстной классической гимназіи экзаменъ на право получить первый чинъ и... не выдержалъ...

Если бы кто-нибудь зналъ, что̀ значило въ жизни Якова Ивановича это пораженіе!..

О, это было для него своего рода Ватерлоо!..

Будь Яковъ Ивановичъ помоложе, онъ, конечно, попытался бы еще разъ пойти на приступъ и въ штыки взять такъ необходимый ему чинъ коллежскаго реги-

стратора. Но теперь это было невозможно. Сразу погибло все: многолѣтнее корпѣніе по ночамъ и по праздникамъ надъ всѣми этими Иловайскими, Малиниными, „Европами, Азіями, Африками и Америками“, погибли, вырываемые чуть не изо-рта, кровные гроши, которые пошли на наемъ подготовлявшаго Якова Ивановича къ экзаменамъ семинариста, а главное, однимъ взмахомъ и окончательно разбита уже и безъ того тухнущая энергія сорокалѣтняго вѣчно сражавшагося съ нуждой человѣка, и поставленъ крестъ надъ послѣдними надеждами и планами выбиться...

Безъ чина нельзя выйти изъ рядовъ канцелярскихъ служителей и попасть въ настоящіе штатные чиновники съ опредѣленнымъ окладомъ и съ нѣкоторыми перспективами въ будущемъ... Теперь—мертвая точка, выше которой никогда не подняться Якову Ивановичу, теперь постоянная оцѣнка работы „по трудамъ и заслугамъ“, какъ это полагается по отношенію канцелярскихъ служителей.

„По трудамъ и заслугамъ“... Казалось бы, что такая оцѣнка труда—наисправедливѣйшая, не оставляющая желать ничего лучшаго... Къ сожалѣнію, это не такъ... Спросите Якова Ивановича, онъ вамъ разскажетъ, сколько обиды и безвыходности скрывается въ этомъ „по трудамъ и заслугамъ“...

— Это означаетъ, что больше 30 рублей не получишь, хоть всѣ жилы свои вытяни, хоть просиди весь мѣсяцъ, не вставая со стула; а меньше получить всегда можешь, потому что все зависитъ отъ секретаря: скажетъ, что никакихъ трудовъ и заслугъ въ этомъ мѣсяцѣ не было—и баста.

Яковъ Ивановичъ мечталъ выбиться. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, просидѣвъ всю ночь напролетъ, онъ являлся утромъ въ палату, блѣдный, испитой, съ опухшими красными глазами, и подавалъ четко и красиво переписанное представленіе въ Петербургъ на двѣна-

дцати листахъ,—секретарь говорилъ ему, возвращаясь изъ кабинета начальника, что тотъ очень доволенъ, и что если бы Яковъ Ивановичъ имѣлъ чинъ, то его можно было бы „двинуть“...

— Я предался наукамъ уже третій годъ... Буду стараться выдержать экзаменъ на чинъ,—смущенно произносилъ умиленный Яковъ Ивановичъ и, поощренный туманнымъ обѣщаніемъ „двинуть“, старался еще болѣе зарекомендовать себя со стороны безпримѣрной усидчивости, терпѣнія и выносливости. На лицѣ Якова Ивановича застывало выраженіе готовности и исполнительности, вся фигура его свидѣтельствовала о безропотной покорности судьбѣ и всякому выше его поставленному человѣку. Тогда казалось, что этотъ человѣкъ, съ сизымъ носомъ и съ испитымъ лицомъ, созданъ исключительно для исполненія однихъ только приказаній и живетъ на свѣтѣ какъ-то механически, безъ участія какихъ-либо духовныхъ силъ. Яковъ Ивановичъ сидѣлъ и писалъ, писалъ какъ чернильный perpetuum mobile... Секретарь распекалъ его за неграмотность,— Яковъ Ивановичъ молчалъ и не позволялъ себѣ возражать даже въ тѣхъ случаяхъ, когда секретарь былъ неправъ: изучая къ экзамену грамматику, Яковъ Ивановичъ иногда могъ поспорить въ этомъ дѣлѣ съ секретаремъ; но зачѣмъ? Богъ съ ними! если начальство хочетъ писать слово „вышеуказанное“ отдѣльно, вотъ такъ: „выше—указанное“,—надо исполнять „у всякаго начальника своя грамматика; когда секретаремъ былъ Ефимъ Николаевичъ, они приказывали писать „указанное выше“, думалъ Яковъ Ивановичъ и переписывалъ помаранную бумагу сызнова. Яковъ Ивановичъ былъ воплощенная покорность и смиреніе.

Только по двадцатымъ числамъ мѣсяцевъ, выпивши по случаю получки жалованья водки больше обыкновеннаго, Яковъ Ивановичъ позволялъ себѣ ворчать и браниться, и то лишь дома, въ своей семьѣ, у само-

вара... Со дна души Якова Ивановича поднималась тогда досада на весь міръ, и онъ начиналъ жаловаться и ругать каторгой жизнь и критиковать свое начальство.

— Яковъ Ивановичъ,—ворчалъ онъ,—все стерпитъ. Нечего его жалѣть. Гни его въ дугу, плюй ему въ морду! Развѣ Яковъ Ивановичъ человѣкъ? Скотина! Пишущая скотина... Ей-Богу! И всѣ вы,—говорилъ онъ членамъ семьи, — скоты: жрать ваше дѣло и больше ничего... Мое дѣло—писать, ваше дѣло—жрать... да!

Но на другой день утромъ Яковъ Ивановичъ уже былъ тише воды, ниже травы. Выпивъ живой воды,—такъ называлъ Яковъ Ивановичъ воду съ примѣсью нашатырнаго спирта,—онъ шелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на службу, и никто бы не сказалъ, что вчера только этотъ человѣкъ позволялъ критиковать дѣйствія начальства.

— Надо быть болваномъ, чтобы не понять такой простой вещи, — резонерствовалъ секретарь по поводу какого-нибудь промаха со стороны Якова Ивановича.

Яковъ Ивановичъ слышалъ, но молчалъ. Онъ только ниже нагибался къ столу, почти ложился на бумагу и еще усерднѣе скрипѣлъ перомъ.

— Подай-ка еще огурчикъ!

— Слушаю, Яковъ Ивановичъ!..

Яковъ Ивановичъ уже кончалъ полбутылку. Склонившись надъ рюмкой водки, онъ въ сотый разъ переживалъ ужасъ своего пораженія, припоминалъ мельчайшія подробности этого несчастья и терзалъ себя упреками...

Извѣстно, что странъ свѣта—четыре, а онъ, дуракъ, сказалъ: пять...

— А сколько частей свѣта?—спрашиваютъ.

Извѣстно, что частей свѣта пять, а онъ, дуракъ, сказалъ: четыре. Такъ было по географіи, а по исторіи—еще хуже. Понявъ свой неудачный отвѣтъ о стра-

нахъ и частяхъ свѣта, Яковъ Ивановичъ, какъ онъ самъ выражался, соскочилъ съ рельсовъ и сталъ трястись—по шпаламъ.

— А какого французы вѣроисповѣданія?—спрашиваютъ.

— Республиканскаго.

— А вы? Единодержавнаго?

— Такъ-съ. Монархическаго, — сморозилъ Яковъ Ивановичъ.

Захохотали громко и весело всѣ три экзаменатора, потомъ пошептались о чемъ-то между собою, и одинъ изъ нихъ, самый молодой, въ очкахъ, сказалъ, пристально разглядывая носъ Якова Ивановича:

— Нѣтъ, вамъ придется еще подучиться, а потомъ— милости просимъ къ намъ!

Яковъ Ивановичъ вспыхнулъ, какъ огонь при вѣтрѣ, и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Вы, милостивый государь, спросите меня еще! Пожилому человѣку долго ли спутаться?

На голомъ темени Якова Ивановича выступили крупныя капли пота отъ чрезмѣрнаго напряженія всѣхъ чувствъ и способностей. Онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ, отеръ имъ свою лысину и, принужденно смѣясь, добавилъ:

— Какъ же человѣку не знать, какого онъ вѣроисповѣданія?.. Помилуйте! Спутался... Взволновался немного...

Все изъ старой головы вылетѣло. А вѣдь какъ зналъ? Разбуди среди ночи и соннаго спроси: главные города, чѣмъ каждый замѣчателенъ, сколько жителей, рѣки съ притоками и всю эти чертовщину,—все могъ разсказать...

Наканунѣ экзамена Яковъ Ивановичъ долго не могъ заснуть: цари не давали ему покоя; онъ перечислялъ ихъ по порядку въ памяти, этихъ безчисленныхъ царей римскихъ, англійскихъ, французскихъ, — и сби-

вался. Приходилось вставать съ постели, зажигать лампу и рыться въ учебникѣ.

— Что ты, Яша?—испуганно спрашивала жена, разбуженная возней и свѣтомъ лампы въ неурочное время.

— Кали-гула, Калигула, гула, — автоматически повторялъ Яковъ Ивановичъ, залѣзая снова на кровать.

— Никакъ ужъ съ ума сходишь?

— Память стала, мать, измѣнять. Эхе-хе! Два пробило ужъ... — шепталъ, позѣвывая, Яковъ Ивановичъ.

Теперь, видя свою неудачу, Яковъ Ивановичъ сдѣлалъ послѣднее усиліе и въ надеждѣ на „царей" жалобно попросилъ:

— Вы, господа, попробуйте еще! Долго ли спутаться? Спросите хоть про римскихъ царей и тому подобное...

Но, когда Якова Ивановича спросили про римскихъ царей, онъ потерялъ послѣднюю позицію: подавленный цѣлымъ сонмомъ завертѣвшихся въ его памяти именъ царей разныхъ странъ и народовъ, Яковъ Ивановичъ палъ подъ этимъ бременемъ.

— Вы все перепутали. И потомъ: не Калугила, а Ка-ли-гу-ла! Надо еще подучиться, а потомъ приходите,—сказали Якову Ивановичу.

— Господа! мнѣ уже сорокъ первый годъ отъ роду... Семья!—простоналъ Яковъ Ивановичъ, готовый расплакаться, какъ школьникъ.

— Нельзя. До свиданья.

Припоминая теперь все это, Яковъ Ивановичъ бранилъ себя и экзаменаторовъ, особенно того изъ нихъ, который, какъ замѣтилъ Яковъ Ивановичъ, пристально смотрѣлъ на его носъ.

— Эхъ, Яковъ Ивановичъ! башка твоя, какъ рѣшето: ничего не держится, — шепталъ онъ по своему адресу, а затѣмъ обращался къ экзаменаторамъ:

— Развѣ вы, господа, не видите, что человѣкъ кушать хочетъ? Какой вамъ убытокъ, если меня въ чинъ

произведутъ? Никому никакого вреда, одна польза бѣдному семейству... Да и зачѣмъ мнѣ знать всѣхъ королей?.. А на носъ мой смотрѣть нечего, молодой человѣкъ! Поживи съ мое, такъ, можетъ быть, и твой носъ будетъ не лучше... Эхъ, Яковъ Ивановичъ, выпей-ка! Чортъ съ ними!

И Яковъ Ивановичъ выпивалъ. Когда вся водка была выпита, онъ всталъ и нѣсколько неровнымъ, хотя рѣшительнымъ шагомъ, пошелъ вонъ изъ „Плевны", бросивъ на ходу хозяину заведенія:

— Запиши, Егоръ Васильевичъ!

На душѣ Якова Ивановича стало немного получше, а потому и внѣшній видъ его измѣнился въ ту же сторону: блинъ фуражки не лѣзъ на глаза, а загибался къ затылку, козырекъ не скрывалъ не только глазъ, но и лба, перерѣзаннаго, какъ большая дорога — колеями—глубокими морщинами, пальто было распахнуто и трепетало полами...

На службѣ хуже кія изсохъ я,—ну, хоть брось!
А между тѣмъ другіе все лѣзутъ врозь да врозь...

вполголоса баскомъ весело гудѣлъ, какъ шмель, Яковъ Ивановичъ, шагая по тротуару мимо освѣщенныхъ оконъ магазиновъ. Онъ шелъ, самъ не зная куда, но, во всякомъ случаѣ, не домой: если бы съ экзаменомъ было благополучно,—другое дѣло, а теперь не хотѣлось, да было и неловко что-то... Колька спроситъ: „выдержалъ, папаня"? а папаня провалился по всѣмъ статьямъ...

Въ числѣ многочисленнаго потомства у Якова Ивановича имѣется сынъ, гимназистъ перваго класса, Николай. Когда, въ прошломъ году, онъ шелъ на экзаменъ — изъ приготовительнаго въ первый, Яковъ Ивановичъ, благословляя его, напутствовалъ такими словами:

— Ну, братъ, не сплошай! Не будь болваномъ и не осрами отца; въ нашемъ роду дураковъ не было...

Николай выдержалъ, а вотъ онъ, Яковъ Ивановичъ, оскандалился. Откровенно говоря, Якову Ивановичу всего больше и было совѣстно теперь передъ этимъ мальчикомъ. Сегодня, уходя въ гимназію, сынъ тоже напутствовалъ отца:

— Папаня, ты сегодня придешь къ намъ держать экзаменъ?

— Сегодня.

— Главное—Василій Якимычъ—изъ исторіи и географіи... Онъ любитъ, чтобы не думать, а говорить сразу... Смотри, не срѣжься!

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Ты колъ изъ латинскаго не схвати! Я не успѣлъ спросить-то тебя,— отвѣтилъ онъ.

Надо сказать, что Яковъ Ивановичъ помогалъ сыну изучать не дававшійся ему латинскій языкъ; дѣло это было нелегкое: Якову Ивановичу приходилось самому учить задаваемые уроки по латинскому, что̀ давалось ему такъ же съ громаднымъ трудомъ и съ страшной скукою.

Когда Яковъ Ивановичъ шелъ по Москательной улицѣ, его окрикнулъ чей-то голосъ:

— Якову Ивановичу! Куда?

Яковъ Ивановичъ оглянулся. Черезъ дорогу шелъ къ нему сослуживецъ Ивановъ, длинный, какъ жердь, сухой и поджарый. Онъ шагалъ крупно, нагибаясь впередъ всѣмъ корпусомъ; коротенькое пальто и узкія брюки Иванова еще болѣе усугубляли впечатлѣніе протяженности этого человѣка. Подъ-мышкой у Иванова было воткнуто что-то, завернутое въ платокъ.

— Иду себѣ, — отвѣтилъ смущенно Яковъ Ивановичъ, подавая руку сослуживцу, — а ты что тащишь?

— Гитара. Ѳедька именинникъ, такъ музыку тащу.

— И какъ ты этихъ именинниковъ отыскиваешь? Вѣдь вчера, никакъ, былъ на именинахъ?

— Да что, братъ, скучно... выпить хочется, а двадца-

тое было давно уже... Только на именинахъ и выпить теперь... Пойдемъ! Пулечку раздавимъ, ерофеича хватимъ...

— Меня онъ не звалъ, — въ раздумьи промычалъ Яковъ Ивановичъ, которому вдругъ захотѣлось побыть въ веселой безалаберной и безпечной компаніи холостыхъ чиновниковъ, которые, несмотря на свои пятнадцати-рублевые оклады, ухитряются все-таки не грустить и не жаловаться на судьбу.

— Наплевать! — произнесъ Ивановъ и, подхвативъ Якова Ивановича подъ руку, повлекъ его на именины къ Ѳедькѣ. При этомъ Ивановъ задѣлъ грифомъ гитары проходившую мимо барыню и испугалъ ее внезапно раздавшимся аккордомъ музыки...

— Пардоне-съ! —извинился Ивановъ.

— Тяжело на душѣ что-то, — пожаловался дорогой Яковъ Ивановичъ:—выпить поэтому простительно.

— Еще бы! Двадцатое было давно, и до двадцатаго далеко... Самое двусмысленное положеніе,—игриво замѣтилъ Ивановъ.

— У меня по другой причинѣ, — грустно сказалъ Яковъ Ивановичъ, которому захотѣлось вдругъ подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ, и хотя спутникъ не поинтересовался, по какой именно причинѣ тяжело на душѣ у Якова Ивановича, но тотъ пояснилъ:

— Не выдержалъ я экзаменъ-то. Спутали живодеры! Развѣ у нихъ есть къ людямъ жалость? Никакой!.. Да! Теперь, значитъ, безконечное томленіе... Нужда и брань, ссоры и всякая пакость... И Колькѣ плохо... Всякая кляуза, сосущая человѣка, какъ піявка... Хотѣли двинуть, а теперь все пропало...—говорилъ Яковъ Ивановичъ упавшимъ тономъ, и блинъ его фуражки снова трясся надъ глазами, и вся фигура его опять какъ-то обвисла и съежилась...

— Подумать только, — тихо и печально говорилъ

онъ, — что такое, напримѣръ, Калигула и прочее?.. На кой мнѣ чортъ? а между тѣмъ вся карьера разбита окончательно...

— Наплевать, Яша!—весело произнесъ Ивановъ.

На окраинѣ города, на грязномъ дворѣ, въ покрившемся деревянномъ флигелькѣ, изъ оконъ котораго открывался печальный видъ на помойную яму, съ кучами загрязненнаго всякими отбросами снѣга вокругъ, въ двухъ небольшихъ комнаткахъ и кухнѣ проживало семейство чиновника Якова Ивановича Козырева. Это проживаніе было похоже на оборонительную войну.

Старуха-мать, съ сильнымъ кашлемъ и шопотомъ молитвъ; болѣзненная жена, олицетвореніе печали и жалобы, съ постояннымъ упрекомъ и страхомъ въ оттѣненныхъ синевою глазахъ; мальчикъ-гимназистъ въ коротенькихъ брючкахъ и стоптанныхъ ботинкахъ, съ худымъ, серьезнымъ не по возрасту личикомъ, долбящій въ уголку латинскія слова; самъ Яковъ Ивановичъ, изучающій съ тоской исторію Иловайскаго; сестра Якова Ивановича, чахоточная дѣвушка, изъ силъ выбивающаяся, чтобы какъ-нибудь облегчить тяготы родныхъ, таскающая съ рѣки воду, собирающая на постройкахъ щепки; плачущія больныя дѣти, — все вмѣстѣ они производили впечатлѣніе чего-то барахтающагося и безсильно и медленно гибнущаго въ неравномъ бою съ людскими несправедливостями, напастями и хронической нуждой... И тѣмъ рѣзче бросалась въ глаза эта нужда, чѣмъ сильнѣе женщины семьи старались прикрыть ее своими незамысловатыми средствами: какой-нибудь бѣлой скатертью съ дырочками и неотстирывающимися ржавыми пятнами, дешевенькой ситцевой занавѣсочкой, старомодной шляпкою, зонтикомъ безъ ручки и худыми перчатками... Всѣ эти средства только еще болѣе оттѣняли убожество, стыдливо при-

крывающее отъ постороннихъ людей свои дыры и лохмотья.

— Погодите, получу регистратора, — поправимся! — ободрялъ себя и близкихъ людей Яковъ Ивановичъ каждое двадцатое число, когда отъ тридцати рублей получаемаго имъ жалованья, за уплатою долговъ въ лавочку, ближайшій кабачокъ и за погашеніемъ „внутреннихъ займовъ“, сдѣланныхъ въ теченіе мѣсяца у своихъ сослуживцевъ, оставалось рублей 18—20, изъ которыхъ 8 рублей слѣдовало отдать за квартиру, рубля на два купить дровъ, а на остальные 8—10 рублей кормиться, одѣваться, обуваться, освѣщаться, однимъ словомъ, проживать всѣмъ обитателямъ флигеля.

— На̀, Маша!..

Жена брала отъ Якова Ивановича деньги и, устремляя свой грустный взоръ куда-то далеко за предѣлы жилья, вздыхала и оставалась неподвижною. Тамъ, куда устремляла свой взоръ Маша, были: новые сапожки Колѣ, проектъ передѣлки стараго бурнуса, резиновыя галоши мужу, на платье дѣвочкамъ... Все это теперь уплывало вдаль, къ слѣдующему двадцатому числу, чтобы затѣмъ отодвинуться еще далѣе.

— Хоть бы тебѣ рублей десять прибавили!—неожиданно высказывала Маша свою завѣтную мечту, отрывая взоръ отъ разбитыхъ плановъ. Яковъ Ивановичъ сердился:

— Я тебѣ сто разъ говорилъ, что прибавить не могутъ, а могутъ только убавить; надо выдержать экзаменъ на чинъ, и тогда — другое дѣло!.. Что болтать пустяки? Я получаю высшій окладъ...—отвѣчалъ Яковъ Ивановичъ.

— Хоть бы поскорѣе выдержалъ ты, Яша, этотъ экзаменъ...

— Загорѣлось!.. Скоро, да не споро. Это вѣдь не пирогъ состряпать... Думаешь, что это такъ, пустяки, все равно, что плюнуть?.. Ошибаешься, матушка...

— Знаю, Яша... Что дѣлать? Не сердись, я вѣдь понимаю, что ты ничего не можешь сдѣлать, что ты стараешься...

Яковъ Ивановичъ смягчался. Баба, что съ нея взять? Отъ добраго сердца ноетъ...

— Терпи, казакъ,—атаманомъ будешь!—восклицалъ Яковъ Ивановичъ и, дружески хлопнувъ жену рукою по худому костлявому плечу, заискивающе произносилъ:

— Пошли-ка, мать, за полбутылочкой! Нынче я всѣ до послѣдней копѣечки тебѣ принесъ... И въ „Плевну“ не ходилъ... Воздержался, мать... Не грѣхъ...

Жена долго рылась въ „мелкихъ“ и, наконецъ, выдавала Фенѣ (сестрѣ мужа) двугривенный на покупку водки.

— Сейчасъ, братецъ, сбѣгаю,—кротко говорила чахоточная дѣвушка, въ глазахъ которой всегда сохранялось выраженіе боязни за свою неумѣстность, опасеніе, что она въ тягость роднымъ...

Яковъ Ивановичъ потиралъ руки, говорилъ, что у нихъ сегодня что-то холодновато, какъ-то особенно горбился и присаживался къ накрытому столу.

Сегодня во флигелѣ было совсѣмъ особенное настроеніе; со стороны можно было подумать, что здѣсь именинникъ,—такъ величаво и торжественно чувствовали и вели себя обитатели.

Именинника однако не было, а дѣло заключалось въ томъ, что Яковъ Ивановичъ ушелъ сдавать экзаменъ, и всѣ находились подъ впечатлѣніемъ этого чрезвычайнаго событія; хотя не всѣ понимали, что такое это значило, но всѣ чувствовали, что сегодня совершается нѣчто важное, долженствующее произвести коренной переворотъ въ жизни семьи, что съ этимъ переворотомъ связаны: повышеніе по службѣ и прибавка жалованья, давно желанный новый салопъ, можетъ быть, новая квартирка, побольше и почище этой

и, вообще, много, очень много хорошаго, что оставалось до сихъ поръ только фантастическими замыслами...

Но Яковъ Ивановичъ ушелъ въ десять часовъ утра и запропалъ. Его ждали обѣдать, но стемнѣло уже, а его не было, и пришлось пообѣдать безъ отца. Якова Ивановича ждалъ приборъ и не одинъ приборъ, а еще и водочка: жена понимала, что Яшѣ трудно тамъ, что онъ страшно устанетъ и захочетъ съ устатку выпить; жена вспоминала и разсказывала, какъ Яша вскакивалъ ночью съ постели, зажигалъ лампу и шелестилъ листочками книгъ...

— Экъ, какъ его, бѣднаго морятъ тамъ! — восклицала она, нетерпѣливо прислушиваясь, не стукнетъ ли защелкой сѣнная дверь.

Феня нѣсколько разъ выбѣгала съ тою же цѣлью за ворота на улицу, но тоже безрезультатно.

— Нѣтъ. Пропалъ,—говорила она, обивая о порогъ свои ноги, облѣпленныя мягкимъ февральскимъ снѣгомъ.

Даже шестидесятилѣтняя старуха-мать тревожилась; кашляя сиплымъ овечьимъ кашлемъ, она поминутно безпокоила учившаго уроки внука:

— А ну-ка, Коля, посмотри, много ли часовъ?

Мальчикъ сердился:

— Какая ты, бабушка, безпамятная! Я тебѣ только-что сказалъ, что седьмой часъ.

Маленькіе стѣнные часики, торопливо стукая бѣгавшимъ по стѣнкѣ маятникомъ, пробили 7, 8 и 9, а Якова Ивановича не было. Всѣ истомились. Время шло такъ медленно-медленно; было скучно и дѣлалось страшно. Жена вздыхала все чаще, Феня говорила шопотомъ и ходила на цыпочкахъ, Коля дремалъ, положивъ голову на раскрытую латинскую грамматику... Казалось, въ комнатахъ витаетъ невидимый призракъ чего-то недобраго, и всѣ обитатели флигеля это чувствовали, но боялись высказать другъ другу.

Наконецъ, въ полночь, когда всѣ, кромѣ жены Якова Ивановича, спали, и въ тишинѣ ночи стоялъ дружный храпъ, свистъ и сопѣніе, на крыльцѣ кто-то тяжело завозился. Слышно было, что человѣкъ съ большимъ трудомъ управляетъ своими ногами...

Конечно, это и былъ Яковъ Ивановичъ.

Дремавшая чуткою тревожною дремою, жена Якова Ивановича подняла съ подушки голову, вперила въ темноту ночи свои глаза и прислушалась.

Отчаянный стукъ въ дверь заставилъ ее моментально соскочить съ кровати и опрометью кинуться въ сѣни.

— Кто тамъ?

— Калигула!.. Отпирай, мать!—пробасилъ за дверью пьяный голосъ.

— Не кричи, Яша, нехорошо...

— Колька спитъ?

— Конечно, спитъ. Ему завтра — въ гимназію... И тебѣ вѣдь на службу!.. Какъ не совѣстно, Яша? Мы ждали-ждали...

— Вотъ потому-то я и не приходилъ, что мнѣ было совѣстно... Не понимаешь? Эхъ, бабы! Провалился я, мать, не выдержалъ... И наплевать, чортъ съ ними, съ разными тамъ Калигулами да Каракаллами, чтобы имъ не на что было опохмелиться! Я и такъ проживу. Проживемъ, мать? а? — бормоталъ Яковъ Ивановичъ, стараясь снять пальто и будучи не въ состояніи сдѣлать это...

— Ахъ, Господи!.. Дай сюда руку!.. вотъ такъ!..

Сильно пошатываясь, Яковъ Ивановичъ ввалился въ полутемную комнату. Жена подняла фитиль лампы и, при свѣтѣ ея, увидала совершенно пьяное лицо мужа, съ безсмысленными и оловянными глазами, всклокоченнаго и краснаго, и сердце ея сжалось отъ страха, и вся она сдѣлалась еще безотвѣтнѣе, молчаливѣе и печальнѣе, какъ-то постарѣла вдругъ и осунулась...

Раза два-три въ годъ Яковъ Ивановичъ запивалъ

основательно, и теперь лицо у него было именно такое, какое бывало при началѣ такихъ случаевъ; теперь этотъ запой былъ страшенъ по возможнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ онъ не совпадалъ съ неприсутственными днями Рождества или Пасхи, какъ случалось ранѣе, и потому могъ повлечь за собою потерю Яковомъ Ивановичемъ мѣста...

— Ахъ, мать! Никакъ и водочки приготовила? Умница, люблю за это! Вотъ я хвачу съ горя и лягу... И всѣхъ этихъ Калигулъ забуду,—заговорилъ Яковъ Ивановичъ, увидѣвши на столѣ бутылочку и рюмку.

— Не пей, Яша! ты уже довольно выпилъ. Завтра идти на службу... Репутацію потеряешь...

— Плевалъ я на репутацію. У нашего брата извѣстная репутація: красный носъ... Смотрятъ на носъ... Развѣ они цѣнятъ мое стараніе? Что вотъ этотъ столъ, что Яковъ Ивановичъ, со всѣми вами, дурами старыми и молодыми... Сказала тоже: репу-тація!.. На той недѣлѣ вонъ секретарь меня болваномъ назвалъ. Вотъ она, репутація! Конечно, я смолчалъ... Жрать хочется всѣмъ... Однако надоѣло ужъ! Плюютъ и утираться не даютъ... А ты—репутація!.. Ну-ка, выпьемъ!..

Дѣло было плохо: такъ невѣжливо и злобно Яковъ Ивановичъ говорилъ о начальствѣ только при запояхъ; по двадцатымъ числамъ критика была слабѣе и не носила столь страстнаго характера,—тогда больше фигурировала „проклятая жизнь“.

Прячась за пологомъ кровати, жена прислушивалась къ рѣзкимъ словамъ Якова Ивановича, къ бульканью наливаемой имъ водки, утирала шалью слезы и крестилась, мысленно взывая къ Богу о помощи. Ей хотѣлось громко заплакать, закричать, выбросить водку, словомъ, принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры, чтобы остановить начинающійся запой...

Проснулась Феня. Она сейчасъ же поняла, что братецъ вернулся пьянымъ; прислушиваясь къ его без-

связному бормотанію, Феня плотнѣе прижималась къ стѣнкѣ, стараясь сдѣлаться какъ можно меньше и незамѣтнѣе. Пьяный братецъ бывалъ иногда безпощаденъ въ своихъ упрекахъ въ дармоѣдствѣ и ругательствахъ, и потому дѣвушка боялась чѣмъ-нибудь напомнить ему о своемъ существованіи: она даже не смѣла кашлять и зажимала себѣ ротъ угломъ подушки.

Однако, сверхъ обыкновенія, Яковъ Ивановичъ былъ мягокъ и не безобразничалъ. Наткнувшись на учебники сына, сложенные столбикомъ на окошкѣ, Яковъ Ивановичъ взялъ латинскую грамматику.

— А ну-ка, гдѣ мы съ Николаемъ Яковлевичемъ остановились? — сказалъ онъ, перелистывая книгу. — Вотъ. Глаголъ sum... Sum, es, est, sumus, estis, sunt... Теперь имперфектъ... Fui, fuisti, fuit... Ха-ха-ха! Собачій языкъ... а? Слышишь, мать? fuit?.. На этомъ проклятомъ языкѣ и Калигула разговаривалъ... Вѣчная ему память. Выпью-ка за него рюмочку!.. Вотъ такъ! хорошо! Э-э, а Каракалла? Каракаллѣ обидно... Виноватъ, господинъ Каракалла, и за васъ рюмочку выпью!

Когда блѣдный разсвѣтъ приближающагося утра бросилъ печальный взоръ свой въ окна флигеля, Яковъ Ивановичъ дремалъ, уронивъ голову на руки, а руки — на латинскую грамматику.

Измученная перспективой возможныхъ несчастій и бѣдъ, Марья Петровна заснула въ самомъ неудобномъ положеніи, со свѣшенными съ постели ногами въ башмакахъ и красныхъ чулкахъ, съ лицомъ, спрятаннымъ подъ подушку. Огонь лампы, слабый и неувѣренный, умиралъ въ сѣрыхъ полусумеркахъ разсвѣта. На чугунно-литейномъ заводѣ монотонный, безконечно долгій призывной свистокъ прорѣзалъ сонный воздухъ спящаго еще города своимъ грустнымъ гудѣніемъ.

Когда этотъ свистокъ, понизивъ тонъ, замолчалъ, а потомъ снова затянулъ свою пѣсню, Яковъ Ивановичъ поднялъ съ рукъ голову и оглядѣлся вокругъ,

припоминая и соображая что-то. Затѣмъ онъ потянулся къ бутылочкѣ, но та оказалась пустой.

— Пустота пустотъ и всяческая пустота!—прогудѣлъ Яковъ Ивановичъ.

— Fui, fuisti, fuit...—произнесъ онъ, остановивши взоръ на раскрытой латинской грамматикѣ,—вотъ тебѣ и fuit!.. Эхъ, Колюшка! думалъ тебя на ноги поставить, въ люди вывести, да—нѣтъ, жила коротка, не вытягивается...

Недавно директоръ вызывалъ Якова Ивановича въ гимназію и говорилъ, что ученику неудобно ходить въ совершенно худыхъ, какъ у нищаго, башмакахъ, при чемъ удивлялся, зачѣмъ отдаютъ въ гимназію своихъ дѣтей тѣ родители, которые не имѣютъ достаточныхъ средствъ къ этому.

— Теперь лѣзутъ въ гимназію даже тѣ, кому уѣзднаго училища вполнѣ достаточно...

— Такъ-то такъ, ваше превосходительство, да вѣдь каждому родителю хочется получше жизнь дѣтямъ своимъ устроить, человѣкомъ сдѣлать,—сконфуженно возразилъ Яковъ Ивановичъ.

— Э, батенька! Теперь ремесленники живутъ лучше насъ, людей образованныхъ... Вонъ мой портной, напримѣръ. Да вы никогда не узнали бъ, что это—портной. Одѣтъ лучше насъ съ вами, въ золотыхъ очкахъ, держитъ себя корректно... Будь у меня дѣти, я никогда бы не отдалъ ихъ въ гимназію...

— Шутить изволите,—виновато улыбаясь, сказалъ Яковъ Ивановичъ; но директоръ сдѣлалъ серьезное лицо.

— Мнѣ, батенька, не до шутокъ. Такъ вотъ-съ: панталончики надо сыну новыя, г. Козыревъ, и ботинки тоже... Иначе неудобно ему являться сюда, — серьезно сказалъ онъ, пристально вглядываясь въ носъ Якова Ивановича. Потомъ слегка кивнулъ ему головой и, повернувшись, заговорилъ съ проходившимъ мимо надзирателемъ.

Все это припоминалось теперь Якову Ивановичу. Остановившись около сундука, на которомъ, поджавъ ножки, спалъ подъ женскимъ салопомъ мальчикъ съ востренькимъ носикомъ, съ такимъ желтымъ личикомъ, напоминавшимъ какую-то птичку, Яковъ Ивановичъ печально покачалъ головой и сказалъ:

— Теперь, братъ, мы съ тобой пропали!.. Куда ужъ намъ, Николай Яковлевичъ, съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ?..

Яковъ Ивановичъ утеръ кулакомъ остановившіяся въ его пьяныхъ глазахъ слезы...

— Вотъ тебѣ, братъ, и fuit!—ласково, сквозь слезы, пошутилъ онъ и, махнувъ рукой, отошелъ...

Тихо пробрался онъ въ кухню, напился прямо изъ ведра воды, потомъ осторожно, руками, напялилъ на ноги худыя галоши, набросилъ на плечи пальто, а на голову—фуражку и вышелъ...

— Марья Петровна! Машенька! братецъ убѣжали!— съ ужасомъ прохрипѣла, закашлявшись, Феня.

Марья Петровна вскочила съ постели, нѣсколько мгновеній стояла растерянно на мѣстѣ, но, взглянувъ туда, гдѣ долженъ былъ сидѣть мужъ и гдѣ его не было, испуганно вскрикнула:

— Яша! Яша!

— Братецъ сейчасъ убѣжали,—повторила Феня.

Марья Петровна опрометью кинулась въ сѣни, выскочила на крыльцо и съ мольбой и отчаяніемъ закричала:

— Яша! Яшенька! вернись, голубчикъ! опомнись!

Но Яша, не оборачиваясь, отмахнулся рукою отъ этихъ отчаянныхъ воплей и скрылся за воротами...

Всѣ, кто знаетъ Якова Ивановича, удивляются и, недовѣрчиво покачивая головами, восклицаютъ: „не можетъ быть!..“

Однако все это произошло именно такъ, какъ разсказываютъ очевидцы.

Было часовъ около одиннадцати дня, и палата работала, такъ сказать, полнымъ ходомъ. Эта огромная бюрократическая машина, съ ея колесами, винтиками и шестернями въ человѣческомъ образѣ, въ серьезно-дѣловомъ молчаніи скрипѣла перьями, шелестила бумагой, пощелкивала косточками счетъ, и этотъ своеобразный смѣшанный шумъ былъ похожъ на шелестъ листвы при вѣтрѣ и проливномъ дождѣ. Изрѣдка въ этотъ шумъ врывался сухой трескъ электрическаго звонка, начальственный окрикъ, робкій кашель „мелкой сошки“ и громкій, на всю комнату—людей высокостоящихъ...

Секретарь — это не особенно большая, но тѣмъ не менѣе весьма существенная пружинка въ механизмѣ учрежденія — давно уже былъ на мѣстѣ и не разъ, взглядывая на пустой столъ съ задвинутымъ стуломъ, задавалъ вопросъ:

— А Козыревъ еще не пожаловалъ?

Никто не отвѣчалъ. Секретарь начиналъ выпускать остроты:

— Все еще экзаменъ держитъ... Профессоръ химіи, составитель кислыхъ щей...

Многіе чиновники спѣшили смѣяться навстрѣчу этимъ остротамъ, и секретарю было пріятно, что онъ такъ ядовито и удачно бросаетъ свои замѣчанія.

— Вѣроятно, на радостяхъ запилъ...

— Онъ не выдержалъ,—несмѣло подсказалъ чей-то голосъ съ дальнихъ столовъ.

— Ну, такъ—съ горя!—произнесъ секретарь.

Въ этотъ моментъ Яковъ Ивановичъ вошелъ въ комнату, вѣжливо поклонился секретарю и направился на свое мѣсто. Всѣ замѣтили, что Яковъ Ивановичъ шелъ твердой походкой, не на цыпочкахъ, какъ ходилъ обыкновенно при начальствѣ, а полными ступнями, и

даже пристукивалъ довольно громко каблуками своихъ сапогъ. Подойдя къ столу, Яковъ Ивановичъ съ громомъ выдвинулъ стулъ и сѣлъ, положивъ ногу на ногу.

— Нельзя ли, г. Козыревъ, ходить потише!—съ оттѣнкомъ неудовольствія замѣтилъ секретарь, не отрываясь отъ газеты.

— Можно-съ, — развязно отвѣтилъ Яковъ Ивановичъ.

— Вы все еще, г. Козыревъ, экзамены держите?

— Закончилъ-съ. Провалился!.. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь, — отвѣтилъ Яковъ Ивановичъ.

— Вѣрно, г. Козыревъ,—смѣясь, бросилъ секретарь.

— Пословица эта, Николай Николаевичъ, относится ко всѣмъ людямъ безъ изъятія, — возразилъ Яковъ Ивановичъ, роясь въ выдвинутомъ ящикѣ стола, при чемъ какъ-то особенно громко кашлянулъ и игривымъ взоромъ окинулъ сослуживцевъ.

— Потрудитесь не кашлять такъ громко!—съ сердцемъ бросилъ секретарь.

— Постараюсь... по возможности... И даже—не чихать-съ!

— Прошу не разсуждать.

— И это можно-съ.

Секретарь покраснѣлъ и насупился. Онъ былъ такъ обезкураженъ дерзкимъ поведеніемъ Якова Ивановича, что растерялся и не зналъ, что́ ему дѣлать...

Сослуживцы Якова Ивановича какъ-то сократились, сдѣлались особенно усердными и спрятались за спины другъ друга, словно боялись, что вотъ-вотъ сейчасъ раздастся выстрѣлъ, которымъ непремѣнно убьетъ кого-нибудь изъ нихъ.

Секретарь громко стучалъ прессъ-бюваромъ и со скрипомъ подписывалъ бумаги, дѣлая энергичные росчерки съ кляксами и колоніями чернильныхъ точекъ.

А Яковъ Ивановичъ чувствовалъ себя совершенно

независимо: онъ плевалъ на полъ, сморкался громко, даже чрезмѣрно громко, а чихнувъ, вызывающе произнесъ:

— Виноватъ! не въ силахъ бороться съ установленными Богомъ законами природы-съ.

Секретарь продолжалъ молчать: онъ, повидимому, притворялся, что не замѣчаетъ вызывающаго поведенія Якова Ивановича. Когда Яковъ Ивановичъ, спустя полчаса, подалъ ему начисто переписанную бумагу, секретарь впился въ нее глазами, что-то сердито перечеркнулъ, исправилъ и отбросилъ въ сторону:

— Г. Козыревъ!

— Я здѣсь.

— Подите сюда, а не „здѣсь“!

Яковъ Ивановичъ не побѣжалъ, какъ случалось раньше, а медленно, съ достоинствомъ, приблизился.

— Я вамъ, кажется, десять разъ говорилъ, что „копѣйка“ пишется черезъ „ѣ“, а „вышеуказанное“—отдѣльно?

— Изволили говорить...

— Перепишите!

— Не могу-съ.

— Что такое?..

— Я написалъ правильно. Относительно „копѣйки“ точныхъ правилъ еще не установлено и предоставлено писать ее и такъ, и этакъ-съ... А что касается слова „вышеуказанный“, то оно написано правильно: никакого тире не полагается...

— Что-о?

— Я такъ обученъ. Грамматика для всѣхъ одна,— спокойно сказалъ Яковъ Ивановичъ.

— Молчать! — закричалъ секретарь, раздраженіе котораго перешло, наконецъ, границы всякаго терпѣнія.

— Этакого закона нѣтъ. А есть такая статья, по которой кричать на чиновниковъ, хотя и не имѣющихъ чина, возбраняется... Позвольте III-й томъ, я вамъ отыщу эту статью...

На мгновеніе стало такъ тихо, необычно тихо, словно даже сами стѣны палаты замерли отъ испуга, услыхавъ эти чрезмѣрно смѣлыя для тридцати-рублеваго чиновника слова. Сослуживцы Якова Ивановича отъ избытка страха, любопытства и удивленія, казалось, совсѣмъ перестали дышать... О, въ ихъ сердцахъ горѣла теперь самая преступная радость!.. Одни радовались, просто, рѣдкостному скандалу, который дастъ неизсякаемый источникъ чиновничьимъ пересудамъ и сплетнямъ, а другіе, такіе же забитые, такіе же безличные чернильные perpetuum mobile, какимъ былъ до сихъ поръ Яковъ Ивановичъ, торжествовали по иной причинѣ: вотъ и нашелся, наконецъ, человѣкъ, который прямо и громко высказалъ то, что наболѣло у всѣхъ этихъ perpetuum mobile на душѣ, и что таилось и пряталось отъ начальства подъ страхомъ за кусокъ хлѣба... Въ глазахъ этого сорта людей Яковъ Ивановичъ былъ героемъ, и изъ среды этихъ именно людей, когда секретарь пошелъ жаловаться, послышалось боязливое восклицаніе шопотомъ: „молодецъ, Яша!“

Яковъ Ивановичъ чувствовалъ на себѣ взоры сослуживцевъ, слышалъ это „молодецъ, Яша!“ и почерпалъ въ семъ дальнѣйшее мужество и стойкость.

— Да что тутъ? Молчалъ, молчалъ, да и будетъ! Всему бываетъ конецъ. Я, братцы, не могу, не могу больше. Горько мнѣ, братцы, и обидно... За человѣка, братцы, обидно!..

Гитаристъ Ивановъ соскочилъ съ мѣста и, подойдя къ Якову Ивановичу, началъ убѣждать его наплевать и уйти домой спать.

— Я не боюсь,—заявилъ Яковъ Ивановичъ:—кричать на себя никому не позволю... Что онъ, въ самомъ дѣлѣ? Поломался надъ человѣкомъ и довольно. Надо честь знать.

— Г. Козыревъ! Къ управляющему!

— Ну, такъ что же? И пойду! Не испугался.

Яковъ Ивановичъ рѣшительно двинулся въ кабинетъ.

Начальникъ былъ углубленъ въ какую-то бумагу и долго не обращалъ вниманія на присутствіе Якова Ивановича. Яковъ Ивановичъ кашлянулъ разъ, другой, а потомъ нашелъ необходимымъ обратиться къ членораздѣльной рѣчи:

— Я здѣсь, ваше превосходительство! Что прикажете?

— Погодите!

— Торопиться некуда, — вслухъ подумалъ Яковъ Ивановичъ.

Начальникъ вскинулъ глаза на Якова Ивановича, поискалъ въ памяти фамилію этого чиновника, но, не найдя ея, опустилъ взоры снова на бумагу и заговорилъ какъ-то, между прочимъ, занятый совершенно другой мыслью:

— Что вы тамъ безобразничаете?.. а?..

— Ничего подобнаго! — возмущенно воскликнулъ Яковъ Ивановичъ.

— Говорите дерзости секретарю и...

— Это называется „дерзость"! Позвольте объяснить,— жестикулируя руками, страстно заговорилъ Яковъ Ивановичъ, приближаясь къ столу управляющаго.—Секретарь принуждаетъ меня нарушить грамматику. Я себѣ этого не позволю. Это—разъ! А, помимо изложеннаго, какъ же я, напримѣръ, могу не чихать, если сама природа говоритъ мнѣ: „чихай, Яковъ Ивановичъ!" Какъ же, равнымъ образомъ, я могу не разсуждать, когда Господь создалъ меня по образу и подобію...

— Прошу не разсуждать, а—молчать, когда съ вами говорятъ,—строго оборвалъ управляющій.

— Это ужъ какой разговоръ, ваше превосходительство!

— Вы пьяны?

— Есть немного, но веду себя совершенно трезво,— убѣжденно отвѣтилъ Яковъ Ивановичъ и взглянулъ на потолокъ, на стѣны...

— Потрудитесь выйти вонъ!

— Позвольте спросить: зачѣмъ, напримѣръ, ругать человѣка болваномъ, когда онъ дожилъ до сорока лѣтъ? Неужели я при крещеніи названъ болваномъ?

— Выйдите вонъ!—повторилъ начальникъ.

— Я уйду, но позвольте спросить: могли бы ваше пр—во отказаться отъ чиханія, если бы это было воспрещено даже циркуляромъ господина министра внутреннихъ дѣлъ?..

Начальникъ подавилъ пальцемъ пуговку электрическаго звонка. Вошелъ секретарь.

— Позовите курьера! Пусть выведутъ.

Начальникъ небрежно показалъ пальцемъ на Якова Ивановича и углубился въ бумаги.

— Уйду! Самъ уйду... Ахъ вы... Калигулы!—растворивъ дверь кабинета и обернувшись назадъ, громко и со смѣхомъ сказалъ Яковъ Ивановичъ, и вышелъ...

Прошла недѣля. Яковъ Ивановичъ „остепенился“ и сдѣлался опять смиреннѣйшимъ въ мірѣ существомъ, неспособнымъ обидѣть даже мухи... Съ покорностью выслушивалъ онъ теперь жестокіе упреки жены, совѣстился сестрицы и только вздыхалъ и кряхтѣлъ, избѣгая всякихъ объясненій. Ему было стыдно смотрѣть въ глаза окружающимъ, и онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ у дальняго окна, разсматривая гравюры „Крестнаго Календаря“ и съ тревогой и болью прислушиваясь къ стонамъ и жалобамъ Марьи Петровны на нужду и на то, что „послѣдніе гроши пропиваются въ то время, когда Колѣ запретили ходить въ гимназію до тѣхъ поръ, пока не будутъ сшиты новыя брючки и башмаки“.

На службѣ Яковъ Ивановичъ еще не былъ.

— Не доставало только, чтобы выгнали! — роптала жена.—Да какъ и не выгнать?—думала она вслухъ и

такъ громко, чтобы эти думы слышалъ Яковъ Ивановичъ:—цѣлую недѣлю носа въ палату не показываетъ... Я... я бы такого чиновника на порогъ не пустила...

Этого именно и боялся Яковъ Ивановичъ. Смутно припоминая свой послѣдній визитъ въ палату и объясненія съ управляющимъ, Яковъ Ивановичъ только глубже вздыхалъ и внимательнѣе разсматривалъ картинки „Крестнаго Календаря“.

Была суббота. Яковъ Ивановичъ пошелъ ко всенощной въ Ивановскій монастырь. Стоя въ притворѣ, въ полусумракѣ неосвѣщенныхъ сводовъ и колоннъ, у самой стѣнки, Яковъ Ивановичъ усердно молился въ этомъ уединеніи, располагающемъ къ покаянному настроенію. Здѣсь Яковъ Ивановичъ чувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ и маленькимъ, и все земное казалось ему такимъ же. Прислушиваясь къ грустному, монотонному пѣнію псалмовъ монахами, Яковъ Ивановичъ думалъ о томъ, что все — суета суетъ, и что всѣ мы, люди, умремъ со всѣми нашими печалями и радостями... Крѣпко прижималъ онъ сложенные въ крестъ пальцы къ холодному лбу, поднималъ глаза подъ самый куполъ и потомъ сокрушенно склонялъ голову.

И на сердце Якова Ивановича опускалось спокойствіе, онъ забывалъ о томъ, что дома нѣтъ ни чаю, ни сахару, и что Колѣ не на что купить новыхъ брючекъ; въ сердцѣ его тихо разгоралась искра спасительной надежды на Бога и на то, что Онъ спасетъ и помилуетъ...

Когда народъ, толкаясь, выходилъ изъ храма и Яковъ Ивановичъ медленно плылъ въ волнѣ православныхъ христіанъ къ выходнымъ дверямъ паперти, кто-то сказалъ ему въ самое ухо:

— Калигула! Здорово, братъ!

Яковъ Ивановичъ испуганно обернулся. Это былъ гитаристъ Ивановъ.

На улицѣ Ивановъ взялъ Якова Ивановича подъ руку, и они пошли вмѣстѣ.

— Какъ ты ихъ отдѣлалъ?... Молодчина! Ей-Богу! Они и сейчасъ не прочихаются. Секретарь шелковый сталъ...

— Ничего не помню...—глухо отвѣтилъ Яковъ Ивановичъ:—что я тамъ натворилъ?

Тогда Ивановъ, съ веселымъ смѣхомъ и жестами, началъ разсказывать подробно, даже съ прикрасами, всю эту исторію, а Яковъ Ивановичъ слушалъ, ужасался и не вѣрилъ, чтобы все это могло случиться съ нимъ.

— Пропалъ, — произнесъ онъ, когда Ивановъ замолчалъ.

Тотъ сообщилъ, что еще не все потеряно, что приказа объ его исключеніи со службы не было и что можно все уладить.

— Пусть жена идетъ къ секретаршѣ и попроситъ... А то самъ иди. Наплевать!.. Чортъ съ нимъ! Ты ихъ достаточно отдѣлалъ...

Все спокойствіе, слетѣвшее на душу Якова Ивановича въ храмѣ, исчезло, и опять на душѣ его стало тревожно и скверно, опять закопошились, какъ гады, страхъ, заботы, раскаяніе... Когда Ивановъ, простившись, пошелъ своей дорогой, и Яковъ Ивановичъ остался одинъ, онъ окончательно упалъ духомъ, и въ туманѣ его сознанія нѣсколько разъ вставала „Плевна".

Въ „Плевну" онъ однако не пошелъ: превозмогъ слабость.

Вернувшись домой и напившись чаю, Яковъ Ивановичъ сказалъ женѣ:

— Давай-ка, мать, почитаемъ библію!..

Они читали библію, читали исторію Іова, и Яковъ Ивановичъ говорилъ:

— Вотъ, мать, это—страданія... А мы съ тобой что?.. Слава Богу!..

Ночью горѣла передъ образомъ лампадка, и Яковъ Ивановичъ, лежа въ постели, смотрѣлъ, какъ на потолкѣ трепетали красноватыя и синія тѣни отъ разноцвѣтныхъ граней лампаднаго стаканчика, смотрѣлъ, вздыхалъ и думалъ, какъ теперь быть...

Коля сладко похрапывалъ; жена, уткнувшись головой подъ подушку, спала такая маленькая, какъ дѣвочка; сестра, надрываясь, кашляла и, успокоившись, устало шептала: „Господи, Господи!"

Яковъ Ивановичъ прислушивался ко всему этому и думалъ: „ахъ вы, бѣдные мои!"

На другой день онъ всталъ очень рано, чистилъ въ кухнѣ свое платье, штиблеты и пальто, брился передъ маленькимъ кругленькимъ зеркальцемъ, въ которомъ отражались только клочки его физіономіи, что-то зашивалъ... Все это онъ дѣлалъ тихо, чтобы не разбудить родныхъ

Не пивши чая, пошелъ онъ въ соборъ къ обѣднѣ, а оттуда пошелъ къ секретарю. Войдя по широкой лѣстницѣ во второй этажъ, Яковъ Ивановичъ долго стоялъ у двери и въ нерѣшительности смотрѣлъ на мѣдную дощечку съ фамиліей. Наконецъ, онъ перекрестился и тихо дернулъ за ручку звонка. Долго не отпирали, и онъ хотѣлъ идти назадъ, но, услыхавъ что идутъ отпирать, застылъ на мѣстѣ.

Долго Яковъ Ивановичъ ждалъ секретаря въ передней. Наконецъ, появился секретарь. Онъ жевалъ что-то и разглаживалъ усы.

— Николай Николаевичъ! Не губите!

— Что вамъ нужно?

— Не губите! Простите! Пожалѣйте жену, ребятишекъ! Что хотите дѣлайте, только не губите! Богомъ прошу, Христомъ! Затменіе какое-то нашло... видитъ Богъ, что и самъ не помню, чтó говорилъ и дѣлалъ,— дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ, заговорилъ Яковъ Ивановичъ.

— Не могу.

— Николай Николаевичъ!

Яковъ Ивановичъ намѣревался бухнуться въ ноги, но секретарь удержалъ его:

— Полноте! Что вы унижаетесь?.. Я—не Богъ.

— Простите! Четверо дѣтей...

— Хорошо. Завтра переговоримъ съ управляющимъ.

— Николай Николаевичъ!

— Но съ условіемъ: если что-нибудь подобное повторится...

— Никогда! Никогда! Да развѣ я подлецъ какой-нибудь? Развѣ я не цѣню, Николай Николаевичъ? Господи!..

— Ну, хорошо... Приходите завтра... Посмотримъ...

— Благодарю васъ, Николай Николаевичъ! Господь видитъ вашу доброту и вознаградитъ ее! — съ пророческимъ паѳосомъ воскликнулъ Яковъ Ивановичъ и вышелъ за дверь...

Здѣсь онъ быстро перекрестился и пошелъ съ лѣстницы...

НА СТОЯНКѢ.

— Эка благодать Божья! — прошепталъ стоящій на баржѣ вахтенный, Кирюха, снялъ картузъ, восторженно посмотрѣлъ въ бездонную глубь усыпанныхъ звѣздами синихъ небесъ, медленно провелъ ладонью руки по своей курчавой головѣ и полной грудью вдохнулъ влажный весенній воздухъ... Пріятная лѣнь, особая весенняя лѣнь здороваго человѣка, когда избытокъ силы просится наружу, и сладостная нѣга разливается по тѣлу, заставила Кирюху потянуться и расправить крѣпкіе мускулы и тряхнуть русыми кудрями... На толстыхъ губахъ парня скользнула улыбка пріятнаго самочувствія и довольства... Набросивъ небрежнымъ движеніемъ руки картузъ на затылокъ, парень зѣвнулъ и, присѣвъ на тяжелый отвѣсъ баржевого руля, замурлыкалъ протяжную задушевную пѣсенку. Сердечнымъ теноркомъ, словно подъ сурдинку, тянулъ Кирюха свою пѣсню и смотрѣлъ въ закутанную серебристою пылью лунныхъ лучей даль Волги, на зубчатый контуръ убѣгавшихъ невѣдомо куда горъ, на повисшую надъ ними гряду бѣлоснѣжныхъ клубившихся облаковъ, на водяной просторъ и ширь...

Да, кругомъ была дѣйствительно благодать!

Волга, облитая голубоватымъ блескомъ луннаго свѣта, словно задремала, околдованная чарами неясныхъ весеннихъ грезъ, и тихо, ласково и любовно гладила своими струями и крутой берегъ, и высокіе борта

стоявшей на якорѣ баржи. Луна блистала ярко въ вышинѣ надъ лѣсомъ Жегулевскихъ горъ, серебрила листву молодой зелени на вершинахъ, но словно боялась заглянуть внизъ подъ кручу громоздившихся горъ, туда, гдѣ висѣли густыя сумерки, гдѣ длинныя, несуразныя тѣни легли на воду и спрятали прижавшуюся къ берегамъ баржу... Тамъ, дальше, серебрилась переброшенная луною чрезъ рѣку искристая дорожка, а здѣсь было темно-темно, и лишь яркія звѣзды, меланхолически смотрѣвшія съ голубыхъ небесъ на землю, еще ярче отражались въ затѣненной горами рѣчной поверхности и дрожали вокругъ баржи синими огнями, гасли и вспыхивали, какъ электрическія искры, ослѣпительно яркія, большія, синія... Изрѣдка, когда, Богъ вѣсть откуда, прилеталъ на своихъ крыльяхъ безпечный весенній вѣтерокъ, — лѣсъ вздрагивалъ серебрившейся на лунѣ листвою, и легкіе невнятные вздохи весны перебѣгали съ утеса на утесъ, скатывались въ темную бездну и здѣсь не то прятались въ прибрежныхъ кустахъ орѣшника, не то тонули въ слегка зарябившейся рѣчной заводи, не то убѣгали дальше, на противоположный берегъ, вмѣстѣ съ серебристою дорожкою луннаго свѣта... Съ напоенной ароматомъ цвѣта черемухи и пахучей березы прохладою вѣтерокъ приносилъ откуда-то отрывки несмѣлой соловьиной пѣсни, журчаніе сбѣгавшаго съ горъ по овражку ручья и еще какіе-то странные, таинственные шумы и шорохи... Въ лугахъ по лощинамъ и долинамъ горъ перекликались коростели, на озерахъ и болотинахъ дребезжали лягушки...

Весенняя ночь была полна луннаго свѣта, тѣней и звуковъ,—и пѣсня Кирюхи, грустная, задумчивая, одинокая, такъ гармонировала съ этими голосами ночи, съ этимъ меланхолическимъ блескомъ яркихъ звѣздъ и луннымъ свѣтомъ, съ широкой равниною дремлющей рѣки и съ тѣмъ общимъ флеромъ грусти, которымъ окутала звѣздная весенняя ночь уснувшую землю...

...Чужа даль-дальняя-а-а—вотъ старо-о-нушка-а-а...— вытягивалъ Кирюха, подперевъ рукою голову, и ему было грустно и жалко себя, одинокаго, затеряннаго среди ночи, задумчиво смотрѣвшей и на воду, и на горы, и на Кирюху...

— Эхъ! Маринушка! — выкрикнулъ парень, неожиданно обрывая пѣсню, и смолкъ... Прислушиваясь къ голосамъ ночи, Кирюха уловилъ привычнымъ ухомъ характерный шумъ плывущей лодки. Пристально вглядываясь въ серебристую дымку далекаго горизонта, онъ скоро различилъ скрипъ веселъ объ уключины, а затѣмъ увидѣлъ и сверкавшія на лунныхъ лучахъ весла, блиставшія и исчезавшія въ легкомъ голубоватомъ туманѣ надъ поверхностью широкой водяной равнины.

— Видно, наши ѣдутъ,—бросилъ вахтенный и тихо побрелъ съ кормы на носъ баржи.

Тонкая мачта тянулась высоко и, казалось, упиралась въ самое небо. Висѣвшій на ней фонарь мигалъ на подгорнихъ сумеркахъ красноватымъ огонькомъ и дрожалъ на водѣ узкой полоской.

Кирюха посмотрѣлъ на мачту, на фонарь, на брошенную имъ узкую ленточку отблеска на темной водѣ... Чтобы засвидѣтельствовать о своемъ бодрствованіи, онъ взялъ въ руки колотушку и со всего размаха стукнулъ ею въ чугунную доску... Стукнулъ разъ, другой, третій... а потомъ началъ выбивать не то какой-то сигналъ, не то тактъ пѣсни, съ правильными интервалами, дробью, съ moderato и pianissimo...

Мелодичный звонъ металла, казалось, отскакивалъ отъ прибрежныхъ горъ и, сливаясь съ собственнымъ эхомъ, несся далеко-далеко по поверхности рѣки и заполнялъ окрестность своей гармоничной музыкой.

Когда Кирюхина музыка замерла въ горахъ и ущельяхъ, рѣзко выдѣлился ритмическій стукъ колесъ приближавшагося парохода, глухой и торопливый... Въ рѣчной излучинѣ показывались и исчезали за темнымъ

профилемъ горы красный и зеленый огни кожуховыхъ фонариковъ... Стукъ колесъ слышался все отчетливѣй и отчетливѣй, а потомъ вдругъ выдвинулся изъ-за горы и словно застылъ на мѣстѣ и самый пароходъ. Корпусъ его гордо поднимался надъ водою и, бѣлый, блистающій огнями, разрѣзалъ своимъ носомъ и будоражилъ колесами волжскую гладь...

Кирюха всталъ къ борту, широко разставилъ ноги и устремился взоромъ на быстро скользившій по поверхности и выроставшій пароходъ, который, казалось, надвигался съ какой-то суровой рѣшимостью прямо на баржу и грозилъ уничтожить ее вмѣстѣ съ Кирюхой... Кирюха не могъ пропустить пароходъ безъ замѣчанія; продолжительное одиночество породило въ немъ желаніе съ кѣмъ-нибудь перекинуться словомъ:

— Эй!.. Пра-хо-о-одъ! — пустилъ Кирюха высокимъ теноромъ.—Пра-х-о-дъ!.. Ось-то въ колесѣ-ѣ!..

При этомъ Кирюха замахалъ картузомъ и подмигнулъ пароходу.

Но пароходъ совершенно игнорировалъ Кирюхины остроты. Онъ прошелъ почти вплоть дѣловымъ серьезнымъ образомъ, съ шумомъ, стукомъ и пыхтѣніемъ, мимолетно и презрительно взглянулъ на парня своими яркими электрическими огнями, пахнулъ ему въ лицо дымомъ, перегрѣтымъ паромъ и нефтью и удалился, оставляя за собою длинную ленту дыма изъ трубы и серебрившійся хвостъ взбудораженной воды, расходившійся изъ-подъ кормы на двѣ стороны... Прошелъ и закачалъ на волнахъ и баржу, и Кирюху съ все возраставшею силою.

Навѣсъ баржевого руля заскрипѣлъ жалобнымъ стономъ, протянутая съ кормы на берегъ „чалка“ закачалась и стала хлопать о воду, а волны сердито захлестали въ бортъ и окатили Кирюху мелкой водяной пылью.

Пароходъ убѣжалъ, а рѣка стала глухо шумѣть, сер-

дито наскакивая на береговую отмель и хмурые утесы... На волнахъ фосфорическимъ блескомъ заиграли лучи луннаго свѣта, и ночь словно испугалась и притихла, выжидая, когда Волга снова успокоится и задремлетъ...

Но вотъ и опять все стихло... Опять несмѣло свистнулъ въ горахъ замолкнувшій было соловушекъ, опять въ лугахъ „задергали" коростели, на болотахъ задребезжали лягушки, а Кирюха снова ударилъ въ чугунную доску,—и мелодичная музыка его снова полетѣла и въ высь, и въ даль...

— Налягъ! налягъ!..

Сидѣвшіе на веслахъ баба съ сбившимся съ головы платкомъ и мальчуганъ безъ шапки изо всѣхъ силъ заработали веслами... Лодка круто свернула, юркнула подъ корму баржи и прижалась къ борту. Быстрое теченіе рѣки звенѣло подъ ея носомъ водяными струями и рвало изъ рукъ Кирюхи принятую имъ „чалку".

— Зачаль! Зачаль проворнѣй,—кричалъ стоявшій на рулѣ водоливъ, и голосъ его, грубый и зычный, гулко прокатился въ прибрежныхъ горахъ.

Съ шумомъ грохнулась по борту баржи висячая лѣстница, изъ лодки полѣзли пассажиры.

Первымъ выскочилъ на палубу подростокъ лѣтъ 14, извѣстный на баржѣ подъ именемъ Жучка. Безъ шапки, босой, суетливый, онъ хлопнулъ дружески Кирюху по спинѣ и звонко закричалъ:

— Рыбы привезли! Гдѣ у насъ котелъ-отъ?...

За Жучкомъ поднялась здоровая молодая баба, „водоливиха". Оправляя сбившійся платокъ, она привѣтливо улыбнулась Кирюхѣ и украдкою обожгла его своимъ мимолетнымъ взглядомъ... Самъ водоливъ, Семенычъ, не торопился: онъ снялъ навѣсный руль со шпиля,

весла—съ уключинъ и бросилъ ихъ на дно лодки, подалъ Кирюхѣ кулекъ съ рыбой, потомъ, припавъ къ борту, умылся, перекрестился и тогда уже съ достоинствомъ поднялся на палубу баржи.

— Благополучно?—спросилъ онъ, разглаживая широкую бороду.

— Слава Богу!..—отвѣтилъ Кирюха.

— „Рыцарь" съ Черновскими баржами не проходилъ?

— Не видать было что-то...

— Въ понедѣльникъ насъ „Храбрый" возьметъ... Буксиръ припасайте...

Въ окнѣ миніатюрной будки водолива вспыхнулъ огонекъ, полоса упавшаго изъ окна свѣта легла на черныя просмоленныя доски палубы, на свернутый „косякъ" толстаго каната и на край зіявшаго чернымъ отверстіемъ открытаго люка. Изъ растворенной двери каюты водолива вылеталъ звучный молодой голосъ Марины и звонкій отрывочный альтъ мальчугана... Баржа ожила: ея населеніе закопошилось, и даже куры въ деревянномъ рѣшетчатомъ ящикѣ на кормѣ проснулись и, присоединившись къ общему оживленію, безпокойно закудахтали на своихъ насѣстахъ...

А соловьиная пѣснь не смолкала, и весенняя ночь продолжала говорить на своемъ поэтическомъ языкѣ свѣта, тѣней и звуковъ... Луна поднялась выше и то кокетливо пряталась въ бѣлыхъ облакахъ, золотя ихъ по закраинамъ, то снова выглядывала и появлялась торжественно надъ горами,—и рѣка отвѣчала ей веселой улыбкою... Порой далекій протяжный свистокъ проносился по рѣкѣ, и тяжелое пыхтѣніе буксирнаго парохода висѣло въ ночномъ воздухѣ, длинный хвостъ баржей тянулся за нимъ и огоньки мачтъ на фонѣ небесной синевы мѣшались со звѣздами...

Марина стояла у пылавшаго очага и варила уху въ большомъ чугунномъ котлѣ. Красноватый отблескъ пла-

мени игралъ на ея молодомъ, веселомъ лицѣ, дрожалъ тѣнями на полныхъ засученныхъ по локоть рукахъ, на высокой груди,—и Кирюха, стоя въ тѣни, у наружной стѣнки каюты, искоса посматривалъ черезъ окно на красивую женщину... Марина временами вскидывала глаза на окно, оправляя безпорядочно падавшіе съ головы на щеку волосы; отъ игравшихъ на лицѣ ея свѣта и тѣней глаза Марины казались большими и острыми и такъ лукаво щурились на окно, что сердце Кирюхи вздрагивало и билось сильнѣе...

Водоливъ, мужъ Марины, лежалъ тутъ же на лавкѣ; онъ лежалъ въ жилеткѣ съ разстегнутымъ воротомъ рубахи, упершись длинными ногами въ стѣну, и дремалъ подъ шипѣніе котла съ ухой и подъ трескъ горящихъ дровъ и сырой бересты. Загорѣлыя, мускулистыя руки Семеныча лежали на животѣ, а широкая борода съ легкой сѣдиною покоилась на богатырской груди. Семенычъ дремалъ и грезилъ: ему чудилось, что не вода бурлитъ въ котлѣ, а то пароходъ „Храбрый“ выпускаетъ пары, принимая на буксиръ баржу его... Капитанъ „Храбраго“, когда-то такой же, какъ онъ, водоливъ, кричитъ и ругается въ рупоръ, стоя на мосткахъ трапа:

— Отпусти-и! Отпусти, лѣша-а-ай! Водоливъ, горе! — несется по Волгѣ.

— Отвертывай! Отвертывай! — кричитъ Семенычъ Кирюхѣ. А Кирюха зря мечется по борту...

Семенычъ грубо ругается въ просонкахъ... Марина пытливо смотритъ то на окно, то на мужа, лукаво ухмыляется и вдругъ исчезаетъ... Чуткая ночь вздрагиваетъ: теплая женская грудь мимолетно прижимается къ груди парня, чей-то голосъ шепчетъ любовно: „приду!“ жгучій поцѣлуй остается на толстыхъ губахъ Кирюхи, — и снова все исчезаетъ... Опять ночь грустно смотритъ своими задумчивыми звѣздами, попрежнему надрывается въ чащѣ нагорныхъ зарослей соловушекъ, по-

скрипываютъ въ лощинахъ коростели... А Кирюха стоитъ ошеломленный на палубѣ безъ картуза, съ широко раскрытыми глазами, и не можетъ понять: сердце ли его такъ громко стучитъ въ груди, или то пароходъ хлопаетъ о воду своими плицами...

— Кирилла!—несется изъ каюты зычный окрикъ водолива.

— Есть!—едва переводя духъ, отзывается Кирюха, пятясь дальше отъ водоливной каютки, и тяжело отдувается.

— Погляди лодку! Пассажирскій бѣжитъ... Не Лександра ли Мелькурьевскій... Не оторвало бы!..

— Будь спокоенъ!—стараясь быть хладнокровнымъ, выговариваетъ Кирюха и, садясь на бортъ, безсильно опускаетъ трясущіяся отъ волненія и страха предъ водоливомъ руки и безсмысленно смотритъ на искрящуюся подъ высокимъ бортомъ воду...

„Чортъ, а не баба“, шепчутъ толстыя губы Кирюхи, а Марина уже давно стоитъ въ дверяхъ каюты и, облокотясь обнаженной рукою на смолистый косякъ, смотритъ въ небо...

Слишкомъ ярко блеститъ сегодня луна надъ горами, и не видно на небѣ темныхъ тучекъ... Ночь коротка... Скоро смолкнутъ соловушки, и хотя спрячется луна и померкнутъ звѣздочки на небѣ, но золотая зорька заблеститъ на востокѣ и стыдливымъ румянцемъ окраситъ горизонтъ, и облака, и воду...

— Марина! Что зазѣвалась? Убѣжитъ уха-то!—брюзжитъ Семенычъ.

— Погодь! Пароходъ бѣжитъ...—не оборачиваясь, досадливо отвѣчаетъ Марина, а сама смотритъ въ ту сторону, гдѣ на фонѣ небесной синевы рѣзко рисуется фигура сидящаго на борту Кирюхи съ низко опущенной на грудь головою...

Въ чугунномъ котлѣ клокочетъ кипящая уха; рыба съ побѣлѣвшими глазами прыгаетъ, какъ живая, и,

кажется, все еще норовитъ ускользнуть отъ своихъ мучителей. Семенычъ съ кряхтѣніемъ поднимается на лавкѣ и, спуская на полъ свои тяжелые сапожищи, сладко потягивается.

— Что-то сонъ клонитъ, Марина!.. Скоро у тебя уха-то?

— Поспѣла!.. Выспишься... твоя ночка-то!—бросаетъ Марина.

Худой и блѣдный Жучокъ, съ тонкой шеей и длинными руками, лежитъ, прикурнувъ па рогожкахъ около мачты. Въ ожиданіи ухи, онъ прилегъ здѣсь, долго смотрѣлъ на небо и звѣзды, разрѣшая самостоятельно тайны міроздания, и заснулъ безпечнымъ, мирнымъ сномъ усталаго ребенка... Луна скользитъ лучами по его худому личику, придавая ему зеленоватый оттѣнокъ, вѣтерокъ треплетъ жиденькіе бѣлые волосы, ноги бѣлѣютъ, какъ новые деревянные кругляши...

— Жукъ! Кирилла! Гдѣ вы, дьяволы?.. Идите уху хлебать!—звонко кричитъ Марина.

— Ко-ко-ко!..—тревожно отвѣчаетъ на кормѣ пѣтухъ, заботливо охраняющій свое семейство.

Жучокъ вскакиваетъ на ноги, на мгновеніе останавливается на мѣстѣ, чешется и собирается съ мыслями,—потомъ въ припрыжку несется по палубѣ. Кирюха идетъ медленно, нехотя, словно уха для него—плевое дѣло...

Вынесли „на волю“ столъ. Жучокъ принесъ фонарь и повѣсилъ его на стѣнку будки Ночные мотыльки замелькали вокругъ огня крылышками и стали биться о стекло. Майскій жукъ прогудѣлъ громкимъ басомъ, хлопнулся гдѣ-то близко и смолкъ...

Марина принесла котелъ съ ухою и бросила на столъ партію желтыхъ деревянныхъ ложекъ... Котелъ задымился вкуснымъ ароматнымъ паромъ... Помолились на востокъ и усѣлись за столъ. Семенычъ стукнулъ ложкой по котлу и самъ первый отвѣдалъ ухи:

— Сладка живетъ... удалась!—одобрилъ онъ, разглаживая бороду.

— А ты думалъ, плохо сварю?!—хвастливо замѣтила Марина и тоже потянулась съ ложкой...—За ней—Кирюха и, наконецъ, томившійся долгимъ ожиданіемъ Жучокъ.

Ѣли молча, торжественно, словно совершали какое-то священнодѣйствіе, и строго соблюдали очередь... Ожидая своего череда, Жукъ думалъ, что лучше всѣхъ теперь Семенычу, который первый опускаетъ въ котелъ свою ложку; но потомъ сообразилъ и успокоился: можно начать счетъ съ него, Жучка, и тогда онъ на всю уху будетъ первымъ... „Это—какъ считать!“

Семенычъ вытащилъ изъ-за голенища бутыль съ водкой, вышибъ объ руку пробку и поставилъ на столъ.

Марина украдкою подарила Кирюху ласковымъ взглядомъ, и ложка въ рукахъ того задрожала отъ смущенія...

Луна давно уже спряталась за лѣсомъ, въ горахъ. Ночь потемнѣла. Съ юго-запада торопливо побѣжали тучки... Предразсвѣтный вѣтерокъ зарябилъ рѣчную поверхность... Соловушки допѣли свои пѣсни, только неугомонные коростели продолжали поскрипывать съ еще большимъ одушевленіемъ.

Высокія Жегулевскія горы громоздились чудовищными великанами надъ баржею. Вотъ въ свѣжемъ насыщенномъ испареніями воздухѣ пролетѣла съ почлега стая галокъ въ глубокомъ молчаніи, да дикая утка просвистѣла крыльями высоко надъ головою...

На баржѣ спали.

„Вахтилъ“ Жукъ. Онъ жался отъ сырости и, чтобы согрѣться, безпрерывно барабанилъ въ чугунную доску. Это былъ самый бдительный „вахтельный“ на всей Волгѣ, очень подозрительный ко всякимъ непонятнымъ

ему звукамъ и шорохамъ и воображающій, что безъ „вахтельнаго“ могутъ утащить чуть ли даже не самую баржу...

Побрякавъ въ доску, Жукъ протяжно выкрикивалъ перенятое имъ на большихъ судовыхъ караванахъ „слушай!“ и мужественно шагалъ на корму, огибалъ по борту всю баржу и снова стучалъ въ чугунную доску... Усердіе Жука удивляло даже самого Семеныча.

— Колоти поменьше! Воровъ-мартышекъ не испугаешь, а только доску расколотишь!—шутилъ надъ Жукомъ Семенычъ, но въ душѣ, какъ старый, любящій дисциплину волжанинъ, преклонялся предъ его добросовѣстностью. Другой, какъ услышитъ, что водоливъ храпитъ, такъ и самъ, приткнувшись гдѣ-нибудь подъ бортомъ, дремать станетъ... Жукъ не такой: онъ знаетъ, зачѣмъ на вахту поставленъ... Чуть слышно свистнетъ начальство, а Жукъ ужъ отвѣчаетъ:

— Есть!..—и бѣжитъ къ Семенычу.

Можетъ быть, причиной такой добросовѣстности со стороны молодого матроса была отчасти также и строгость, крутой нравъ Семеныча. Отъ него Жучокъ все-таки теребачки и волосянки видывалъ и былъ свидѣтелемъ, какъ однажды Семенычъ ругалъ свою молодую жену и грозилъ убить: „къ дереву *) привяжу и изобью, какъ собаку“,—кричалъ тогда Семенычъ, и глаза его горѣли подъ насупившимися бровями звѣрской яростью, губы тряслись, а на лбу налились кровью синія жилы...

— Слуш-а-ай!—слабо звучалъ подъ горами дѣтскій голосокъ, и чугунная доска жалобно плакала подъ ожесточенными ударами „вахтельнаго“...

А слушала одна только ночь, да горы, да еще Марина, тревожно настораживавшая уши и сверкавшая въ темнотѣ ночи своими большими глазами...

---

*) Къ мачтѣ.

Было яркое весеннее утро, и Волга лѣниво катила свои глубокія воды, разомлѣвъ подъ горячими лучами солнышка. Чистое небо смотрѣлось въ рѣчную зеркальную гладь и сообщало ей нѣжно-голубоватый оттѣнокъ. Жегули блистали яркой зеленью, красиво оттѣнявшей желтые и бурые выступы стокосовъ... Бѣлыя чайки рѣяли въ прозрачномъ воздухѣ и трепетали надъ водой крыльями. Даль задернулась голубоватой дымкою, и вся природа улыбалась яркому, горячему солнышку...

День былъ воскресный, и населеніе баржи принарядилось въ лучшія одежды. Семенычъ надѣлъ новые смазные сапоги, выпустилъ изъ-подъ жилетки шерстяную рубаху малиноваго цвѣта съ горошкомъ, намазалъ голову скоромнымъ масломъ и устроилъ на ней правильный проборъ на двѣ стороны; нацѣпилъ цѣпочку съ брелоками и держалъ обѣ руки по преимуществу въ карманахъ своихъ плисовыхъ штановъ. Марина щеголяла въ синемъ шерстяномъ платьѣ и въ накинутой на плечи шелковой желтой шали съ зелеными цвѣтами по угламъ: въ ея рукѣ былъ неразлучный носовой платочекъ съ подсолнухами, которые она, обыкновенно, грызла по праздникамъ съ утра до вечера, скаля свои бѣлые зубы. Она поджимала сегодня какъ-то неестественно свои алыя губы и манерничала, говорила со всѣми на „вы“ и старалась походить на тѣхъ щеголихъ-мѣщанокъ, которыхъ часто видѣла на пристаняхъ у большихъ городовъ.

Кирюха, при всей своей бѣдности, не желалъ отставать отъ людей; онъ надѣлъ кумачевую рубаху, подпоясался подъ животомъ „аѳонскимъ поясомъ“ съ молитвою: „На Тя, Господи, уповахомъ“, и спряталъ свои босыя ноги въ Богъ вѣсть какъ попавшія къ нему глубокія барскія кожаныя галоши. Только Жучку не было чѣмъ ознаменовать праздникъ...

Кирюха сидѣлъ на носу баржи, на бревенчатомъ об-

рубѣ якорнаго ворота и наигрывалъ на вятской гармоникѣ „Матаню“, тихонько подпѣвая:

У Матани—черный глазъ,
Онъ горитъ, что твой алмазъ...

и при этомъ разумѣлъ расфранченную и малодоступную теперь „водоливиху“...

Семенычъ съ женой молча и торжественно возсѣдали рядышкомъ на лавочкѣ, около дверей своей каюты: онъ, сцѣпивъ на животѣ руки, крутилъ свободными большими пальцами въ разныя стороны и тупо смотрѣлъ на свои новые сапоги; она устремила свои сѣрые глаза въ синеватую дымку далекаго горизонта и грызла проворно и настойчиво сѣмечки, искусно вылущая ихъ зубами и откидывая языкомъ шелуху. Марина выглядѣла величавой и добродѣтельной, хотя розовое ушко ея и лукавое сердце прислушивались къ Кирюхиной музыкѣ и понимали, про чей это глазъ, не уступающій по игрѣ алмазу, распѣваетъ на носу парень...

Синѣвшій далеко на горахъ лѣсъ дремалъ въ сладкой истомѣ и грезилъ о чемъ-то несбыточномъ... Бѣлое облачко повисло въ глубокой бездонной синевѣ и замерло, любуясь съ безпредѣльной высоты на ликующее утро. Черная лодочка, поставленная поперекъ рѣки, плыла по самой ея срединѣ, предоставленная волѣ теченія... Въ лодочкѣ краснѣла яркимъ пятномъ фигурка рыбака, собиравшаго сѣти... Время отъ времени серебрилась игравшая на солнышкѣ рыба... Въ прибрежныхъ кустахъ радостно щебетали птицы... Длинноногій куликъ-чернышъ грустно свистѣлъ, пролетая черезъ рѣку къ далекой песчаной отмели... Бѣлый дымокъ парохода курился съ затуманенной дали.

Никому не хотѣлось говорить: всѣмъ хотѣлось нѣжиться на горячихъ лучахъ весеняго солнца и млѣть отъ вѣявшей въ душу свободы, приволья... Семенычъ

посматривалъ то на свой сапогъ, то, щурясь, останавливалъ глаза на водѣ. Марина затуманеннымъ взоромъ смотрѣла въ синѣющую даль. Кирюха лѣниво наигрывалъ „Матаню“, пѣлъ „подъ сурдинку“ и тоже смотрѣлъ куда-то въ пространство...

Одинъ Жукъ не поддавался чарамъ и грезамъ весны: онъ сидѣлъ подъ баржей въ лодкѣ и ждалъ, когда на его булавочную удочку съ бичевкой вмѣсто лесы и хворостиной вмѣсто удилища клюнетъ, наконецъ, глупый язь или, по крайней мѣрѣ, сумасшедшая чехоня...

Вотъ откуда-то вѣтерокъ донесъ хоровую пѣсню... Голоса сливались въ довольно стройный аккордъ, только высокій дребезжащій теноръ обособлялся и одиноко замиралъ и таялъ въ воздухѣ.

Семенычъ подошелъ къ борту и сталъ вглядываться въ ту сторону, откуда прилетала пѣсня.

— Дай-кось беноклю, Мариша!

Марина осторожно, подобравъ платье, просунулась въ узкую дверь каюты, перегнулась и достала съ косяка бинокль въ шагреневомъ футлярѣ.

— Получите! — сказала она, невозмутимо поплевывая шелухою подсолнуховъ, и, ткнувъ бинокль въ руку мужа, пошла „разгуляться“ по баржѣ.

Сперва она пошла на корму, потомъ вернулась, прошлась мимо мужа и снова повернула къ кормѣ: отсюда она перешла къ другому борту и двинулась по направленію къ носу. Проходя мимо Кирюхи, она повела бровью, сверкнула бѣлками глазъ и, замедляя шагъ, спросила:

— Что же вы перестали въ гармонью играть?

— Прискучило, Марина Петровна... Въ лѣсокъ бы разгуляться, на травушкѣ-муравушкѣ поваляться... — вполголоса отвѣтилъ парень, восхищенный красотою своей „зазнобушки“.

— Чиста краля!—прибавилъ онъ.

— А сегодня ночка темная будетъ, — подумала

вслухъ Марина, пропуская мимо ушей комплиментъ Кирюхи, и пошла дальше, не оборачиваясь.

Кирюха понялъ. Онъ заигралъ на гармоникѣ веселый мотивъ и съ удалью, но негромко, запѣлъ:

Ночка темная на землю упадетъ,
Ярки звѣздочки погаснутъ въ небесахъ,
Ясны оченьки засвѣтятъ во потьмахъ...
Ахъ, да сударушка, сударушка моя,
Чернобровая, похожа на меня!..

И при этомъ потряхивалъ русыми кудрями и въ тактъ музыкѣ притопывалъ тяжелой галошею...

А по рѣкѣ уже отчетливо и громко неслась хоровая пѣсня.

Большая лодка, съ крашеными бортами, перерѣзала наискось широкую гладь Волги, и три пары веселъ дружно вздымались и опускались, блистая на солнышкѣ.

— А вѣдь это—гости къ намъ!—произнесъ Семенычъ, не отрывая глазъ отъ бинокля.

— Чьи? дай поглядѣть.

— Съ Карповской баржи... Филиппъ съ женой...

— Отколь это взялись?.. Протри беноклю-то!..—недовѣрчиво произнесла Марина.

— Да они подъ Ставрополемъ стоятъ, — парохода ждутъ тоже...

Лодка приближалась, пѣсня звучала громче, долетали уже отдѣльные голоса, смѣхъ... Вотъ съ лодки замахали платочкомъ.

— Они!—выкрикнулъ Семенычъ, помахалъ руками и пронзительно свистнулъ.

— Есть—глухо отвѣтилъ голосъ Жучка изъ-подъ баржи, а потомъ и самъ Жучокъ вскарабкался на палубу, худой и поджарый.

— Грѣй самоваръ! Проворнѣй! Гости...

— Духомъ!..

По баржевой мачтѣ поползъ комомъ свернутый

флагъ, потомъ вдругъ развернулся и вьюномъ заигралъ въ воздухѣ,—то Кирюха привѣтствовалъ гостей.

Марина уже была въ каюткѣ, вертѣлась передъ зеркаломъ и лукаво ухмылялась, довольная собой и своимъ платьемъ.

— Кирилла! Знаешь, братецъ, что?—спросилъ Семенычъ, уперевъ въ бока руки и смотря въ землю.

— Что скажешь?

— Сладка наливочка у насъ есть, а вотъ водченки надо бы раздобыть...

— Что же, можно,—отвѣтилъ Кирюха, лѣниво почесывая за ухомъ.—На лодкѣ—далеко, долго прокатала жишься. Горами—надо... Жучокъ смахаетъ...

Обсудивъ дѣло, порѣшили отправить въ деревню, что затерялась въ лощинѣ между горъ, верстахъ въ двухъ отъ мѣста стоянки, Жучка, котораго и снабдили пустымъ штофомъ. Кирюха перевезъ мальчугана съ баржи на берегъ и подробно разсказалъ, какъ идти и гдѣ искать броду чрезъ бурлившую въ глубокомъ оврагѣ, за первой горой, рѣченку.

Жукъ вскарабкался на самую кручу, чтобы обозрѣть окрестность и опредѣлить направленіе своихъ изысканій... Съ баржи онъ казался пигмеемъ: что-то маленькое, жалкое и ничтожное шевелилось въ зелени и ползло по желтымъ откосамъ, осыпая по пути гальки и песокъ... Напуганный ястребъ сорвался изъ-подъ Жука и, распластавъ свои крылья, повисъ надъ водою... Жукъ пукнулъ въ него камнемъ, но хищникъ только слегка дрогнулъ крыльями и началъ плавно кружить въ воздухѣ...

Жукъ смотрѣлъ на открывшуюся предъ его глазами величественную панораму, на необъятную водную равнину, на окутанныя сизымъ туманомъ горныя вершины и на голубой океанъ развернувшихся небесъ... Смотрѣлъ и думалъ: „Гдѣ-то тамъ, далеко-далеко, за рѣкою, за лѣсомъ, за синими горами есть конецъ земли, и тамъ

по отлогому небу сходятъ на землю святые ангелы и уводятъ съ собою души умершихъ праведниковъ къ Господу...“ И бѣлоснѣжное облачко, что̀ пряталось за синимъ гребнемъ далекихъ горъ, казалось этому маленькому человѣчку свѣтлой одеждою ангеловъ, забытой ими на томъ мѣстѣ, гдѣ кончается земля...

Предназначенная для водки бутыль вдругъ выскользнула изъ рукъ Жука и со звономъ покатилась внизъ, подпрыгивая на буграхъ и ямахъ, а за ней покатился комомъ и самъ очнувшійся отъ чаръ фантазіи босой мечтатель...

Прежде чѣмъ сдѣлаться водоливомъ, Семенычъ прошелъ суровую школу волжской рабочей карьеры.

Началъ онъ свою службу въ крючникахъ и лѣтъ пять, какъ вьючное животное, гнулся съ утра до ночи—а иногда и до свѣту—подъ тяжелыми кулями, мѣшками, тюками, бочками и ящиками... Подрядчики — хитрый народъ: они знаютъ, какъ и чѣмъ кого работать больше заставить: на однихъ покрикиваютъ, другихъ штрафами донимаютъ, а третьихъ „лаской“ берутъ.

На „ласку“ и Семенычъ падокъ былъ.

Бывало, страшно посмотрѣть на тюкъ. Крючники почесываются, не зная, съ которой стороны подойти къ нему. А время не терпитъ: пароходъ дрожитъ подъ парами, два свистка подалъ: капитанъ то и дѣло кричитъ съ трапа приказчику: „Готово?“

— Ну! мелюзга! Никто, поди, не возьметъ одинъ?—выкрикиваетъ хитрый подрядчикъ. А у падкихъ до похвалы, до ласки сейчасъ и гордость поднимается... Какъ это—мелюзга? по какому случаю мелюзга?!.

— Вали, робя!—храбро заявляетъ, выходя впередъ, Семенычъ.

— Гдѣ тебѣ!.. Нѣтъ ли кого посильнѣе?.—посмѣивается подрядчикъ.

— Клади, робя! Не такую тягу нашивали...—бахвалится Семенычъ, которому хочется своей богатырской силою похвастаться.

Нѣсколько человѣкъ хватается за кладь, съ дружной пѣсней поднимаютъ ее на воздухъ, а Семенычъ смѣло идетъ подъ грузъ, низко нагибаетъ свою широкую спину съ „сѣдломъ", широко разставляетъ ноги и ждетъ... Вотъ насѣла тяга на спину — хрустнули косточки, придавила—вздохнуть нельзя... Лицо Семеныча кровью налилось, на толстой шеѣ жилы вздулись, какъ веревки, на раскрытой волосатой груди—потъ выступилъ, ноженьки трясутся...

— Съ Богомъ!—напутствуютъ товарищи.

Семенычъ тихо шагаетъ по скрипящимъ мосткамъ; ноги у него словно деревянныя, въ колѣняхъ не гнутся и, какъ жерди, подпираютъ громадину...

— Сторонись! Груша!..—сипло кричитъ, не глядя на людей, крючникъ.

А подрядчикъ вслухъ удивляется:

— Ну, и силища проклятая! быкъ, а не человѣкъ!..

А тому и любо: радъ стараться изъ-за чести...

Съ ранней весны до глубокой осени ходилъ Семенычъ въ крючникахъ, работалъ изъ-за куска хлѣба и старался „изъ чести", а на зиму отправлялся въ затоны „на зимовки"—чернорабочимъ... Нѣсколько лѣтъ плоты по Камѣ гонялъ, на желѣзныхъ караванахъ сторожемъ плавалъ, потомъ въ матросы попалъ сперва на баржу, а послѣ—на буксирный. Матросъ изъ него вышелъ отмѣнный, хозяева дорожили имъ. Другихъ на зиму разсчитывали, а его на зимовки брали,—надежный человѣкъ...

Хлебнулъ-таки Семенычъ горя около Волги-матушки, но зато она и въ люди его вывела: Семеныча водоливомъ назначили... А водоливъ—какое ни на есть начальство. Конечно, лестнѣе было бы въ лоцмана попасть, потому что плохъ тотъ лоцманъ, который не на-

дѣется въ капитаны па буксирный попасть. Однако Семенычъ и тѣмъ доволенъ, что Богъ далъ: оно хоть и не видно, да сытно... Изъ Нижняго съ ярмарки онъ панскаго товарцу забиралъ, въ Казани—татарскаго мыла прихватывалъ, въ Самарѣ — пуховыхъ платковъ оренбургскихъ,—и все это везъ въ низовья и на стоянкахъ по селамъ и слободамъ съ большимъ барышемъ продавалъ, а изъ Астрахани везъ въ верха — арбузы, дыни, виноградъ, айву, помидоры, красную рыбку, тайкомъ за безцѣнокъ отъ „вольныхъ ловцовъ" перекупленную,—и тоже копѣечку зашибалъ. За навигацію сотню жалованьемъ получалъ, да столько же торговлей своей промышлялъ. Зимой тоже зря не болтался: на зимовки брали и двѣнадцать рублей на хозяйскихъ харчахъ отваливали...

За семь лѣтъ своей службы водоливомъ Семенычъ успѣлъ сотни три скопить, кромѣ добра всякаго изъ одежи, и на сорокъ шестомъ году жизни жениться надумалъ: высмотрѣлъ себѣ „кралечку" въ Покровской слободѣ, подъ Саратовомъ, Марину, мѣщанскую дочь, молодую дѣвку, бойкую... Говорили тогда Семенычу сродственники:

— Опасайся: не по лѣтамъ берешь! Въ слободѣ баба балуется, дѣвка вольничаетъ...

Не послушался совѣтовъ: крѣпко приглянулась дѣвка веселая.

— Пятнадцать годовъ по Камѣ и Волгѣ плаваю, всякой бабы и дѣвки достаточно видѣлъ... Ну, а такой не подвертывалось, не случалось...

— Ой, опасайся, борода!..

На себя Семенычъ крѣпко надѣялся: какъ, молъ, такого молодца не полюбить? И ростомъ вышелъ, и съ лица—ничего, и копѣечка на черный день припасена... Воля у мужика была желѣзная, нравъ крутой, гордый, повелительный.

— Со мной вѣдьма поживетъ,—шелковая станетъ!—

хвастался Семенычъ передъ сродственниками за бутылкой вина.

Вѣдьма, можетъ быть, и дѣйствительно притихла бы, поживъ съ своенравнымъ волжскимъ богатыремъ... да вышло, что Покровской слободы баба похитрѣй другой старой вѣдьмы будетъ... Конечно, слобода подгородная, богатая, народъ гладкій, смѣлый и вольный... даже дѣвка и та всякое смиреніе и кротость давно растеряла...

И дѣйствительно, только одну навигацію Семенычъ съ молодой женой проплавалъ, а опасаться ужъ сталъ. Такъ баба дѣльная, работящая, другого мужика за поясъ заткнетъ, веселая, проворная, ласковая, а что касается скромности,—оказалась недохватка. Любитъ съ молодыми матросами языкъ почесать, зубы поскалить, и смѣлость для мужней жены—неподходящая...

Вздумалъ ее Семенычъ уму-разуму поучить, да не таковская была: кричалъ, какъ хотѣлъ, ругалъ, какъ только могъ хуже, даже руку заносилъ...

Но ударить не пришлось. Сразу и осѣчка вышла.

„Поиграла“ молодуха на стоянкѣ съ чужимъ матросомъ: онъ ей бровью моргнулъ, она его ладонью по спинѣ вытянула,—вотъ и вся игра. Однако Семенычъ полагалъ, что мужней женѣ это—дѣло неподходящее, и, когда свечерѣло, а народъ притихать сталъ, водоливъ жену ругать началъ. Другая баба смолчала бы, а эта: онъ ей—слово, она ему два... Взбѣленился Семенычъ, глаза кровью налились, губы затряслись. Занесъ руку и хотѣлъ Марину на отмашь хватить. А та, какъ кошка, изъ-подъ руки юркнула да къ борту, ногу за бортъ перекинула и кричитъ:

— Ударь! Попробуй!...

Трудно было Семенычу съ собой совладать, однако взялъ себя въ руки. Съ такой бабой кулакомъ, видно, не приходится... Плюнулъ Семенычъ и въ каюту ушелъ. Отъ злости и досады самоваръ на палубу вышвырнулъ

и легъ... Все ждалъ, когда шальная баба спать на положенное ей мѣсто придетъ.

Такъ до свѣту у борта и просидѣла...

— Марина! Подь сюда! Я тѣ ничего не сдѣлаю,— нѣсколько разъ говорилъ Семенычъ, подходя къ двери.— Смотри! зорька играетъ, свѣтло будетъ скоро. Люди увидятъ, нѣшто хорошо?

— Сыми образъ, вынесь къ дверямъ да поклянись, что бить не будешь!..

Долго Семенычъ отъ клятвы воздерживался: все рука чесалась, все надѣялся „поучить"... Но не дождался, строптивый...

Когда солнышко яркимъ свѣтомъ изъ-за горъ брызнуло и птички въ кусточкахъ запѣли, Семенычъ вынесъ изъ двери Матерь Божію, сказалъ: „пальцемъ не трону!" перекрестился, приложился и ласково произнесъ:

— Богъ тебя проститъ! Иди, шельма, спать!..

Сейчасъ же пришла, метнулась на постель и своей мягкой рукой грубую шею Семеныча обвила...

— У-у! дьяволъ!—буркнулъ тотъ...

Долго пировали на баржѣ... Четыре самовара выпили, уху стерляжью варили, мужики водочки, а бабы красной сладкой вишневочки выпили; пѣли пѣсни, смѣялись. Кирюха неустанно пищалъ на гармоникѣ, а подвыпившій Филиппъ все покушался „барыню" плясать, да плохо слушались ноги: помнется на мѣстѣ, постукаетъ тяжелымъ сапогомъ, и вдругъ хмѣль отшибетъ его въ сторону и спутаетъ...

— Нѣтъ... Старъ становлюсь... Ухъ! душа зашлась...— говоритъ Филиппъ, отдуваясь, садится на лавку и вытягиваетъ ноги.

Кирюха смотрѣлъ-смотрѣлъ, да какъ сорвется съ мѣста... Сбросилъ съ ногъ тяжелыя господскія галоши,

пустился въ присядку, затрясъ русыми кудрями... Самъ на гармоникѣ играетъ, удалецки гикаетъ и подпѣваетъ:

Ахъ, барыня ты моя,
Сударыня ты моя,
Сдѣлай милость—не сердись—
Лицомъ бѣлымъ повернись...

У Марины щеки загорѣлись, глаза заискрились, ножка въ козловомъ башмачкѣ притопывать каблучкомъ съ подковкою стала... Не стерпѣла Марина: поднялась и пошла павой выхаживать, плечомъ поводить и платочкомъ помахивать.

Гости похваливаютъ. Семенычъ, глядя на свою молодую жену, удовольствіе чувствуетъ... Даже Жучокъ, лежавшій поодаль на животѣ, осклабился и босой ногой началъ по палубѣ пристукивать...

Только рябая, широколицая и курносая Ѳекла, жена Филиппа, не смѣялась,—Ѳеклу зависть брала: перещеголяла ее водоливиха и платьемъ, и серьгами, и обращеніемъ...

— А вы, Ѳекла Егорьевна, что не пройдетесь за кампанію—спрашиваетъ, подсаживаясь къ гостьѣ, Семенычъ.

— Гдѣ ужъ намъ супротивъ вашей супружницы?—обидчиво отвѣчаетъ Ѳекла, складывая руки крестикомъ.

Время шло къ вечеру. Солнце пряталось за горами и золотило прощальными лучами гребень Жегулей. Отъ горъ упали на воду длинныя тѣни. На горизонтѣ стала сгущаться голубая дымка вечерняго тумана. Изъ лощинъ и овраговъ полилась волнами прохлада. Сильнѣе запахло березой, черемухой и громче откликнулось въ горахъ эхо пароходныхъ свистковъ... Золотомъ, пурпуромъ подернулась уже кое-гдѣ гладкая поверхность рѣки, и облака на западѣ стали все сильнѣе розовѣть и золотиться...

Гости собирались домой.

Подгулявшіе матросы поскакали въ лодку, чтобы оправить ее, черпакомъ воду отлить, сердитой Ѳеклѣ на лавочку сѣнца положить...

Хозяева кланялись и просили посидѣть. Захмелѣвшій Филиппъ, пожалуй, не прочь былъ бы и еще выпить, но Ѳекла твердила: „много довольны, благодарствуемъ!" и такъ сердито взглядывала на мужа, что тотъ волей-неволей поддерживалъ:

— Нѣтъ... Много довольны на угощеніи... Къ намъ милости просимъ!..—И кланялся.

— А ты собирайся, будетъ кланяться-то!.. Видишь, подувать стало...

— Эге-ге-ге! Смотри, ночью дождь хватитъ...

— Далеко, — успокоительно отвѣтилъ Кирюха, посмотрѣвъ въ небо.

— Да намъ что? Мы вотъ выѣдемъ на стрежень, вздернемъ парусъ и засмаливай!

Спустя нѣсколько минутъ лодка съ гостями отдѣлилась отъ баржи, шесть веселъ дружно ударили по водѣ, заскрипѣли уключины, и зазвенѣла подъ острымъ носомъ лодки вода золотая...

— Счастливо оставаться!

— Будьте благополучны!

Проводили гостей. На баржѣ сразу стихло, и всѣмъ немного скучно стало...

— О, Господи!—прошепталъ Семенычъ, позѣвывая, перекрестилъ ротъ и пошелъ въ каюту отдохнуть.

Марина долго сидѣла на лавочкѣ и смотрѣла на тускнѣющій вечеръ, на синѣющія вдали сказочными замками горы, на багровый отблескъ спрятавшагося солнца, на мерцающій на плотахъ огонекъ, на алую, какъ кровь, воду... И Маринѣ казалось, что гладкая поверхность рѣки уноситъ ее съ собою далеко-далеко, на любимую родину, туда, гдѣ прошли золотые дни дѣвичьихъ грезъ, первой сердечной тревоги, первыхъ стыдливыхъ поцѣлуевъ.

Весело теперь въ слободѣ! Каждый день, какъ только сядетъ солнце и въ воздухѣ разольется весенняя прохлада, а на огородахъ „задергаетъ“ коростель; какъ только на темно-голубыхъ небесахъ зарумянятся причудливыя облака, а надъ ухомъ затрубитъ комаръ,— со всей слободы собираются на лужокъ къ церкви дѣвки да молодыя бабы, парни да малые ребята, и хороводная пѣсня несмолкаемо стоитъ надъ селомъ. То протяжная и грустная, то веселая, удалая, она далеко разносится звонкими дѣвичьими голосами среди стихающей природы... Долго, почитай до свѣта, не смолкаютъ пѣсни, долго на лужкѣ не кончаются игры и пляски, долго надъ слободой носится веселый говоръ и беззаботный смѣхъ...

Но вотъ хороводъ смолкъ. Говоръ и смѣхъ — все рѣже и тише, и громче разносится лай собаки... Гдѣ-то одиноко попискиваетъ еще гармоника, но и та скоро обрывается... Слобода спитъ глубокимъ сномъ...

Только не спитъ Марина: черезъ плетень сада смотрятъ на нее ненаглядныя очи молодца, цѣлуютъ уста горячія...

Заныло сердечко водоливихи отъ дорогихъ воспоминаній, всплакнуть захотѣлось... Подперши рукой подбородокъ, она тихонько запѣла:

Гдѣ ты, милый, скрылся, гдѣ тебя иска-а-ть...
Заставилъ крушиться, плакать, горева-а-ть.

А съ рѣки подувалъ вѣтерокъ.

Вотъ солнце потухло, и облака померкли. Тучки ползли, словно изъ-подъ земли, толпились на горизонтѣ... Луна тусклымъ пятномъ смотрѣла черезъ облачную гряду. Волга потемнѣла. Мелкой рябью побѣжалъ по водѣ вѣтеръ. Забытый на мачтѣ флагъ затрепеталъ и забился. Скрипнулъ навѣсъ тяжелаго руля... Сорвался съ высоты прибрежныхъ горъ рыхлый камень и булькнулъ подъ обрывомъ... Съ шумнымъ говоромъ про-

летѣли грачи на ночевку... Тамъ и сямъ по Волгѣ загорѣлись огоньки судовъ. На плотахъ запылалъ костеръ—сплавщики ужинъ начали готовить... По берегу, подъ горами, расползалась темень и надвигалась на баржу... Отдаленный громъ прокатился глухимъ раскатомъ въ Жегуляхъ, и шорохъ дождя побѣжалъ по горамъ, а густой туманъ сталъ заволакивать перспективу... Съ плота доносилась перекличка рулевыхъ рабочихъ, протяжная, тяжелая, уносимая вѣтромъ навстрѣчу опускавшейся ночи, похожая на стонъ больного человѣка...

Къ ночи разгулялась непогода. Вѣтеръ крѣпчалъ и гналъ темныя волны на берегъ, трепалъ мачтовыя снасти и шумѣлъ въ горахъ лѣсомъ. Темныя тучи двигались по небу уродливыми массами и, вползая все выше, заволакивали остатокъ синѣющаго просвѣта... Волны все сильнѣй наскакивали на бортъ баржи и, разбиваясь съ шумомъ, рушились, уступая мѣсто новымъ натискамъ. Чугунная доска покачивалась и, стукаясь краемъ о мачту, гудѣла, какъ отдаленный набатный колоколъ. Прятавшаяся за баржей лодка качалась, жалась къ борту и все тревожнѣе постукивала въ него носомъ. Руль и каютка водолива скрипѣли досками... Разрѣзаемый мачтовыми снастями, уныло свистѣлъ вѣтеръ... Изрѣдка горизонтъ вспыхивалъ заревомъ молніи и на мгновеніе освѣщалъ черную водяную равнину съ бѣлѣвшими на ней гребнями волнъ, угрюмыя горы и прижавшуюся у берега барженку, послушно покачивавшуюся изъ стороны въ сторону, одинокую, заброшенную...

На вахтѣ стоялъ Кирюха.

Когда вспыхивало зарево молніи, фигура „вахтельнаго", въ куцомъ тулупчикѣ, съ треплющимися подъ картузомъ волосами, казалась безпомощной и миніатюрной.

Жукъ давно уже забрался въ трюмъ. Маленькое кругленькое окошко „подводной каюты“ онъ закрылъ щиткомъ, и бѣшеная волна не могла уже сюда забрасывать воду. Въ самомъ углу здѣсь были устроены нары. Жучокъ разостлалъ на нихъ рогожку, легъ и прикрылся кафтаномъ Кирюхи. Въ бортъ, надъ самой головой Жучка, хлестали волны. Временами казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ бортъ проломится и сердитыя волны съ неудержимою силою хлынутъ въ трюмъ... Иногда удары ихъ были настолько сильны, что вся баржа вздрагивала, а Жучокъ испуганно приподнималъ голову, смотрѣлъ въ темноту и прислушивался: не льетъ ли гдѣ вода?..

Здѣсь было совершенно темно, и лишь полузакрытый люкъ бѣлесоватымъ пятномъ дрожалъ въ темнотѣ надъ головою Жука, да порой одинокая звѣздочка заглядывала на Жучка и быстро исчезала.

Надо бы уснуть: послѣ полуночи Жучку придется Кирюху смѣнить, на вахту становиться, а сонъ не идетъ... При каждой вспышкѣ молніи Жукъ открываетъ глаза: поперечные скрѣпы баржи, какъ ребра гигантскаго скелета, рисуются передъ нимъ, синій отблескъ молніи дрожитъ, ослѣпляя зрѣніе, а потомъ вдругъ покатится громъ и начнетъ грохотать въ Жегуляхъ такъ, что сердце упадетъ...

— Боже милостивый! Спаси и помилуй!—набожно крестясь, шепчетъ Жукъ.—Что это? Неужто—вода ворвалась?!.

Жучокъ вскакиваетъ, спускаетъ съ наръ ноги и вслушивается...—Нѣтъ... Слава Богу!.. Это—дождь, дружный, проливной, зашумѣлъ по водѣ и запрыгалъ по палубѣ.

То сильнѣй онъ шумитъ, то ослабѣваетъ, словно подумаетъ немного да опять порѣшитъ ударить... Гдѣ-то протекаетъ палуба... „Такъ-такъ-такъ-тукъ“ прыгаютъ въ трюмѣ капли воды, все чаще, чаще, чаще и, наконецъ, сливаются въ безпрерывную струйку...

„Вотъ такъ же протекала крыша у нихъ съ тятень-

кой въ хибаркѣ, когда они жили подъ Царицынымъ. И ночь такая же страшная была... Такъ же молнія дрожала"...

И память рисуетъ предъ Жучкомъ прошлое: образъ погибшаго на Волгѣ отца встаетъ передъ нимъ въ темнотѣ ночи...

Они съ тятенькой „мартышками" были; жили вдвоемъ на берегу Волги подъ Царицынымъ въ убогой хибаркѣ; стѣны и полъ жилища ихъ были земляные, а крыши совсѣмъ не было, и вмѣсто нея былъ одинъ потолокъ, крытый старыми досками, ставнями, палками, всякой дрянью и мусоромъ. У нихъ была лодка-душегубка, шесты сосновые, бичевка съ грузомъ и крюкомъ, багоръ, топоръ и ружье съ некрашенымъ березовымъ прикладомъ, т. е. полное обзаведеніе „промысла вольнаго"... Жили они вольно и весело, какъ вообще живутъ всѣ „мартышки"...

Царицынъ—городъ живой, бойкій, торговый; здѣсь много пристаней: пароходная, лѣсная, нефтяная, соляная; Волга кишмя-кишитъ пароходами, плотами, барками, лодками, и по всему берегу гулъ и стонъ идетъ: стучатъ колесами, свистятъ и пыхтятъ пароходы; вздыхаютъ локомотивы и гремятъ буферами длинные поѣзда съ нефтью, солью, лѣсомъ; ухаютъ „поповки", перекачивающія изъ баржей въ баки нефть; рабочіе безостановочно въ разныхъ концахъ поютъ свой „ой разокъ, да вотъ разокъ, еще махонькій разокъ!" Бабы-грузчицы у соляныхъ амбаровъ визжатъ, поютъ и ссорятся... Стукъ, громъ, бряканье, крики, говоръ, смѣхъ... Жизнь кипитъ пестрая, шумная у великой рѣки, тысячи народа около нея въ потѣ лица кормятся, богатѣютъ проныры и степенные купцы... Не плохо живется здѣсь и „мартышкѣ" исправному, съ обзаведеніемъ да со сметкою...

Коротка зима здѣсь, и трудно „мартышкѣ" всего какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца. Вскроется рѣка, за-

блестятъ на солнышкѣ обломки оковъ ледяныхъ, — и „мартышка“ просыпается отъ зимней спячки и крестится, оправляетъ свою лодочку, чинитъ свои доспѣхи и съ трубочкой на берегу посиживаетъ, щурясь отъ яркаго весенняго солнышка. Со льдомъ не мало всякаго добра къ морю Каспійскому плыветъ: дрова, поднятыя вешней водой, корчи, вырванные льдомъ, лодки поломанныя, бревна, а порой и цѣлый дощаникъ или затопленная барженка тихо движется. Тутъ только посматривай!..

Скользитъ, ныряетъ между льдинами душегубка-лодочка съ отчаяннымъ „мартышкою“, и все, что̀ годится, онъ либо къ себѣ беретъ, либо за корму причаливаетъ. Проворнымъ, смѣлымъ надо быть, умѣть по льдинамъ прыгать и холодной воды не бояться; глазъ тоже зоркій требуется... Иной разъ одно бревнышко уловится и то—спасибо: три-четыре цѣлковыхъ еврей-маклеръ дастъ, а попадается лодка — всю пятишну выручишь...

Весной въ половодье и осенью бури выручаютъ, хорошій заработокъ „мартышкѣ“ даютъ. Разгуляется, зашумитъ рѣка и вездѣ бѣдъ натворитъ: разорветъ, разобьетъ плоты, оторветъ лодку, сброситъ мостки, будку баржевую, иной разъ заборъ цѣлый,—и все это несетъ съ собой и по берегамъ раскидываетъ...

Затишье только кореннымъ лѣтомъ бываетъ, и если „мартышка“ не оставилъ добра про запасъ,—то ловитъ рыбку, дикихъ утокъ на озерахъ за Волгой постръливаетъ, а то шныряетъ на своей лодочкѣ ночью между судами по караванамъ и пристанямъ и гдѣ что плохо лежитъ — присматриваетъ...

Вольный человѣкъ — „мартышка“, гордый, заносчивый, отчаянный, любитъ водочки выпить; кланяться ни купцу, ни приказчику не станетъ и на черную работу не пойдетъ; никакого начальства знать не хочетъ: „Одно, говоритъ, у меня начальство—Волга-матушка: она меня

и накормитъ, и водочки поднесетъ, и замѣсто матери убаюкаетъ!“

Вотъ такой же отчаянный человѣкъ былъ и тятенька у Жука. Выпьетъ,—такъ ему море по колѣна; никакая буря его не испугаетъ, если зоркій глазъ добычу услѣдитъ хорошую...

Однажды весной, въ половодье, ночью, вотъ такъ же, какъ теперь, непогода бушевала на Волгѣ, вѣтеръ свистѣлъ и волны хлестали. Ночь темная была, молнія синимъ огнемъ блистала и громъ грохоталъ въ тучахъ, нависшихъ надъ рѣкою и городомъ...

Сидѣли они съ отцомъ въ своей хибаркѣ. Отецъ выпивши былъ... Хотѣли поужинать да спать ложиться—варили на очагѣ раковъ... Дождь лилъ, какъ изъ ведра, словно небеса прорвало, и съ потолка такъ же вотъ, какъ теперь, водица струилась...

Вышелъ отецъ посмотрѣть, что̀ на Волгѣ дѣлается, и при яркомъ блескѣ молніи запримѣтилъ, что дощаникъ несетъ опрокинутый. Жадность человѣка обуяла,—поймать захотѣлось.

— Тятенька! седни и такъ много наудили... Брось!—говорилъ сынишка, когда отецъ, вернувшись въ хибарку, за весла схватился.

— Ты доваривай раковъ-то, а я сейчасъ ворочусь!.. Этакого осетра нельзя безъ вниманія оставить... Господи, благослови!..

Вышелъ, сѣлъ въ свою душегубку и пропалъ въ темнотѣ ночной... Не вернулся тятенька раковъ ѣсть... Унесъ вѣтеръ удалую голувушку на стрежень, захлестнула волна лодочку, и погибъ человѣкъ безъ покаянія...

Бушуетъ непогода. Покачивается и скрипитъ рулемъ баржа. Волны бьютъ въ борта, и шумятъ, и хлещутъ...

И чудится Жуку, что въ ночной темнотѣ слабо, чуть слышно, носится уносимый вѣтромъ жалобный крикъ человѣка о помощи...

— Господи! Спаси и помилуй!

Неотпѣтая душа долго по землѣ скитается, скорбитъ и тоскуетъ по земной юдоли своей...

Кто знаетъ, быть можетъ, то грѣшная душа потонувшаго тятеньки носится надъ своей могилою-Волгою и стонетъ, скорбитъ передъ вѣковѣчною разлукою съ людьми и землей?.. Можетъ быть, она ищетъ сына родного, проститься съ нимъ хочетъ и зоветъ его?!.

— Господи! Спаси и помилуй! Помяни его во царствіи Своемъ!..

Дождь пролилъ, притихъ. Усталъ, ослабѣлъ вѣтеръ.

Ураганомъ пронеслась непогода надъ Жегулями, и на востокѣ робко выглянула небесная синева, а на ней мигнула одинокая звѣздочка. Но по небу еще безпорядочно ползали тучи, громоздились въ горныя цѣпи, разрывались и плыли за Волгу, гдѣ перекатывались глухіе раскаты грома и гдѣ вспыхивало и дрожало зарево молніи...

СТУДЕНТЫ ПРІѢХАЛИ.

I.

Дѣло было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Если для жителей различныхъ центровъ слово *студентъ* давно уже потеряло всякую привлекательность, очистилось отъ поэтическихъ прикрасъ и утратило свой туманный, но задумчивый ореолъ, которымъ это слово, подобно имени какого-нибудь богатыря древняго эпоса, было окружено „во время оно“; если съ этимъ словомъ въ сознаніи мирныхъ, благодушныхъ и благонамѣренныхъ гражданъ центра теперь связывалось неизбѣжное представленіе о небрежно одѣтомъ, полусытомъ, пожалуй, лохматомъ, но ужъ непремѣнно неопытномъ молодомъ человѣкѣ, который во всякую минуту готовъ надѣлать непріятностей начальству или нарушить установленный порядокъ,—то для обывателей захолустнаго уѣзднаго городка Сердянска это слово сохраняло еще тогда полную свою невинность...

Сердянцы имѣли весьма туманное представленіе объ университетахъ: послѣдніе представлялись имъ какъ бы громадными фабриками, гдѣ выдѣлывались доктора, судебные слѣдователи, учителя и другія лица, получающія приличное содержаніе и сразу скачущія въ титулярные совѣтники. Естественно, что обстоятельство это внушало къ студенту, можно сказать, неподобающее уваженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставляло сердянскихъ

обывателей удивляться и той фабрикѣ, которая въ какихъ-нибудь четыре-пять лѣтъ сообщаетъ молодому человѣку столь чудесныя свойства. Что творится въ этой фабрикѣ,—сердянецъ не зналъ; какъ тамъ изъ одного молодого человѣка приготовляютъ доктора, а изъ другого – слѣдователя,—ему было неизвѣстно. Но обыватель справедливо полагалъ, что дѣло это—нелегкое.

— Легко сказать, восемь лѣтъ въ емназіи, да четыре въ универстетѣ!—восклицалъ онъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ и задумчиво добавлялъ:—Да-а, наука-съ!..

Сердянскіе обыватели, не будучи въ состояніи понять, какимъ образомъ, напримѣръ, изъ сына мѣстнаго священника, Петеньки, который еще на памяти у всѣхъ бѣгалъ босикомъ и даже, съ позволенія сказать, безъ штановъ, можно было приготовить слѣдователя,—были склонны признавать здѣсь нѣчто чудесное, почти фантастическое.

— Батюшкинъ-то сынокъ-съ, слѣдователемъ!—замѣчалъ одинъ обыватель.

— Полторы тысячи *одного* жалованья! — добавлялъ другой.

— Да-а,—задумчиво заканчивалъ третій,—вотъ оно, что значитъ образованьице-то! Полторы тысячи!.. Наука-съ великое дѣло!..

Такъ разсуждали люди степенные, отцы семействъ. Матери смотрѣли гораздо проще; здѣсь наука совершенно игнорировалась, никто не восклицалъ, что она великое дѣло; напротивъ, на нее смотрѣли какъ на какого-то непріятеля, съ которымъ борется учащійся сынокъ, какъ на рядъ непріятностей, лишнихъ трудовъ и мученій, которые приходится встрѣтить на пути къ выходу „въ люди"... Наука представлялась матерямъ сильнымъ врагомъ, съ которымъ дѣти борются въ теченіе многихъ лѣтъ, и побѣда надъ которымъ награждается хорошимъ мѣстомъ. Сердянскія матери высчитывали по пальцамъ, сколько лѣтъ еще остается ихъ му-

ченикамъ-дѣткамъ до окончанія гимназіи, а потомъ—университета, сколько они будутъ впослѣдствіи получать жалованья въ годъ, вычисляли, сколько это составитъ въ мѣсяцъ, а находились и такія любознательныя, что узнавали даже, сколько придется на день!.. Дѣвицы опять смотрѣли по своему. Для дѣвицъ студентъ представлялся идеальнѣйшимъ женихомъ, выйти замужъ за котораго казалось такъ же заманчивымъ, но недостижимымъ, какъ выиграть, не имѣя билета, 200 тысячъ, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться исправницей, т. е. первою дамою во всемъ городѣ. Дѣвицы считали студента первосортнымъ кавалеромъ, „душкою", отъ котораго всегда пахнетъ духами, который умѣетъ смѣшить до слезъ, разсказывать самые занятные анекдоты, танцовать мазурку и вообще—такимъ интереснымъ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ очень-очень весело... Почему такъ думали сердянскія дѣвицы,—сказать весьма затруднительно. До сихъ поръ онѣ не имѣли счастія видѣть въ своемъ обществѣ кавалера-студента. Пріѣзжалъ, года два тому назадъ, въ Сердянскъ студентъ ветеринарнаго института, который бы долженъ былъ окончательно разочаровать мѣстныхъ дѣвицъ, такъ какъ не удовлетворялъ созданному идеалу ни въ одномъ изъ указанныхъ положеній... Но дѣвицы не разочаровались: онѣ почему-то не считали его студентомъ, говоря: „это какой студентъ! ветеринарный!... Не настоящій!.."

Теперь вы поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ и тревогою въ Сердянскѣ ожидались *свои студенты*. Нынѣшнимъ лѣтомъ должны были пріѣхать туда два вновь испеченныхъ студіоза: сынъ мѣстнаго почтмейстера; Гаврииька (такъ всѣ его звали гимназистомъ) и еще другой сынъ... (представьте себѣ, чей сынъ!..) сынъ проживавшей на Бутыркахъ бабы-садовницы!.. До сей поры мѣстный „бомондъ" не ожидалъ ничего хорошаго отъ сына „бабы" и гнушался его сообществомъ. Теперь,

когда Наумъ Григорьевъ, окончивши курсъ въ гимназіи съ золотою медалью, сдѣлался студентомъ, — ему простили плебейское происхожденіе и ждали съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и сына почтмейстера.

Кончался май мѣсяцъ, а студенты не появлялись. Мѣстное дамское общество ежедневно прогуливалось на пристани и встрѣчало пароходы. Пароходы тыкались къ конторкамъ и, просвистѣвши подъ рядъ три раза, уходили прочь. Но въ Сердянскѣ никто не высаживался. Нетерпѣніе возрастало съ каждымъ днемъ. Барышни уходили съ конторокъ грустными и вымещали недовольство на своихъ постоянныхъ мѣстныхъ кавалерахъ — фельдшерѣ и секретарѣ полиціи, которые съ каждымъ днемъ казались имъ все болѣе и болѣе скучными, теряли свой интересъ и престижъ, и которые рѣшительно не могли придумать уже, чѣмъ бы разсмѣшить своихъ дамъ... Почтмейстеру надоѣли съ разспросами о сынѣ, и онъ начиналъ уже сердиться.

„Какое имъ дѣло? Мой сынъ, а не ихъ!“ ворчалъ старикъ, не успѣвая удовлетворять любознательность дѣвицъ. Зато почтмейстерша съ удовольствіемъ сообщала всѣ подробности о своемъ Гавринькѣ.

— Экзаменты... чай, измучился, бѣдненькій... Онъ у меня вѣдь слабенькій и безъ того-то, а тамъ еще... Охъ, дѣти, дѣти!..

— Онъ по докторской части у васъ?..

— Да, самый мучительный факультетъ: кости, кишки, жилы... всякая свое названіе имѣетъ,—бѣда да и только!..

— Лягушекъ потрошатъ,—вставляетъ секретарь полиціи.

— Фи! Фи! какія гадости вы, Степанъ Ксенофонтычъ, говорите!—вскрикиваютъ, состроивъ гримасы, барышни.

— „Гадости“!.. Зато послѣ—тысяча двѣсти въ годъ!.. Вонъ онѣ, эти гадости-то!—сурово замѣчаетъ почтмейстеръ, и всѣ замолкаютъ, примиряются съ „гадостями“.

Но вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда одна

изъ пароходныхъ конторокъ была биткомъ набита сердянскимъ культурнымъ обществомъ и сильно засорена шелухою подсолнечныхъ сѣмечекъ, съ приставшаго парохода слѣзли двое молодыхъ людей въ большихъ сапогахъ, широкополыхъ шляпахъ, съ массивными дубинками подъ мышками и чемоданами въ рукахъ...

На конторкѣ поднялась страшная суматоха. Закачались въ воздухѣ пестрые зонтики, запрыгали цвѣты на дамскихъ шляпкахъ... Пронесся гулъ общаго восторга... „Пріѣхали! Пріѣхали!" „Гдѣ?"—„Вонъ, вонъ!" Звонкій хохотъ, привѣтствія, восклицанія, десятки жадныхъ глазъ впились въ нѣсколько смущенныхъ молодыхъ людей, неловко проталкивавшихся чрезъ плотную массу волнующейся публики.

Почтмейстеръ стоялъ солидно и старался скрыть то внутреннее удовольствіе, которое онъ испытывалъ тайно, при видѣ столь торжественной встрѣчи сына... Но почтмейстерша, несмотря на то, что мужъ сердито подергивалъ ее за платье, забыла все на свѣтѣ: влекомая къ своему Гавринькѣ непреодолимою силою материнскаго чувства, она работала локтями на обѣ стороны, позабывши всякую вѣжливость, визжала, махала зонтикомъ надъ головами публики и кричала во все горло:

— Гаврюша! Гаврюша! Я здѣсь!.. Господи, какъ исхудалъ!.. Гаврюша!

Какъ бы вторя почтмейстершѣ, громкимъ визгливымъ лаемъ заливалась замѣшавшаяся въ толпѣ moська... Потомъ загудѣлъ пароходный свистокъ. Съ мостковъ парохода раздавалась громкая, съ нѣмецкимъ акцентомъ, ругань капитана, чѣмъ-то сильно разсерженнаго.

— Гавря! Гаврюша! Сюда!.. я здѣсь!..

— Аттай нософой!.. Больфанъ!.. русски туракъ!..

— Есть!—отвѣтилъ съ конторки чей-то голосъ.

Студенты пріѣхали!..

II.

На „Бутыркахъ“, сейчасъ же позади односторонки, состоящей изъ ряда бѣдныхъ невзрачныхъ домиковъ, тянулись сплошнымъ лѣсомъ фруктовые сады. Въ одномъ изъ такихъ садовъ, въ маленькой однооконной хибаркѣ, проживала садовладѣлица, солдатская вдова, Авдотья Григорьева. Садъ былъ единственнымъ средствомъ ея пропитанія, поэтому трудолюбивая баба Авдотья всецѣло отдала себя на служеніе яблонькамъ и вишенькамъ. Съ ранней весны и до поздней осени она возилась въ саду: сама караулила его по ночамъ, постукивая палкой въ разбитую сковороду; сама поливала, таская воду на коромыслѣ изъ-подъ горы, съ рѣчки; сама окапывала и подвязывала деревья, ухаживала за больными и хилыми, выращивала „молодежь“, бинтовала раненыхъ, дѣлала прививки, словомъ—справляла все, что̀ требовалось для успѣшнаго произрастанія кормильца-сада. Въ урожайные годы садъ приносилъ около трехсотъ рублей дохода, – Авдотья чувствовала себя королевой; въ неурожайные—доходъ падалъ болѣе, чѣмъ наполовину,—и Авдотья грустила и всплакивала по давно умершемъ мужѣ... Плакала она еще и по своемъ единственномъ дѣтищѣ—Наумкѣ, который покинулъ и мать, и хибарку, и садъ, уѣхавъ въ „губернію“.

Пока Наумка обучался въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, Авдотьѣ было много легче: Наумка былъ паренекъ здоровый, коренастый и круглое лѣто исправно несъ обязанности наемнаго батрака. Но потомъ Наумка уѣхалъ учиться. Его смутилъ покойный ужъ теперь учитель ѣхать въ „губернію“ и поступить въ гимназію... Авдотья плакала, упрашивала, стращала Наумку наказаніемъ Божіимъ, но упрямый мальчишка стоялъ на одномъ: „Не отпустишь, — все равно, удавлюсь, какъ дьячокъ Рафаилъ“ (въ то время пьяный дьячокъ въ

Сердянскѣ повѣсился, что̀ произвело большой переполохъ между всѣми православными христіанами). Нечего дѣлать, — уступила Авдотья: благословила своего непокорнаго Наумку, сунула въ руку на прощанье красненькую и отпустила съ попутнымъ мужикомъ въ „губернію“. Сильно ныло и болѣло материнское сердце. Сколько ни уговаривалъ покойный учитель темную бабу, сколько ни убѣждалъ, что Наумка не пропадетъ, что онъ будетъ жить въ городѣ у добрыхъ и хорошихъ людей, что Наумка умный и выйдетъ на хорошую дорогу, — Авдотья ревѣла и попрекала смутьяна. Только послѣ, когда смутьянъ... уже спалъ непробуднымъ сномъ въ сырой землѣ, безтолковая баба поняла, что ревѣла понапрасну, поняла, когда ровно черезъ два года, лѣтомъ, Наумка домой въ сюртучкѣ съ серебряными пуговицами заявился, а еще болѣе того, — когда Наумка сталъ ребятишекъ у мирового грамотѣ обучать и по семи цѣлковыхъ каждый мѣсяцъ домой приносить. Тутъ Авдотья уже окончательно убѣдилась, что ея Наумка— дѣйствительно умный и дѣйствительно на хорошую дорогу попалъ... Послѣ Наумка уѣхалъ и уже года четыре домой не наѣзжалъ, — писалъ, что съ какими-то господами все въ деревню ѣздитъ и тоже ребятишекъ обучаетъ...

Никогда Наумъ у матери денегъ не просилъ, да мягко материнское сердце: сама раза три сынку по четвертной посылала,—когда Господь урожай яблочку посылалъ.

И вотъ теперь Наумка домой студентомъ пріѣхалъ... Не наглядится Авдотья на своего ученаго сына: узнать невозможно... Словно настоящій господскій сынъ... Что̀ онъ, что̀ почтмейстерскій — оба одинаковы: оба докторами будутъ, оба все съ книжками возятся и толкуютъ между собою, какъ родные братья, умно такъ и полюбовно... Радуется Авдотья. Сердце ея такъ и стучитъ, такъ и прыгаетъ... Объ одномъ только жалѣетъ

она, что Господь отцу не судилъ дожить до такого счастія...

Хибарка маленькая, чуть повернуться только въ ней, зато живутъ они „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ“. Авдотья все равно въ саду, въ шалашѣ ночуетъ,—все воровъ въ сковороду пугаетъ; въ хибаркѣ только рано поутру у печи повозится да пообѣдать вмѣстѣ съ сынкомъ туда приходитъ... А въ хибарку теперь войдешь,—диву дашься: и на окошкѣ, и на столѣ, и на деревянной полкѣ, и въ углу—все книги, да книги. „Господи! Сколько прочитать-то надо!.. Сколько ума-то здѣсь и премудрости!“ думаетъ темная баба и съ благоговѣніемъ дотрогивается до переплетовъ разныхъ анатомій, физіологій и химій...

На первыхъ порахъ Авдотью сильно смущалъ человѣческій черепъ, въ которомъ Наумъ папиросы тушитъ: она съ ужасомъ смотрѣла на пожелтѣвшую человѣческую голову, съ зіяющими глазницами и постоянно мучилась мыслью: кому эта голова принадлежитъ:—православному или нехристю?.. Но Наумъ разсказалъ ей, будто голова эта — турецкая, съ войны привезена, — и Авдотья успокоилась... Съ этихъ поръ она только глубоко вздыхала и печально покачивала головою всякій разъ, когда взглядъ ея случайно падалъ на страшный, оскалившій зубы черепъ...

Сильный переполохъ произвело появленіе Наума на „Бутыркахъ“. Здѣсь всѣ отлично помнили и знали Наума еще мальчуганомъ, когда онъ, вмѣстѣ съ другими бутырскими ребятишками, зимой въ снѣжки игралъ, по рыламъ дрался, а лѣтомъ въ рѣчкѣ на яру купался,—„березку ставилъ“, „ширну-мырну, гдѣ вымырну!“—кричалъ, въ лапту зажаривалъ и въ козны лупился... Теперь его сверстники уже мужиками стали, многіе поженились и своими ребятишками обзавестись успѣли. Старые старики и старухи, молодыя дѣвки и молодухи,—всѣ Наума знаютъ и всѣ не нарадуются,

глядя на своего „бутырскаго студента“. Какъ только по односторонкѣ молва прошла, что Авдотьинъ сынъ по докторской части обучается, такъ просто отбою не стало: кто проситъ лѣкарства, кто ребенка больного притащитъ, кто такъ, посовѣтоваться съ умнымъ человѣкомъ зайдетъ, поговорить или спросить о чемъ-нибудь...

Наумъ охотно вступалъ съ сосѣдями въ долгіе разговоры, много имъ разсказывалъ о жизни въ чужомъ, далекомъ краю, о томъ, какъ и чему ихъ въ университетѣ учатъ. Часто по праздничнымъ днямъ около Авдотьинаго сада собиралась сѣренькая публика; здѣсь были и любознательныя бабы, и убѣленные сѣдинами старички, и подростки ребята. Усѣвшись въ холодкѣ подъ плетнемъ на травкѣ, они внимательно слушали, что̀ читалъ имъ Наумъ. А читалъ онъ разное: и смѣшное, и грустное, и пустое, и дѣльное... Читалъ про „Морозъ—красный носъ“ и про „Арину, мать солдатскую“, читалъ о томъ, какъ слѣдуетъ ухаживать за плодовыми деревьями, какъ лѣчить ихъ... Слушатели то охаютъ и вздыхаютъ, то со смѣху покатываются, то вдругъ загалдятъ всей артелью...

Наумъ былъ доволенъ. Обстановка его жизни въ маленькой заваленной книгами хибаркѣ ему очень нравилась. (Обстановка эта такъ напоминала одного героя изъ любимаго романа!). Наумъ любилъ праздничныя бесѣды подъ плетнемъ, и копанье въ саду, и свою грязную „мамыньку“... На душѣ было такъ хорошо и пріятно... До сихъ поръ Наумъ только горячился и спорилъ по вопросу о „дѣятельности“, а теперь онъ работалъ... А работать такъ хотѣлось, такая жадность овладѣвала Наумомъ въ этомъ отношеніи, что онъ не чувствовалъ полнаго удовлетворенія... Наумъ думалъ широко и глубоко и фанатически вѣрилъ въ торжество правды и справедливости... На „Бутыркахъ“ Науму было тѣсно, ему страстно желалось расширить сферу своей дѣя-

тельности... Наумъ мечталъ о пробужденіи и развитіи сердянскаго самосознанія, о борьбѣ съ рутиной и пошлостью, захолустнымъ невѣжествомъ, спячкой и „возмущающимъ душу индифферентизмомъ!“... Наумъ ощущалъ въ себѣ силу великую, богатырскую и, какъ витязь, вызывалъ на бой отважнаго...

Однако время шло, а мечты Наума оставались пока безъ осуществленія и только случайно, но зато рѣзко и рельефно Наумъ громилъ обывательскую косность.

Помогая матери таскать въ городъ мѣшки съ яблоками, а изъ города — мѣшки съ мукою, Наумъ намѣренно норовилъ пройтись по главной улицѣ Сердянска, мимо оконъ мѣстныхъ порядочныхъ домовъ, посвистывалъ и, вообще, старался заявить полнѣйшее пренебреженіе къ мнѣнію мѣстнаго „бомонда“. Наумъ видѣлъ, что босыя и грязныя ноги Авдотьи, ея полинявшій сарафанъ, а его русская рубаха и штаны въ сапоги непріятно дѣйствуютъ на „бомондъ“ вообще и дѣвицъ его въ особенности. Послѣднія при подобныхъ встрѣчахъ почему-то краснѣютъ, конфузятся, стараются не замѣтить, отвернуться или прищурить глазки, а послѣ, конечно, ведутъ разговоръ въ такомъ духѣ:

— Съ какой это бабой нашъ студентъ прогуливается?

— Ахъ! развѣ вы не знаете? Вѣдь это—его мать...

— Что вы?!..

— Да. Онъ вѣдь—солдатскій сынъ...

— Да неужели?..

— Клянусь Богомъ!

— Да что вы?

— Я вамъ говорю...

Барышни презрительно ухмыляются, поджимая губки.

Такъ полагалъ Наумъ и, къ сожалѣнію, не всегда ошибался.

Желая отмѣтить глупость подобныхъ воззрѣній,

Наумъ очень часто увлекался и впадалъ въ крайности; замѣтивъ намѣренное уклоненіе встрѣчныхъ дѣвицъ отъ поклона и разговоровъ, Наумъ останавливалъ расфуфыренныхъ барышень и начиналъ ихъ по очереди рекомендовать своей бабѣ-матери, заставляя послѣднюю протягивать свою грязную, мозолистую руку совершенно растерявшимся дѣвицамъ...

III.

...— Говорилъ съ Ольгою?

— Говорилъ. Дѣвка славная, хотя немножко барышня...

— Это ничего, пройдетъ...

— Конечно... Съ чего же начнемъ? Съ экономики?

— Нераціонально.

— Почему?

— *Multis de causis.*

— А именно?

— Кто же это начинаетъ съ экономики? Прежде всего надо заставить личность критически отнестись къ себѣ и къ окружающему, разбудить нравственное чувство, сознаніе долга предъ обществомъ, а потомъ ужъ... Необходимо начать съ этики,—сказалъ серьезно Наумъ Григорьевъ, встряхнувши волнистыми черными кудрями.

Товарищи лежали въ саду на лужайкѣ, подъ яблонею: Наумъ вверхъ спиной, подпирая руками голову, а Гавринька—внизъ спиной съ непринужденно раскинутыми ногами.

Былъ прекрасный лѣтній вечеръ. Солнце садилось. Вѣяло прохладою. Садъ оглашался немолчнымъ чиликаньемъ и стрекотаньемъ... Вдали изъ густой зелени листвы выглядывала сѣрая крыша почтамта, съ двумя закоптѣлыми трубами, а надъ крышей возвышалась полосатая жердь съ шишкою на вершинѣ... Еще дальше

блестѣлъ куполъ собора, крестъ котораго, казалось, упирался въ бѣлую, позолоченную по краямъ прозрачную тучку...

Гавринька долго не отвѣчалъ. Онъ задумчиво сосалъ зеленый стебелекъ какого-то растенія, потомъ сразу встряхнулся, перевернулся на животъ и высказался:

— Не хватить ли намъ, братъ, что-нибудь по женскому вопросу?

— Это дѣльно!..

— Тѣмъ болѣе, что, повидимому, намъ придется имѣть дѣло по преимуществу съ женскимъ элементомъ... Я имѣю въ виду еще двухъ субъектовъ: Наталью Михайловну (ты ее знаешь... жена этого... пьяницы-то землемѣра!) и Фимочку...

— Гм... выборъ нераціоналенъ!..—замѣтилъ Наумъ.

— Это почему?

— *Multis de causis*... Наталья Михайловна, кажется, довольно пустенькая барынька и въ головѣ ея „ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ"... А Фимочка... Неудобно... Отецъ можетъ подгадить...

Гавринька вскипятился.

— Странныя требованія! Не здоровые нуждаются во врачѣ, а больные... Наталья Михайловна искру Божію имѣетъ... Ты поговори-ка съ ней по душѣ!.. Она давно тяготится пустотой жизни, давно ищетъ... Ее некому было только направить, она такой человѣкъ...

— Фразы. Оставь!—буркнулъ Наумъ.

Но Гавринька не унимался:

— Воспитываемъ женщину для кухни, баловъ и спальни... Воспитаніе виновато... Она не можетъ создать себѣ вполнѣ опредѣленной цѣли жизни, которая бы, такъ сказать, того...

Гавринька неожиданно смолкъ и вытянулъ шею... Онъ замѣтилъ, какъ чрезъ зеленую листву скользнуло что-то бѣлое...

— Тутъ чьи-то уши, — вполголоса сказалъ онъ и громко окликнулъ:

— Кто здѣсь?

— А я кричала, кричала...—пѣвуче прозвучалъ голосъ толстой почтмейстерши, неожиданно представшей передъ собесѣдниками.—У насъ—Наталья Михайловна и Оленька... Идите въ комнаты!.. Уфъ!..

— Зачѣмъ же въ комнаты-то? — Если имъ желательно видѣть насъ, могутъ прійти сюда, — небрежно отвѣтилъ Гавринька.

Почтмейстерша недоумѣвающе посмотрѣла на сына:

— Да ты что, бѣлены объѣлся, что ли? Это чтобы дамы къ вамъ, лоботрясамъ, бѣжали?! Да чему васъ тамъ обучаютъ?

Гавринька расхохотался, а Наумъ, слегка улыбнувшись, не безъ ехидства замѣтилъ товарищу:

— Что же ты, Гаврило, въ самомъ дѣлѣ! Поди— занимай дамъ!

— Невѣжи, больше ничего! — визгливо произнесла почтмейстерша и, круто повернувшись, пошла прочь...

— Однако шутки въ сторону!—началъ Наумъ, когда товарищи опять остались наединѣ.—Мы съ тобою только разговоры разговариваемъ... Работать, такъ работать!.. Нечего канитель-то разводить...

Гавринька пересталъ смѣяться.

Изъ раскрытыхъ оконъ почтмейстерской квартиры доносились минорные аккорды фортепіано. Легкій вѣтерокъ шелестилъ листьями. Въ садахъ на „Бутыркахъ“ грустно куковала кукушка. Гдѣ-то, замирая, звенѣли колокольчики...

Товарищи молчали. Наумъ былъ всецѣло поглощенъ обдумываніемъ „дѣла“. Гавринька прислушивался къ аккордамъ, шелесту листьевъ и колокольчикамъ. По временамъ эти разнородные звуки сливались въ чрезвычайно пріятную для слуха гармонію и, относимые вѣтеркомъ, вмѣстѣ замирали, словно таяли въ безпре-

дѣльномъ пространствѣ... Гавриньку располагало къ лѣни, къ пріятной истомѣ... Хотѣлось пока прекратить всякія разсужденія, ничего не думать и не обсуждать, а такъ вотъ лежать на спинѣ и безцѣльно смотрѣть въ чистую небесную синеву.

Наумъ смотрѣлъ въ землю и покручивалъ свой черный усикъ.

— Съ чего же начнемъ?—вслухъ размышляетъ Наумъ.

— Съ этики...—лѣниво отвѣчаетъ Гаврипька и опять щуритъ глаза и прислушивается къ аккордамъ... Наталья Михайловна играетъ... „Молитву дѣвы“... Симпатичная она... бойкая... съ искоркой... Глаза у нея хорошіе...

— Да вѣдь ты предлагалъ по женскому вопросу?!.

— Да, по женскому... Это все равно,—говоритъ Гавринька, и въ его головѣ „женскій вопросъ“ олицетворяется: мелькаютъ головка Натальи Михайловны, толстая коса Ольги и бѣлый фартучекъ гимназисточки...

— Вовсе не „все равно“!..—сердится Наумъ.

— Т. е. одинаково раціонально,—поправляется Гавринька и опять прислушивается къ „Молитвѣ дѣвы“, къ кукушкѣ, колокольчикамъ и шелесту листьевъ...

Гавринька сладко потягивается. Наумъ хмурится.

— Ты все-таки зря-то не болтай,—недовольно замѣчаетъ Наумъ:—не откровенничай! Нужна строгая конспирація...

— Ну, вотъ еще!.. Конечно, конспирація...—легкомысленно отвѣчаетъ Гавринька и своимъ несерьезнымъ тономъ только еще болѣе сердитъ товарища.

— Начнемъ съ Милля... О подчиненности женщинъ. А тамъ можно коснуться и спеціально русской женщины,—продолжаетъ Наумъ... И Гавринькѣ представляется „подчиненность женщины“ въ видѣ домашней сцены: отецъ ругается съ матерью, топаетъ ногами и кричитъ на женщину... а та молчитъ и плачетъ...

Кукушка кукуетъ такъ жалобно и грустно... Съ бе-

рега рѣки доносятся отголоски тоскливой бурлацкой пѣсни:

„Эхъ, раз-окъ,—да вотъ еще
Ахъ, еще махонькій разокъ!..“

А надъ ухомъ жужжитъ шмель... Хорошо такъ... Не хочется говорить, думать... Хочется только лежать и смотрѣть въ бездонное синее небо...

— Ты что, спишь, что ли? — надъ самымъ ухомъ баситъ голосъ Наума.

— А? Что? Я задумался!..

— Слышишь бабій голосъ? Разговариваютъ...

Гавринька приподнимается на локтѣ и вытягиваетъ шею...

— Вотъ вы гдѣ!.. Васъ желаютъ видѣть, а вы и не почешетесь... Хорошо! Вѣжливо! Мило!..

Передъ смущенными отъ неожиданности студентами стояли, взявшись подъ руки, два женскихъ элемента: Наталья Михайловна и Ольга.

Наталья Михайловна—молоденькая барыня съ плутовскими карими глазками, съ завитой холкой на лбу и задорно приподнятымъ кверху носикомъ, — казалась олицетвореніемъ безпечности и игривости. При первомъ взглядѣ на нее читатель вполнѣ присоединился бы къ Науму, согласившись съ высказаннымъ имъ мнѣніемъ относительно этой женщины, что въ головѣ ея „ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ“. Ольга, наоборотъ, смотрѣла своими сѣрыми глазами задумчиво, серьезно, немного грустно и мечтательно; она была причесана гладко, безъ холки, имѣла толстую русую косу и держалась безъ малѣйшей доли игривости. Наталья Михайловна была брюнетка, бойкая, подвижная, съ постоянною улыбкою на губахъ; Ольга—блондинка, стройная, съ лѣнивыми плавными движеніями и плотно сомкнутыми губами; первая—низенькая, плотная, толстенькая; послѣдняя—высокая, хрупкая...

Студенты оправились: Гавринька вскочилъ на ноги, а Наумъ сѣлъ и поправилъ поясъ на русской вышитой рубахѣ.

— Вашу лапку! -- обратился Гавринька къ Натальѣ Михайловнѣ, протягивая руку.

— Лапки у собакъ бываютъ!—отвѣтила Наталья Михайловна бойко, со смѣхомъ. Ольга немного покраснѣла.

— У собакъ четыре, а у насъ съ вами по двѣ,—вся и разница,—возразилъ Гавринька:—было время, когда наши предки ползали на четверенькахъ...

— Ну, ужъ, пожалуйста!.. Можетъ быть, ваши это ползали на четверенькахъ, а мои нѣтъ-съ! Что? съѣли?

— Всѣ мы ползали, когда были ребятами, — робко вставила Ольга и опять покраснѣла.

-- Вы — барышня полнокровная... — сказалъ Наумъ вглядываясь въ лицо дѣвушки.

— А я? я?—пристала къ Науму барыня.

— Позвольте! Этакъ вы мнѣ рубаху изорвете!—грубо замѣтилъ Наумъ, отводя женскую лапку въ сторону.

— Я вамъ новую вышью... Хотите? Я люблю вышивать... Хотите—гладью? А?—затараторила барыня, и ея каріе глазки засмѣялись и заискрились...

Гавринька пошелъ съ Ольгою, Наумъ съ Натальей Михайловной. Они направились въ комнаты, гдѣ давно уже ихъ ожидалъ тучный семейный самоваръ.

IV.

Солнце давно уже спряталось за горизонтомъ, и румяныя облачка на западѣ давно поблѣднѣли... Смерклось. Звѣзды одна за другою загорѣлись на темно-синемъ фонѣ небесъ.

Ольга съ трудомъ отыскала Авдотьинъ садъ и не безъ робости вошла въ его низенькую калитку... Привязанный къ плетню „Шарикъ“ разразился громкимъ лаемъ и со всѣхъ ногъ бросился впередъ, съ явнымъ

намѣреніемъ растерзать дѣвушку въ клочки. Но крѣпкая веревка сдержала яростный порывъ „Шарика“... Ольга вскрикнула и хотѣла было уже вернуться, но въ этотъ моментъ Авдотья застукала въ сковороду, а гдѣ-то въ глубинѣ сада, за деревьями, раздался и знакомый голосъ Наума Васильевича:

— Не трусьте! собака привязана!..

Черезъ мгновеніе въ темнотѣ обрисовалась высокая фигура бутырскаго студента. Ольга пошла навстрѣчу.

— Вы одна?

— Одна!

— Гдѣ же Наталья Михайловна?

— Я ждала ее (хотѣла вмѣстѣ идти), но не дождалась... Я думала, она у васъ уже...

Ольга остановилась съ видимымъ колебаніемъ: идти ей дальше или распрощаться...

— Куда же вы? Идемъ!..—сказалъ Наумъ и рѣшительно зашагалъ вглубь сада.

— Какъ-то неудобно... Одной... Неловко... — заговорила дѣвушка, нерѣшительно шагая за Наумомъ.

— Вотъ еще, пустяки какіе! Что я васъ съѣмъ, что ли?.. Не бойтесь,—я не австраліецъ... Останетесь цѣлы и невредимы.

Наумъ расхохотался, и его басистый хохотъ гулко разнесся по темному саду... Дѣвушка тоже засмѣялась... Впереди, между деревьями, блеснулъ огонекъ, черезъ минуту выросла передъ ними и самая хибарка... Ольгѣ вспомнилась сказка про бабу-ягу и ея избушку на курьихъ ножкахъ.

— Входите!.. Наклонитесь, а то башечку ушибете!— предупредилъ Наумъ, растворяя дверь въ избу. Ольга наклонилась больше, чѣмъ требовали обстоятельства, и вошла. За нею вошелъ и Наумъ. Дѣвушка не безъ любопытства осмотрѣлась вокругъ.

Небольшой столъ у единственнаго окна былъ забросанъ книгами, газетами и бумагами; среди нихъ

свѣтился зеленый абажуръ кургузой лампочки; свѣтъ ея падалъ на желтый корешокъ переплета, на бѣлую страницу раскрытой книги и на кость черепа... На одной стѣнѣ болталось ружье и ягташъ, на другой — гардеробъ Наума. Въ одномъ углу лежалъ свернутый цилиндромъ войлокъ—постель Наума, а въ другомъ—скребки, лопаты, грабли и какія-то палки...

Странное впечатлѣніе произвела на Ольгу эта обстановка. Чѣмъ-то новымъ, совсѣмъ непохожимъ на все, что до сихъ поръ приходилось ей испытывать, повѣяло на провинціальную барышню въ этой оригинальной избушкѣ... Чувство удивленія перемѣшалось съ любознательностью и отъ неодушевленныхъ предметовъ обратилось на Наума... Ольга странно смотрѣла по сторонамъ и вопросительно переводила взоры на Наума... Передъ ней встала вдругъ какая-то загадка, къ которой дѣвушка не знала, какъ подойти. Загадка эта стояла всюду, даже и самъ Наумъ предсталъ теперь предъ нею совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, получилъ новый интересъ... Онъ олицетворялъ собою теперь отвлеченное понятіе о студентѣ, съ его внутреннимъ міромъ и особенностями. Въ эту минуту Ольга думала, что такъ живутъ непремѣнно всѣ студенты, что всѣ они должны быть завалены книгами, всѣ лохматые, всѣ непохожіе на остальныхъ людей,—нестудентовъ...

Ольга была мало похожа на другихъ сердянскихъ барышень. Она училась въ епархіальномъ училищѣ, провела нѣсколько лѣтъ въ губернскомъ городѣ, интересовалась книгами и теперь не могла удовлетворяться мѣстными интересами узко-женской спеціальности: новыми шляпами, платьями и сплетнями съ романической окраскою, чѣмъ питалось большинство мѣстныхъ дѣвушекъ. Ольга скучала, но скучала не такъ, какъ скучали вообще сердянскія дѣвицы; тѣ тосковали, томясь жаждою супружества, она тосковала безпредметно: ея натура инстинктивно требовала большей содержатель-

ности отъ жизни, а жизнь была такъ однообразна, такъ тиха и неподвижна, какъ стоячая лужа дождевой воды... Отецъ Ольги былъ дьякономъ одной изъ двухъ городскихъ церквей, мать — попова дочка „съ домашнимъ образованіемъ“... Родители бо̀льшаго, какъ выдать свою Олю за семинариста, будущаго дьякона, не желали для дочки и повыситься въ санѣ—для себя...

Ольгѣ было скучно, невыносимо скучно. Она тайно завидовала каждой проѣзжей парѣ съ колокольчиками и съ неизвѣстнымъ путникомъ, который куда-то и зачѣмъ-то ѣдетъ; завидовала всѣмъ, кто уѣзжаетъ изъ Сердянска на пароходѣ... „Господи! Хоть бы куда-нибудь уѣхать!“ съ тоской восклицала дѣвушка, возвращаясь послѣ проводовъ легкаго парохода домой, и, сѣвши подъ окномъ, смотрѣла въ заманчивую даль, за Каму, гдѣ зубчатою стѣною поднимался лѣсъ, убѣгавшій далеко, далеко и исчезавшій въ голубоватой дымкѣ лѣтняго вечера...

И вотъ теперь, въ маленькой и тѣсной хибаркѣ, передъ Ольгой раскрылась вдругъ какая-то невѣдомая, новая „даль“, заманчивая „даль“, куда такъ хотѣлось взглянуть, куда тянуло, манило, куда рвалось сердце, и которая все-таки оставалась совершенно туманной...

Ольга подошла къ столу и съ какой-то жадностью стала разсматривать книги... Раскрывши одну изъ нихъ, она прочитала эпиграфъ:

Милый другъ! я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю,
Вѣрно, буду я извѣстенъ...

Дѣвушка закусила палецъ — задумалась... Потомъ прочитала еще разъ эпиграфъ и спросила: „Какъ это понять: „умираю оттого, что былъ честенъ“?.. Развѣ можно умирать отъ честности?..“

Глаза Наума загорѣлись, и онъ съ одушевленіемъ

сталъ объяснять Ольгѣ, что̀ значатъ эти слова, и разсказывать, какъ умираютъ люди отъ того, что были честны...

— Много людей гибнетъ потому только, что они честны,—закончилъ Наумъ,—но, увы!..не всегда за это они дѣлаются извѣстными родному краю...

— А развѣ вы не читали эту книгу?

— Нѣтъ... Дайте мнѣ ее! я хочу узнать, какіе люди умираютъ отъ честности?

— Съ удовольствіемъ... А что покажется непонятнымъ,—спросите... можетъ, сумѣю растолковать...

Часъ времени прошелъ незамѣтно для обоихъ. Ольга закидывала Наума вопросами, а онъ не умѣлъ коротко отвѣчать. Увлечется, уйдетъ въ сторону, забудетъ, съ чего началъ разговоръ и распространится... А Ольга тоже забудется: она заслушается Наума: ужъ больно интересно и хорошо говоритъ. Случайно тема бесѣды остановилась на „цѣли жизни“... Ольга откровенно созналась, что у ней нѣтъ никакой такой особенной цѣли и что живетъ она просто потому, что родилась... Наумъ долго смѣялся. Потомъ онъ замолкъ и сталъ серьезнымъ и строгимъ, какъ требовала того серьезность задѣтой темы. И опять потянулась цѣлая лекція о жизни вообще, задачахъ и цѣляхъ честнаго человѣка, его нравственномъ долгѣ и отвѣтственности...

— Правда, правда, Наумъ Васильевичъ! Я чувствую, что это правда. Но какъ же иначе? Что дѣлать?

— Разъ человѣкъ приходитъ къ выводу, что такъ жить нельзя, ищетъ выхода...

— Я понимаю, но какъ? Куда идти? Что нужно дѣлать?

Голосъ Ольги дрожалъ. Въ глазахъ дѣвушки, довѣрчиво устремленныхъ на студента, свѣтилась просьба— помочь, научить, разсказать; въ тонѣ ея голоса, мягкомъ, нѣжномъ, заискивающемъ, полномъ уваженія къ собесѣднику, слышались и жалобы, и жажда новой, невѣдомой жизни, и недовольство собой, и горькое сознаніе своей безпомощности...

— Что дѣлать? — переспросилъ Наумъ послѣ продолжительной паузы и хмуро отвѣтилъ:

— Прежде всего надо сдѣлаться полезнымъ обществу человѣкомъ... А для этого нужны знанія... Стало быть, прежде всего надо учиться...

— Это правда, правда... Но если нѣтъ средствъ? Если не на что учиться?

— Такъ разсуждаетъ только тотъ, кто или вовсе не хочетъ учиться, или боится труда.

Губы дѣвушки конвульсивно вздрогнули. Она замолчала. Замолчалъ и Наумъ.

Въ это время Авдотья застукала палкою въ разбитую сковороду, и Ольга вспомнила, что она въ гостяхъ, что ее давно уже ждутъ дома и что мать, вѣроятно, сильно тревожится... Она испуганно вскочила съ табурета и засуетилась, отыскивая шляпу.

— Такъ и не состоялось сегодня наше чтеніе!—сказалъ Наумъ.—Когда же соберемся? и гдѣ? Ко мнѣ не придутъ, а у Гаврилы помѣшаютъ... Нельзя ли у васъ?

— Н... нѣтъ, у меня мамаша... неудобно...

— А... а! понимаю... Увидите Наталью Михайловну,—скажите, чтобы она относилась къ дѣлу немного подобросовѣстнѣе...

— Хорошо. Вы меня проводите?

Наумъ взялъ изъ угла суковатую палку, набросилъ на затылокъ шляпу и растворилъ передъ Ольгою дверь:

— Пожалуйте!—только не стукнитесь!

Опять залаялъ „Шарикъ". Опять сонная Авдотья забрякала въ сковороду.

На небѣ мерцали тысячи звѣздъ.

V.

Гавринька велъ свою линію. Какъ человѣкъ, принадлежащій къ мѣстному „бомонду", онъ имѣлъ дѣло по преимуществу съ представителями этой категоріи. По-

совѣтовавшись съ Наумомъ, Гавринька затѣялъ устройство спектакля въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Эта мысль была встрѣчена общимъ восторгомъ и настолько сочувственно, что предложеніе услугъ въ качествѣ сценическихъ силъ сильно превысило необходимость въ нихъ. Оказывалось, что всѣ дѣвицы Сердянска были страстныя любительницы театра, прекрасныя артистки. Всѣмъ имъ хотѣлось играть. Зато большой недостатокъ ощущался въ мужскомъ персоналѣ. Эта неравномѣрность поставила Гавриньку въ большое затрудненіе, такъ какъ онъ никакъ не могъ подыскать вполнѣ подходящую пьесу, т. е. такую, гдѣ было бы одиннадцать женскихъ ролей и одна мужская. Затрудненіе увеличивалось наличностью еще нѣкоторыхъ другихъ условій: такъ, необходимо было, чтобы въ пьесѣ не было ни одного поцѣлуя между мужчинами и женщинами и, кромѣ того, чтобы въ ней не было ни горничныхъ, ни нянекъ, ни мѣщанокъ, на амплуа которыхъ не находилось актрисъ, а чтобы больше фигурировали графини, баронессы или, по крайней мѣрѣ, офицерши, и непремѣнно молоденькія, а не старухи...

Гавринька метался, какъ угорѣлый, рыская по обывательскимъ книгохранилищамъ и отыскивая подходящую вещицу... Но увы!.. Вездѣ ему попадались подъ руки только однѣ приложенія къ „Нивѣ“, къ „Лучу“, къ „Живописному Обозрѣнію“, сборники переводныхъ романовъ и повѣстей.

Между тѣмъ вѣсть о предстоящемъ спектаклѣ, съ быстротою телеграфнаго сообщенія, облетѣла всѣ порядочные дома, взволновала ихъ обитателей и создала неисчерпаемый источникъ болтовни, сплетенъ, интригъ, ссоръ и крупныхъ недоразумѣній. Одна мамаша обижалась за дочку, потому что студентъ упрашиваетъ ее меньше, чѣмъ другую, капризничающую дѣвицу, другая мамаша подозрѣвала какой-то заговоръ противъ своей со стороны нѣкоторыхъ участниковъ, третья кричала

Маничкѣ: „Не позволю вихляться съ фельдшеромъ!“ Дочки, всѣ безъ исключенія, принялись уже приготовляться къ предстоящему событію: шили новыя платья, совѣщались, соревновали, завидовали, злились, а многія даже не разъ и поплакали... Отцы ворчали на женъ и дочерей... Словомъ, поднялась такая кутерьма, какой не было уже въ Сердянскѣ съ того времени, когда жена столоначальника, во время танцовальнаго вечера въ клубѣ, плюнула въ физіономію женѣ акцизнаго надзирателя, заподозривъ послѣднюю въ шашняхъ съ своимъ мужемъ.

Долго мучился Гавринька. Наконецъ, ему удалось-таки отыскать пьесу, въ которой было шесть женскихъ ролей, три—мужскихъ, только два поцѣлуя и одна горничная.

Лучшаго не было...

Какъ же быть? Куда дѣвать пять остальныхъ дѣвицъ, которымъ не хватало ролей? Какимъ образомъ выключить поцѣлуи, на которыхъ построены цѣлыя сцены? Какъ поступить съ горничной?..

— А чортъ съ ними!—сказалъ съ досадою Наумъ на общемъ совѣщаніи:—роли двѣ подбавимъ, сами присочинимъ, а остальныхъ по боку!..

— А какъ же насчетъ цѣлованія? Вѣдь Марья Егоровна (исправница) и Вѣра Григорьевна, да и всѣ другія, и слышать не хотятъ, если ихъ дочкамъ придется цѣловаться!..

— Уговоримъ... Скажемъ, что цѣловать будутъ въ воздухъ...

— Не согласятся, не повѣрятъ...

— А тогда вотъ что: въ роляхъ не напишемъ, а на сценѣ, когда будетъ нужно, лизнемъ да и кончено!.. Тамъ послѣ пускай бѣсятся...

— А какъ дѣлаться съ горничной?

— Ахъ, шутъ ихъ дери! пиши „бонна“!..

Такимъ образомъ, были устранены главныя препят-

ствія и Гавринька приступилъ къ перепискѣ ролей и раздачѣ ихъ по рукамъ.

Но здѣсь-то и крылась погибель добраго дѣла. Фимочка, дочь исправника, и Фаничка, дочь воинскаго начальника, были обижены и возмущены до глубины души: первой досталась по жребію одна изъ безтолковыхъ ролей, присочиненныхъ Гаврииькой, а второй— роль „бонны", черезчуръ ужъ смахивавшей на горничную.

— Что же это за глупая роль!.. Только и есть: пей чай, „здравствуйте" да „прощайте"!.. И только въ одномъ дѣйствіи!..—заявила Фимочка на первой же репетиціи въ клубѣ.

— Очень благодарна!.. Какая это „бонна"! Развѣ бонны подаютъ чай?..—роптала Фаничка.

— Ну, выкинемъ это, чай можно и не подавать!—сказалъ Наумъ изъ маленькой суфлерской будочки.

— А это что: „барыни дома нѣтъ-съ?" Какая же это бонна?! Лакейская роль!.. Нѣтъ ужъ мерси, играйте сами!—отвѣтила Фаничка, сдѣлала реверансъ Науму и сказала подругѣ:

— Не больно нужно! Наплевать, Фима, пойдемъ!

И онѣ, взявшись подъ руки, красныя отъ чувства оскорбленной гордости и самолюбія, побросали свои роли и удалились изъ клуба...

— Ну, и съ Богомъ!—крикнулъ Наумъ вслѣдъ обиженнымъ...

Гавринька обратился съ просьбою принять свободныя роли къ оставшимся за штатомъ артисткамъ. Но тѣ съ негодованіемъ отвергли предложеніе.

— Когда некому стало играть, такъ понадобились и мы? Больно нужно! Наплевать!—обиженно отвѣтили онѣ Гавринькѣ.

Всѣ артисты разбѣжались, остались лишь двое: фельдшеръ и секретарь полиціи. Но и тѣ въ ожиданіи

второго дѣйствія пребывали внизу, въ билліардной, и стукали шарами...

— Намъ не скоро!.. Успѣемъ!.. Еще одну партію въ пять шаровъ!—кричалъ фельдшеръ, когда Гавринька пытался извлечь артистовъ на сцену...

Наумъ долго сидѣлъ въ будочкѣ и ждалъ... Но, наконецъ, и у него лопнуло терпѣніе.

— Какого лѣшаго! У меня ноги свело!—сказалъ онъ и вылѣзъ изъ будочки.

Репетиція не состоялась и была отложена.

Гавринька растерялся. Онъ видѣлъ, что съ каждымъ днемъ положеніе дѣлъ ухудшалось, — недовольство росло, ропотъ усиливался. Обиженныя, при посредствѣ третьихъ лицъ, усовѣщевали играющихъ подругъ плюнуть, подвергали ихъ ѣдкимъ насмѣшкамъ и колкостямъ, сочиняли компрометирующія сплетни и различныя небылицы. Негодованіе однихъ и восторженное ликованіе другихъ создало два враждебныхъ лагеря.

Во главѣ оппозиціи стояли двѣ первостатейныхъ особы города: исправникъ и воинскій начальникъ, родительская гордость которыхъ была затронута извѣстнымъ уже читателю обстоятельствомъ. Доброе дѣло стояло на краю гибели, такъ какъ исправникъ неожиданно отыскалъ циркуляръ, которымъ возбранялось студентамъ устраивать спектакли съ денежными сборами. Почтмейстеръ, по просьбѣ сына, ходилъ лично къ исправнику ходатайствовать; но тотъ, хотя и принялъ гостя радушно, хотя и угостилъ его какой-то особенной настойкой съ сорока травъ, пьесы все-таки не разрѣшилъ, ссылаясь на то, что онъ, исправникъ, „не о двухъ головахъ“ и что „у него также — своя семья, дѣти“...

Почтмейстеръ обидѣлся. Онъ намѣревался было уже послать телеграмму „куда слѣдуетъ“ съ просьбою разрѣшить возникшее недоразумѣніе. Но возмутившійся Наумъ, по своей горячности и непоколебимой вѣрѣ въ

торжество правды и справедливости, испортилъ въ конецъ все дѣло...

Наумъ рѣшительно влетѣлъ въ квартиру исправника и еще болѣе рѣшительно сталъ чего-то требовать... Тотъ сперва опѣшилъ, а потомъ возвысилъ голосъ. Наумъ тоже закричалъ. Исправникъ назвалъ его невѣжей. Наумъ попросилъ быть поосторожнѣе и т. д.

Объясненіе окончилось крупной руганью и угрозой со стороны возмущеннаго Наума—предать эту исторію на судъ общественнаго мнѣнія, сдѣлавши ее достояніемъ гласности.

Ну, а послѣ этого все рухнуло: клубъ, гдѣ старшинствовалъ оскорбленный исправникъ, наотрѣзъ отказался дать подъ спектакль свой шестиоконный залъ...

Такъ телеграмма и осталась въ проектѣ...

— Ахъ, онъ молокососъ этакій! „Предамъ гласности"!—жаловался исправникъ, бесѣдуя съ воинскимъ начальникомъ и будучи не въ силахъ забыть столкновенія съ дерзкимъ студентомъ.—„Гласности"!.. Я тебя научу вѣжливости!..

— Мало ихъ муштруютъ. Распущенность! Никакой дисциплины,—сочувственно замѣтилъ воинскій начальникъ.

— Распущенность!—подтвердилъ исправникъ,—полнѣйшая распущенность!.. Помилуйте, они тутъ чортъ знаетъ что̀ дѣлаютъ: завели какія-то общества, книжки дѣвчонкамъ даютъ... Я васъ вижу, молодцы, насквозь!

VI.

— Наумъ Васильевичъ! Опять у Натальи Михайловны несчастіе... Опять дерется... Онъ ее убьетъ, а заступиться некому... Пойдемте!.. Пожалуйста!..—задыхаясь отъ волненія, проговорила неожиданно вбѣжавшая въ хибарку Ольга...

— Опять напился?

— Да, пьяный... онъ ее убьетъ... Скорѣй... скорѣй!..

Наумъ грозно кашлянулъ, набросилъ на плечи пальто, а на голову шляпу и, мимоходомъ захвативши изъ угла свою суковатую дубинку, пошелъ заступиться...

При выходѣ изъ садовой калитки они встрѣтили Гавриньку, тоже чѣмъ-то, видимо, сильно озабоченнаго и разстроеннаго.

— Куда?.. Мнѣ надо сказать два слова...

— Послѣ. Сейчасъ нельзя,—отвѣтилъ, не останавливаясь, Наумъ...

Гавринька присоединился къ нимъ. Они шли быстро, порывисто и молча... Ольга едва поспѣвала за студентами. Ея сердце сильно стукало отъ быстроты хода, а еще болѣе—отъ охватившаго ея душу волненія... Наумъ крѣпко сжималъ свою дубинку въ кулакѣ, словно приготовлялся съ кѣмъ-то драться ею, сердито откашливался и отплевывался: онъ шелъ рѣшительно, шагалъ широко и поводилъ бровями... Гавринька хотя и не зналъ, въ чемъ именно дѣло и куда они идутъ, но настроеніе Наума живо передалось ему. Гавринька чувствовалъ, что какое-то важное, экстраординарное событіе требуетъ ихъ немедленнаго присутствія „тамъ", гдѣ имъ предстоитъ что-то непріятное, съ чѣмъ придется столкнуться грудью, вступить въ борьбу...

Подобное состояніе онъ испытывалъ всегда, торопясь на пожаръ...

Гавринька не спрашивалъ, чтó случилось, не размышлялъ о томъ, какое дѣло предстоитъ ему... Онъ твердо вѣрилъ Науму, зналъ, что если Наумъ идетъ такъ быстро и рѣшительно, значитъ, это нужно, значитъ, совершается что-то возмутительное и, значитъ, требуется кому-нибудь братская помощь...

Когда компанія перешла мостикъ и свернула въ проулокъ, Гавринька понялъ, что они идутъ къ Натальѣ Михайловнѣ въ домъ, и сейчасъ же догадался, какого сорта возмутительное обстоятельство можетъ

здѣсь совершаться... Всѣ трое, какъ-то инстинктивно, прибавили шагу...

Впереди, около небольшого домика съ палисадникомъ, толпилась группа сѣрыхъ обывателей... Нѣкоторые, вытянувъ шею, смотрѣли черезъ изгородь, другіе тѣснились къ крыльцу, третьи отошли на дорогу... Изъ раскрытыхъ оконъ слышался визгъ, заглушаемый хриплымъ пьянымъ голосомъ...

— Господи! что это?.. Наумъ Васильевичъ!..—зашептала Ольга плаксивымъ тономъ,—идите!..

Наумъ почти побѣжалъ, за нимъ послѣдовалъ и Гавринька... Ольга отошла въ сторону, съ замираніемъ сердца ожидая момента освобожденія бѣдной Натальи Михайловны...

— Что же вы смотрите? Видите, слышите и молчите? — выкрикнулъ возмущенный индифферентизмомъ Наумъ, проталкиваясь къ крыльцу...

— Дѣло семейное...—отвѣтилъ какой-то мѣщанинъ и тихо побрелъ прочь, испугавшись, какъ бы не попасть еще въ свидѣтели...

— Убить можетъ... Какое семейное дѣло! остолопы! — мимоходомъ замѣтилъ Гавринька, и студенты влетѣли на крыльцо. Наумъ съ силою толкнулъ дверь, но она оказалась запертою. А визгъ и крики все усиливались... Наумъ во всю мочь застучалъ въ дверь своей дубинкою, а Гавринька скользнулъ въ палисадникъ и полѣзъ къ окну...

— Отоприте! Немедленно отоприте: слышите?—кричалъ Наумъ, ботая въ дверь дубиною.

— Какъ вамъ не совѣстно!.. Ахъ, вы!.. А еще интеллигентнымъ человѣкомъ себя называете!—кричалъ въ окно Гавринька.

Въ комнатахъ землемѣра вдругъ стихло... Было слышно только, какъ кто-то тихо, подавленно плакалъ, да кто-то сердито ворчалъ и буркалъ, грузно ступая по сѣнямъ...

— Кто тутъ? Не принимаю!..—глухо сказалъ хриплый голосъ черезъ запертую дверь...

— Отоприте! Или я...

Наумъ не договорилъ. Онъ засунулъ конецъ палки между косякомъ и дверью, злобно рванулъ въ сторону, и толкнулъ ногою... Дверь съ грохотомъ распахнулась, и Наумъ предсталъ предъ полураздѣтымъ господиномъ, съ свирѣпою отекшею физіономіей и колоссальной бычачьей шеей... Между тѣмъ Гавринька, видя крайнюю необходимость братской помощи, уже вскарабкался на подоконникъ и исчезъ, показавши публикѣ свои пятки и панталоны съ рѣзко бросавшимся въ глаза изъяномъ...

Пьяная рожа налилась кровью и посинѣла. Потерявшій отъ пьянства подобіе Божіе человѣкъ былъ готовъ броситься на Наума, но въ этотъ моментъ позади его раздался рѣзкій молодой голосъ Гавриньки:

— Какъ вы смѣете драться? Живодеръ!

Пьяная рожа оторопѣла: непріятель былъ и съ фронта, и съ тыла...

— Позвольте, господа!.. Кто вы такіе и на какомъ основаніи врываетесь въ домъ мирныхъ гражданъ?— сурово, но смущенно спросила эта рожа...

— Мы — люди и пришли заступиться за брата!— рѣзко крикнулъ Гавринька, пѣтухомъ наступая на растерявшагося землемѣра.

— Кто бы мы ни были, — это вамъ все равно... А мое основаніе—отвѣчать на насиліе насиліемъ!—сердито добавилъ Наумъ и пристукнулъ своей дубинкою...

— Студенты, вотъ кто!—присовокупилъ еще чей-то голосъ съ крыльца.

Любознательная публика успѣла уже забраться на крыльцо и смѣло заглядывала теперь въ сѣни...

— Студенты!.. А — а... любовники!.. ха-ха-ха!.. Ну, что жъ? Милости просимъ!.. Эй! Наташка! Принимай своихъ любовниковъ!.. — закричалъ землемѣръ, уходя въ комнаты...

— Молчать! Вы не понимаете, что̀ говорите!—закричалъ Гавринька, сверкая глазами и сжимая кулаки.

— Наумъ Васильичъ! А ты бы его по пьяной харѣто!.. можетъ, опомнится...—пискнулъ бабій голосъ изъ публики...

Пьяная рожа скрылась. Наумъ и Гавринька пошли слѣдомъ за нею.

Здѣсь, въ комнатахъ, произошла еще болѣе возмутительная сцена... Пьяный человѣкъ разразился страшной, площадной руганью по адресу всѣхъ присутствующихъ и многихъ отсутствующихъ. Ругалъ жену, студентовъ, почтмейстера, себя, и въ заключеніе вынесъ какую-то книгу, растерзалъ ее въ клочки, смялъ, затопталъ ногами и крикнулъ: „Вотъ вамъ женскій вопросъ! Вотъ вамъ „Судьбы женщины“!..

Наталья Михайловна сидѣла растрепанная, маленькая и жалкая, забившись въ уголъ, и плакала, опустивъ свое смуглое личико на руки. Передъ ней стоялъ Гавринька съ тальмою, шляпкой и зонтикомъ. Онъ уговаривалъ ее уйти изъ дому...

— Куда я пойду? Некуда...—сквозь слезы говорила Наталья Михайловна. Гавринька уговаривалъ. Онъ предлагалъ ей пока идти къ нимъ въ домъ. Потомъ онъ подготовитъ ее въ сельскія учительницы. Онъ готовъ даже уступить ей половину своей стипендіи,— „послѣ, когда будутъ, отдастъ“...

А Наумъ усѣлся въ кресло и молчалъ, покуривая папиросу въ то время, какъ пьяный землемѣръ продолжалъ хохотать и ругаться... Казалось, Наумъ хотѣлъ терпѣливо выслушать все, что̀ еще скажетъ и какъ еще сумѣетъ изругаться „скотина“, — такъ мысленно называлъ Наумъ пьянаго землемѣра...

Прошло минутъ десять, и землемѣръ дѣйствительно умолкъ. Онъ тихо убѣждалъ себя въ томъ, что женѣ вовсе не больно и что она только визжитъ, какъ кошка,—притворяется, устраивая скандалъ на всю улицу...

Онъ убѣждалъ себя, что онъ нисколько не виноватъ, что ему простительно,—онъ больной человѣкъ, съ которымъ надо обращаться ласково, не раздражать его и не подзадоривать... „Я знаю, что я подлецъ, что я прохвостъ, что я пьяница... Не слѣдуетъ!.. Я и самъ понимаю, что я погибшій человѣкъ. Ну, подожди, — издохну... все равно, тогда“...—плаксиво бормоталъ онъ, ходя по комнатѣ.—„Дура! Баба дура—вотъ въ чемъ—весь женскій вопросъ...“

Наталья Михайловна вдругъ вскочила съ мѣста и торопливо стала надѣвать тальму и шляпу...

— Дѣйствительно, дура!.. Давно бы надо васъ къ чорту послать, надоѣло ужъ вашей рабой-то быть... Пойдемте!..

Она мотнула хвостомъ и вышла. За ней двинулись Наумъ и Гавринька, по дорогѣ подобравъ съ полу жалкіе остатки „Историческихъ судебъ женщины“.

— Наташа! Не уходи! Не бросай! Ей-Богу, утоплюсь!— отчаянно кричалъ съ крыльца пьяный землемѣръ...

— Врешь, не утопишься! — шопотомъ отвѣчала, не оборачиваясь, Наталья Михайловна.

— Наташа! Прости!.. Прости!.. Вѣдь я несчастный человѣкъ...—дрожащимъ голосомъ просилъ мужъ.—Не уходи!..

А Наталья Михайловна уже преобразилась. Она гордо шла впередъ. На ея красивомъ личикѣ уже играла игривая улыбочка... Глаза смотрѣли весело и лукаво...

— Проклятый! ущипнулъ какъ! до сихъ поръ больно...

— Эй ты! долгогривый! — неистово заоралъ на всю улицу землемѣръ.—Мало тебѣ дьяконовой дочки?.. Смотри, за двумя зайцами погонишься и одной не...

Никто не отвѣтилъ.

— Наташа! Вернись!.. Прости меня! Вѣдь я несчастный человѣкъ, — дрожащимъ голосомъ крикнулъ онъ еще разъ.

Никто не обернулся...

— Наташа! Не уходи-и-и...

И полный человѣкъ, опустившись на ступеняхъ крыльца, разрыдался вдругъ неутѣшными слезами и, всхлипывая, сталъ биться головою о лѣстницу...

VII.

Освобожденную Наталью Михайловну студенты привели въ квартиру почтмейстера. Миловидная землемѣрша давно уже пришла въ обычное игривое настроеніе и безпечно приводила въ порядокъ свою растрепанную прическу и кокетливый домашній костюмчикъ, позируя передъ большимъ зеркаломъ, а Гавринька все еще не могъ успокоиться и въ сильномъ волненіи ходилъ по залѣ крупными шагами; его дѣтски доброе свѣженькое лицо отражало благородный гнѣвъ, сознаніе выполненнаго долга и твердую рѣшимость дѣйствовать. Наумъ постоялъ въ дверяхъ, какъ-то недоумѣвающе посмотрѣлъ по стѣнамъ, мимоходомъ взглянулъ на стоявщую передъ зеркаломъ землемѣршу, погладилъ свои черныя кудри, вздохнулъ и вышелъ, не произнеся ни единаго слова...

— Наумъ Васильичъ! Пойдемте вечеромъ удить! — крикнула въ окно Наталья Михайловна, случайно замѣтивъ уходившаго Наума.

„Дура! Какое на нее нравственное воздѣйствіе!.. Пустая трата времени“, подумалъ Наумъ и, не остановившись, крикнулъ въ сердцахъ:

— У меня есть занятія болѣе интересныя!..

— Какія? Постойте же!.. Какія занятія?.. Можетъ быть, и я...

Но Наумъ не отвѣтилъ и ушелъ.

А Гавринька все мѣрилъ залу своими энергичными шагами...

— Будетъ вамъ ходить-то! Устанете... — замѣтила

ему землемѣрша... Гавринька взглянулъ на Наталью Михайловну и улыбнулся... Онъ подумалъ совершенно противное тому, что думалъ Наумъ.

„Какая хорошая натура!.. Какъ она скоро забываетъ личное горе и страданіе, какъ она умѣетъ прощать!.. Такія натуры способны къ самопожертвованію!"—мелькнуло въ его головѣ, и никогда еще красивое личико землемѣрши не казалось ему такимъ милымъ, добрымъ, поэтическимъ, какъ сейчасъ... Никогда еще эти черные глазки не смотрѣли такъ ласково и безпомощно, какъ глазки испуганной, пойманной птички, и никогда они еще не были такъ глубоки, такъ загадочно глубоки, какъ сейчасъ... О, если бы она жила въ другой средѣ, при другихъ условіяхъ соціально-экономической жизни, если бы она знала всю ложь, въ которой... О! тогда можно бы полюбить такую женщину, полюбить всѣмъ существомъ своимъ!.. Тогда можно бы смѣло подать ей руку, чтобы идти вмѣстѣ, по-братски раздѣляя и горе, и радость...

А Наталья Михайловна угадала смыслъ брошеннаго на нее Гавринькой взгляда...

— Что вы такъ посмотрѣли на меня?... Вы—добрый, вамъ меня жалко? Да? Жалко?.. Хорошій вы будете мужъ, васъ будетъ любить жена...

Гавринька печально покачалъ головою и отвѣтилъ:

— Увы!.. Я никогда не женюсь..

— Что же, въ монастырь пойдете?

— Нѣтъ, зачѣмъ въ монастырь. Нѣтъ, ты проживи въ мірѣ и сохрани душу, искру Божію!—вотъ это—достойная задача.

— Почему же вы не женитесь?

Лицо Гавриньки сдѣлалось серьезнымъ, и онъ объяснилъ, почему.

— Иногда приходится отказываться отъ личнаго счастья... Жена связываетъ по рукамъ и ногамъ, за-

ставляетъ человѣка идти на различные компромиссы, а отсюда...

— Куда идти? въ комиссіи?..

— На компромиссы... т. е. сдѣлки со своей совѣстью... А отсюда не далеко уже и до подлости... Вотъ, напримѣръ, вашъ мужъ...

— Ну, ужъ, пожалуйста!.. Мой мужъ вовсе не подлецъ... Мы никогда подлецами не были... И съ вашей стороны безсовѣстно такъ говорить... Я не ожидала,— проговорила впопыхахъ Наталья Михайловна и схватилась было за шляпу. Но Гавринька удержалъ ее.

— Вы меня не поняли, не дали договорить!.. Простите ради Христа, Наталья Михайловна! Что вы!.. Я вовсе не говорю, что онъ подлецъ; я хотѣлъ сказать, что онъ глубоко виноватъ предъ вами, что, разъ онъ женился на васъ, на его совѣсти...

Гавринька слукавилъ. Онъ именно хотѣлъ сказать, что землемѣръ — подлецъ... Теперь ему было стыдно передъ самимъ собою, и онъ совершенно спутался, ибо, хотя Гавринька мысленно и называлъ землемѣршу „дитя", но она все-таки догадалась, что выходитъ такъ: „Мужъ ея нехорошъ, а нехорошимъ сдѣлался потому, что женился"...

— Какой бы онъ ни былъ, мой мужъ... Что же я тутъ виновата по вашему?..

— Т. е. какъ вы? Напротивъ,—онъ...

— И онъ не виноватъ,—обрѣзала Наталья Михайловна:—виновата водка—вотъ кто! Я бы давно всѣ кабаки проклятые закрыла и всѣ водочные заводы сожгла, если бы...

— Вы не знакомы съ финансовой политикой, потому такъ говорите... Знаете ли вы, сколько доходовъ приноситъ питейная статья?..

— А ну васъ, съ вашей питейной статьей!.. Всѣ деньги только пропиваютъ... Кабатчикамъ доходы!

Гавринька непріятно поразился „незнаніемъ", но

простилъ такую близорукость. „Съ повязкой на глазахъ!..“ сказалъ онъ въ душѣ, и внутренній голосъ добавилъ: „твой долгъ, твоя нравственная обязанность снять съ глазъ эту повязку!“

Наталья Михайловна спросила, гдѣ мамаша и папаша?

— Отецъ въ конторѣ, а мать, вѣрно, ушла куда-нибудь.

Они замолчали.

Солнце садилось и косыми лучами заглядывало въ почтмейстерскій залъ, а между прочимъ, и на смуглую щечку сидѣвшей у окна Натальи Михайловны. Свѣтъ и тѣни рельефно обрисовывали красивый профиль миленькаго женскаго личика. Оно казалось такимъ изящнымъ, словно было изваяно искусною рукою художника-скульптора... Черная прядь волнистыхъ волосъ небрежно упала на лобъ и прикрыла лукавый глазокъ. Маленькая ручка съ тонкими пальчиками казалась совсѣмъ дѣтской, особенно мизинчикъ, который, прихотливо оттопырившись, невольно приковывалъ къ себѣ взглядъ молчавшаго Гавриньки. О чемъ думала эта милая головка, этотъ лукавый, прикрытый прядью волосъ глазокъ?.. Что таилось въ бездонной глубинѣ его?.. Зачѣмъ такъ прихотливо торчалъ мизинчикъ?.. О, конечно, не о „питейной статьѣ“ думала эта головка и не потому такъ красиво топорщился мизинчикъ, что ему хотѣлось закрыть всѣ кабаки въ мірѣ...

Ударилъ соборный колоколъ къ вечернѣ и оторвалъ Гавриньку отъ разрѣшенія тайнъ глубины глазокъ и мизинчика... А глазки и мизинчикъ тоже вздрогнули.— Наталья Михайловна вспомнила ужасную вещь: завтра день рожденія мужа, заквашено тѣсто для пирога и можетъ перестояться или прокиснуть...

— Что же дѣлать?.. Господи!.. Надо идти! Какъ же я?..

Гавринька повторилъ опять, что выходъ есть: готовиться въ сельскія учительницы.

— Чего вы?.. Я—не про то... Я—про пирогъ!..

И Наталья Михайловна звонко расхохоталась. Гавринька покраснѣлъ, но тоже расхохотался...

— Какъ же быть? Надо вѣдь идти... Боюсь,—опять скандалить будетъ...

— Плюньте на пирогъ... Пустяки!.. А, впрочемъ, если вы пойдете, я не прочь сопутствовать... Въ обиду не дамъ, будьте увѣрены!.. Только стоитъ ли думать о пирогѣ, когда... Странная психологическая загадка: въ трудные, серьезные моменты человѣку, обыкновенно, лѣзутъ въ голову какіе-нибудь пустяки... Помню, у Гюго есть одна вещица, гдѣ описывается послѣдній день осужденнаго на смертную казнь... Вы не читали?..

— Нѣтъ... Вонъ и ваша мамаша идетъ!.. Накупила чего-то!..Анна Васильевна! Здравствуйте!.. Мы *tête-à-tête*!..

Головка Натальи Михайловны спряталась въ стоявшихъ на окнѣ цвѣтахъ. Гавринька подошелъ къ столу и сталъ возстановлять остатки „Историческихъ судебъ женщины", имѣвшихъ несчастіе попасть землемѣру подъ пьяную руку.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла, переваливаясь, какъ жирная откормленная утка, толстая почтмейстерша и, бухнувшись въ кресло, воскликнула: „уфъ!"

Наталья Михайловна жалобнымъ тономъ беззащитнаго ребенка стала жаловаться ей на мужа, разсказывая всѣ его звѣрства по отношенію къ ней и описывая его вандализмъ по отношенію къ книгѣ.

— Уфъ!.. Озорникъ!.. книга-то, чай, денегъ стоитъ... Твоя она, что ли, Гавря?.. По чему учиться-то будешь!.. Новую придется...

— Обойдусь... она не особенно нужна,—отвѣтилъ Гавринька. Разсказы и жалобы Натальи Михайловны уже успѣли опять растрогать его мягкое, отзывчивое сердце, возмутить душу и чувствовать жажду подвига...

— Живодеръ!.. Бросить его!..хуже ига монгольскаго... Мамаша! пускай Наталья Михайловна поживетъ пока

у насъ... Я подготовлю ее въ учительницы... Это невозможно,—заговорилъ онъ, шагая по комнатѣ.

Почтмейстерша сразу отдохнула отъ усталости. — Эта толстуха была очень добродушна, но вмѣстѣ съ тѣмъ была, что называется у насъ, хорошая хозяйка, т. е. побаивалась, какъ бы гости не съѣли лишняго куска пирога, умѣла это сдѣлать и при томъ выдержать тонъ полнѣйшаго гостепріимства и радушія. Поэтому легкомысленное предложеніе сына сейчасъ же подсказало ей о лишнихъ расходахъ, совершенно ненужныхъ... Она вспомнила, что вся провизія вздорожала, что сахаръ—по 16, а телятина—по восьми.

— Что ты съ ума сошелъ? Зачѣмъ будетъ жить у насъ Наталья Михайловна? Только подождать, покуда протрезвится, а потомъ можно идти... Не въ первый разъ... Въ трезвомъ видѣ Антонъ Павлинычъ (землемѣръ) золото, а не человѣкъ... Не въ первый разъ!.. А гдѣ же—у насъ? Неудобно, да и сама Наталья Михайловна не захочетъ... Да развѣ можно, чтобы законная жена мужа бросила!?. Чего городишь!..

При этомъ почтмейстерша посмотрѣла вопросительно на землемѣршу,—и та поспѣшила отвѣтить:

— Конечно, конечно... Трезвый онъ прекрасный человѣкъ... Проспится, будетъ у меня же ноги цѣловать...

Такимъ образомъ, проектъ Гавриньки былъ отвергнутъ... Гавринькѣ стало грустно, и онъ тоскливо сталъ насвистывать „укажи мнѣ такую обитель"... А почтмейстерша съ землемѣршей увлеклись разговоромъ о какой-то сарпинкѣ, замѣчательно дешевой и хорошенькой...

Наталья Михайловна осталась ночевать, бросивъ пирогъ на произволъ судьбы. Она только пожалѣла, что не успѣла захватить съ собою работы... Гавринька поинтересовался, что̀ работаетъ Наталья Михайловна, и узналъ.

— Вышиваю гладью рубашку... Одному молодому человѣку, который мнѣ очень нравится!..

Гавринька вспыхнулъ отъ мысли, что, можетъ быть, этотъ молодой человѣкъ—онъ, Гавринька. Но краска мигомъ слетѣла съ его щекъ, когда Наталья Михайловна попросила его никому не говорить о вышиваемой рубашкѣ, такъ какъ это — секретъ, и рубашка должна быть неожиданнымъ сюрпризомъ на память... Гавринька моментально сообразилъ, что не онъ—этотъ молодой человѣкъ, который очень нравится Натальѣ Михайловнѣ, и ему стало почему-то и обидно, и стыдно, и немного грустно... Сообразилъ онъ и то, что этотъ молодой человѣкъ не кто иной, какъ Наумъ... И, сказать по правдѣ, въ его сердцѣ зашевелилось нѣчто въ родѣ зависти и непріязни къ другу.

— Сантиментальности!--сказалъ онъ небрежно.

Долго не спалось въ эту ночь Гавринькѣ. Лежа въ постели и покуривая папиросу, онъ смотрѣлъ въ темное пространство и думалъ. Онъ думалъ о томъ, какая хорошая, милая женщина вышла бы изъ Натальи Михайловны при другихъ соціально-экономическихъ условіяхъ... Впрочемъ, порой въ эти думы совершенно насильственно врывались и другія. Предъ Гавринькою вдругъ вставалъ Наумъ въ вышитой гладью рубахѣ и говорилъ: „я, а не ты—тотъ молодой человѣкъ, который нравится этой милой и хорошей женщинѣ!..“ Между тѣмъ Наталья Михайловна спала и видѣла сонъ. Ей снилось, что ея пирогъ вылѣзаетъ изъ квашни, шипитъ и топорщится, ползетъ и превращается въ какое-то ужасное чудовище... Но бояться нечего: около нея стоитъ грозный Наумъ и, пристукивая своей суковатою дубиной, хладнокровно заявляетъ: „Если ты позволишь только коснуться беззащитной женщины, — я заставлю тебя лечь опять въ квашню вотъ этой дубиной!..“

VIII.

Вышитая гладью рубашка имѣла чрезвычайно неожиданныя и серьезныя послѣдствія...

Съ того дня, когда Гавринька впервые узналъ объ этой рубашкѣ, онъ сталъ все болѣе и болѣе убѣждаться, что изъ Натальи Михайловны, при другихъ соціально-экономическихъ условіяхъ жизни, вышла бы чудная, милая женщина,—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, онъ сталъ все болѣе замѣчать, какъ сердце Натальи Михайловны тяготѣетъ къ Науму. Гавринька замѣтилъ, что она скучаетъ въ его обществѣ, а ищетъ Наума, что она очень часто говоритъ о Наумѣ и спрашиваетъ, и думаетъ о немъ. Однажды, напримѣръ, когда все общество рѣшило ѣхать на „Студеный Ключъ" съ самоваромъ и пирогами, дѣло разстроилось только потому, что Наумъ отказался участвовать въ пикникѣ, рѣзко заявивши, что онъ въ принципѣ противъ пикниковъ и вояжей. За Наумомъ послѣдовалъ отказъ со стороны Натальи Михайловны, которая откровенно сказала, что „безъ Наума Васильича не стоитъ: ужъ ѣхать—такъ всѣмъ!.." Ну, а безъ Натальи Михайловны не согласились ѣхать ни Ольга, ни гимназисточка Ниночка, да и почтмейстерша, принявшая было мысль о поѣздкѣ на ключъ восторженно, вдругъ впала въ сильнѣйшую реакцію и принялась роптать на пустыя затѣи, сопряженныя лишь съ неудобствами и непріятностями.

— Чаю можно и въ саду напиться!.. Не все равно чай-то да пироги,—что ихъ пить да ѣсть на ключѣ, что дома,—вкуснѣе не будутъ...

Гавринька настаивалъ, но когда всѣ его старанія не повели ни къ чему, онъ почему-то разсердился и, взявъ съ собою краюшку чернаго хлѣба, пошелъ на ключъ одинъ, обругавши всѣхъ, не исключая и Натальи Михайловны, обидными словами.

Съ Гавринькой совершилось что-то странное: онъ не

такъ близко къ сердцу сталъ уже принимать обязанность интеллигента заботиться о саморазвитіи и на общихъ собраніяхъ, когда не было здѣсь Натальи Михайловны, частенько позѣвывалъ, закрывая ротъ ладонью, несмотря на то, что Наумъ перешелъ уже къ чтенію и разбору „Исторической силы критической личности"... Вмѣстѣ съ этимъ отношенія между Наумомъ и Гавринькой стали заволакиваться какой-то дымкою взаимнаго непониманія и недоразумѣній. Простая задушевная искренность стала исчезать и замѣняться замѣтною холодностью. Гавринька почему-то сталъ скептически относиться къ словамъ Наума, чего тотъ никогда прежде не замѣчалъ со стороны товарища, а Наумъ постепенно измѣнялъ къ худшему мнѣніе о Гавринькѣ, замѣчая въ послѣднемъ склонность къ отлыниванью отъ чтеній и возраставшее день ото дня тяготѣніе къ бабьей юбкѣ. Былъ случай, что Гавринька разъ совершенно задремалъ во время монотоннаго чтенія о „рычагѣ прогресса", чѣмъ сильно разсердилъ Наума.

— Если тебѣ хочется спать, такъ лучше совсѣмъ не приходить, а то брать съ собою хоть подушку!—замѣтилъ онъ пробужденному товарищу и посмотрѣлъ на Гавриньку съ такимъ презрѣніемъ, что тотъ уже болѣе не засыпалъ, стараясь всякій разъ, когда дрема клонила внизъ его голову или одолѣвала позѣвота, кусать себѣ языкъ и растопыривать слипавшіяся вѣки глазъ.

Не осталась безъ послѣдствій вышитая рубашка и для Натальи Михайловны: мужъ, давно уже понявшій разрѣшеніе „женскаго вопроса" въ смыслѣ, невыгодномъ для своихъ правъ мужа, какъ-то случайно встрѣтилъ Наума въ подаренной Натальей Михайловной рубахѣ. Какъ ни конспирировала свою работу Наталья Михайловна, но мужъ все-таки видѣлъ ее и теперь вспомнилъ узоръ—„розы съ листочками"... Неосновательная ревность нашла себѣ въ этомъ новую пищу, а подозрѣніе—основательный фундаментъ,—и землемѣръ

опять нализался, какъ сапожникъ, и наскандалилъ на весь городъ...

Въ припадкѣ безумія онъ бѣгалъ по улицамъ и кричалъ: „Я ему покажу „вопросъ"!.. Я ему сверну шею! Я обоихъ зарѣжу!" Чуткое обывательское ухо уловило скрытый смыслъ этихъ непонятныхъ словъ, обывательская фантазія создала изъ нихъ цѣлый романъ, — и сплетня стала расти, какъ снѣжный комъ, который катаютъ школьники въ теплые зимніе дни, приготовляя гигантскія „бабы".

Нельзя сказать, чтобы эти сплетни были близко приняты къ сердцу Натальей Михайловной: она вполнѣ усвоила уже преподанную Наумомъ науку — плевать на общественное мнѣніе; но дѣло въ томъ, что это обстоятельство повело за собою еще новыя осложненія: дьяконъ, отецъ Ольги, до котораго дошли слухи, строго-настрого запретилъ дочери водиться со студентами и грозилъ непокорной дѣвушкѣ пожаловаться исправнику, если та будетъ посѣщать „беззаконныя сборища" и читать „соціологическія книжки". Дьяконица не стращала, а только уговаривала, усовѣщевала:

— Дѣло дѣвичье... Долго ли до грѣха? опозорятъ, обезславятъ... Имъ что!.. Забава одна, развлеченіе... А послѣ ни одинъ хорошій человѣкъ на тебя не взглянетъ!.. Развѣ прилично молодой дѣвушкѣ... Ну, та (т. е. Наталья Михайловна), пускай!.. Вертушка!.. Связался чортъ съ младенцемъ!.. Стыдно, Оленька!.. Грѣшно! — урезонивала дьяконица упрямую дѣвушку, но та твердила свое:

— Глупости! Мало ли чего болтаютъ?.. Я не вѣрю.

Ольга серьезно подумывала о поступленіи на курсы. Въ ея головѣ стоялъ такой ералашъ, копошилось столько думъ, столько вопросовъ, что она уже перестала тосковать безпредметно и завидовать тѣмъ, кто только куда-нибудь ѣхалъ, безразлично — куда и зачѣмъ. Ольга чувствовала страшную жажду знаній, в

курсы представлялись ей единственной возможностью разрѣшить все неразрѣшимое, понять все непонятное... Тоска приняла опредѣленную форму и направленіе: это была тоска, обусловливаемая сознаніемъ недостатка знаній и стремленіемъ къ образованію, но стремленіемъ съ непреодолимыми преградами...

Но—Боже мой!—какая ужасная катастрофа произошла въ домѣ отца-дьякона, когда Ольга высказала свое недостижимое желаніе—поступить на курсы!.. Отецъ-дьяконъ и ругался, и плевался, проклиналъ студентовъ и курсы, чуть не побилъ мать дьяконицу и свою дочь, ударялъ кулакомъ по столу и простиралъ перстъ къ небу.

— На курсы!.. Будь они прокляты!.. Еще не достаетъ только, чтобы ты, моя дочь, принялась шить штаны и рубашки для кавалеровъ!.. Не допущу!.. Всѣхъ студентовъ буду вонъ гнать... чтобы и глазу не смѣли казать!.. Обращусь къ властямъ предержащимъ!.. Тьфу! И эту землемѣршу непутную на порогъ не пущу!..

Впрочемъ, напрасно отецъ-дьяконъ упоминалъ о землемѣршѣ: Наталья Михайловна давно уже перестала дружить съ Ольгою,—съ тѣхъ поръ, какъ для нея стало ясно, что Наумъ отдаетъ той предпочтеніе. Съ этого времени между пріятельницами пробѣжала черная кошка, что̀ стало особенно замѣтнымъ послѣ того несчастнаго вечера, когда на общемъ чтеніи Ольга нечаянно пролила чернила на облеченнаго въ подаренную рубашку Наума.

— Это свинство!—крикнула тогда Наталья Михайловна.—Я трудилась, трудилась, а ты, словно нарочно, испортила!

— Извините, Наумъ Васильевичъ! Нечаянно!—сказала Ольга...

— Ничего, песъ съ ней, съ рубашкой! Не въ этомъ дѣло,—отвѣтилъ Наумъ и этимъ отвѣтомъ явно показалъ, что нисколько не дорожитъ ни подаренной рубашкой, ни памятью Натальи Михайловны...

— Очень благодарна!—обиженно замѣтила Наталья Михайловна. — Только все-таки по моему — свинство такъ относиться къ чужимъ вещамъ!.. Пусть вышьетъ сама, а потомъ и мажетъ чернилами... Очень даже вѣжливо!..

Гавринькѣ было тоже обидно за Наталью Михайловну, и онъ сильно разсердился на Наума, который такъ безцеремонно невѣжливъ и грубъ съ женщиной...

Вскорѣ совершилось нѣчто ужасное и въ семьѣ почтмейстера. Отецъ Гавриньки неожиданно объявилъ, что Наталья Михайловна — шлюха и что она только кружитъ головы молокососамъ... Дѣло происходило за обѣдомъ и разрѣшилось крупною сценою между отцомъ и сыномъ...

— А тебѣ рано еще за чужими женами бѣгать!..

— Т. е. какъ это понять?—нахмуря брови, спросилъ Гавринька.

— А очень просто: не изволь бѣгать за землемѣршей! А лучше загляни въ книги-то... Все, чай, изъ башки-то вылетѣло!..

— Это мое дѣло!.. Вы во всемъ видите—одну гадость и пошлость! Весьма странно и прискорбно...

— Вотъ то-то и есть, что гадость!.. Хлыщутъ, какъ мартовскіе коты, прости Господи!.. А та, шлюха, и не стѣсняется... На виду у всего города...

— Пошло и... и... мерзко!—раздраженно прошепталъ Гавринька:—отъ васъ-то я этого ужъ никакъ не ожидалъ!.. Оказывается, что и вы недалеко ушли...

— Молчи, дуракъ!..—крикнулъ въ гнѣвѣ почтмейстеръ.

— Если дуракъ, то въ силу наслѣдственности! — буркнулъ Гавринька и, не докончивъ обѣда, выскочилъ изъ-за стола и ушелъ вонъ изъ дому...

На другой день Гавринька былъ невольнымъ свидѣтелемъ, какъ почтмейстеръ почти выгналъ вонъ при-

шедшую Наталью Михайловну, объявивъ ей, что „сыну ихъ не нужны рубашки,—своихъ много!..“

IX.

Наступилъ сентябрь, а съ нимъ и хмурые дни, съ заволоченнымъ тучами небомъ, съ маленькимъ частымъ дождикомъ, грязью и скукою. Обывательскіе домики какъ-то посѣрѣли и стали казаться совсѣмъ маленькими, невзрачными... Большія болота дождевой воды преграждали пѣшее сообщеніе между противоположными сторонами улицъ... Обыватели, съ засученными панталонами и подоткнутыми юбками, осторожно пробирались по деревяннымъ полусгнившимъ тротуарамъ и вытоптаннымъ тропинкамъ... Лошади съ трудомъ выволакивали телѣги и тарантасы съ облипшими грязью колесами изъ рытвинъ и ямъ... Въ воздухѣ висѣлъ непріятный туманъ...

Въ одинъ изъ такихъ дней Гавринька печально бродилъ около землемѣрскаго домика съ палисадникомъ. Пальто Гавриньки намокло и отяжелѣло, грязныя ноги сдѣлались неимовѣрно большими отъ приставшихъ къ галошамъ комьевъ глины и чернозема и разъѣзжались въ сторону, широкія поля шляпы обвисли, и съ нихъ, какъ съ крыши, спрыгивали, одна за другою, водяныя капли...

Сперва Гавринька прошелъ по той сторонѣ, потомъ—по этой, потомъ постоялъ на углу, и прочитавъ объявленіе „о призывѣ новобранцевъ“, опять пошелъ мимо домика съ палисадникомъ... Когда Гавринька подходилъ къ землемѣрскому домику, онъ ускорялъ шагъ, принималъ дѣловой видъ и вообще старался замаскировать истинную цѣль своего скитанія вокругъ да около... А цѣль этого скитанія заключалась въ томъ, чтобы какъ-нибудь увидѣть Наталью Михайловну. Это было рѣшительно необходимо. Съ того дня, какъ почт-

мейстеръ выгналъ бѣдную, ни въ чемъ неповинную женщину вонъ изъ квартиры, Гавринька потерялъ всякое спокойствіе... Его грызла совѣсть, ему было и стыдно, и горько, его благородная душа скорбѣла за себя, за отца и за обиженную землемѣршу... Гавринька чувствовалъ какой-то гнетъ, — словно онъ сдѣлалъ какую-то скверную пакость, и искалъ покаянія... Да, именно—покаянія!.. Онъ хотѣлъ высказать, что онъ *тутъ* не при чемъ, что отецъ—человѣкъ неинтеллигентный и позволилъ себѣ *это* по невѣжеству; онъ готовъ былъ искупить оскорбленіе собственнымъ униженіемъ, плакать, цѣловать, какъ пьяный землемѣръ, ноги у напрасно и жестоко оскорбленной женщины, готовъ былъ ползать передъ нею на колѣняхъ, вообще мучился, — какъ всегда бываетъ съ порядочными людьми, которыхъ случай дѣлаетъ невольными участниками угнетенія и оскорбленія беззащитныхъ и слабыхъ. Гавринька хотѣлъ объясниться, т. е. выяснить все, что̀ случилось, и хоть немного облегчить свои нравственныя мученія... Онъ разсчитывалъ встрѣтить Наталью Михайловну на улицѣ... Быть можетъ, она пойдетъ куда-нибудь,—и тогда онъ ее догонитъ и объяснится... Но увы! Наталья Михайловна какъ въ воду канула... Она нигдѣ не показывалась, перестала даже ходить по праздникамъ къ обѣднѣ... А это исчезновеніе еще болѣе утверждало Гавриньку въ мысли, что бѣдная женщина не можетъ очнуться послѣ страшнаго, возмутительнаго оскорбленія и, вѣрно, теперь неутѣшно плачетъ... Гавринькѣ припоминается та сцена, которую ему пришлось увидѣть въ день освобожденія Натальи Михайловны отъ рабства: она сидитъ, прижавшись въ уголку, маленькая, беззащитная, и, опустивъ головку на руки, льетъ горькія слезы... Только теперь надъ ней глумится не пьяный мужъ, а отецъ Гавриньки... А Гавринька стоитъ и молчитъ, не имѣя мужества прекратить глумленіе...

О, если бы увидѣть ее, поскорѣй увидѣть!

Долго Гаврннька ходилъ, какъ тѣнь, мимо палисадника, долго мѣсилъ ногами грязь и мокъ подъ дождикомъ, но его желаніе не сбывалось... А увидѣть необходимо,--черезъ три дня онъ уѣдетъ изъ Сердянска, и тогда на его совѣсти останется навѣки пятно... Какъ же быть? Развѣ рѣшиться войти въ домъ?.. Страшно... Она — добрая душа... Она умѣетъ забывать личное горе и страданіе--это такъ, но... онъ, живодеръ?! Нѣтъ, надо, во что бы то ни стало, свидѣться, объясниться,—этого требуетъ и совѣсть, и простая нравственная обязанность честнаго человѣка...

Гавринька неувѣренно свернулъ къ крыльцу. Поднявшись на площадку, онъ на мгновеніе остановился, застылъ въ нерѣшимости... Но внутренній голосъ сказалъ ему: „какое мальчишеское малодушіе!“ и Гавринька пошелъ дальше... Дверь не заперта... Тихо... Только часы тикаютъ, да на подволокѣ мяучитъ кошка... Гавринька робко шагнулъ въ переднюю. Снялъ галоши Кашлянулъ...

— Кого надо?—раздался хриплый полупьяный голосъ,—и въ дверяхъ зала показалась заспанная физіономія „живодера“... Гавринька растерялся и сказалъ:

— Наталью Михайловну можно видѣть? мнѣ надо съ ней поговорить...

— Кого? Наташку тебѣ?.. Поговорить?.. А кто меня подлецомъ называетъ? А?

Глаза землемѣра засверкали огнемъ дикаго бѣшенства, нижняя губа затряслась...

— Наташку тебѣ? Я вотъ тебя той же палкой...

При этихъ словахъ пьяный землемѣръ шагнулъ за стоявшей въ углу палкою съ набалдашникомъ. Гавринька вылетѣлъ, какъ бомба, изъ двери, почти спрыгнулъ съ крыльца и, не разбирая характера почвы, поспѣшилъ поскорѣе уйти на приличную дистанцію отъ домика съ палисадникомъ.

На крыльцо вышелъ землемѣръ, державшій въ рукахъ какой-то предметъ.

— Эй! Ты! получи свои худыя галоши!—крикнулъ онъ хриплымъ басомъ, и одну за другою пустилъ обѣ галоши въ грязь на середину улицы...

Но Гавринька былъ такъ пораженъ негостепріимнымъ пріемомъ, что не хотѣлъ вернуться и спасти свои, утопавшія въ лужѣ, галоши...

Трудно описать душевное состояніе Гавриньки въ этотъ памятный день... Выражаясь языкомъ поэтовъ, надо сказать, что въ душѣ его былъ настоящій адъ... Муки совѣсти и оскорбленнаго самолюбія попеременно терзали юношу, не давая ни минуты забвенія... Гавринька не обѣдалъ и не пилъ чаю, не выходилъ изъ своей комнаты и все валялся въ постели, спрятавъ въ подушкахъ свое лицо... Мать это сильно безпокоило, и она то-и дѣло предлагала принять сыну хины. Но это только раздражало Гавриньку. Она не понимаетъ и не можетъ понять того, что̀ переживаетъ онъ!.. Никто не можетъ!.. Кругомъ все—чужіе люди: и отецъ, безчеловѣчно оскорбляющій беззащитную женщину, и мать, которую больше безпокоитъ лихорадка, чѣмъ ужасныя муки совѣсти и оскорбленнаго человѣческаго достоинства... Что съ ними говорить?.. Имъ, пожалуй, все это покажется только смѣшнымъ... Хотѣлось бы повидаться съ Наумомъ и хотя передъ нимъ разъяснить всю эту „гадость“, но... къ Науму онъ не пойдетъ болѣе: они болѣе—не друзья и даже не товарищи... Какая дружба, какое товарищество можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, съ тѣмъ человѣкомъ, который позволилъ себѣ выразиться, что онъ, Гавринька, началъ свою дѣятельность не съ этики, а прямо съ бабьей юбки?..

Послѣ этого между ними, конечно, не можетъ быть никакихъ отношеній. И за что все это? За то только, что Гавринькѣ... нравится Наталья Михайловна и что онъ выпросилъ у ней фотографическую карточку! Что

тутъ дурного? И какое ему дѣло, если бы даже... онъ и любилъ Наталью Михайловну?! Пошлость! Гадость! вездѣ гадость!

Гавринька сжималъ свою голову обѣими руками, брякался, какъ снопъ, въ подушку,—и слезы отчаянія и злобы оставляли на бѣлой наволочкѣ мокрыя пятна...

— Отецъ! съ Гаврюшей что-то нехорошо... Не послать ли за фельдшеромъ?—совѣтовалась почтмейстерша съ мужемъ. Тотъ пошелъ провѣдать.

— Гавріилъ! Отопри-ка! Чего заперся?—сказалъ озабоченный отецъ, постукивая въ запертую дверь Гавриньки.

— Оставьте меня! Я вѣдь никому, кажется, не мѣшаю!—крикнулъ раздраженно Гавринька...

— Да отопри! Боленъ ты, что ли?..

— Боленъ, но этой болѣзни не понять вамъ!.. Распечатывайте да запечатывайте свои пакеты, а меня оставьте!

Отецъ отошелъ. „Дуритъ“,—сказалъ онъ женѣ: „набалбесничался всласть, вотъ и все. Будетъ ловеласничать-то... Пора и за науку приниматься... Лоботрясы!..“

— Чего же ругаться-то! Уѣдетъ вѣдь послѣзавтра и такъ!.. Ты хоть на прощаніе-то будь съ нимъ поласковѣе!.. Когда теперь увидимся!..—замѣтила почтмейстерша, и ей стало жалко милаго Гавриньку...

— Дѣти, дѣти! Радость вы и мученье!—прошептала она со вздохомъ.

X.

Была ясная сентябрьская ночь. Періодъ дождей уже окончился, небо прочистилось, и блѣдно-голубая небесная синева вмѣстѣ съ золотымъ дискомъ задумчивой луны напоминала о недавнихъ лѣтнихъ ночахъ, канувшихъ въ вѣчность... Только бодрящая свѣжесть въ воздухѣ, да затвердѣвшій грунтъ земли свидѣтельствовали о полномъ господствѣ холодной осени...

Большинство сердянцевъ уже спало безмятежнымъ

сномъ. Огни давно погасли, улицы опустѣли, всюду стихло... Лишь на берегу рѣки, на одной изъ пароходныхъ пристаней, еще бодрствовали: на мачтѣ горѣлъ сигнальный фонарикъ, на конторкѣ замѣчалось нѣкоторое оживленіе, слышалась легкая русская ругань и скрипъ мостковъ подъ ногами проходившихъ и уходившихъ съ пристани...

Здѣсь ожидали запоздавшій пароходъ.

Семья почтмейстера давно уже посиживала въ миніатюрной каюткѣ для чистой публики въ томительномъ ожиданіи парохода и въ грустномъ настроеніи по случаю скорой разлуки съ отъѣзжающимъ въ университетъ Гавринькой. Чтобы какъ-нибудь убить время, которое всегда въ такихъ случаяхъ тянется невыносимо долго, они пили чай, нѣсколько разъ гуляли по конторкѣ и по набережной, снова возвращались и ѣли холодную телятину... Но пароходъ не торопился, и несмотря на то, что по расписанію долженъ былъ въ девять часовъ отойти отъ Сердянска, не показывался на горизонтѣ еще и теперь, когда часовая стрѣлка показывала одиннадцать.

— Не видать?—нѣсколько разъ освѣдомлялся Гавринька у матроса, выходя изъ каютки на палубу.

— Нѣтъ ни хрѣна!—отвѣчалъ матросъ, замухрыщатый русскій мужичокъ, и начиналъ ругать неаккуратный пароходъ скверными словами.

А „предъ-отъѣздное“ томленіе все усиливалось. Сидѣли молча, чувствовали необходимость въ послѣдніе часы говорить больше и не находили о чемъ говорить. Почтмейстерша шевырялась все въ узелкахъ и картонкахъ, въ десятый разъ ознакомляя Гавриньку съ тѣмъ, гдѣ и что уложено и съ чѣмъ слѣдуетъ быть поосторожнѣе; почтмейстеръ сидѣлъ насупившись и молча читалъ расписаніе отхода пароходовъ и таксу. Гавринька слонялся изъ угла въ уголъ. Всѣмъ было скучно, и всѣ завидовали находчивому Гришѣ, который въ ожи-

даніи прощанія съ братомъ прекрасно покушалъ и теперь также прекрасно спалъ на лавочкѣ, обернувшись личикомъ къ стѣнѣ.

— Тутъ вотъ — яйца!.. Боюсь, не въ смятку ли... Не разбей, еще бѣда будетъ—чай и сахаръ испортишь...

— Ладно...

— Какъ только пріѣдешь, сейчасъ же напиши...

— Хорошо, напишу.

— Да поберегайся дорогой-то... Долго ли простудиться...

— Конечно...

Таковъ былъ характеръ прощальной бесѣды между разстающимися надолго людьми.

Рѣка волновалась. Холодный вѣтеръ слегка покачивалъ конторку,—хотѣлось прилечь; монотонный скрипъ досокъ, изъ которыхъ была сколочена каюта, и плесканіе валовъ въ бортъ дѣйствовали усыпляющимъ образомъ. Почтмейстеръ сладко позѣвнулъ и посмотрѣлъ на карманные часы, за нимъ позѣвнула и жена... Гаврипька предложилъ имъ идти домой—спать, такъ какъ пароходъ могъ и совсѣмъ не прійти сегодня... Разбудили Гришу... Посидѣли, встали, помолились Богу и, расцѣловавши Гавриньку и въ лобъ, и въ губы, пошли... Гриша ревѣлъ, и его ревъ долго доносился до Гавриньки и щемилъ ему сердце.

Но вотъ ревъ затихъ—успокоилось и Гавриньки̇но сердце. Гавринька остался въ каютѣ одинъ. Онъ чувствовалъ теперь себя бодрѣе и лучше, словно присутствіе родныхъ стѣсняло его свободу,—и сонливое настроеніе исчезло.

Гавринька пріободрился. подтянулъ выше голенища охотничьихъ сапогъ, поправилъ ремень дорожной сумки, закурилъ папироску и пошелъ прогуляться и еще разъ освѣдомиться,—„не видать ли“... Въ дверяхъ онъ столкнулся съ Наумомъ, который съ вещами и съ мамынькой лѣзъ въ каюту...

— Виноватъ-съ!—извинился Гавринька и вѣжливо далъ дорогу вошедшимъ.

— Ничего-съ!—сказалъ Наумъ, съ трудомъ протаскивая въ узкое пространство двери чемоданъ и мѣшокъ съ яблоками.

Гавринька почувствовалъ себя какъ-то неловко. Онъ не ожидалъ этой встрѣчи и не зналъ, какъ теперь повести себя по отношенію къ бывшему другу и товарищу... Долго гулялъ онъ по берегу и по палубѣ конторки, отклоняя столкновеніе съ Наумомъ. Но войти въ каюту все-таки пришлось очень скоро: Гавринька прозябъ.

— Извините, я сложилъ ваши вещи со стола и съ лавки вонъ куда!.. Полагаю, какъ равноправный пассажиръ, я имѣлъ на это право,—встрѣтилъ его Наумъ.

— Сдѣлайте одолженіе!..

— Здравствуй, Гаврила Миколаичъ! Я тебя и не узнала—богатымъ быть!..—заговорила вдругъ пріютившаяся въ углу на лавкѣ Авдотья.

— Мое почтеніе!

— Что это ты совсѣмъ забылъ насъ?.. Съ кѣхъ поръ я тебя не видала?

— Такъ... некогда было...

— Ну, вотъ, вмѣстѣ поѣдете, — все повеселѣй будетъ!..

— Да, вмѣстѣ... Конечно, веселѣе...—согласился Гавринька.

Наумъ ходилъ по каютѣ въ направленіи съ сѣвера на югъ, а Гавринька съ востока на западъ. Они старались не задѣвать другъ друга.

— Не хошь ли, Гаврила Миколаичъ, яблочковъ? Анисовыя, наливныя, вкусныя! Наумъ!—угости пріятеля-то; чай, не жалко!--начала опять безтолковая Авдотья.

— Пожалуйста! вонъ они!—сказалъ Наумъ, показавъ рукой на мѣшокъ подъ лавкой, и слегка улыбнулся.

— А ты вынь! Самому ему, что ли, подъ лавку-то лѣзть?!--замѣтила Авдотья.

— Я не хочу... не безпокойтесь! —сказалъ Гавринька, увидя, что Наумъ—въ большомъ затрудненіи, и тоже улыбнулся.

— Холодновато!—сказалъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

— Да, не жарко... А мнѣ вотъ въ лѣтнемъ одѣяніи такъ и совсѣмъ свѣжо! — отвѣтилъ Наумъ.

Гавринька любезно предложилъ ему пледъ. Наумъ отказался.

Такъ, слово за слово, разошедшіеся друзья начали разговаривать, хотя все еще на „вы“. Оба были очень довольны, что встрѣча разрѣшается такъ просто, обоимъ было смѣшно, и хотѣлось положить конецъ этой комедіи, но самолюбіе заставляло ихъ выдерживать разъ принятый тонъ...

Наконецъ, Гавринька выразилъ желаніе хватить рюмку водки, чтобы согрѣться, а Наумъ одобрилъ этотъ проектъ:

— Было бы не дурно! Кстати, мнѣ надо размѣнять трешну!..

— Идемъ!—сказалъ Гавринька.

— Куда?

— А вонъ въ „Прогрессъ“, тамъ еще огни!

Они пошли въ гостиницу „Прогрессъ“, гостепріимно свѣтившуюся на берегу своими окнами. Выпили по рюмкѣ водки и крякнули. Гавринька предложилъ выпить бутылку пива.

— Пожалуй,—сказалъ Наумъ.

— Какое пьешь? — спросилъ Гавринька, незамѣтно переходя съ „вы“ на „ты“.

— Все равно...

А за пивомъ бесѣда приняла и вовсе пріятельскій характеръ:

— Тебя, говорятъ, землемѣръ выгналъ и чуть не избилъ?..

— Нѣтъ, не то, чтобы выгналъ, а принялъ дѣйстви-

тельно довольно сухо... Ну, да вѣдь могло ли быть иначе?.. Развѣ можно предъявлять къ нему какія-нибудь нравственныя требованія... Живодеръ и скотина, подлецъ...

— А я слыхалъ, будто выгналъ... Сплетничаютъ... Видѣли, говорятъ, какъ ты вылетѣлъ съ крыльца...

Гавринька вспомнилъ свои погибшія галоши, но все-таки не признался...

— Кто это говоритъ?.. Какъ не совѣстно!.. Я дѣйствительно поскользнулся (грязно было) и чуть было не упалъ... А они „вылетѣлъ!“... Ну, и язычки же у насъ!.

— Да, это вѣрно,—произнесъ Наумъ и, немного помолчавъ, сказалъ:

— И со мной, братъ, ерунда вышла... Представь: прихожу вчера къ Ольгѣ за книгой... Никого дома нѣтъ,—она одна... Ну, сидимъ, болтаемъ... Вдругъ входитъ мать... Ха-ха-ха!.. Представь только!.. Вѣдь это... ха-ха-ха! Ни съ того, ни съ сего обращается ко мнѣ и говоритъ: вотъ что, Наумъ Васильевичъ!.. если вы думаете жениться на Оленькѣ, такъ другое дѣло, а если такъ только, такъ нечего попустому дѣвушку смущать... Ха-ха-ха!.. Дурная слава, говоритъ, бѣжитъ, а хорошая лежитъ!.. Ха-ха-ха!..

— Неужели?

— Да... Я стою, какъ болванъ, глаза выпялилъ... Ха-ха-ха!..

— Ну, а Ольга?

— Она кричитъ: „Мамаша, мамаша! что вы? Перестаньте!“ и реветъ...

— Фу ты, ерунда какая!

— А дьяконица больше да больше... Вотъ, говоритъ, вамъ Богъ, а вотъ—порогъ...

— Ну?

— Ну... ну, и ушелъ... Плюнулъ и ушелъ... Жалко книгу.—Добролюбова оставилъ...

— Аяй! ерунда!..

— Да, братъ... Не такъ мы за „дѣло“ принялись,— не съ того конца...

— Т. е. какъ это?

— Нераціонально...

— Почему?

— *Multis de causis*...

— А именно?

Но въ это время подходящій къ Сердянску пароходъ затянулъ протяжный свистокъ, и друзья, побросавъ стака́ны съ пивомъ, стремглавъ кинулись на конторку...

Гулко прогудѣли три торопливыхъ свистка, прокатились громкимъ эхомъ въ прибрежныхъ горахъ, и блиставшій огоньками пароходъ, обдавая городъ Сердянскъ клубами чернаго дыма, отдѣлился отъ конторки...

Вотъ прогудѣлъ онъ отрывочнымъ свисткомъ еще одинъ, прощальный разъ, ритмически похлопалъ плицами колесъ о воду, поплескалъ валами на песчаную отмель берега, мигнулъ зеленымъ кожуховымъ фонарикомъ—и скрылся, исчезъ...

На конторкѣ еще разъ выругался матросикъ и, спустивши съ мачты сигнальный фонарь, пошелъ спать... На конторкѣ стихло. Окна гостиницы „Прогрессъ“ померкли.

Не угасалъ только огонекъ лампы въ домѣ о. дьякона; тамъ сидѣла у окна Ольга съ раскрытою книгою въ рукахъ и, глядя черезъ окно куда-то далеко-далеко, тихо и задумчиво повторяла:

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю,
Вѣрно, буду я извѣстенъ...

СЪ НОЧЕВОЙ.

I.

— Ну, пойдемъ, что ли! — выкрикнулъ кто-то подъ моимъ окномъ.

Я приподнялся со стула, выглянулъ въ окошко и увидалъ Трофимыча...

— А ты поскорѣй, чтобы къ закату поспѣть!

— Да куда?

— А ты знай-собирайся! Я тебя въ такія мѣста предоставлю, что и-и-и!.. Мое почтеніе! — „Туба! Туба!“ — закричалъ вдругъ Трофимычъ на своего Фингала, который впадалъ обыкновенно передъ охотой въ игривое настроеніе, и теперь, завидя поросенка, погнался за нимъ со всѣхъ четырехъ ногъ.

— Н-назадъ! Регардю! Кушъ, проклятый!!.

Но Фингалъ увлекся, и никакія угрозы, никакія французскія нѣжности и русскія ругательства на него не дѣйствовали. Поросенокъ растерялся, ткнулся въ подворотню, завязъ и принялся испускать ужасные, раздирающіе душу вопли. Фингалъ тянулъ его за хвостъ и кусалъ за ноги.

— Туба, паршивый! Регардю! Иси сюда!! — попытался было еще Трофимычъ остановить смертоубійство. Но, видя свои старанія напрасными, бро-

силъ на лужокъ свою двухъ-аршинную одностволку и побѣжалъ на мѣсто катастрофы...

Трофимычъ—лѣсникъ, мой постоянный спутникъ по лѣсамъ и болотамъ. Недавно мы бродили съ нимъ по лѣсу, исколесили его по всѣмъ направленіямъ, но не подняли никакой живности, исключая горлицъ, ястребовъ и кукушекъ. Трофимычу было неловко, совѣстно предо мною: онъ наговорилъ мнѣ такихъ небылицъ о богатствахъ своего лѣса всевозможною дичью, что я за два дня предъ отправкою на охоту принялся готовиться: старательно промазалъ свинымъ саломъ охотничьи сапоги, наготовилъ массу патроновъ и пыжей... Разсказы Трофимыча объ изобиліи дичи заставили меня бояться, что не хватитъ зарядовъ... А вышло такъ, что мы воротились изъ лѣсу, не разрядивши даже своихъ ружей.

— Экое диво!—оправдывался Трофимычъ: — и куда только птица дѣвалась?!. Бывало, пойдешь по лѣсу— хлопъ да хлопъ! Безперечь тетеревей подымаешь... По энтимъ самымъ мѣстамъ, то-есть страсти, сколько ея водилось! А нынче смотри,—совсѣмъ нѣтъ. Не тѣ времена, всего меньше стало, во всемъ недостаточность.

И тогда же мы рѣшили оставить лѣсъ и удариться на болота.

— Постой, дай срокъ! Я тебя въ утино мѣсто свожу... Энтой дряни тамъ, то-есть—конца-краю нѣтъ... Ребятишки руками ловятъ.. Мы съ тобой столько нащелкаемъ,—страсть, однимъ словомъ—бугры! Ты уже на меня положись, потому я сызмальства охотничаю! всѣ мѣста мнѣ по здѣшнему краю хорошо извѣстны... Я тебѣ удружу... Это ты будь безъ сумленья...

Трофимычъ былъ страстный охотникъ. Но ему, такъ же, какъ и его Фингалу, было рѣшительно все равно: охотиться ли въ лѣсу, или шляться по болотамъ; онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ пачкался и мокъ въ тинѣ, какъ и царапалъ въ кровь свою рожу о сучья и вѣтви густыхъ лѣсныхъ зарослей.

Сегодня Трофимычъ, видимо, выполнялъ свое обѣщаніе „удружить“ мнѣ—сводить на „утиное мѣсто“, ибо на его ногахъ, вмѣсто обыкновенныхъ сапогъ съ бураками, были обуты вострконечные „пимы“, изъ бѣлой кожи—нѣчто въ родѣ греческихъ сандалій. Я началъ поспѣшно собираться. Между тѣмъ Трофимычъ остановилъ „смертоубійство“. Поросячьи воплп прекратились и замѣнились жалобнымъ взвизгиваніемъ Фингала. Но вотъ и Фингалъ замолчалъ, а черезъ минуту подъ окномъ снова стоялъ Трофимычъ, весь красный, взволнованный и сердитый.

— Ишь, собачій сынъ! Я тебѣ покажу безобразничать! Ты у меня будешь... Проклятущій!.. Пра-а-во... Кажинный разъ дозволяешь себѣ безобразіе... На̀-ко, какую манеру взялъ?...—слышалось подъ окномъ ворчаніе Трофимыча.

— Евлентій Миколаичъ!

— Ну!

— Нѣтъ ли у тебя, друхъ, какой веревки?

— Зачѣмъ тебѣ?

— Да надо, для Фингала... На̀-ко, какую манеру взялъ: ни одной свиньи не пропуститъ безъ того, чтобы ухо али хвостъ не огрызъ... Селомъ пойдемъ,—непріятностевъ много будетъ, потому—скотина... На привязь хочу взять.

Веревка нашлась.

— Фингалъ! Ну, ляпортъ иси! Иси сюда... Ну, регардю, милый!...—вкрадчиво и слащаво подманивалъ Трофимычъ побитаго Фингала, присѣвши къ землѣ и похлопывая себя по колѣнкѣ.

Но Фингалъ точно изучилъ своего хозяина. Теперь онъ держался на приличномъ разстояніи и, несмотря на ласковыя подмигиванія, присѣданія къ землѣ, пощелкиванія пальцемъ и другіе пріемы Трофимыча, только виновато помахивалъ хвостомъ, но не двигался съ мѣста,—и вся фигура Фингала говорила одно только:

„знаю, дескать, я хорошо всѣ эти „регардю“,—не надуешь!“

II.

Было далеко за полдень, когда мы проходили черезъ попутное село Сосновку. Іюльское солнце немилосердно жгло и палило. Въ воздухѣ стояла страшная духота.

Сосновка словно вымерла: на улицахъ—ни души, кругомъ тихо и сонно. Все живое попряталось куда-нибудь въ холодокъ... Вонъ тамъ, въ крапивѣ, подъ тѣнью покрившагося плетня, спитъ глубокимъ сномъ грязная хавронья; худая и высокая кляча спасается отъ палящаго зноя подъ тѣнью, бросаемой на лужокъ бревенчатою стѣною хлѣбнаго амбара; обхлыстывая свои худые бока усѣяннымъ рѣпьями хвостомъ, она методично помахиваетъ своею головой, словно кому-то все кланяется... Куры сидятъ нахохлившись, въ пыльныхъ ямахъ, около завалинъ... Только одни воробьи не боятся жаркаго лѣтняго солнышка: они превесело попрыгиваютъ по дорогѣ, купаются въ пыли и, задорно чирикая, дерутся между собою... Страда въ полномъ разгарѣ. Изъ села всѣ ушли на поле; дома остались одни только старые да малые... Да и тѣхъ не видать,—всѣ попрятались: старики полеживаютъ въ сѣняхъ или въ клѣти, старухи дремлютъ въ избахъ, покачивая зыбки съ ребятишками, подростки разбѣжались—кто въ лѣсъ по грибы, кто въ луга, кто въ поле обѣдъ тятькѣ съ мамкой понесъ...

— Палитъ! —проговорилъ Трофимычъ, когда мы приближались къ винной лавкѣ.

— Да, жарко...

— А вѣдь ночью даже очень прохладно... Ей-Богу! Я вотъ третеводни въ лугахъ ночевалъ,—такъ подъ утро, знаешь, какъ пробрало!..

— Ну, холодамъ, поди, еще рано быть...

— Рано?! Постой, вотъ ужо какъ къ вечеру вымок-

немъ, узнаешь, кака теплынь по утрамъ бываетъ! Цыганскій потъ прошибетъ... Ей-Богу!..

Я молчалъ. Мы поровнялись съ винной лавкой.

— Да ты взялъ ли чѣмъ ночью-то пріодѣться? Неужели, окромя энтого пинжака, ничего не взялъ?

— Нѣтъ...

— Что ты, друхъ! Рази это фасонъ?.. Смотри, лихоманку схватишь,—послѣ и не развяжешься... Вонъ я въ прошломъ году, почитай, все лѣто маялся... Спасибо барынѣ: ты, говоритъ, водкой натирайся... на ночь, значитъ... Только тѣмъ и избавился... Кабы не барыня, да не зелье это проклятое,—бѣда! Ложись да помирай!..

Трофимычъ замолчалъ, обернулся на оставшійся позади кабакъ и вздохнулъ. Нѣсколько минутъ мы шли молча.

— А если, примѣрно, на охоту,—началъ опять Трофимычъ,—тутъ ужъ безъ водки никакъ невозможно: задрогнешь!.. Я ужъ это всегда шкаликъ-другой запасаю... Только вотъ сегодня не захватилъ, совсѣмъ запамятовалъ—изъ ума вонъ!.. А вѣдь и водка-то дома есть... Добро бы не было, а вѣдь въ клѣти на полкѣ непочатая бутыль стоитъ,—съ именинъ осталась... Налить бы—и только всего! Ей-Богу!.. Эка память какая, бабья!..

Я упорно молчалъ.

— Ну, чай, ты, Евлентій Миколаичъ, догадался, прихватилъ маленько. А то къ вечеру вымокнемъ, перемѣниться нечѣмъ, задрогнешь, друхъ!.. Утромъ знаешь, какъ проберетъ!..

— Нѣтъ, не догадался.

— Что ты?!—испуганно крикнулъ Трофимычъ.

— Право.

— Это—не фасонъ! Надо бы гдѣ ни на есть отыскать!..

Я пожалѣлъ, что мы не хватились раньше, пока еще не прошли кабака.

— Да рази тутъ далеко!—пріостановившись вдругъ, сказалъ Трофимычъ:—давай, духомъ сбѣгаю!.. Это пустое... Рази тутъ далеко... Рукой подать!

Я далъ, и Трофимычъ веселой рысцой пустился по направленію къ кабаку.

— Я сичасъ... духомъ!.. — долетали до меня произносимыя на ходу восклицанія Трофимыча. — Сію сикунду!.. А безъ водки — бѣда! помирай... задрогнешь...

Черезъ пять минутъ Трофимычъ медленнымъ, лѣнивымъ шагомъ ворочался обратно. Въ одной его рукѣ блестѣло на солнечныхъ лучахъ стекло бутылки, а другою онъ тянулъ на веревкѣ Фингала, котораго ему удалось-таки перехитрить и взять на привязь.

— Вотъ извольте-съ!—протянулъ онъ ко мнѣ руку съ бутылкой. — А то вечеромъ вымокнемъ, перемѣниться нечѣмъ, задрогнешь... Безъ водки несподручно...

Въ моемъ ягдташѣ не нашлось свободаго мѣста для бутылки.

— Давай-ка сюды! Я за пазуху могу взять... у меня тамъ всякая всячина: и хлѣбъ, и припасы, и все такое...

Трофимычъ полѣзъ съ бутылкой за пазуху и вдругъ спохватился.

— Ахъ, песъ тя дери! Пестоны-то забылъ!.. Ей-Богу!.. Ахъ, драть ее съ плеча! А? Эта бабья память!.. Что я теперь долженъ дѣлать? А?.. Рази подѣлишься, а то хоть назадъ бѣги...

— Я дамъ, у меня хватитъ...

Трофимычъ разомъ успокоился...

— На̀-ко, друхъ, подержи Фингала! Я сію сикунду. Подальше зелье-то засуну, неравно разобьешь...

(Надо замѣтить, что Трофимычъ всегда позабывалъ что-нибудь: то „мачекъ“, то „дробцу“, то пистоны).

Засунувши глубоко за пазуху „зелье“, Трофимычъ высморкался въ кулакъ, торопливо сплюнулъ въ сторону, поправилъ картузъ и принялъ обратно Фингала.

Становилось все жарче и жарче. Потъ ручьями катился съ нашихъ физіономій. Спину сильно припекало, шею жгло, какъ огнемъ... Несмотря на это, мы бодро шагали по пыльной придорожной лужайкѣ. Въ моемъ воображеніи рисовалось „утиное мѣсто“, передъ глазами проносились вереницы утокъ, „срывались“ дупеля и бекасы, въ ушахъ—раздавалось кряканіе утокъ, пискъ куликовъ... Я предвкушалъ удовольствіе отъ предстоящей удачной охоты... Не знаю, что̀ было въ головѣ Трофимыча... Только съ того момента, какъ въ его пазуху залѣзло „зелье проклятое“, онъ шагалъ также проворно и весело...

— А что, далеко еще до этого „мѣста-то“? —спросилъ я Трофимыча, горя нетерпѣніемъ поскорѣе добраться до желанной „Сосновской трясины“.

— Да, попыхтишь еще! Верстъ съ пятокъ, поди, будетъ, если не больше,—отвѣтилъ онъ и, какъ бы желая смягчить непріятность своего сообщенія, сейчасъ же добавилъ:

— Далеко... Зато не даромъ сходимъ: туда придешь—уходить неохота... Утокъ, дупелевъ, бекасовъ—пропасти! Только заряду припасай!..

— Много?

— Энтой дряни-то? Пропасть! То-исть прорва, однимъ словомъ—легіоны! Не бойсь, я тебя на худое мѣсто не поведу,—я тебѣ удружу, будешь доволенъ... Дай-кась, друхъ, паперосочку!..

И я, польщенный и успокоенный увѣреніями Трофимыча, далъ ему „паперосочку“ и еще бодрѣе зашагалъ далѣе...

III.

Солнце близилось къ закату, когда мы подходили къ „Сосновской трясинѣ“,—такъ называлось заповѣдное „утиное мѣсто“, куда меня велъ Трофимычъ. Дневная жара стала замѣтно спадать. Время отъ времени поду-

валъ пріятный прохладный вѣтерокъ. По обѣ стороны дороги желтѣли и уходили въ необъятную ширь поля сжатой ржи, и на нихъ тамъ и сямъ поднимались небольшія пирамидальныя копны, рисовались контуры крестьянскихъ телѣгъ съ поднятыми кверху оглоблями, чернѣли фигуры лошадей, кое-гдѣ краснѣли бабьи кумачевые сарафаны... А далеко впереди зеленѣли луга, сверкали своей поверхностью озерца и болота... И взоръ упирался въ синѣющій на горахъ сосновый боръ...

— Во-она! Видишь зелену гору-то? видишь, — вода серебрится?—показалъ мнѣ рукою Трофимычъ: — ну, такъ вотъ подъ энтой самой горой — трясина и есть!.. Версты три-четыре она въ ширину тянется, полосой значитъ... А туда влѣво, опять—болотина... Ну, та много меньше будетъ... въ старые годы тутъ по сотнѣ набивали, друхъ!..

Высокіе болотные сапоги порядочно-таки навихляли мнѣ ногу. Но при послѣднихъ словахъ Трофимыча я разомъ перестал ощущать усталость. Всѣ мои мысли и желанія сводились теперь къ одному только — „скорѣй, скорѣй, скорѣй!“

Трофимычъ спустилъ съ веревки Фингала и крикнулъ ему напутственное слово: „шарь, милый, шарь!“— вмѣсто „шерше“,—и снялъ съ плеча свою долговязую одностволку.

— Тутъ вотъ скоро маленькое болотце будетъ... На немъ иной разъ чирочки попадаютъ... долгоносики тоже вывертываются,—какъ бы про себя замѣтилъ Трофимычъ.

Мое сердце екнуло, и бывшее до сихъ поръ за спиною ружье какъ-то вдругъ очутилось подъ мышкою...

— Дай-кась пестончикъ!—полушопотомъ попросилъ Трофимычъ.

Мы остановились и надѣли на куфорки пистоны. Я подтянулъ спустившіяся голенища сапогъ и протеръ запотѣвшія стекла очковъ.

— Съ Богомъ!.. Я маленько влѣво заберу, а ты энтой

стороной подходи,—проговорилъ Трофимычъ и отдѣлился.

Болотце было еще далеко,—до него оставалось еще добрыхъ полверсты,—при томъ оно окаймлялось мелкими кустиками тальника, такъ что глазъ не могъ усмотрѣть даже самой воды, не говоря уже о „чирочкахъ“. Несмотря на это, мое зрѣніе и слухъ находились въ страшно напряженномъ состояніи. Я не спускалъ глазъ съ кустиковъ, насторожилъ свои уши и, спотыкаясь то и дѣло о кочки и ямы, весьма быстро приближался къ болотцу. Однако Трофимычъ выгадалъ: онъ взялъ себѣ болѣе выгодную позицію—ему было ближе. И я съ завистью смотрѣлъ на Трофимыча, такъ какъ понялъ, наконецъ, что моя торопливость напрасна, что первый выстрѣлъ остается за Трофимычемъ...

Но—увы!—Фингалъ испортилъ все дѣло. Оба мы находились еще отъ болота на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, какъ въ воздухѣ раздалось испуганное кряканье двухъ чирковъ, а затѣмъ—лай и радостное взвизгиваніе собаки.

— Куды, дьяволъ!? Н-назадъ!—пронеслось сердитое, но безсильно-злобное восклицаніе Трофимыча.

Но Фингалъ ничего и знать не хотѣлъ... Вотъ стрѣлою вылетѣли изъ кустовъ два бекаса и разсыпались въ разныя стороны. Фингалъ опять завизжалъ и залаялъ, а Трофимычъ опять закричалъ во все горло:

— Туба! Назадъ! каналья! Убью!!

Вслѣдъ за этимъ изъ кустовъ выскочилъ Фингалъ и что есть духу погнался съ визгомъ и лаемъ за какой-то пернаткой. Напрасно Трофимычъ кричалъ, ругался, упрашивалъ: Фингалъ не отставалъ отъ птицы и скоро скрылся изъ виду.

Неблаговидный поступокъ Фингала обозлилъ меня страшнымъ образомъ. Но такъ какъ Фингала возлѣ меня не было, а стоялъ только ругающійся скверными

словами Трофимычъ, то вся злость и обратилась на послѣдняго.

— И на кой чортъ ты взялъ своего Фингала? Онъ только мѣшать будетъ... Развѣ это собака?! Убьешь съ вами чорта два...—ворчалъ я, недовольный на Трофимыча.

— И шутъ его знаетъ, чтò съ нимъ случилось!—отвѣтилъ смущенный Трофимычъ.—Ей-Богу!.. И откуда только такую манеру пріобрѣлъ?.. Пр-а-во... Сперва этого за нимъ не было...

— Куда его къ чорту! Прогнать надо—и только!—не унималось мое сердце.

Трофимычъ обиженно посмотрѣлъ въ мою сторону.

— А ты того...—погоди?.. Ты думаешь, онъ—нестоющій? Погоди маленько!.. Это онъ давно по болотинамъ не мыкался... Ужо намается,—шелковый станетъ... Онъ хорошій,—прибавилъ Трофимычъ послѣ небольшого молчанія.—Мнѣ за него, друхъ, четвертную давали—вотъ что! И то не отдалъ... Сосновскій баринъ (померъ ужъ онъ теперь) чуть не Христа-ради выпрашивалъ... „Ничаво, говоритъ, не пожалѣю, бери, говоритъ, любую лошадь али корову, только Фингала уступи...“ Да нѣтъ, я не дуракъ тоже! Куда мнѣ корову? На кой лядъ мнѣ лошадь? Ты погоди... Онъ тебѣ ужо покажетъ. Ей-Богу!.. Ты на него не гляди, что онъ съ виду такой... какъ бы, значитъ, паршивый...

Я расхохотался.

— Смѣйся!—обидѣлся Трофимычъ.—Ты полагаешь,—вру? Ей-Господи, нѣтъ! Вотъ сейчасъ съ мѣста не сойти, если вру... Да спроси Митрія Васильича... Митрія Васильича знаешь? Ну, вотъ онъ тебѣ удостовѣритъ... Онъ свидѣтелемъ былъ, какъ тогда баринъ выманивалъ у меня Фингала.

— Вѣрю...

— Этакихъ кобелей поискать,—мало... Ей-Богу!.. Золото, а не кобель!..

— Ну, ладно... Хорошъ...

— Бери, говоритъ, любу лошадь или корову,—не унимался Трофимычъ...

IV.

Надъ лѣсомъ догорали послѣдніе лучи солнца. Вотъ они скользнули еще послѣдній разъ по вершинамъ задумчивыхъ сосенъ, поиграли золотистыми переливами на желтой смолистой корѣ стройныхъ высокихъ деревьевъ, подарили прощальной улыбкой желтѣющія нивы, луга и—потухли. На небосклонѣ разгоралось все шире и шире пламя вечерней зари. Причудливыя дымчатыя облака, тамъ и сямъ повисшія въ тускнѣющихъ небесахъ, закраснѣлись стыдливымъ румянцемъ и мѣстами приняли золотистый оттѣнокъ. Въ воздухѣ повѣяло прохладой и свѣжестью. Вотъ „дергнулъ" гдѣ-то коростель, потомъ—другой, третій... Подъ ногами безъ умолку застрекотали кузнечики... Во всѣхъ концахъ прозвучала дребезжащая пѣсенка перепела... Каждый звукъ, каждое движеніе какъ-то рѣзко и отчетливо выдѣлялись теперь среди стихнувшей природы...

Земля готовилась ко сну...

Мы стояли на берегу „Сосновской трясины". Подъ высокой горой сверкали темною сталью водяные островки, во множествѣ разбросанные по топкой, покрытой кочкарникомъ, тростникомъ и осокою болотной равнинѣ. Въ наступающихъ сумеркахъ глазъ не могъ отыскать ни конца, ни начала этой равнинѣ. Высокія, угрюмыя сосны спускались съ горы почти вплоть къ самому болоту и, отражаясь темными массами въ прибрежной водѣ, придавали ей черный и мрачный оттѣнокъ...

— Ну, теперь не зѣвай! Смотри въ оба!—проговорилъ Трофимычъ.

Мы остановились, осмотрѣли ружья. Все оказалось въ порядкѣ.

Мое сердце колотилось такъ сильно о стѣнку груди, что я отчетливо слышалъ каждый ударъ, каждое біеніе его: попробовалъ „приложиться“,—руки были нетверды, дрожали, „мушка“ прыгала и уходила съ праваго глаза...

— Надо раздѣлиться, вмѣстѣ ходить не фасонъ! — предложилъ Трофимычъ, сдѣлавшійся вдругъ до смѣшного серьезнымъ и дѣловымъ.—Ты иди энтой стороной, возля лѣсу, а я въ обходъ ударюсь, кругомъ значитъ... Коли я спугну, она на тебя полетитъ, а ежели ты ударишь, она на меня потянетъ.

Намѣтивши пунктъ встрѣчи и ночлега, мы условились и о сигналѣ: кто первый воротится къ облюбованному мѣсту—обгорѣлому пню,—тотъ долженъ былъ разжечь костеръ и подбрасываньемъ вверхъ горящихъ головешекъ оповѣстить товарища о своемъ возвращеніи.

— Ты только смотри: далеко не лазай! — посовѣтовалъ мнѣ Трофимычъ, когда мы двинулисъ въ противоположныя стороны.

— А что, развѣ опасно?

— Нѣтъ, не то, чтобы опасно, а все-таки не лазай далеко отъ берегу-то... Въ третьемъ году тутъ покойный баринъ такъ ноги завязилъ, что насилу выволокли... Ладно, что народъ поблизости былъ, а то бы кончено!.. Ты поостерегайся... Долго ли до грѣха!.. А то ничаво, никакой опасности нѣтъ... Только ноги не завязи...

И мы разошлись въ разныя стороны.

Съ замираніемъ сердца, тихо, осторожно вышагивалъ я вдоль берега, внимательно приглядываясь къ сонной поверхности водяныхъ островковъ. Затаивъ дыханіе, я всматривался въ каждую кочку, въ каждый травяной кустикъ, въ каждый листочекъ, которые то и дѣло принималъ то за утку, то за утиную шею, то за длинноногаго кулика или бекаса... Но всякій разъ мнѣ

приходилось разочаровываться: присматриваясь внимательно, я узнавалъ обманувшіе мое напряженное зрѣніе предметы и печально опускалъ внизъ стволы своей двустволки...

Но—чу! Недалеко отъ берега что-то зашевырялось и забулькало въ высокой густой осокѣ .. Я вздрогнулъ и крѣпко сжалъ въ рукѣ холодное желѣзо ружейныхъ стволовъ... Вотъ изъ-за травянистой кочки выставилась и опять спряталась длинная шея утки... Я моментально приложился и готовъ былъ уже „ударить“ по птицѣ, какъ вдрургъ до моего слуха донеслось какое-то странное фырканье, сопѣніе и чавканье... А потомъ изъ-за кочки выставилась удивленная морда Фингала, и въ воздухѣ привѣтливо заболтался его хвостъ, принятый мною за утиную шею.

-- Чортъ бы тебя побралъ!—невольно сорвалось съ моего языка, когда я понялъ, въ чемъ дѣло.

Фингалъ, обрадованный неожиданной встрѣчею, въ одно мгновеніе выскочилъ изъ воды и, подбѣжавши къ моимъ ногамъ, началъ сильно встряхиваться, обдавая меня цѣлымъ каскадомъ тинистой грязи.

-- Шерше! Пшелъ!—вздумалось мнѣ воспользоваться услугами старательнаго Фингала.

Но Фингалъ не двигался съ мѣста и, стоя попрежнему подъ ногами, съ подобострастіемъ заглядывалъ въ мои глаза и вилялъ во всѣ стороны гладкимъ, какъ палка, хвостомъ...

— Ну! тамъ, тамъ!.. Шерше!—сдѣлалъ я еще одну попытку. Но, когда понялъ, что мои поползновенія на содѣйствіе Фингала ни къ чему не поведутъ, я сердито пнулъ его въ бокъ ногою и грозно закричалъ: „къ чорту!..“ Этотъ пріемъ оказался удобопонятнымъ для Фингала, ибо послѣдній тотчасъ же опустилъ внизъ свой хвостъ и отбѣжалъ въ сторону...

Я побрелъ дальше, вдоль берега... Небеса быстро темнѣли. Упали густыя сумерки.

V.

Смерклось. На потемнѣвшемъ небосклонѣ мигнула первая, еще пока блѣдная, звѣздочка...

Гдѣ-то вдали бухнулъ ружейный выстрѣлъ, громко пронесся въ тихомъ, спокойномъ воздухѣ, прокатился эхомъ по нагорному лѣсу и замеръ... Я встрепенулся. „Убилъ", промелькнуло въ моей головѣ, и не то какая-то досада, не то зависть къ Трофимычу кольнула меня въ самое сердце... Я остановился и прислушался: въ воздухѣ слышался характерный свистъ утинаго полета. Я присѣлъ на колѣно и сталъ всматриваться впередъ, откуда донесся выстрѣлъ Трофимыча. Цѣлая вереница утокъ повисла надъ болотной равниною и летѣла прямо на меня... Вотъ онѣ уже близко... Но я выжидаю, пока онѣ пролетятъ надъ головою, чтобы ударить въ тылъ. „Въ тылъ сподручнѣй... такъ по башкамъ и саданетъ!"— помнятся мнѣ слова опытнаго Трофимыча...

Но раздался вдругъ отчаянный лай и визгъ Фингала,—и утки съ кряканьемъ шарахнулись въ сторону и скоро скрылись въ вечернихъ сумеркахъ... Я кипѣлъ отъ негодованія и ярости. Былъ моментъ, когда я готовъ былъ убить Фингала... Опустившись на землю, я сердито отбросилъ отъ себя ружье и, закуривши папироску, началъ въ задумчивости выпускать изо рта дымокъ тонкими струйками...

Долго просидѣлъ я на берегу въ нѣмомъ созерцаніи. Ночь опускалась. Угрюмый лѣсъ, закутанный флеромъ ночи, темною стѣной поднимался надъ берегомъ. Болото утратило свои рельефы и контуры: и кочки, и камыши, и кустики,—все это какъ-то расплылось, стушевалось и слилось въ одну темную, ровную поверхность. Подувалъ холодный вѣтерокъ...

Стрѣлять было нельзя, такъ какъ глазъ уже не могъ поймать „мушку"... Между тѣмъ начался „перелетъ". Въ ушахъ то и дѣло раздавался свистъ утиныхъ

крыльевъ; возвращающіяся съ хлѣбовъ „кряквы“ то и дѣло съ шумомъ брякались въ воду... А въ камышахъ и въ осокѣ, время отъ времени,—осторожное покрякиваніе селезней и пискливые отклики самокъ...

Вотъ вдали блеснулъ огонекъ, и опять раздался грохотъ ружейнаго выстрѣла. Угрюмый лѣсъ опять подхватилъ его, и громкое эхо повисло въ ночныхъ сумеркахъ... „Убилъ!“—опять мелькнуло въ моей головѣ...

И опять недовольство, злоба на Фингала и зависть къ Трофимычу охватили меня...

Была уже глухая ночь, когда я вступилъ на низменный и топкій берегъ „Сосновской трясины“.

Приближалась непогода. На небѣ ползали зловѣщія тучи. Выглянулъ было на свободномъ отъ тучъ клочкѣ синевы молодой серпъ мѣсяца, но сейчасъ же пугливо спрятался и не появлялся болѣе. Кругомъ царила полная темнота. Съ сѣверо-восточной стороны все чаще и чаще набѣгали злые порывы вѣтра. Прибрежные камыши о чемъ-то шептались между собою. Густая осока безостановочно шелестила своими листьями. А мрачный, угрюмый лѣсъ сердито ворчалъ и безъ умолку охалъ...

Становилось какъ-то жутко...

— Трофим-ы-ы-чъ!—закричалъ я что было силы.

Но голосъ мой удивилъ меня своей собственной слабостью... Злобный вѣтеръ разсѣялъ его, едва давши вырваться наружу...

Закинувъ за плечи двустволку, я торопливо зашагалъ къ намѣченному для ночлега пункту.

Изъ-подъ ногъ то и дѣло „срывались“ испуганныя „кряквы“, надъ головою свистѣли утиныя крылья... Но мнѣ было не до утокъ. „Въ третьемъ году тутъ покойный баринъ такъ ноги завязилъ, что насилу выволокли...“—неотступно преслѣдовали меня слова Трофимыча, и я торопился поскорѣе миновать тѣ мѣста, гдѣ я могъ подвергнуться участи покойнаго барина...

VI.

— Куда ты, друхъ, запропалъ?—встрѣтилъ меня Трофимычъ, удобно примостившійся около весело потрескивавшаго костра.

— Что же ты головешки-то не кидалъ?

— Ну, вотъ! Я ужъ никакъ цѣльный часъ ихъ кидаю... Почитай, весь костеръ раскидалъ!.. Я ужъ забоялся: не завязилъ ли, друхъ, ты ноги... Хотѣлъ было на поиски идти.!. Ей-Богу!..

Фингалъ приподнялся было съ мѣста при моемъ появленіи, завилялъ хвостомъ, но, должно быть, вспомня свою „медвѣжью услугу“ мнѣ, живо отошелъ въ сторону и свернулся въ кольцо около Трофимыча.

— Сколько убилъ?—категорически спросилъ я Трофимыча.

— Сколько?—недовольно протянулъ онъ:—всего одну только крякву!..

— А это что?

— Энто дрянь... пигалицы...

— Плохо. А я такъ и совсѣмъ ничего не убилъ... Все твой Фингалъ, чортъ бы его задавилъ!.. Говорилъ я, что онъ мѣшать только будетъ. Прогнать бы его давеча было надо!..

— А что? Рази подгадилъ? — сочувственно освѣдомился Трофимычъ.

И я разсказалъ ему, какъ „подгадилъ“ мнѣ Фингалъ.

— Эхъ, друхъ! А ты бы его по ляжкамъ-то саданулъ!.. У него въ заду не одна дробина сидитъ... Ей-Богу! У-у! проклятущій!

Трофимычъ толкнулъ собаку подъ бокъ, та взвизгнула и недовольно заворчала.

— Туба! Молчать!

Трофимычъ поднялся съ мѣста.

— На хозяина огрызаться?! А? Да я тебѣ, собачій сынъ...

Трофимычъ схватилъ обгорѣвшую головешку и пустилъ ею въ Фингала.

— Избаловался,—серьезно замѣтилъ Трофимычъ, располагаясь опять возлѣ костра. -- Зайцевъ по лѣсу все гоняетъ... А то раньше хорошій кобель былъ, стоющій... Мнѣ за него четвертную давали...

Небо становилось все грознѣе и грознѣе. Порывы вѣтра съ каждой минутой крѣпчали. Лѣсъ глухо шумѣлъ. Приближалась гроза... Вотъ на черномъ фонѣ заволоченныхъ тучами небесъ блеснулъ фосфорическимъ огонькомъ зигзагъ молніи. Гдѣ-то далеко прозвучалъ глухо слабый громовой раскатъ...

— Вымокнемъ! до ниточки вымокнемъ... — промолвилъ Трофимычъ, помѣшивая въ уголькахъ костра какою-то палочкой.

Я вспомнилъ вдругъ о водкѣ, —мнѣ захотѣлось немножко погрѣться.

— Гдѣ у насъ водка-то? — спросилъ я Трофимыча.

— Водка-то? —переспросилъ онъ.—Да у меня, друхъ, бѣда случилась... Ты ужъ не бранись, сдѣлай милость! Ей-Богу невзначай!

— Что „невзначай“?

— Да пролилъ! Поставилъ, знашь, вотъ этакъ-ту, да, мѣсто-то, видишь, неровно, бугромъ... али локтемъ задѣлъ — шутъ ее знаетъ!.. Упала и потекла-а-а... Вотъ здѣсь, друхъ... И сейчасъ еще мѣсто-то мокро... Пощупай-ка!..

Трофимычъ похлопалъ ладонью по землѣ. Я улыбнулся.

— Хорошо еще,—не вся вытекла,—продолжалъ онъ, передавая мнѣ бутылку, наполовину наполненную „проклятымъ зельемъ“. — Ладно, успѣлъ поддержать, а то бы вся ушла... Ну, тебѣ, чай, хватитъ... Много ли вамъ нужно!.. Ну, а я уже такъ обойдусь безъ водки... Шутъ съ ней совсѣмъ!.. И чортъ знатъ, какъ меня, дурака, угораздило!.. Локтемъ знашь, вотъ этакъ!.. Она и свернулась... и потекла-а-а... Ты ужъ того...

И Трофимычъ долго еще просилъ меня не серчать, долго оправдывался въ своей мнимой неловкости, на разные варіанты разсказывалъ постигшее его несчастіе, похлопывалъ ладонью „мокрое мѣсто“ и ругался на всѣ лады. Наконецъ, убѣдившись, что я повѣрилъ, Трофимычъ успокоился и, усѣвшись около огонька, началъ старательно щипать своихъ пиголицъ. Сперва я думалъ, что Трофимычъ намѣренъ ихъ изжарить, но когда увидѣлъ, что, окончивши операцію, Трофимычъ завертываетъ ощипанныхъ пиголицъ въ свой грязный шейный платокъ, я поинтересовался узнать, что̀ онъ намѣренъ съ ними дѣлать. Трофимычъ улыбнулся.

— Это, друхъ!.. Ужо сосновской барынѣ занесу... Афонасьѣ Петровнѣ... Знашь Афонасью Петровну? Толстую-то?.. Ну, такъ ей самой...

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Для продажи... Она ихъ замѣсто дупелевъ такъ ли уписываетъ—страсть! Жретъ да похваливаетъ: носи, говоритъ, почаще, потому, дескать, я безъ дупелевъ не могу, не такого воспитанія!.. А я—когда дупелевъ, а когда съ ними и пиголицу подсуну. Башку-то обрублю, выпотрошу, а ноги-то у нихъ таки же долги... Ничего, не разбираетъ... Почаще, говоритъ, носи, до страсти, говоритъ, люблю!..

Я не могъ удержаться отъ хохота.

— Ей-Богу! — хвастливо отвѣтилъ на мой хохотъ Трофимычъ.—Ты что, сумлеваешься?

— Неужели не разбираетъ?

— Гдѣ ей? Даже нисколько... Ее, я полагаю такъ, можно, напримѣръ, галкой потчивать... Слопаетъ... Старая, ужъ всякій вкусъ потеряла... На прошлой недѣлѣ скворцовъ нащелкалъ - кулики, говорю, барыня... Ничего, зажарила... – Нашто, говоритъ, ты ихъ оголилъ?...—Да сподручнѣй, говорю, потому,—время жаркое, духъ пустить могутъ... А ты, говорю, тухлыхъ-то не уважаешь... Ну, а выпотрошишь, да крапивкой обло-

жишь,—они дольше терпятъ, свѣжесть, говорю, сохраняютъ... Ничего, съѣла... Ты, говоритъ, носи почаще, другимъ-то не продавай ужъ, а прямо ко мнѣ тащи... Ей-Богу! Умора одна...

И, хохоча отъ души надъ наивностью сосновской барыни, Трофимычъ принялся подкидывать въ костеръ хворосту... Сперва сдѣлалось темно. Изъ костра повалили густыя облака ѣдкаго дыма, но скоро красные языки пламени съ какою-то яростью заползали по сухимъ, потрескивающимъ на огнѣ карягамъ, вырвались наружу, слились въ одинъ сплошной огненный столбъ и, высоко поднявшись надъ землею, освѣтили небольшую площадку вокругъ костра. Зато тамъ, дальше, сдѣлалось вдругъ еще темнѣе, густой мракъ понадвинулся темной завѣсой со всѣхъ сторонъ... Фингалъ, спавшій вблизи костра, почувствовалъ избытокъ теплоты, неохотно приподнялся съ належаннаго мѣстечка и отошелъ въ сторону... Тощая фигура Фингала казалась при свѣтѣ пылающаго костра до крайности жалкой: брюхо подвело, тонкія и длинныя ноги подгибались отъ усталости, облѣзшая спина какъ-то изогнулась... Фингалъ, очевидно, „намыкался“ и сталъ, по выраженію Трофимыча, шелковый...

— На̀, одеръ! — сказалъ Трофимычъ, бросивъ Фингалу корку хлѣба.

Одеръ съ жадностью подхватилъ корку и, видимо, намѣревался отойти съ нею куда-нибудь въ укромное мѣстечко. Но Трофимычъ остановилъ его намѣреніе въ самомъ началѣ.

— Туба!—крикнулъ онъ, желая, вѣроятно, показать мнѣ, что его Фингалъ получилъ кое-какое образованіе...

Фингалъ на мгновеніе остановился, но потомъ, захвативъ еще глубже въ свою пасть корку хлѣба, моментально скрылся въ темнотѣ...

— Набаловался,—объяснилъ Трофимычъ поступокъ Фингала и прилегъ опять на старое мѣсто...

VII.

— А что я тебя хочу, друхъ, спросить!—обратился ко мнѣ Трофимычъ послѣ долгаго взаимнаго молчанія...

— Ну?..

— Ты вотъ образованный, всякимъ наукамъ обучался... Скажи, друхъ, правда, али нѣтъ: говорятъ, будто наша земля вертится...

— Правда, вертится...

— Вертится, — повторилъ Трофимычъ, какъ бы о чемъ-то размышляя.—А я думалъ, зря болтаютъ! Только я, друхъ, никакъ въ толкъ не возьму: что за причина ей вертѣться?

Произошло небольшое молчаніе, такъ какъ я и самъ затруднялся сказать, какая была „причина"...

— Опять же и то сказать: какъ же мы, друхъ, съ тобой не свалимся?—И на лицѣ Трофимыча появилась недовѣрчивая улыбка.

Я попытался объяснить ему, почему мы не „валимся". Трофимычъ качалъ утвердительно головой, приговаривалъ: „такъ, это вѣрно"; но выраженіе его лица все время отражало полнѣйшее недовѣріе къ моимъ словамъ.

— Притягательна сила!.. Гм... Такъ... Отчего же, друхъ, утка на воздухѣ держится? По какой причинѣ насъ съ тобой притягатъ, а ее нѣтъ? Значитъ, того... Насъ съ тобой пригибатъ, а ее нѣтъ... Чудное дѣло!..

И Трофимычъ закидалъ меня цѣлымъ потокомъ вопросовъ, на которые я рѣшительно не умѣлъ отвѣтить. Эти вопросы затрагивали столько областей знанія, задѣвали столько научныхъ теорій, гипотезъ и истинъ, что я становился втупикъ и, при всемъ своемъ желаніи, не могъ удовлетворить любопытства Трофимыча и не сумѣлъ заглушить недовѣріе его...

— Все дознали, до всего дошли! Хитрый народецъ,

шутъ ихъ дери!—говорилъ Трофимычъ.—Тоже вотъ у насъ тутъ одинъ человѣкъ былъ... Ну, и башка! все знаетъ, лѣшій его задави! Ей-Богу!.. Онъ вотъ тоже сказывалъ, будто черезъ милліонъ годовъ солнышко потухнетъ, перегоритъ значитъ... Только я такъ полагаю, что вретъ онъ... Потому, кто его знаетъ, что черезъ милліонъ годовъ будетъ?! Да, дошлый народецъ... Тоже вотъ этотъ человѣкъ сказывалъ, что черезъ сотню годовъ вездѣ машина появится, то-ись всяку дрянь машиной будутъ работать. Теперь, напримѣръ, только важныя дѣла машинами производятся,—молотьба тамъ, или заводъ какой,—а тогда все, дескать, машиной! Въ заграницѣ, говоритъ, лошадь отмѣнили, замѣсто нея машинка дѣйствуетъ: сядешь, напримѣръ, верхомъ, и валяй, куда хочешь, хоть за тыщу верстъ... Не знай, не вретъ ли: машинами, говоритъ, въ заграницѣ яйца выдѣлываютъ... У насъ, скажемъ такъ: пѣтухъ и курица, а тамъ, говоритъ, и безъ нихъ дѣло обходится... Чудаки, лѣшій ихъ задави! Никакой, говоритъ, человѣку работы дѣлать не придется—все за него машина сдѣлаетъ: сиди, значитъ, на печи и ѣшь калачи...

Трофимычъ покачалъ головою и сплюнулъ. Костеръ весело потрескивалъ. Въ жестяномъ чайникѣ бурлилъ кипятокъ.

— Только не вретъ ли онъ? Я такъ полагаю, что и при машинахъ дѣловъ будетъ достаточно. Кто же эти самыя машины выдѣлывать будетъ? Чай, тоже не съ неба свалятся... Значитъ, опять выйдетъ такъ, что ты, скажемъ къ примѣру, будешь калачи уписывать, а я машины выдѣлывать да вокругъ ихъ побѣгивать...

— Кто же это тебѣ разсказывалъ?

— Разсказывалъ-то?.. Да тутъ одинъ человѣкъ былъ у насъ... Дмитрій Степанычъ, писаремъ у станового служилъ... Умнѣющій человѣкъ, башка—однимъ словомъ! Образованный тоже... Только водка проклятая сгубила его. Запьетъ, бывало,—ничѣмъ не остановишь...

А дѣло отлично понималъ. Я такъ полагаю, что онъ больше даже самого станового смыслилъ... Ей-Богу! Кабы не водка, далеко бы пошелъ!..

— Гдѣ же онъ теперь?

— Онъ-то? А Богъ его знаетъ! Запилъ вотъ этакъ-ту однова и пошелъ по деревнямъ шляться. Зашелъ куда-то, такъ и не нашли, безъ вѣсти пропалъ... Не знай, прихлопнули гдѣ, не знай, чтò другое... Только нѣтъ и нѣтъ!..

Трофимычъ глубоко вздохнулъ.

— Ну, и башка же была! Ей-Богу!.. Тоже, какъ бы въ родѣ дохтура былъ! лѣчилъ превосходно... Мы съ нимъ пріятели были... Онъ тоже охотничалъ... Сколько мы съ нимъ исходили только—и-и-и! Страсть! Бывало, зальемся дня на два, на три... Онъ меня даже очень уважалъ... Однимъ словомъ—пріятели были! Вотъ это ружье-то я у него купилъ, у Дмитрія Степаныча...

Трофимычъ переложилъ съ одного на другое мѣсто свою одностволку.

— Пришелъ разъ ко мнѣ выпимши и давай приставать: „купи да купи“, дешево, говоритъ, отдамъ, по дружбѣ значитъ... Не надо, говорю, есть у меня (а у меня тогда плохенькое ружьишко было, вся цѣна—грошъ!)... Нечего дѣлать, пожалѣлъ человѣка—далъ ему цѣлковый... Ну, и ружье же, друхъ! Теперь и за четвертную не отдамъ... Ей-Богу!..

— Хорошее?

— Золото, а не ружье! На сорокъ саженъ печатныхъ—это ему самая настоящая мѣра. Если скажемъ такъ, на сто шаговъ въ листъ,—такъ и усыпетъ; живого мѣста не найдешь! Какъ рѣшето сдѣлаетъ! Вотъ, напримѣръ, осенью, гуси летятъ. Ну, самъ знаешь, на какой вышинѣ они держатся... Котораго покажешь изъ стада, того и вышибу!..

— Ну, поди, все не на сорокъ саженъ?—позволилъ я себѣ усомниться.

— Бьетъ-то? А ты скажи—больше! Это я самую вѣрную дистанцію обозначилъ... Да ты гляди, какая у него стволина-то: безъ малаго вѣдь два аршина... Ты вотъ за свое много ли далъ?

— Сорокъ рублей.

— Вотъ видишь! А я за свое—только цѣлковый... А скажи мнѣ сію секунду: давай, молъ, Трофимычъ, мѣняться!.. Ей-Богу, не стану, ни за что! Я тоже не дуракъ!.. Ты на него не гляди, что оно некрасиво, ты на бой посмотри! Вѣдь ему, можетъ, больше тысячи годовъ будетъ...

— Врешь, Трофимычъ! Тысячу-то лѣтъ тому назадъ и ружей-то еще не было...

— Ну, братъ, этого ты мнѣ не говори! Я тебѣ, друхъ, доказать могу...

Трофимычъ бросилъ мое ружье, схватилъ свою одностволку и, наклонившись надъ костромъ, началъ ее внимательно разсматривать.

— Вотъ это что написано? Читай!

И Трофимычъ ткнулъ пальцемъ въ то мѣсто ружейнаго ствола, гдѣ отчетливо было вырѣзано: „728".

— Что, друхъ, видѣлъ? — многозначительно спросилъ Трофимычъ и, будучи въ полной увѣренности, что я окончательно побѣжденъ, онъ осторожно отложилъ въ сторону свою археологическую рѣдкость.

— Семьсотъ двадцать восемь... А нонче который? Вотъ ты и разочти, много ли его вѣку!..

— Да это, Трофимычъ, не годъ тутъ выставленъ...

— Не годъ? А что же это? Зря, что ли? А ты сними очки-то,—можетъ, и увидишь!

И онъ опять схватился за свою одностволку.

— Это не годъ, а номеръ,—замѣтилъ я.

Трофимычъ кинулъ на меня насмѣшливый взглядъ и, не сказавши ни слова, отбросилъ взятое ружье на старое мѣсто...

— Ну, номеръ, такъ номеръ!—пробурчалъ онъ себѣ

подъ носъ и началъ подкладывать въ костеръ хворосту и помѣшивать въ чайникѣ...

Прошло съ четверть часа въ обоюдномъ молчаніи за чаемъ... Обоимъ намъ не говорилось...

— Должно быть, пронесло грозу-то! — сказалъ я, окончивши чаепитіе.

— А кто ее знаетъ!—сердито буркнулъ Трофимычъ и началъ укладываться на боковую.

VIII

Трофимычъ разлегся, нѣсколько разъ крякнулъ, вздохнулъ, прошепталъ набожно: „Господи Іисусе!" я тоже началъ готовиться ко сну, — какъ вдругъ Фингалъ тревожно приподнялъ свою морду, насторожилъ уши и сердито заворчалъ, устремивъ свой взглядъ въ темное пространство...

— Нну! Туба! Что, дуракъ, ворчишь?—прикрикнулъ на него Трофимычъ.

Но Фингалъ не послушался. Онъ приподнялся съ мѣста, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, остановившись, сердито залаялъ въ воздухъ...

— Смотри,—волкъ!—догадался Трофимычъ и слегка приподнялся.

Я боязливо вздрогнулъ; мои руки инстинктивно потянулись къ ружью.

Но скоро, вмѣсто ожидаемаго волка, въ темнотѣ обрисовался тонкій и высокій силуэтъ человѣка.

— Туба! Регардю, Фингалъ!.. Кто такой? — окликнулъ Трофимычъ какимъ-то страннымъ, не своимъ голосомъ (такъ окрикиваютъ, обыкновенно, караульщики „накрытыхъ" воровъ).

Высокая фигура не отвѣтила и лишь почтительно приподняла надъ головой свою шляпу. Трофимычъ,

видимо, зналъ подошедшаго господина, ибо онъ, измѣнивъ тонъ и голосъ, полунасмѣшливо и полупрезрительно протянулъ:

— А-а! Карлуша! Здорово! Небойсь, шнапсу тринкать пришелъ?

Карлуша отрицательно покачалъ головою.

— Вретъ, ей-Богу, вретъ!..—сказалъ Трофимычъ.

Карлуша молча положилъ свое ружьишко возлѣ нашихъ, потомъ подошелъ къ костру, присѣлъ на корточки и растопырылъ надъ огнемъ свои длинныя и сухія руки.

Пламя костра освѣтило Карлушу. Это былъ тонкій и до крайности высокій господинъ, съ характерной нѣмецкой физіономіей. На видъ ему можно было дать лѣтъ 35—40. Его странная физіономія, съ миной застывшаго испуга, и еще болѣе странный костюмъ—сразу заявляли о какомъ-то особомъ положеніи, на которомъ находился Карлуша. Какая-то старомодная клѣтчатая визитка съ бархатнымъ воротникомъ и такими же отворотами, триковая шляпа, синій шерстяной шарфъ на шеѣ, красные женскіе чулки, увѣнчанные обыкновенными грязными мужицкими лаптями, давно небритый щетинистый подбородокъ, пугливость во взглядахъ и робость въ движеніяхъ, — все это налагало на Карлушу печать какихъ-то „исключительныхъ обстоятельствъ“.

Фингалъ повертѣлся около Карлуши, старательно обнюхалъ его со всѣхъ сторонъ и, неожиданно чихнувъ, отошелъ прочь.

— Не въ себѣ онъ! — сказалъ Трофимычъ, замѣтивъ на моемъ лицѣ нѣчто въ родѣ недоумѣнія, — глупый!..

Я сдѣлалъ Трофимычу знакъ глазами—не говорить такъ „неделикатно“.

— Ничаво по-русски не понимаетъ, при немъ что хошь говори!—отвѣтилъ на мой знакъ Трофимычъ.

— Карлуша! Ты дуракъ али умный? — обратился онъ къ Карлушѣ, какъ бы желая подтвердить этимъ только что высказанное мнѣніе.

Карлуша что-то прошепталъ себѣ подъ носъ.

— Видишь? — сказалъ Трофимычъ и опять обратился къ Карлушѣ:

— Шнапсу тринкашь?

Карлуша взглянулъ на Трофимыча, улыбнулся и отрицательно покачалъ головою.

— Ich will essen! — пропищалъ онъ тоненькимъ теноркомъ, потомъ ткнулъ себѣ пальцемъ въ ротъ и сдѣлалъ нѣсколько жевательныхъ движеній.

— Жрать проситъ...—догадался Трофимычъ, полѣзъ къ себѣ за пазуху, вытащилъ оттуда краюху хлѣба и, отломивши уголъ, бросилъ Карлушѣ.

— На̀, лопай!

Карлуша поймалъ на лету брошенный Трофимычемъ кусокъ хлѣба и съ жадностью началъ его кусать и громко пошлепывать отвисшей нижней губою.

— Проголодался, шельмецъ... — проговорилъ какъ бы про себя Трофимычъ и началъ снова укладываться на покой.

Спустя десять минутъ Трофимычъ храпѣлъ. Карлуша разулся и, повѣсивъ на палку свои бабьи чулки, принялся ихъ обсушивать надъ прогорающимъ уже костромъ. Изрѣдка онъ посматривалъ въ мою сторону, но когда замѣчалъ, что и я гляжу на него, — онъ сейчасъ же опускалъ въ землю свои глаза и робко покашливалъ въ кулакъ.

— Убили что-нибудь или нѣтъ? — спросилъ я Карлушу, стараясь сообщить своему голосу какъ можно больше мягкости и участія.

Карлуша встрепенулся, чуть было не уронилъ съ палки свои чулки, покосился въ мою сторону и, встрѣтивъ на моемъ лицѣ привѣтливую улыбку, самъ молча ухмыльнулся.

— Убили что-нибудь?—повторилъ я снова свой вопросъ.

Но Карлуша не отвѣчалъ и только застѣнчиво улыбался...

IX.

Я проснулся отъ холода. Предсказаніе Трофимыча сбылось: меня, дѣйствительно, что называется, пробрало... Я чувствовалъ страшный ознобъ во всемъ тѣлѣ, дрожалъ и щелкалъ зубами...

Приподнявшись на локтѣ, я оглядѣлся вокругъ.

Свѣтало. День обѣщалъ быть нехорошимъ, пасмурнымъ. Небо было сплошь заволочено сѣрыми тучами. Подувалъ сырой и холодный вѣтеръ. Надъ „Сосновскою трясиной“ поднимались густыя облака утреннихъ испареній. Лѣсъ утопалъ въ какомъ-то сизомъ туманѣ. Накрапывалъ мелкій дождикъ...

Трофимычъ свернулся въ дугу, ухитрившись какимъ-то образомъ спрятать всѣ свои оконечности: и голову, и руки, и ноги—все это онъ, какъ черепаха въ минуту опасности, подтянулъ подъ свое туловище. Вмѣсто Трофимыча лежалъ какой-то бугоръ неопредѣленной формы и издавалъ странные звуки...

Изъ-подъ Трофимыча выставлялся ржавый стволъ его археологической рѣдкости, а рядомъ, свернувшись тоже въ дугу, лежалъ „не кобель, а золото“.

Карлуши не было...

Костеръ погасъ; угли покрылись густымъ слоемъ пепла, и только синій дымокъ, тонкой струйкою поднимавшійся съ земли, свидѣтельствовалъ о томъ, что внутри костра еще тлѣетъ искра...

Я вспомнилъ, что у насъ еще осталось немного водки, и теперь, желая хоть немного согрѣться и остановить дрожь въ тѣлѣ, приподнялся и началъ глазами отыскивать бутылку.

— Трофимычъ! А Трофимычъ! Гдѣ водка-то? — не-

довольно окрикнулъ я Трофимыча, не находя вокругъ бутылки съ остатками „проклятаго зелья“.

Но Трофимычъ храпѣлъ. Только чуткій Фингалъ поднялъ на минутку морду, посмотрѣлъ на меня и сейчасъ же снова уткнулся въ свое брюхо.

— Трофимычъ!

Я ткнулъ его въ бокъ.

— Охъ!.. А?.. Чаво?.. Ты что меня тычешь? – спросилъ Трофимычъ, приподнявъ свою заспанную физіономію.

— Гдѣ, говорю, бутылка?

— А я почемъ знаю! Погляди, тутъ гдѣ-нибудь...

И онъ опять ткнулся носомъ.

Я смотрѣлъ, но не находилъ.

— Да нѣтъ ея!—опять сердито крикнулъ я Трофимычу.

Тотъ слегка приподнялся, почесалъ обѣими руками свой затылокъ и, осмотрѣвшись кругомъ, спросилъ:

— А гдѣ Карлушка?

— Его нѣтъ, ушелъ.

— Ну, такъ и есть! Ахъ ты, шнапса проклятая! Уперъ вѣдь водку-то! Ей-Богу...

— Ну, вотъ! — недовѣрчиво отвѣтилъ я на восклицаніе Трофимыча.

— Онъ, безпримѣнно онъ.. Больше некуда ей дѣваться... Не сквозь же землю провалилась? Онъ уволокъ... Ну, постой, попадешься,—я тебѣ шею накостыляю! Я тебѣ задамъ шнапсу!.. А, ты, драть тебя съ плеча! А?!.. Ну, и проворный! Ей-Богу!..

Но въ голосѣ Трофимыча звучала отчетливо фальшивая нотка. Онъ какъ-то слишкомъ ужъ хладнокровно ругался, возмущался и грозилъ поколотить бѣднаго Карлушу. Очевидно, что Карлуша былъ здѣсь не болѣе, какъ „козломъ отпущенія“.

— Ахъ ты, небрита рожа! Пра-а-во!.. Какъ же теперь? Задрогнемъ... Ну, я, пущай, какъ-нибудь перетерплю, безъ водки обойдусь, а вотъ ты-то, друхъ!..

Мнѣ тебя жалко... Вишь, какъ тебя трясетъ... Я хоть огня разведу,—все обогрѣешься малость...

Трофимычъ пошелъ въ лѣсъ за валежникомъ.

— Дошлый!—уже съ улыбкой говорилъ онъ, когда мы сидѣли передъ громаднымъ пламенемъ костра.— Ты на него не гляди, что онъ — дуракъ: такую механику подведетъ, что и умному не придумать...

— Карлуша-то?

— Да, шнапса-то эта! Вѣришь, друхъ, чего онъ въ прошломъ году выдѣлывалъ! Умора да и только! Вотъ здѣсь, на болотѣ... Ружья у него тогда не было, а онъ таскатъ да таскатъ себѣ утокъ. Что, молъ, за диво? Какимъ манеромъ онъ ихъ ловитъ? Вотъ однова и усмотрѣли... Онъ, шельмецъ, чего выдумалъ: разнагишается, на башку долблену тыкву надѣнетъ, сверху камышей натычетъ, залѣзетъ въ болото по саму шею и выглядываетъ въ дыры... Съ виду-то смотрѣть,—какъ бы кочка какая али кустъ... Сидитъ часъ, сидитъ другой. Пролетятъ утки, а то выводокъ выплыветъ... Какъ котора къ нему подплыветъ,—онъ ее хвать за ногу! Свернетъ башку да на поясъ... Ей-Богу! Да такъ вотъ штукъ до пятнадцати другой разъ налавливалъ!.. Ну, теперь бросилъ: отвадили,—дробцой попугали...

— Да кто онъ такой? Откуда?

— Карлуша-то? Можетъ, слыхалъ: верстъ за двадцать отсюда ферма есть? „Миллершина ферма“ прозывается... Теперь-то ужъ она другому принадлежитъ... А раньше нѣмка Миллерша ей владѣла... Ну, такъ этотъ Карлушка — Миллершинъ сынъ и есть... Такъ, глупый!.. Мать-то у него померла, ферму-то банка отобрала да съ торговъ продала... А Карлушка-то такъ и остался... Ни роду, ни племени... Одинъ, какъ перстъ...

— Гдѣ же онъ живетъ?

— Да шутъ его знаетъ? Зиму-то около фермы колотится... Такъ, ровно песъ какой!.. Бьютъ его тамъ страсть какъ! Все хотятъ отъ фермы-то отвадить, да не

могутъ... А какъ только весна—на дворъ, такъ Карлушка и самъ убѣжитъ... Собаками не сыщешь... По лѣсу, по болотинамъ шляется... Теперь вотъ гдѣ-то ружьишко добылъ, такъ и вовсе одичалъ... Ни въ одну деревню не заглядыватъ... А кормится все больше около косцовъ, гуртовщиковъ да охотниковъ... Такъ, пропащій... Жалко! Тоже—человѣкъ вѣдь, така же душа въ немъ...

X.

Взошло солнце, но сплошныя тучи едва пропускали бѣлесоватые лучи его. Дождь усилился и началъ безостановочно постукивать въ мою кожаную куртку... Мнѣ захотѣлось вдругъ быть дома, отдохнуть, полежать на удобной постели, погрѣться за самоваромъ.

— Поѣдемъ, Трофимычъ!—рѣшительно заявилъ я о своемъ намѣреніи.

— Пойдемъ... Ты опять здѣсь, около лѣса, пройди, а я въ обходъ,—отвѣтилъ Трофимычъ, не понявши моего приглашенія.

— Нѣтъ, спасибо! Ужъ я прямо домой... какая тутъ, чортъ, охота!

— Экій ты, братецъ, чудакъ! Теперь—самое настоящее время: скоро утка на хлѣба полетитъ... Только поспѣвай заряжать... Знаешь ли, сколько нащелкамъ!..

Но уже никакія картины удачи, рисуемыя предо мной Трофимычемъ, теперь не манили меня. Мирная семейная обстановка, со всѣми ея удобствами, которыхъ здѣсь не было, тянула меня непреодолимо.

Я молча поднялся, закинулъ за плечи ружье и зашагалъ впередъ. За мной нехотя поплелся и Трофимычъ.

Долго мы шли молча. Трофимычъ смотрѣлъ серьезно, почти сердито, то и дѣло вздыхалъ, кряхтѣлъ, изрѣдка толкалъ ногою подвертывавшагося Фингала и что-то бурчалъ себѣ въ бороду...

А предо мною вставалъ образъ несчастнаго, забитаго и загнаннаго Карлуши...

— Э! Лександра! Здравствуй!—крикнулъ Трофимычъ объѣзжавшей насъ на телѣгѣ бабѣ и слегка приподнялъ на головѣ картузъ.

Молодая, красивая баба ласково улыбнулась и замотала накрытою платкомъ головою...

— Подсади, что ли! вишь устали, чуть ноги волокемъ!—попросилъ бабу Трофимычъ.

— Какъ же, надо подсадить, не то осердишься!—засмѣялась Лександра, но потомъ попридержала свою кляченку:

— Ну, садитесь, что ли! Надо уважить ужъ...

Трофимычъ сразу повеселѣлъ и проворно прыгнулъ въ телѣгу. Я послѣдовалъ его примѣру.

— Пашолъ!—крикнулъ Трофимычъ и вытянулъ ладонью молодуху вдоль всей спины.

— Баловашь!—сказала баба и задергала возжами.

— А это еще чей такой?—вполголоса спросила она у Трофимыча.

— Это съ хутора... Помнишь, куда я тебя съ ягодами-то посылалъ?.. Оттуда...

— А-а!—вспомнила Лександра.

— Мы съ нимъ пріятели,—сказалъ, обернувшись ко мнѣ, Трофимычъ.—Я его еще въ одно мѣсто свожу, такъ и быть удружу!.. Дай-кась, друхъ, паперосочку!..

Когда мы проѣзжали мимо маленькаго болотца, гдѣ вчера впервые „подгадилъ“ Фингалъ, изъ-за кустовъ выставилась по поясъ тонкая и высокая фигура Карлуши.

— Нашто шнапсу стринкалъ? А? Я тебѣ, жуликъ!..—крикнулъ Трофимычъ и погрозилъ въ воздухѣ своимъ мозолистымъ кулачищемъ.

Карлуша остановился, недоумѣвающе посмотрѣлъ въ нашу сторону, улыбнулся и опять пропалъ въ кустахъ...

Скоро впереди выросла бѣлая колокольня Сосновской церкви. При въѣздѣ въ село Трофимычъ попрощался со мною, ударилъ молодуху опять вдоль спины, крикнувъ: „спасибо“, и спрыгнулъ съ телѣги.

— Ты куда же?

— А къ барынѣ... Надо дупелевъ занести...—отвѣтилъ онъ, подмигнувъ мнѣ глазомъ, и зашагалъ по направленію къ барскимъ хороминамъ Аѳонасьи Петровны. За нимъ побѣжалъ и „не кобель, а золото“...

А спустя часъ и я былъ дома. Передо мною стоялъ свѣтло начищенный самоваръ и радушно урчалъ, выпуская во всѣ стороны бѣлыя облака охлажденнаго пара. На столѣ были густыя сливки, варенье, румяныя булки... Въ комнатѣ пахло жженымъ кофе и чѣмъ-то вкуснымъ, сдобнымъ.

А тамъ, на улицѣ, было такъ скверно: дождь лилъ, какъ изъ ведра, и, увлекаемый порывами вѣтра, крѣпко стучалъ въ стекла оконъ. На дорогѣ и подъ окнами стояли цѣлыя болота грязной воды. Тамъ было такъ сѣро, непривѣтливо, неуютно!..

И я чувствовалъ себя чрезвычайно довольнымъ и счастливымъ. Одно только нѣсколько смущало мое спокойствіе и блаженство: прислушиваясь къ порывамъ вѣтра и стуку дождя въ окна и крышу, я невольно спрашивалъ себя: „а гдѣ-то теперь несчастный Карлуша?..“

СОЗРѢЛЪ.

Вчера я послѣдній разъ посѣтилъ гимназію... Странное чувство испытывалъ я уже по дорогѣ къ угрюмому казенному зданію, окрашенному въ какую-то дикую краску и украшенному престарѣлой вывѣской съ облупившимися, частью уже исчезнувшими, золочеными буквами: „Губернская ...азія“... Это было чувство „побѣдителя“... Раньше, бывало, я приближался къ этому зданію съ нѣкоторымъ трепетомъ и съ затаенной непріязнью человѣка, который знаетъ, что втайнѣ здѣсь готовятся ему всякія козни и мины. Теперь ничего подобнаго. Все величіе, весь ореолъ страха, вся робость, воспитанная длинными годами моего созрѣванія, исчезли, растаяли, какъ паръ, разсѣялись, какъ дымъ... Стоитъ домъ, какъ домъ, немного старый, закоптѣлый и угрюмый; но ничего таинственнаго, подозрительнаго въ его взглядѣ на меня нѣтъ. Напротивъ, этотъ домъ смотритъ очень добродушно, просто, безъ всякой затаенной мысли противъ меня и, какъ старый, добрый дѣдушка, улыбается мнѣ навстрѣчу... „А-а, Подгибаловъ!—казалось, говорилъ теперь этотъ домъ, потерявшій въ моихъ глазахъ угрожающе-подозрительный характеръ:—кончилъ, братецъ? Молодчина!“ Я безъ всякаго трепета и опасенія вошелъ на его широкое парадное крыльцо съ навѣсомъ и съ дверью, сверкавшей на

солнышкѣ стеклами, мѣдной рѣшеткой и ручками, и только что взялся было за скобку, — какъ дверь широко распахнулась какъ бы сама собою... Ко мнѣ, сверхъ обыкновенія, подскочилъ швейцаръ Кирилычъ и началъ стягивать пальто...

— Поздравляю, ваше благородіе, съ благополучнымъ окончаніемъ ученія у насъ... Желаю вамъ дослужиться до дилектора! — говорилъ Кирилычъ съ доброжелательной улыбкою на лицѣ, бритомъ, усатомъ и строгомъ, и услужливо топтался возлѣ меня.

Никогда еще Кирилычъ не называлъ меня „вашимъ благородіемъ“, да и вообще такъ никто до сихъ поръ не называлъ меня. Поэтому, сказать откровенно, я почувствовалъ нѣкоторое удовольствіе, и на лицѣ моемъ появилась отвѣтная улыбка. Этотъ самый Кирилычъ былъ моимъ личнымъ врагомъ: онъ доносилъ на меня, если я приходилъ въ гимназію безъ ранца, убѣгалъ съ гимнастики или съ послѣдняго урока. Но я, право, не могъ теперь сердиться на Кирилыча... „Песъ съ тобой“, подумалъ я и сказалъ:

— Здравствуй, Кирилычъ!.. Спасибо на добромъ словѣ...

— А ужъ ежели въ дилектора попасть, такъ недалеко и до попечителя...

— Куда тамъ!...

— А что?! Долго ли? Всяко бываетъ. Вотъ хотя бы господина Иванова взять, письмоводителя то-есть, — вмѣстѣ въ ротѣ были... Я былъ старшимъ унтеръ-офицеромъ, а онъ такъ, рядовой по жребію... Бывало, частенько покрикивать на него доводилось, а теперь вотъ — пальто имъ подаю и подъ козырекъ дѣлаю... — шопотомъ закончилъ Кирилычъ и развелъ руками. — Это ужъ какое кому счастье, фортуна то-есть.

— Я, Кирилычъ, никому ни пальто, ни галошъ подавать не буду...

— Зачѣмъ же! Я это только — къ слову!.. Фура-

жечку позвольте, ваше благородіе, я ее на полочку положу...

Впослѣдствіи я понялъ, что Кирилычу слѣдовало дать на чай, а тогда какъ-то не сообразилъ и только крякнулъ, тряхнулъ волосами, поправилъ на носу очки и пошелъ на квартиру къ директору.

Надо вамъ сказать, что я пришелъ на сей разъ уже не въ гимназической формѣ, а въ отцовской визитной тройкѣ и въ его же пальто. Только форменная фуражка изобличала мое прошлое.

Директоръ былъ очень строгій человѣкъ, на лицѣ котораго я рѣдко видѣлъ что-нибудь другое, кромѣ обычной кислой, недовольной мины; эта самая кислая мина всегда пробуждала во мнѣ чувство „самосохраненія“; поэтому, приближаясь къ дверямъ директорской квартиры, я какъ-то инстинктивно, на ходу сталъ застегивать пуговицы визитки, что было сдѣлать нелегко, вслѣдствіе особаго покроя ея фалдъ, расходящихся на двѣ стороны, съ прорѣзомъ, а затѣмъ,—тоже инстинктивно, помочилъ слюнями ладонь руки и началъ приглаживать непокорный хохолъ на загривкѣ... За этотъ хохолъ, какъ и за преждевременные усы, мнѣ, бывало, доводилось выслушивать отъ директора длинныя нотаціи и объясненія, почему у гимназиста не должно быть ни хохловъ, ни усовъ, а кстати ужъ—почему гимназистъ не долженъ ходить съ палкой... Такъ вотъ, несмотря на полную независимость своего новаго положенія, я не могъ еще вполнѣ отрѣшиться отъ чувства робости предъ директоромъ и, оправившись, не безъ страха подавилъ слегка пуговку звонка. Хотя вокругъ этой пуговки и было написано „прошу звонить“, но я не относилъ къ себѣ этого любезнаго приглашенія.

На звонокъ, очень не скоро, отворила мнѣ директорская кухарка, съ грязной физіономіей и засученными по локоть рукавами... Эта грубая баба, видимо,

приняла меня за какого-нибудь посыльнаго или лавочника:

— Погодь здѣсь, малецъ!.. Какъ про тебя сказать-то?..

Это я-то „малецъ"!..

Я вспыхнулъ, но, конечно, не вступать же въ объясненія со всякими дурами?..

— Окончившій курсъ гимназіи, Императорской первой гимназіи, Подгибаловъ—такъ и скажи!—огорошилъ я бабу. Она вытаращила глаза и убѣжала. Спустя нѣсколько мгновеній, она явилась и заговорила со мной совсѣмъ другимъ тономъ:

— Пожалуйте въ кабинетъ барина! Сичасъ выдутъ сами...

Я вошелъ въ кабинетъ и присѣлъ на софу. Долго я сидѣлъ тутъ въ полномъ одиночествѣ и обводилъ взорами директорскій кабинетъ, съ которымъ у меня было связано нѣсколько непріятныхъ воспоминаній... Когда, бывало, директоръ приглашалъ насъ въ свой кабинетъ, то это не обѣщало ничего хорошаго. Такое приглашеніе кончалось всегда или карцеромъ, или „плохимъ поведеніемъ"... „Вотъ здѣсь,—думалъ я,—директоръ далъ мнѣ не такъ давно основательную „проборку" за папиросу, съ которой я былъ пойманъ имъ въ общественномъ саду; здѣсь же въ прошломъ году онъ распекалъ меня за дерзость учителю латинскаго и довелъ меня до слезъ (глупъ былъ!)". И вотъ я снова приглашенъ въ кабинетъ великаго инквизитора,—такъ мы называли эту комнату,—а чувствую себя совершенно иначе, да и самый кабинетъ уже иначе смотритъ на меня... Я смотрѣлъ на массивный письменный столъ, заваленный книгами, тетрадями и бездѣлушками, на кресло-качалку, на портретъ Гомера въ черной рамкѣ, того самаго Гомера, который подставилъ мнѣ ногу при переходѣ изъ VI въ VII классъ и заставилъ все красное лѣто зудить и проклинать древнихъ грековъ съ ихъ проклятыми грамматиками и исключеніями, на

пріотворенную дверь въ сосѣднюю комнату; прислушивался къ тиканью бронзовыхъ часовъ, такъ мучительно-медленно постукивавшихъ когда-то въ моментъ „проборки“ и „распеканія“... И мнѣ дѣлалось вдругъ скучно. Я позѣвнулъ, прикрывъ ротъ ладонью, и слегка потянулся, ощущая во всемъ тѣлѣ какую-то сладостную истому... Я положилъ было уже ногу на ногу и началъ покачивать верхней, какъ вдругъ—шлепанье туфлей!.. „Великій инквизиторъ“! — промелькнуло въ моемъ мозгу; я быстро всталъ, тихо откашлянулся, поправилъ на скорую руку прическу и галстукъ... Дверь распахнулась,—и предо мною предстала фигура директора... Ничего грознаго, величественнаго, недосягаемаго: человѣкъ въ пестромъ бухарскомъ халатѣ, въ какой-то ермолкѣ, жуетъ—доѣдаетъ что-то, улыбается самымъ милѣйшимъ образомъ и, показывая на стулъ, любезно предлагаетъ:

— Садитесь-ка! Гм... Ваше имя?..

— Егоръ Подгибаловъ...

Директоръ покачалъ головой, проглотилъ то, что̀ жевалъ, и замѣтилъ:

— Теперь вы уже не Егоръ Подгибаловъ... Ваше отчество?

— Иванычъ, — тихо отвѣтилъ я, опуская глаза въ землю.

— Такъ вотъ, Егоръ Иванычъ... да... Кончили... Очень радъ, душевно радъ за васъ и за вашихъ почтенныхъ родителей... Позвольте пожелать вамъ дальнѣйшаго движенія!..

При этомъ директоръ протянулъ мнѣ свою руку, которую я принялъ довольно нерѣшительно, съ мыслью: не по ошибкѣ ли онъ это дѣлаетъ?

Эту руку, худую, костлявую и холодную, я слегка подержалъ въ своей и выпустилъ бережно...

— А вы садитесь! — бросилъ директоръ, опускаясь въ кресло-качалку.

Я осторожно присѣлъ на кончикъ стула и ужасно переконфузился. „Егоръ Ивановичъ“, директорская рука и предложенный стулъ какъ-то обезкуражили меня. Я сѣлъ и началъ напряженно думать, о чемъ бы заговорить съ директоромъ. На лбу моемъ выступилъ потъ, а я все еще молчалъ... Я убѣждался, что намъ съ директоромъ рѣшительно не о чемъ говорить... Сижу и глупо смотрю на бородавку, что сидитъ на директорскомъ носу, и думаю про эту самую бородавку... Если бы это не было неприлично, я съ этой именно бородавки и началъ бы разговоръ съ директоромъ...

А директоръ, видимо, нисколько не стѣснялся неловкимъ молчаніемъ между нами: онъ покачивался, непринужденно отдувался и, поглаживая бородку, смотрѣлъ куда-то мимо меня...

— Да-съ... Егоръ Иванычъ... Кончили... Не угодно ли? Курите?—спросилъ онъ вдругъ и, раскрывъ свой массивный серебряный портсигаръ, протянулъ его ко мнѣ.

Вотъ было положеніе!.. Вы и представить себѣ не можете...

По правдѣ говоря, я курю уже давно, съ V класса, и директоръ это отлично знаетъ... Но какъ я могу отвѣтить утвердительно, когда всего два-три мѣсяца тому назадъ, въ этомъ самомъ кабинетѣ, и этотъ самый человѣкъ, поймавъ меня въ общественномъ саду съ папиросой въ зубахъ, кричалъ, топалъ ногами, грозилъ „выгнать вонъ“?..

Я чувствовалъ, что краснѣю до корня волосъ, что уши мои наливаются кровью, руки тяжелѣютъ... Я внезапно вспотѣлъ отъ безвыходности положенія, а онъ снова:

— Курите? Прошу васъ!..

— Нн... да... собственно не курю, но... позвольте... мерси...

— Не стѣсняйтесь... Теперь можно и покурить... Quod licet Iovi, non licet bovi... Гимназисту строго воз-

браняется, а окончившимъ курсъ—никто не запрещаетъ, Егоръ Иванычъ...

Я привсталъ какъ-то одной ногою, протянулся съ дрожащей рукою къ директорскому портсигару и вытащилъ изъ него вмѣсто одной—двѣ папироски. Растерялся, хотѣлъ одну изъ папиросъ положить обратно, но уронилъ ее на полъ и оскандалился: когда я наклонился къ полу, изъ бокового кармана визитки выпала коробочка съ моими собственными папиросами, моей любимой „Звѣздочкой“, 10 штукъ—5 коп.

Директоръ расхохотался. Я тоже началъ смѣяться, хотя не потому, чтобы мнѣ было смѣшно, а просто потому, что больше ничего не оставалось дѣлать... Спасибо директоршѣ—выручила:

— Вася!—прозвучалъ ея голосъ изъ сосѣдней комнаты.—Идите!

— Стаканчикъ кофе? Пожалуйте, Егоръ Ивановичъ!

— Мерси... Я только что пообѣдалъ... То-есть собственно позавтракалъ...

— А вы полноте, идите!

Директоръ растворилъ дверь и всталъ, пропуская меня впередъ.

— Вотъ, душечка, позволь тебѣ представить Егора Ивановича Подгибалова, окончившаго въ семъ академическомъ году курсъ въ моей гимназіи...

— Съ медалью?—перебила „душечка“ и покровительственно, хотя и между дѣломъ, взглянула въ мою сторону.

— Собственно безъ медали,—отвѣтилъ я, присаживаясь къ столу.

— Но не изъ послѣднихъ,—докончилъ за меня директоръ.

За столомъ, на высокомъ дѣтскомъ стульчикѣ, сидѣла еще дѣвочка лѣтъ 3—4, которая начала со мной заигрывать: глядя на меня исподлобья, она строила вызывающія гримаски, высовывала язычекъ и порыва-

лась все заговорить со мною; долго не рѣшалась, но, наконецъ, начала:

— Дядя дулакъ... ты дулакъ...

— Милочка, не хорошо... перестань!..

— А ты дулакъ... дул-а-акъ!..

Свѣтлоначищенный самоваръ, блестящій кофейникъ красной мѣди, директоръ въ халатѣ, „душечка", милочка со своимъ „дулакомъ" и румяныя пахучія булочки домашняго печенья,—все это какъ-то разгоняло мою неловкость, мою робость и подбавляло сознанія, что я уже не гимназистъ, и что въ сущности мнѣ нечего стѣсняться.

— Madame, позволите?—обратился я къ директоршѣ, вынимая изъ коробочки собственную папиросу. Директоръ взглянулъ на меня какъ-то насмѣшливо и погладилъ бородку, но ничего не сказалъ.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе!—небрежно бросила директорша, углубленная въ хозяйственныя соображенія.

Директоръ разспрашивалъ меня о томъ, на какой факультетъ я намѣренъ поступить, давалъ свои совѣты и указанія. Когда онъ узналъ о моемъ намѣреніи сдѣлаться естественникомъ, то многозначительно сморщилъ брови и, кажется — искренно, не совѣтовалъ этого дѣлать. Медленно, съ разстановкой, съ паузами и вставочными разговорами съ „душечкой" о постороннихъ предметахъ, онъ говорилъ о карьерѣ, приводилъ факты плачевнаго положенія у насъ естественниковъ, упомянулъ о какомъ-то Селивановѣ, который, по окончаніи курса естественныхъ наукъ, два года утаптывалъ мостовую и лишь недавно пристроился въ какой-то канцеляріи за 40 руб. въ мѣсяцъ...

Я слушалъ и молчалъ, а директоръ все говорилъ и говорилъ...

— Поступайте, Егоръ Ивановичъ, на филологическій,—убѣждалъ онъ меня:—благодарная, скажу вамъ наука...

— Не хотите ли еще стаканчикъ?—перебила директорша, обратившись въ мою сторону, но тонъ ея предложенія былъ изъ такихъ, которые не только отнимаютъ всякій аппетитъ, но даже лишаютъ способности чувствовать благодарность за вниманіе.

Видя, что наступилъ моментъ, когда всего лучше было встать и откланяться, я поднялся и вѣжливо сказалъ:

— Не смѣю больше васъ задерживать... Позвольте поблагодарить и пожелать вамъ всего лучшаго!..

— И мы—тоже,—отвѣтила директорша и протянула мнѣ руку такъ небрежно, что я почувствовалъ даже обиду: какъ-то, знаете, черезъ плечо, глядя въ сторону...

Директоръ проводилъ меня до кабинета. Здѣсь онъ остановилъ меня, взялъ двумя пальцами за верхнюю пуговицу и съ какой-то таинственностью произнесъ:

— Ну, Егоръ Ивановичъ, еще одно послѣднее указаніе: не увлекайтесь никакими тамъ идеями... Лучше всего оставить ихъ въ покоѣ и съ подобными господами не связываться... Надо стараться получить дипломъ... всѣ эти идеи... (директоръ безнадежно махнулъ рукой). Я вамъ говорю, какъ отецъ, отправляющій своего сына въ дальнее странствованіе. Теперь вы, Егоръ Ивановичъ, становитесь своего рода Одиссеемъ: отечество, какъ Пенелопа, будетъ ждать вашего возвращенія...

И здѣсь директоръ, закрывъ глаза, продекламировалъ нѣсколько стиховъ изъ Одиссеи по-гречески.

— Такъ вотъ идите съ миромъ и помните мой последній совѣтъ вамъ: сторониться всякихъ идей...

— Не безпокойтесь, Василій Ѳеофилактовичъ, я буду стараться безъ идей какъ-нибудь...—успокоилъ я, хотя, конечно, я не настолько же глупъ, чтобы думать, что можно обойтись безъ идей... Идея — слово греческое, значитъ мысль...

— Такъ, такъ... Это—прежде всего,—уже издали донесся голосъ директора.

Я вышелъ и зашагалъ по пустыннымъ коридорамъ гимназіи въ канцелярію.

Въ канцеляріи я опять почувствовалъ себя какъ-то неловко отъ непривычнаго привѣта и любезности служащихъ. Дрожащимъ почеркомъ я расписывался здѣсь въ какихъ-то книгахъ и на листахъ бумаги, давалъ какое-то письменное согласіе на что-то, писалъ кому-то и о чемъ-то прошеніе, продиктованное мнѣ письмоводителемъ... Все это я дѣлалъ торопливо, судорожно, съ одною мыслью въ головѣ: „кончилъ!“ и, кажется, готовъ былъ въ эту минуту подписывать что угодно и кому угодно, писать хоть сотню прошеній, лишь бы поскорѣе отдѣлаться и получить желаемый „аттестатъ зрѣлости“...

Но вотъ—совершилось!.. Удостовѣреніе въ зрѣлости положено въ карманъ. Я вынимаю свою „Звѣздочку“ и предлагаю письмоводителю:

— Не угодно ли?

— А ну-ка, попробуемъ!.. Э, у васъ покупныя?!. Не хочу.

— Какъ вамъ угодно.

— Давно курите?

— Съ пятаго класса. Въ седьмомъ бросалъ, а въ восьмомъ опять началъ...

— На юридическій, поди?

— Нѣтъ, естественникомъ буду...

— Напрасно!.. Попали бы въ Плеваки, такъ узнали, гдѣ зимуютъ раки!..

— Краснорѣчія не имѣю, да и за деньгами особенно не гонюсь...

— Значитъ, ужъ вредныя идеи въ головѣ имѣете...

Я удивленно посмотрѣлъ на письмоводителя.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Что хотѣлъ, то и сказалъ... Пренебрегаете день-

гами, а это, батенька, начало всякихъ превратныхъ идей...

„Вотъ дались имъ эти идеи!“ думалъ я, выходя въ швейцарскую.

— Кирилычъ! Пальто!..

Отвѣта не послѣдовало. Я оглянулся вокругъ,—никого не было. Самъ надѣлъ пальто и досталъ съ полочки фуражку.

Выйдя на крыльцо гимназіи, я глубоко и свободно вдохнулъ влажный весенній воздухъ.

Былъ свѣтлый майскій день, радостный, торжествующій. Легкій дождичекъ „сквозь солнце“ только что спрыснулъ гимназическій садъ, крыши домовъ, мостовую. Все это выглядѣло новымъ, свѣжимъ, молодымъ и, казалось, радовалось вмѣстѣ со мною... Изъ сада неслись оживленное щебетаніе птицъ и ароматъ распустившейся сирени, съ улицъ несмолкаемая трескотня извозчичьихъ пролетокъ и пестрый шумъ голосовъ и звуковъ городской сутолоки.

Гимназія была расположена на горѣ. Предо мною раскрывалась дивная панорама; подъ ногами—хаосъ стѣнъ и крышъ, бѣлыхъ, красныхъ, зеленыхъ, съ выдвигающимися надъ ними куполами церквей, ослѣпительно сверкавшихъ на солнышкѣ позолотою, съ кущами обывательскихъ и городскихъ садовъ и скверовъ... Вдали, за городомъ, необъятный лугъ, а дальше—окутанные сизымъ туманомъ неясные мягкіе контуры волжскихъ горъ и дивная голубоватая даль, манящая къ себѣ даль, навѣвающая грезы о чемъ-то далекомъ, несбыточномъ, но дивномъ...

Когда я окинулъ взоромъ разстилавшійся подъ ногами городъ и необозримый горизонтъ голубыхъ, подернутыхъ мѣстами бѣлыми облачками небесъ, мое сердце защемило и запрыгало отъ избытка счастья, радости,—и мнѣ захотѣлось полетѣть вмѣстѣ съ улетавшей по направленію къ сизымъ горамъ птицею куда-то

далеко-далеко и затеряться, утонуть въ голубоватой дымкѣ горизонта... Я снялъ фуражку, погладилъ себя по одурманенной головѣ и, самъ не знаю чему, засмѣялся... Какъ хорошо!.. Ахъ, какъ хорошо!.. Хочется и плакать, и смѣяться, запѣть что-нибудь...

Я спустился по деревянной, покрытой зеленымъ мохомъ, лѣстницѣ подъ гору и пошелъ вдоль улицы.

Мои ноги невольно бѣжали впередъ. Я чувствовалъ, что мое лицо складывается въ глупѣйшую улыбку и едва сдерживалъ себя, чтобы не расхохотаться самымъ безцеремоннымъ образомъ среди улицы, по тротуарамъ которой сновали безпрерывно прохожіе, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ мнѣ казалось, смотрѣли на меня не безъ удивленія. Какая-то толстая барыня даже улыбнулась, встрѣтившись со мною взорами, послѣ чего я чуть-чуть не заговорилъ съ ней: такъ и подмывало меня сказать ей, что я — „кончилъ", а въ доказательство вынуть изъ кармана и показать „аттестатъ зрѣлости"... При поворотѣ въ другую улицу меня кто-то окрикнулъ по фамиліи. Я едва сдержалъ ноги и остановился. Это былъ мой товарищъ Крюковъ, который тоже „кончилъ". Онъ храбро дымилъ папиросой; чрезъ распахнутое пальто виднѣлся воротъ его красной рубахи; на головѣ его небрежно покоилась поярковая шляпа съ широкими трясущимися полями; въ рукахъ онъ держалъ толстую корявую палку, конецъ которой касался тротуара и производилъ страшную трескотню.

— Куда, collega? — спросилъ Крюковъ, сдвигая на затылокъ свою шляпу и отирая рукавомъ пальто потный лобъ.

Я и самъ не зналъ — „куда" и теперь только мысленно спросилъ себя: „куда я, въ самомъ дѣлѣ?"

— Такъ... былъ въ гимназіи, получилъ аттестатъ...

— Я вчера еще получилъ его, collega!.. Вотъ курьезъ, collega! ха-ха-ха!.. Сейчасъ встрѣтился съ нашимъ грекомъ и разговаривалъ съ нимъ... Откровенно признался,

что никогда не писалъ самъ домашнихъ упражненій и не подыскивалъ словъ, что на экзаменѣ прекрасно списалъ, хотя и сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ... Его, братецъ, даже передернуло, отъ безсильной злобы — надо полагать...

— Воображаю... И что же?

— Съѣлъ!.. Поморщился и сказалъ: „недобросовѣстно“... Это еще и въ греческомъ языкѣ совѣсть подавай!..

И мы отъ души хохотали надъ бѣднымъ „грекомъ“...

— На медицинскій?

— Конечно, collega! А ты?

— Естественникъ.

— Тоже дѣльно!.. Медики и естественники—самый лучшій народъ.

— Ты былъ у директора?

— Былъ... Онъ мнѣ совѣтовалъ—на филологическій...

— И мнѣ тоже... Насчетъ идей говорилъ?

— Говорилъ...

И мы снова хохотали до слезъ.

Когда мы проходили мимо портерной лавки, на вывѣскѣ которой была изображена кружка пива, неестественно пѣнившагося и льющагося черезъ края посуды,—Крюковъ предложилъ:

— Зайдемъ! Хлопнемъ, collega, по кружечкѣ...

Я согласился. Мы спустились по каменнымъ ступенькамъ лѣстницы въ подвальный этажъ, вошли въ мрачную, прохладную коморку и сѣли за отдѣльный столикъ.

— Человѣкъ! Бутылку пива! — повелительно крикнулъ Крюковъ, снимая шляпу.

— Какого прикажете?

— Какого, collega? Свѣтлаго, надѣюсь?..

— Конечно.

— Валяй свѣтлаго! Живо!

Послѣ двухъ бутылокъ выпитаго пива въ нашихъ

головахъ зашумѣло. Мы о чемъ-то спорили, чуть не поругались, пробовали пѣть дуэтомъ „Gaudeamus“, „Дубинушку“, говорили объ „идеяхъ“... Помнится мнѣ еще, что, когда, выйдя изъ портерной и взявши другъ друга подъ руку, мы шли по улицѣ, Крюковъ вступалъ въ разговоры и объясненія со всѣми встрѣчаемыми на пути будочниками, о чемъ-то все спорилъ съ ними и многозначительно постукивалъ при этомъ своей толстой корявой дубинкою...

Ночью мнѣ снились все тревожные сны. То я видѣлъ себя опять на гимназической скамьѣ отвѣчающимъ урокъ и не знающимъ, что̀ даже задано, то мнѣ снилось, что меня распекаетъ инспекторъ за то, что я хожу безъ ранца, не имѣю на фуражкѣ установленнаго знака и не пришью сзади пуговицы... Тревожно пробуждаясь отъ сна, я моментально вспоминалъ, что я—„кончилъ“ и съ какимъ-то наслажденіемъ прижимался снова къ подушкѣ и спокойно и быстро засыпалъ...

На другой день у насъ былъ „семейный праздникъ“: по случаю благополучнаго окончанія мною курса гимназіи къ намъ собрались родственники и знакомые, пили чай, играли въ карты, а за ужиномъ роспили двѣ бутылки шампанскаго. Я былъ, конечно, „героемъ“ этого праздника... „Егоръ Ивановичъ, Егоръ Ивановичъ“,— звучало во всѣхъ углахъ, и стоило мнѣ только появиться, чтобы обратить общее вниманіе. Однако я предпочиталъ прислушиваться къ разговорамъ издали:

— Теперь ужъ на дорогѣ: главное перескочилъ!..

— Главный, такъ сказать, барьеръ взялъ... Хе-хе-хе!..

— Егоръ Ивановичъ пойдетъ: онъ, кажется, весьма способный молодой человѣкъ.

Я проходилъ мимо серьезно и равнодушно, хотя разсыпаемыя по моему адресу похвалы льстили моему са-

молюбію... Когда я появился въ отцовскомъ кабинетѣ, гдѣ гости играли въ карты, раздался возгласъ:

— А, а, господинъ студентъ! Присаживайтесь... Въ винтикъ играете?

— Нѣтъ.

— Плохо-съ... Неполная зрѣлость... Учиться надо. Теперь вступаете въ общество, неловко-съ!..

— Чепуха! По моему мнѣнію, это совершенно пустое времяпрепровожденіе,—замѣтилъ я смѣло и открыто.

— Ахъ, Егоръ Ивановичъ, вольнодумствуете-съ... Поживете,—узнаете. И мы когда-то эти идеи имѣли-съ... Онѣ хороши только въ теоріи, а на практикѣ—миражъ одинъ...

Я ухмыльнулся, но промолчалъ.

Въ другомъ мѣстѣ на меня напали дамы. Съ хохотомъ, визгами, на перебой другъ передъ другомъ, онѣ тараторили всѣ разомъ:

— Егоръ Ивановичъ!

— Егорушка! по старой памяти можно такъ называть?

— Теперь вы—настоящій молодой человѣкъ: можете ухаживать...

— Нѣтъ, рано... Надо сперва въ университетѣ кончить, а тогда начинать...

— Ха-ха-ха!.. Постойте, Егорушка! Посмотрите: у него усы есть!..

— На какой факультетъ поступите?

— На медицинскій поступайте!

— Фи! съ мертвецами возиться... Лучше—на юридическій,—прокуроромъ будете.

— Я, господа, поступаю въ естественники,—обрѣзалъ я дамскую трескотню.

— Это ловить букашекъ, бабочекъ, а потомъ сажать ихъ на булавки?...

— Напрасно такъ думаете...

— Ну, а что же? Кѣмъ же вы потомъ будете?

— Человѣкомъ...

Общій хохотъ.

— А сколько потомъ жалованья? — спросила тетка, сухая пожилая вдова, съ жалобнымъ лицомъ, постоянно ноющая и хлопочущая о какомъ-то пенсіонѣ.

— Наука, тетя, одно, а жалованье—другое.

— Науку, поди, ѣсть не будешь?

— А ну васъ!

Я повернулся и отошелъ...

Подъ конецъ вечера гости надоѣли мнѣ хуже горькой рѣдьки со своими совѣтами, пожеланіями и допросами. Одни увѣщевали сдѣлаться докторомъ, другіе—прокуроромъ, третьи — учителемъ, четвертые—попасть въ инженеры, одна барыня стояла за артиллерійское училище. Прямо голова кругомъ шла отъ массы всякихъ дорогъ и тропинокъ. Я, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и за ужиномъ началъ огрызаться:

— Я ничего, господа, не знаю... Главное — сдѣлаться честнымъ человѣкомъ!

— Въ этомъ мы, Егоръ Ивановичъ, не сомнѣваемся. А все-таки надо же выбрать себѣ карьеру...

— Вѣроятно, молодой человѣкъ, у васъ есть же къ чему-нибудь особое пристрастіе? — спросилъ папинъ начальникъ, глядя на меня черезъ очки.

— Что ты больше всего любишь? — пояснилъ папа мысль своего начальника.—Исторію, географію, языкъ какой-нибудь?

По мѣрѣ того, какъ папа перечислялъ предметы, въ моемъ воображеніи вставали фигуры преподавателей, отрывки отдѣльныхъ „уроковъ“, отмѣтки, случаи разные на урокахъ... При упоминаніи объ исторіи,—я живо представилъ себѣ свою истрепанную, въ сломанномъ переплетѣ, книгу „Исторію среднихъ вѣковъ“ Иловайскаго, потомъ откуда-то выскочила въ мозгу страница про „Пипина Короткаго“, усѣянный цифрами листъ — „хронологія“, по которой готовился къ выпуск-

ному экзамену, а затѣмъ въ памяти всталъ и самъ Яковъ Кузьмичъ, нашъ историкъ, чахоточный и злой, требующій отъ насъ „хронологію въ разбивку и съ обоихъ концовъ по порядку“. Какая-то каша именъ, анекдотовъ, цифръ, отмѣтокъ... Вотъ она, исторія! Любишь исторію?.. Географія... Но географія... всегда стояла и стоитъ рядышкомъ съ исторіей, это — родныя сестры... И преподаватель у нихъ одинъ... Да я до смерти радъ, что, наконецъ, избавился отъ „исторіи съ географіей“. Языки... латинскій... греческій... Избави меня Господи!

И я молчалъ, не зная, что я люблю и люблю ли что-нибудь...

— А физика! Ты вѣдь ее любишь?—помогла мама:— у тебя изъ физики, кажется, все пятерки?!

— Ну, вотъ, на физическій факультетъ и поступайте,—сказалъ папинъ начальникъ. Нѣкоторые изъ гостей переглянулись. Я посмотрѣлъ на папу: онъ покраснѣлъ.

— Про такой факультетъ я что-то не слыхалъ... Въ какомъ это университетѣ есть такой факультетъ?—спросилъ я съ ироніей папинаго начальника.

— А тотъ факультетъ, гдѣ эту физику изучаютъ, молодой человѣкъ...

— Да ее изучаютъ на медицинскомъ, на математическомъ...

— Ну, вотъ! да... гм...

Произошло неловкое молчаніе, и меня оставили въ покоѣ, не разрѣшивъ вопроса о моемъ призваніи.

— Только бы кончилъ да мѣсто приличное получилъ, а тамъ все равно,—пропищала въ моментъ общаго затишься моя пенсіонная тетушка.

Никто ее не поддерживалъ, но она продолжала резонерствовать вслухъ о трудности жизни, о жалованьѣ, пенсіонѣ, казенной квартирѣ и т. д.

Когда пили шампанское, то произносили тостъ за меня.

Гости разошлись поздно. Мама страшно устала и, какъ тѣнь, бродила по комнатамъ въ бѣлой кофточкѣ, водворяя хотя нѣкоторый порядокъ въ комнатахъ. Папа подпилъ, былъ веселъ и, несмотря на упрашиванья мамы—ложиться и дать всѣмъ покой, не хотѣлъ этого дѣлать. Заложивъ руки въ карманы брюкъ, онъ нетвердыми шагами гулялъ по залѣ и напѣвалъ: „Не искушай меня безъ нужды“. Смѣшно, когда папа начинаетъ пѣть романсы. (Онъ поетъ ихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда выпьетъ).

— Не ис-куша-а-ай мме-ня безъ ну-у-ужды... — вытягивалъ папа сиплымъ басомъ, ловилъ меня за талію, по-товарищески, предлагалъ папиросу и похлопывалъ по плечу.

— Ну-съ, Егоръ Ивановичъ!.. Мы съ вами созрѣли, значитъ!

Я стѣснялся такой необычайной фамильярности со стороны отца, особенно же послѣ того, какъ папа началъ разспрашивать меня о такихъ вещахъ, про которыя какъ-то неловко и говорить-то съ роднымъ отцомъ! Предостерегая меня отъ увлеченій, грубыхъ увлеченій, онъ совѣтовалъ мнѣ быть осмотрительнымъ, жестикулировалъ указательнымъ пальцемъ и приговаривалъ:

— Все, Егоръ Ивановичъ, можно, все можно, но... осторожно-съ!

Мама, услыхавъ нашъ разговоръ, разсердилась:

— Добру учишь?!

А когда папа началъ говорить дальше, то она пожала плечами и сказала:

— Какъ вамъ не стыдно, Иванъ Панкратьевичъ? Удивляюсь!

И пошла вонъ.

— А почему бы и не называть вещи ихъ настоящими именами? Что онъ, матушка, мальчикъ, что ли? институтка? Теперь онъ студентъ, а студенты...

Тутъ папа свистнулъ и щелкнулъ пальцами.

Онъ совсѣмъ спьянился. Въ этомъ я убѣдился, когда папа отъ любезностей по моему адресу неожиданно перешелъ прямо къ ругани:

— Прохвосты, всѣ вы прохвосты! — тихо бормоталъ онъ, сидя на диванѣ со склоненной на грудь головою. — Васъ поишь, кормишь, изъ-за васъ въ долги лѣзешь, петлю на шею надѣваешь, а вы развѣ цѣните? Никогда! Выгонятъ изъ университета, и все прахомъ пошло! Идеи разныя въ башкахъ заводятся... Какъ можно! Мы хотимъ міровые вопросы разрѣшать!.. Гдѣ бы поскорѣе кончить да на мѣсто—родителямъ жилы ослабить, они начинаютъ погаными идеями головы набивать... Свиньи!.. Право! Егоръ!

— Что, папа?

— Ты у меня изволь выкинуть изъ башки эту дурь?

— Въ моей головѣ никакой дури, папа, нѣтъ...

— Изволь вытряхнуть изъ башки всякія идеи!

— Т.-е. какъ это? Не думать?

— Да! Не думать, коли на то пошло... Зуди, старайся стипендію получить!.. Пора перестать жилы изъ родителей тянуть... Когда получишь дипломъ,—думай, сколько тебѣ заблагоразсудится, а покуда студентъ,— тише травы, ниже воды... Слышишь? Смир-р-но!!

Папа такъ громко закричалъ: „смирно!“ какъ кричатъ только на смотрахъ офицеры, командуя солдатами.

На этотъ дикій крикъ прибѣжала мама, испуганная за маленькую сестренку, и начала усовѣщевать отца. Кое-какъ ей удалось увести его въ спальню. Онъ улегся, но долго еще въ тишинѣ ночи бранилъ идеи:

— У меня, братъ, всѣ эти прокламаціи—къ чорту! Выдеру, какъ сидорову козу!.. Идеи! болванъ!

— Спи, пожалуйста!

— А ты не потворствуй! Онъ и сейчасъ уже начинаетъ грубить старшимъ... „Гдѣ такой факультетъ?“ Да какъ же ты, прохвостъ, смѣешь такъ спрашивать?..

— Спи, ради Бога!..

Я сидѣлъ въ темномъ залѣ и печально прислушивался...

И мнѣ было грустно, обидно и хотѣлось разрыдаться...

Чего всѣ они хотятъ отъ меня?.. Мнѣ стало жаль себя и жаль еще чего-то, что мнѣ было такъ близко и дорого и надъ чѣмъ такъ грубо и безжалостно смѣялись всѣ они...

Я смахнулъ рукою съ рѣсницъ своихъ слезы, всталъ съ кресла и ушелъ отъ всѣхъ ихъ въ садъ...

Ярко блестѣли въ небесной синевѣ звѣзды. Лунный свѣтъ скользилъ по деревьямъ сада и, пробиваясь чрезъ листву, дрожалъ на дорожкахъ, играя съ пугливыми тѣнями.. Мирно дремали стройныя, высокія березы, бѣлѣя въ разстилавшемся по землѣ сумракѣ своими стволами; плотными стѣнами стояли кусты сиреневыхъ зарослей и аллейки акацій: цвѣты, поднимая свои головки, прислушивались къ чему-то и дышали нѣжнымъ благоуханіемъ... Было такъ тихо, спокойно, торжественно... Въ загадочной тишинѣ величавой ночи, полной луннаго свѣта и звѣзднаго сіянія, казалось, совершалось какое-то таинство, непостижимое для человѣка, съ его маленькими, ничтожными заботами и коротенькой жизнью...

Я словно вырвался изъ тѣсной тюрьмы, гдѣ было такъ душно, душно... Грудь жадно впивала прохладу ароматной весенней ночи и дышала легко и свободно. Я долго смотрѣлъ въ бездонную глубь небесъ, гдѣ мерцали, то загасая, то вспыхивая, звѣзды, и не могъ оторваться... Что-то притягивало меня къ этимъ далекимъ невѣдомымъ звѣзднымъ мірамъ, къ тайнѣ, крывшейся въ ихъ робкомъ мерцаніи и въ этомъ грустномъ лунномъ свѣтѣ, заливающемъ землю...

И я пересталъ сердиться на отца... Обида потухла и самолюбіе смирилось... Мнѣ жалко стало папу, и жаль

бѣдную маму, и жаль всѣхъ людей... Зачѣмъ они враждуютъ, зачѣмъ не любятъ другъ друга, какъ братья, какъ дѣти одного отца, который бросилъ на это глубокое синее небо миріады звѣздъ?..

Когда я возвратился домой,—всѣ уже спали. Тихо, на цыпочкахъ, прошелъ я черезъ столовую въ залъ, казавшійся теперь какимъ-то пустыннымъ и загадочнымъ... Въ большія окна его смотрѣла лунная звѣздная ночь; на полу тянулись голубоватыя полосы луннаго свѣта, а подъ потолкомъ, по угламъ прятались тѣни... Осторожно отворивъ тяжелую дверь, я вышелъ на балконъ...

Спитъ городъ, облитый луннымъ свѣтомъ... Вонъ соборъ пятиглавый, вонъ полицейская каланча, а вонъ —университетъ... Массивныя зданія его гордо высятся надъ всѣми ближайшими домами; стѣны и колонны кажутся бѣлоснѣжными, на длинной вереницѣ оконъ играетъ лунный отблескъ... Цѣлый замокъ, загадочный для меня замокъ, полный чудесъ науки, живущій какой-то невѣдомой для меня новой жизнью, жизнью полной интереса и значенія...

Скоро, скоро ты, чудесный замокъ, отворишь предо мною свои двери и примешь меня въ число твоихъ юныхъ питомцевъ, скоро ты раскроешь предо мною свою тайну и разрѣшишь все, что теперь кажется мнѣ непонятнымъ и непостижимымъ... Ключъ къ твоимъ дверямъ у меня въ карманѣ: это —„аттестатъ зрѣлости“...

Студентъ!.. Да неужели я, Егоръ Подгибаловъ, студентъ?! Развѣ такіе бываютъ студенты?..

И сердце снова запрыгало и застучало въ груди моей, и снова мнѣ захотѣлось смѣяться, пѣть, расцѣловать весь міръ...

„ПРОГРЕССЪ“.

— А что, Павелъ Васильичъ, почему бы и намъ чего-нибудь не выставить?

— Какъ то-есть?..

— Да очень просто: выставочку устроить, хоть небольшую... Все-таки и мы не лыкомъ шиты... Не слѣдуетъ отставать...

— Научно-промышленную? — съ оттѣнкомъ ироніи спросилъ Павелъ Васильевичъ.

— Нѣтъ-съ... Какая тамъ наука-съ!.. Сельско-хозяйственную... Губернія помѣщичья, есть все-таки и образцовыя хозяйства... У васъ, напримѣръ... А, главное, чѣмъ же нибудь надо о себѣ заявлять? Этакъ мы вѣкъ въ загонѣ останемся... Люди хлопочутъ, у людей— желѣзныя дороги и всякій прогрессъ, а у насъ какъ было при Горохѣ, такъ и сейчасъ... Я вотъ третье четырехлѣтіе головой состою, а никакого прогресса не вижу... А почему? Поѣхалъ хлопотать... Представляюсь: градской, говорю, голова города Трущобинска... А на меня смотрятъ, глаза разинули, словно никогда и города-то такого не знали... Вѣточку, говорю, намъ желательно бы.!. Пріобщиться къ прогрессу... А они: какая тамъ вѣточка? Зачѣмъ?.. Нечего вамъ возить... А почему?.. Сидимъ—и о насъ ни слуху, ни духу!..

— Да...—задумчиво, выпуская изъ-подъ усовъ табачный дымокъ, произнесъ Павелъ Васильевичъ. —

Наши хлопоты о подъѣздной вѣточкѣ не выгорѣли... Носъ!..

— А вамъ не дурно бы?.. а?.. Ваше имѣньице какъ разъ возлѣ вѣточки было бы... Сѣлъ, динь-динь-динь!.. тррр... и пошла, пошла!.. Черезъ два-три часа дома, у законной супруги-съ!.. Хе-хе-хе!..

— Гм... да-а...

— Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ-съ, Павелъ Васильевичъ... Самимъ надо стараться... Такъ же и прогрессъ-съ!.. Его за хвостъ надо поймать, да еще стараться не выпустить! Хе-хе-хе!..

„Градской голова“ хлопнулъ предсѣдателя земской управы по колѣнкѣ и засмѣялся тѣмъ сытымъ смѣхомъ самодовольства и самоувѣренности, какимъ хохочутъ плутоватые пузатенькіе купчики...

Собесѣдники сидѣли въ укромномъ уголкѣ общественнаго сада, вблизи шумнаго, ярко освѣщеннаго вокзала, утопавшаго въ зелени и казавшагося теперь какимъ-то сказочнымъ фантастическимъ замкомъ, храмомъ Вакха... Смѣхъ, говоръ, бряканье билліардныхъ шаровъ, хлопанье пробокъ, лязгъ ножей, звонъ посуды, оркестріонъ,—какая-то дикая оргія звуковъ вырывалась изъ раскрытыхъ, ослѣпительно яркихъ въ темнотѣ ночи оконъ вокзала...

Густая заросль акацій скрывала одинокій зеленый столикъ со скамеечкой. Здѣсь при розовомъ фонарикѣ, въ компаніи съ бутылкою портвейна, обоимъ собесѣдникамъ чувствовалось хорошо, свободно и уютно... Любопытный глазъ публики не проникалъ чрезъ густую стѣну акацій, а между тѣмъ здѣсь прекрасно былъ слышенъ оркестръ военной музыки, черезъ каждые полчаса наигрывавшій польки, вальсы и отрывки изъ „Жизни за царя“...

— А вы думали, прогрессъ-то самъ вамъ въ ротъ полѣзетъ?.. Дудки-съ!.. А вотъ устроимъ выставочку, а тамъ ночлежный домикъ-съ... Вы вотъ уже завели агро-

номовъ... Сколько про васъ писали?!. И пусть пишутъ... Пусть знаютъ, видятъ, помнятъ!!.

— Земство стѣснено... Сами знаете, какъ отразились на нашемъ бюджетѣ всѣ эти недороды, безкормицы...

— Пустяки!.. Богъ дастъ день, дастъ и деньги... Хе-хе-хе!.. Вамъ прикажете?

— Наливайте!..

Чокнувшись, собесѣдники отхлебнули по глотку винца и посмаковали его...

— Какъ будто немного кисловато?

— Да... есть... Окупится, Павелъ Васильевичъ!.. Городъ отъ себя дастъ тысченокъ пятнадцать-двадцать... За городъ я ручаюсь!.. Ну, земство — тысячъ пять... Вотъ и будетъ. Сборъ съ экспонентовъ, съ входныхъ билетовъ... Можно ресторанчикъ этакій уютный, веселенькій устроить... Хе-хе-хе!..

Трудно сказать, что заставляло купца Кленова такъ страстно желать выставки, но мысль о ней неотступно преслѣдовала его съ тѣхъ поръ, какъ онъ проѣздомъ побывалъ на выставкѣ въ городѣ Орлѣ. Очень можетъ быть, что Кленову хотѣлось славы, популярности, хотѣлось пофигурировать въ печати въ качествѣ „просвѣщеннаго дѣятеля", а можетъ быть, имъ дѣйствительно руководило желаніе принести благо городу косвеннымъ путемъ, путемъ „напоминаній" о себѣ... Какъ бы то ни было, а Кленовъ, какъ говорится, спалъ и видѣлъ выставку и рѣшительно изводилъ этой выставкой свою жену.

— А ты что, Ѳекла Степанидовна, выставишь?

— Будетъ тебѣ, охальникъ! Постыдись!.. Какая я тебѣ Степанидовна?..

— Возьму это я тебя подъ ручку и — на выставку! На другой день въ газетѣ: „Вчера изволили посѣтить выставку нашъ уважаемый градской голова съ законной супругою своей..."

— А тебѣ и любо?..

— Подойдетъ это губернаторъ... Подъ козырекъ сдѣлаетъ... На мнѣ, конечно, цѣпь... Онъ честь не мнѣ, а знаку дѣлаетъ. Само собой, и я тоже:—„мое почтеніе!“

На сей разъ Никанору Ивановичу подвернулся предсѣдатель управы, и онъ, вмѣсто супруги, изводилъ выставкой предсѣдателя... Собесѣдники уже покончили съ бутылкой вина за разговорами о выставкѣ, но Никаноръ Иванычъ, не желая отпускать своей жертвы, потребовалъ новую бутылку...

— Постой, поговоримъ! – удерживалъ онъ собесѣдника, захмелѣвъ и незамѣтно переходя на „ты“.

Предсѣдатель, улучивъ минутку, сбѣжалъ.

„Градской голова“, пошатываясь, поплелся вдоль главной аллеи. Здѣсь онъ поймалъ репортера мѣстнаго „Листка“, фамильярно подхватилъ его подъ руку и повлекъ въ кусты акаціи.

— Хоть вы, дьяволы, только и знаете, что ругаетесь, а все-таки я печать уважаю и всегда готовъ...

— Я, Никаноръ Ивановичъ, съ дамами... Виноватъ!—попробовалъ отвертѣться репортеръ.

— Постой!.. Дѣло, значитъ, есть!.. Бабы не уйдутъ, всегда при тебѣ останутся...

Репортеръ печально шелъ за головой, но когда тотъ потянулъ его съ аллеи въ кусты, — инстинктивно отшатнулся и попятился:

— Куда же вы тащите?

— Да постой!.. Думаешь, бить буду? Нѣтъ... Я не такой... Пиши, пожалуйста, ругайся сколько влѣзетъ, я жаловаться по начальствамъ не полѣзу... Я печать все-таки уважаю...

— Садись! — тономъ безапелляціоннаго приказанія произнесъ голова, ткнувъ сотрудника мѣстной газетки на ту же самую лавочку, съ которой сбѣжалъ недавно предсѣдатель управы.

Затѣмъ голова налилъ въ стаканчики вина и произнесъ:

— Скажи: „слава Богу!“

— Почему это?

— Заработокъ тебѣ будетъ... Вотъ ужъ попишешь всласть!.. отведешь душу... Теперь каждый день въ управу бѣгаешь да спрашиваешь: „что новаго?“ — а тогда, братъ, только писать поспѣвай!..

— Да что такое?

— Ну, выпьемъ спервоначалу!.. Будь здоровъ! Пиши, старайся, а ужъ мы тебя не забудемъ!..

Голова чокнулся съ репортеромъ и залпомъ выпилъ стаканчикъ.

Выпилъ и сотрудникъ.

— Какъ вы, газетчики, полагаете: выставка—полезная вещь?

— Еще бы!.. Конечно!..

— Ругать того человѣка, который устроитъ эту самую вещь, можно?..

— Зачѣмъ же ругать непремѣнно?..

— Вотъ то-то и оно-то!..

— А что?

— Будетъ выставка!.. Вотъ тебѣ моя рука! Не быть мнѣ головой, если...

— Что же, прекрасно...

— Да ты что мнѣ говоришь: „прекра-а-асно!“ Ты скажи: поддержитъ меня газета? Али тоже кастерить будетъ?.. На васъ не угодишь...

— Нашъ органъ всякое хорошее, доброе дѣло поддерживаетъ... Не людей, а дѣло...

— А ты будешь канитель-то разводить! Дѣло! Само, что ли, дѣло-то сдѣлается? Чай, люди же его будутъ дѣлать?

— Конечно, люди... гм...

— Давай руку!.. Хоть вы и лаетесь, а я для города всей душой... Мнѣ ничего не надо! Я и отъ жалованья, братъ, если захочу,—откажусь... Вотъ что! Я для прогресса всегда готовъ...

Дня черезъ два послѣ описаннаго вечера въ мѣстномъ „Листкѣ“ появилась первая замѣтка о предстоящей въ Трущобинскѣ сельско-хозяйственной выставкѣ: „Мы слышали изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, что нашъ уважаемый городской голова Н. И. Кленовъ явился иниціаторомъ въ дѣлѣ устройства въ г. Трущобинскѣ первой сельско-хозяйственной выставки. Завтра поговоримъ подробнѣе объ этомъ въ высшей степени симпатичномъ и полезномъ для края предпріятіи, дѣлающемъ честь нашему „отцу города“, а пока скажемъ только: „въ добрый путь!“ Эта замѣтка такъ подбодрила голову, что онъ сейчасъ же послалъ за секретаремъ управы „Платонычемъ“, — какъ всѣ называли его за глаза,—и приступилъ къ дѣлу:

— Надо, Максимъ Платонычъ, докладецъ составить о выставкѣ... Только жалостнѣе, чтобы гласные не упирались... Чтобы вся польза отъ выставки налицо была... А то народъ прижимистый... Двадцать тысячъ просить надо...

— Можно...

— Сможешь ли?.. А то попроси-ка газетчика, который къ намъ за справками ходитъ... Онъ здорово, складно пишетъ. Я могу заплатить,—дѣло полезное...

— Самъ справлюсь...

— Нѣтъ, позови, братецъ!.. Онъ собаку на этомъ съѣлъ... Противъ него не сможешь...

Затѣмъ голова объѣхалъ всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ гласныхъ и заручился ихъ полнымъ согласіемъ вотировать за выставку, что было, впрочемъ, совсѣмъ не трудно, такъ какъ каждый изъ этихъ гласныхъ имѣлъ что выставить...

Цѣлый годъ г. Трущобинскъ готовился къ открытію выставки... Разговоры частные и общественные, рѣчи съ безчисленнымъ количествомъ словъ: прогрессъ, куль-

тура, цивилизація, благо народа и т. д., цѣлый рядъ статей въ „Листкѣ“ съ эпиграфомъ:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное!“

Всѣ говорили, читали и писали о томъ великомъ общественномъ значеніи, которое имѣютъ всѣ выставки вообще и какое предстоящая трущобинская будетъ имѣть въ особенности... Дѣльцы набили языки, повторяя заученныя фразы объ общественной роли выставки, ея умственномъ и нравственномъ значеніи для цѣлой области, вліяніи на самосознаніе ея жителей и т. д.

Слушая всѣ эти толки, можно было подумать, что предстоящая въ Трущобинскѣ выставка облагодѣтельствуетъ цѣлый край, а мужики этого края сразу поумнѣютъ, будутъ высоконравственными, перестанутъ бить своихъ бабъ, не станутъ ходить въ кабаки, всѣ разбогатѣютъ и станутъ исправными „плательщиками“... Да и какъ же иначе? на выставкѣ можно было узнать, что пахать слѣдуетъ вовсе не двурогой деревянной сохою, а желѣзнымъ плугомъ; что вмѣсто того, чтобы сыпать хлѣбъ на землю при жнитвѣ, гнуть въ дугу спины и тратить такъ много времени попусту,—можно употреблять въ дѣло жнею: она чисто сожнетъ, и въ снопы свяжетъ и зерна не выльетъ... Здѣсь можно было узнать, что худыя съ поджарыми боками и обглоданными хвостами коровы и лошади — хуже породистыхъ тирольскихъ коровъ и заводскихъ жеребцовъ... Вообще, здѣсь было можно многое увидѣть, узнать и очень многому поучиться...

Послѣ годовой подготовки выставка отпраздновала торжество своего открытія...

Это былъ,—выражаясь языкомъ мѣстнаго „Листка“,— „мѣстный праздникъ въ честь человѣческаго ума, такъ успѣшно расширяющаго свое могущество надъ непокорными силами природы и ея враждебныхъ человѣку стихій“...

Различные „успѣхи“ въ различныхъ отрасляхъ хозяйства и промышленности, прогрессы и прогрессики всяческихъ сортовъ переполняли всѣ уголки красивыхъ выставочныхъ павильоновъ и витринъ... Тутъ была и новоизобрѣтенная машина, которая сама сѣяла, сама жала, молотила и чуть-чуть только не пекла хлѣбныхъ караваевъ, тутъ были и усовершенствованныя породы крупнаго и мелкаго домашняго скота: свинья необъятныхъ размѣровъ, еле-еле волочащая свою жирную тушу, гордый величественный рысакъ и тучная корова; были сѣмена хлѣбныхъ породъ: американскій овесъ, царская рожь, королевскій ячмень и т. д.

Отслужили благодарственный Господу Богу молебенъ, и разноцвѣтные флаги взвились на высокихъ жердяхъ надъ павильонами. Какой-то членъ выставочной комиссіи произнесъ подобающую случаю рѣчь, которая тянулась около двухъ часовъ времени и утомила всѣхъ присутствовавшихъ до головной боли. Въ этой рѣчи ораторъ, главнымъ образомъ, указывалъ на значеніе совершающагося событія въ экономической жизни края и всѣхъ его жителей...

Затѣмъ грянулъ оркестръ военной музыки, и наступило общее ликованіе.

Задолго до открытія въ г. Трущобинскѣ выставки староста села „Подгорное“, Миронъ Матвѣевъ, по распоряженію волостного писаря, созвалъ сходъ. Время было рабочее, горячее, поэтому согнать народъ было не легко...

Миронъ ходилъ по дворамъ и постукивалъ подожкомъ въ оконницы:

— Эй! Григорій! Кто дома есть?...

Поднимается оконница и выставляется по поясъ мальчуганъ лѣтъ восьми:

— Тятьки нѣту-ти, дяденька... На полѣ...

— Обѣдъ понесешь ему?

— Понесу... Скоро побѣгу: ты гляди, гдѣ солнышко-то?!.

— Накажи отцу, чтобы на сходъ утресь приходилъ, чтобы не уходилъ на поле! Изъ губерніи, скажи, такая бумага пришла насчетъ нашего брата... Очenно важное, скажи, дѣло.

— Ладно, скажу...

— Мотри не забудь! Такъ и скажи: бумага пришла... изъ губерніи...

Оконница захлопывалась, а Миронъ шелъ дальше.

— Эй! Кто есть?..

— Чаго тебѣ?—отвѣчаетъ чей-то больной, недовольный голосъ...

— Отворь! Надо!

Изъ окна выставляется рѣденькая бороденка клинышкомъ.

— А, ты, Кузьма, дома?..

— Дома, Миронъ Матвѣичъ... Лихоманка замучила... Измаялся...

— Вотъ что, Кузьма: на сходъ надо завтра!..

— А что?..

— Изъ губерніи бумага пришла... Писарь читалъ ее,—только я что-то не совсѣмъ раскумекалъ... Какая-то поблажка намъ...

— Дай Богъ!

— Такъ приходи завтра утресь!..

— Какъ-нибудь приплетусь... Можетъ, полегче станетъ, отпуститъ...

Такъ Миронъ обошелъ всѣ порядки и вездѣ сообщилъ о бумагѣ изъ губерніи.

Вѣсть объ этой бумагѣ изъ села пошла гулять по полямъ.

На другой день большинство подгорновцевъ были дома и съ ранняго утра толкались на улицахъ, разсуждая о „бумагѣ изъ губерніи“. Насчетъ значенія

послѣдней дѣлались самыя невѣроятныя предположенія.

— Поблажка сказываютъ... Сѣмянъ, баютъ, выдадутъ и протчее.

— Нѣтъ, для че сѣмянъ?! Чай, я слышалъ, какъ писарь съ урядникомъ говорили... Насчетъ скотины чего-то. Видно, выдавать скотину хотятъ...

— Это ужъ на что лучше бы! Каку бы нибудь кляченку мнѣ выдали!.. Эхъ! мнѣ никакъ невозможно...

— На сходъ!..— закричалъ Миронъ, выйдя на крыльцо сборной избы.

Подгорновцы галопомъ поскакали туда и сбились въ стадо густой массою...

Изъ избы вышелъ урядникъ. Мужики скинули шапки.

Урядникъ властнымъ окомъ окинулъ собраніе, крякнулъ и началъ читать бумагу. Подгорновцы съ напряженнымъ вниманіемъ слушали эту завѣтную бумагу, боясь пропустить мимо ушей хоть одно слово ея...

Въ бумагѣ предписывалось объявить по волости, что такого-то числа, мѣсяца и года въ Трущобинскѣ открывается выставка; далѣе въ пятидесяти словахъ выяснялось великое значеніе этой выставки для всего края, затѣмъ приглашались въ качествѣ экспонентовъ желающіе кустари-крестьяне...

Чтеніе окончилось, а подгорновцы стояли молча, съ разинутыми ртами и пожирали глазами урядника... Ничего изъ этой бумаги они не поняли; уразумѣли только отдѣльныя слова и выраженія: „сельское хозяйство", „рогатый скотъ", „улучшенныя породы зернового хлѣба", „выгоды", „награды".

— Поняли?—прикрикнулъ урядникъ.

Всѣ молчали. Одни почесывали въ затылкахъ, другіе довольно улыбались и поглаживали свои бороды, третьи— стояли съ устремленными въ землю взорами.

— Поняли? Ну, ты, лысый?.. Понялъ?..

— Мы что же... Какъ міръ... Міръ спроси!..

— Да ты-то понялъ?..

— Я-то?.. знамо понялъ... Только что же я? Другихъ спрашивай!

Урядникъ плюнулъ и началъ объяснять:

— Открывается выставка, черти сиволапые... Выставятъ всякую тебѣ штуку: машину, скотину, сѣмена, рожь тамъ, овесъ... и протчее... того... какъ приказано... Теперь— кустари... Гм... Кто у васъ кустарь?.. Выходи впередъ!..

Всѣ стояли молча, переглядываясь другъ съ другомъ.

— Ты, Рябой, вѣдь этимъ дѣломъ займашься?— спросилъ, наконецъ, одинъ изъ мужиковъ своего сосѣда, ткнувъ его кулакомъ подъ бокъ.

— Я-то?..

— Ты кусты сажалъ.

— Разсадилъ дѣвствительно... Хочу садикъ развести.

Рябой выдвинулся впередъ, но принялъ такую позу, словно стоялъ наготовѣ и при малѣйшей опасности намѣревался юркнуть въ толпу.

— Еще кто? Есть? Выходите!..—командовалъ урядникъ.

Но больше никто не вышелъ.

— Ты кустарь?—спросилъ урядникъ Рябого.

— Немного баловался...

— Чѣмъ?

— Кусточки люблю, садикъ хочу развести...

Урядникъ нахмурился...

— А больше никого нѣтъ?

— Нѣту-ти, ваше благородіе, больше.

— Никого... одинъ—Рябой!..

— Ну, одного нечего и считать... Не стоитъ,—тихо замѣтилъ урядникъ и громко добавилъ:

— Такъ вотъ, о всемъ вышеизложенномъ я вамъ и объявляю для свѣдѣнія и руководства... Больше ничего! Можете расходиться!..

И, еще разъ строго-начальнически оглядѣвъ толпу, урядникъ ушелъ въ избу, а подгорновцы все еще про-

должали стоять въ какомъ-то оцѣпенѣніи... Среди нихъ поднялся вдругъ невообразимый хаосъ: всѣ заговорили разомъ... Нѣкоторые такъ просто горланили, ни къ кому не обращаясь, другіе успѣли уже вступить въ споръ и ругань.

— Будетъ галдѣть!.. Сказано — расходиться! — сердито закричалъ урядникъ черезъ раскрытое окно.

Толпа стала разбредаться, переругиваясь на ходу...

Цѣлый день подгорновцы волновались и спорили о томъ, принесетъ ли прочитанная бумага убытокъ міру или ее надо считать за поблажку.

Миронъ, со словъ урядника, къ которому его посылало „обчество“, объяснилъ, что никакого вреда отъ бумаги не будетъ, какъ не будетъ и никакихъ поблажекъ; объяснилъ, что „все это только такъ, одна, значитъ, прокламація, и больше ничего,—приказано объявить, и все тутъ!“

Но старики думали про себя, что тутъ что-то не такъ, въ ихъ сѣдыя головы закралось смутное подозрѣніе... Старики ворчали и недовольно сплевывали въ сторону:

— Гумага... Ты пойми ее, эту гумагу,—вотъ оно что! Для чего-нибудь да прислано же... Не зря же?

— Это вѣрно... Зачѣмъ зря гумагу марать?!. Тоже приказано объявить... А если приказано, значитъ есть въ ей, въ гумагѣ-то, что-нибудь...

Дѣло дошло до того, что и самъ Миронъ началъ сомнѣваться и подозрѣвать, что урядникъ „что-нибудь не такъ“...

Прошло около мѣсяца, а подгорновцы все еще не могли успокоиться...

Между тѣмъ въ Трущобинскѣ открылась выставка, и въ село Подгорное стали доноситься о ней смутные толки. Ѣздившая въ городъ заштатная престарѣлая просвирня наговорила дома цѣлую кучу небылицъ, которыя окончательно взбаламутили подгорновцевъ. Опять стали толковать о томъ, какъ бы не проворонить по-

блажку, что̀ приказано объявить,—значитъ, есть къ тому причина, что не будутъ зря бумагу марать и т. д.

Подгорновцы рѣшили послать въ городъ ходока, поручивши ему разслѣдовать дѣло обстоятельно, поразспрошать начальство, что̀ и какъ, куда слѣдуетъ прошеніе подавать о сѣменахъ и куда о скотинѣ, гдѣ награду получить, а также и „о протчемъ“... Потому не спроста это...

Выборъ палъ на старика Назара Петрова, человѣка бывалаго и надежнаго... Собрали съ міру десять цѣлковыхъ и отправили Назара въ городъ.

Назаръ вздѣлъ на плечи котомку, привязалъ на подожокъ лапотки, попрощался съ односельцами и, помолившись на храмъ Божій, двинулся:

— Счастливо!..

— Постарайся!..

— Будемъ стараться... Господь милостивъ...

Человѣкъ онъ былъ толковый, въ городѣ бывалъ нѣсколько разъ; поэтому Назару не пришлось блуждать здѣсь какъ въ лѣсу.

Переночевавъ въ ночлежномъ домѣ, Назаръ умылся, причесался, помолился и отправился по начальству. Назаръ довѣрялъ только самому „первому начальству“,— поэтому онъ махнулъ прямо къ губернатору.

— Ты куда лѣзешь?—встрѣтилъ его у дверей параднаго подъѣзда полицейскій.

— Сами у себя будутъ?

— Кто?

— Губернаторъ!..

— А что?

— Надо покалякать!—нахмуривъ сѣдыя брови, отвѣтилъ Назаръ.

Какъ ни протестовалъ полицейскій, Назаръ взялъ свое и добился личнаго свиданія... Объясненіе было краткое, выразительное, не допускающее превратныхъ толкованій... Оказалось, урядникъ говорилъ правильно,

что все это такъ и что ждать ни дурного, ни хорошаго не приходится...

Время шло подъ вечеръ. Назаръ рѣшилъ переночевать, а завтра чуть-свѣтъ двинуться въ обратный путь. Оставалось нѣсколько часовъ времени, которое было некуда дѣвать. Поэтому Назаръ и надумалъ посмотрѣть, что это за штука—выставка?..

Добрался Назаръ до громадной городской площади, гдѣ высились красивыя выставочныя зданія съ развѣвавшимися на вершинахъ флагами...

Музыка гудѣла съ страшнымъ воодушевленіемъ, всѣхъ болѣе горячился турецкій барабанъ...

„Экъ его бухаетъ какъ здорово!..“—подумалъ Назаръ про барабанъ...

Около входа, разукрашеннаго прекрасными тріумфальными воротами, толкалась масса горожанъ... Около маленькаго окошечка кассы происходила страшная давка... Въ воздухѣ мелькали руки, зонтики, шляпы...

Назаръ не струсилъ:

— А мы нешто не люди?.. Надо посмотрѣть.

Онъ безцеремонно растолкалъ локтями публику, протерся къ тріумфальнымъ воротамъ и смѣло двинулся дальше.

— Билетъ вашъ?

— Билетъ?.. Можно... Вотъ онъ, изволь-смотри!

Назаръ полѣзъ за пазуху и вытащилъ грязный засаленный паспортъ.

— Не этотъ билетъ, а для входа... Надо сперва деньги за входъ заплатить!..

— Деньги!.. А много ль?

— Двадцать копѣекъ!..

— Ну, такъ я лучше ужо! Лишнихъ денегъ, голубчикъ, нѣтъ...

Назаръ протискался обратно. Онъ скоро сообразилъ,

что можно посмотрѣть и не plативши двугривеннаго... Забравшись на зады одной изъ построекъ, онъ приложился глазомъ къ дырѣ, образовавшейся въ доскѣ отъ выпавшаго сучка, и сталъ разсматривать.

Передъ его взорами открывался не особенно привлекательный видъ.

Назаръ усмотрѣлъ часть хлѣвушка и сидѣвшихъ въ немъ свиней... Неудобство наблюденій черезъ дырочку не позволяло ему видѣть животныхъ во всей ихъ красѣ, и Назаръ обозрѣвалъ ихъ по частямъ: то промелькнетъ передъ его глазомъ свиной задъ съ маленькимъ хвостикомъ-закорючкой, то ухо съ мордой „пятачкомъ“, то двѣ ноги... Тѣмъ не менѣе, Назаръ составилъ въ своемъ воображеніи полный рисунокъ свиньи.

— Ну, и боровъ!..--время отъ времени шептали губы Назара, и онъ никакъ не могъ оторваться отъ дыры...

Наконецъ, будочникъ далъ Назару по шеѣ, и онъ вспомнилъ, что пора идти на ночевку...

— Пошелъ! Морду набью!—прикрикнулъ на него будочникъ.

— Ну, и боровъ!..—сказалъ ему Назаръ...

Во снѣ Назару снился все тотъ же боровъ. Нѣсколько разъ Назаръ просыпался и сердито отплевывался:

— Фу, ты, Боже мой!.. Такъ въ глаза и лѣзетъ, окаянный!

Назаръ крестился и опять засыпалъ, но боровъ снова являлся во снѣ, принимая все болѣе и болѣе необъятные размѣры...

Какъ только по селу пошла вѣсть, что Назаръ изъ города воротился, къ его избѣ стали подходить группы односельчанъ.

— Что, Назаръ, какъ наши дѣла?

— Зря ходилъ... Урядникъ правильно говорилъ. Такъ, для проформы...

— Самъ губернаторъ баилъ?

— Самъ... Я его вотъ какъ видѣлъ: вплоть!

Подгорновцы печально опустили головы и вздыхали. А когда они спрашивали, что дѣлается въ городѣ и что за штука эта выставка, Назаръ одушевлялся и начиналъ разсказывать:

— Борова, напримѣръ, показываютъ... Ну, дьяволъ его заѣшь, сколь годовъ на свѣтѣ живу, а такого лѣшаго не видывалъ!.. Право!.. Тамъ, значитъ, музыка гудетъ, развлекаются... Ну, и боровъ! Ахъ ты, окаянная сила!..

— А насчетъ наградъ какъ же?

— Каки награды!.. Спрашивалъ я... Вотъ этому самому борову, дьяволъ его задави, и дадутъ, баютъ, награду!..

— Ну? Что городишь!!.

— Кто ихъ знаетъ: мнѣ такъ въ городу сказывали... Борову... этому самому... золоту медаль, баютъ... Ахъ, ѣшь ихъ мухи съ комарами!..

И всѣ покатывались со смѣху, несмотря на горькое разочарованіе...

А Назаръ, разсказывая о выставкѣ, всегда сбивался на борова... Выставка и боровъ въ его представленіи, а затѣмъ и въ представленіи всѣхъ подгорновцевъ, слились въ одно цѣлое, нераздѣльное...

Конецъ.

Дозв. ценз. Спб., 22 Августа 1903 г. Типографія Н. Н. **Клобунова**. Пряжка, 3—1

